

Кэтрин Скотт-Кларк
Эдриан Леви

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР

ЯНТАРНАЯ КОМНАТА

Тайная
история
величайшей
мистификации
XX ВЕКА

СЕНСАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ
ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЗНАМЕНИТОГО
ШЕДЕВРА

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР**

Кэтрин Скотт-Кларк

Эдриан Леви

ЯНТАРНАЯ КОМНАТА

Тайная
история
величайшей
мистификации
XX века

МОСКВА

«ЭКСМО»

2006

Catherine Scott-Clark & Adrian Levy

THE AMBER ROOM

The Untold Story of the Greatest Hoax of the Twentieth Century

Перевод с английского *Юрия Гольдберга*

Оформление переплета *Евгения Савченко*

Скотт-Кларк К., Леви Э.

С 44 Янтарная комната. Тайная история величайшей мистификации XX века / Кэтрин Скотт-Кларк, Эдриан Леви; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. — М.: Эксмо, 2006. — 416 с.: ил.

ISBN 5-699-15609-7

Загадка местонахождения знаменитой Янтарной комнаты, одного из величайших произведений мирового искусства, входит в число наиболее жгучих тайн XX века и до сих пор волнует множество людей в разных странах. Утраченный шедевр немецких мастеров, переданный Петру I в качестве дипломатического подарка королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом I и вывезенный во время Второй мировой войны в Германию гитлеровскими войсками, в настоящее время является козырной картой в переговорах между Россией и Германией о взаимной реституции художественных ценностей.

Кэтрин Скотт-Кларк и Эдриан Леви, опытные специалисты в области журналистских расследований, попытались составить полную картину того, что произошло с Янтарной комнатой. Результатом стала сенсационная гипотеза о ее судьбе, в корне отличающаяся от версии, которой придерживаются мировые официальные источники. При подготовке книги авторы использовали документы, которые им удалось разыскать в российских архивах, в частности, дневник бывшего хранителя Летнего дворца в Пушкине и советского куратора поисков Янтарной комнаты Анатолия Кучумова, а также свидетельства очевидцев и участников штурма Кёнигсбергского замка в 1945 году. Основываясь на собранных фактах, британские исследователи утверждают, что именно им удалось раскрыть тайну янтарного шедевра весом в 450 килограммов, который, по экспертным оценкам, стоит сейчас в 12 раз дороже такого же количества золота.

УДК 930-85
ББК 63.3-7

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*. Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*. Корректор *Н. Хаустова*

© Catherine Scott-Clark and Adrian Levy 2004.
This edition published by arrangement with Atlantic Books and Synopsis Literary Agency
© Перевод. Ю. Гольдберг, 2005
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-15609-7

Выражение признательности

В условиях жесткого сопротивления бюрократии, дальних переездов, минусовых температур и многих других трудностей группа преданных своему делу российских музейных работников, ветеранов Красной Армии, ученых, а также друзья и члены семьи помогли нам сохранить рассудок и закончить эту книгу.

Галя и Коля, Вова и Таня из Санкт-Петербурга внесли огромный вклад в нашу работу в России. Возможно, они не со всем согласятся, или не все в книге им понравится, но мы надеемся, что еще встретимся с ними за столом, уставленным маринованными грибочками.

Владимир Телемаков, любезно предоставивший нам свою рукопись, так и не нашедшую издателя, поразил нас великолепной памятью и любовью к русской культуре. Знакомая, работающая в Эрмитаже, подыскала нам жилье, и мы приносим ей свои извинения за тот ужас, который у нас вызвала ее квартира.

Представители дружного сообщества музейных работников Санкт-Петербурга и Царского Села, в том числе Валерия Билянина, Альбина Васильева и Альбина Алая (**Alaya**), провели с нами много часов, делясь воспоминаниями о прошлом, а также искали журналы, книги и адреса. Надежда Воронова предоставила нам семейные фотографии и много рассказывала о своем отце М.Г. Воронове и его коллеге Анатолии Кучумове. Внучка Кучумова Вика Плауда (**Plauda**) поделилась воспоминаниями о своем дедушке. Александр Кедринский откровенно беседовал с нами в течение нескольких дней, и хотя ему будет трудно согласиться с нашими выводами, возможно, он все-таки признает их обоснованность. Алекс Гузанов очень помог нам в Павловске.

Валера Куцуба объяснял смысл переписки с властями Санкт-Петербурга, в то время как Юра танцевал, а потом жарил рыбу.

Выдающийся русский ученый Екатерина Филлипс всегда была готова по телефону поделиться своими мыслями (и исполнить любую мужскую партию из «Евгения Онегина»). Директор Екатерининского дворца Иван Саутов не разрешил воспользоваться его архивом, но его отказ привел к тому, что мы нашли массу нового материала совершенно в других местах. Стюарт М. Гибсон всегда сохранял оптимизм и в нескольких случаях позволил сослаться на него.

Авенир Овсянов три десятка лет разыскивал утраченные ценности, и ему многое удалось найти — правда, не янтарную комнату. Он поделился с нами своими воспоминаниями, а также документальными свидетельствами. Мы не встречались с Константином Акиншей и Григорием Козловым, но именно они открыли для нас историю трофейных бригад. Сюзанна Масси была одним из первых американских писателей, работавших в Советском Союзе. Она оставила трогательные заметки о жизни ленинградских дворцов.

В Германии профессор Вольфганг Эйхведе пригласил нас на кофе, который перешел в обед, а в конечном итоге закончился завтраком. Дипломатические способности и любовь к своему делу позволили ему сыграть важную роль в русско-немецких переговорах. С Гюнтером Вермушем всегда было приятно общаться, и мы с удовольствием выслушивали его хорошо аргументированные теории, даже несмотря на то, что никогда не соглашались друг с другом. Знакомый из немецкого министерства иностранных дел, имя которого мы называть не будем, помогал нам советом и иногда выполнял обязанности переводчика. Герхард Эхлерт потряс нас своей удивительной работоспособностью и энциклопедическими знаниями о Штази.

Райнер Шуберт с энтузиазмом рассказывал нам о себе и помог понять, как жили люди в ГДР. Друзья из «Frankfurter Allgemeine Zeitung» снабдили нас сведениями о партийных архивах и архивах Штази. Клаус Гольдман рассказал о подоплеке истории с «Золотом Трои». Морис Филипп Реми из Мюнхена был очень приятным собеседником, сообщившим много нового о некоторых аспектах (в том числе связанных с Янтарной комнатой), которые остаются чувствительными для большинства немцев. Георг Лойе из Мюнхена является автором интересных ка-

талогов о янтаре. Гельмут Селинг из Мюнхена стал первым немцем, которого после войны пустили в тайные хранилища Кремля. Роберт Штейн согласился встретиться с нами, хотя потом пожалел об этом, и мы желаем ему удачи. Мы прекрасно провели время с бароном Эдуардом фон Фальц-Фейном, который оказался именно таким, каким мы его себе представляли, что бывает очень редко в любом возрасте. Штефан Штраус был чрезвычайно любезен и согласился встретиться с нами, хотя мы, наверное, никогда не придем к единому мнению о роли его отца во всей этой истории.

Мы выражаем признательность Фредди и Китти Либрих, которые помогали нам в Британии. Фредди перевел для нас сотни страниц из архивов Штази, а затем еще сотни других, причем после окончания работы он стал не более безумен, чем до ее начала. Китти разыскивала карты и снабжала нас ими в ходе расследования. Памела Скотт-Кларк познакомила нас с историей янтаря. Дороти Леви всегда с готовностью слушала. Особую благодарность мы хотели бы выразить нашему издателю, Тоби Манди из «Atlantic Books», который с самого начала поверил в этот проект. Его умелая и энергичная правка черновиков книги изменила их до неузнаваемости. Клара Фармер из «Atlantic Books» тоже нам очень помогла. Джордж Гибсон из американского издательства «Walker & Company» оказывал стабилизирующее воздействие на проект, и нескончаемый поток его идей существенно повлиял на окончательный вариант рукописи.

*Кэтрин Скотт-Кларк и Эдриан Леви Чианг Май,
Таиланд, январь 2004*

Персоналии

Лариса Бардовская. Будучи главным куратором Екатерининского дворца в Царском Селе в пригороде Санкт-Петербурга, Бардовская отвечала за составление официальной версии тайны Янтарной комнаты для объединенного каталога, выпущенного Министерством культуры России в 1999 году.

Профессор Александр Брюсов. Профессор археологии в Государственном историческом музее в Москве и брат Валерия Брюсова, знаменитого русского поэта-модерниста. Брюсов возглавлял первые поиски Янтарной комнаты в мае 1945 года и пришел к выводу о том, что она уничтожена.

Императрица Екатерина Вторая. Принцесса немецкого происхождения, вступившая на российский престол в 1762 году. Екатерина Великая перестроила Екатерининский дворец и значительно расширила Янтарную комнату. Гости дворца отзывались о комнате как о восьмом чуде света.

Профессор Вольфганг Эйхведе. Директор института Восточной Европы при Бременском университете. Вольфганг Эйхведе выполняет роль посредника между Германией и Россией в вопросах возвращения ценностей, украденных во время войны.

Императрица Елизавета. Дочь Петра I Елизавета взошла на российский престол в 1741 году и через два года приказала начать сборку Янтарной комнаты отца. В 1755 году Янтарную комнату перевезли из Санкт-Петербурга в Екатерининский дворец.

Пауль Энке. Агент Штази, использовавший псевдоним Пауль Келер. Энке был сотрудником Государственного управления архивами в Потсдаме и начал расследование Штази по выяснению судьбы Янтарной комнаты. В 1986 году он опубликовал книгу «Bernsteinzimmer Report», самую известную и авторитетную работу на эту тему.

Барон Эдуард. Русский эмигрант первой волны, живущий в Лихтенштейне. Фон Фальц-Фейн финансировал поиски Янтарной комнаты в Западной Германии, а также возвращение вывезенных ценностей в Россию и на Украину, где он родился. В клуб Фальц-Фейна, занимавшийся поисками Янтарной комнаты, входили Юлиан Семенов, Георг Штейн и Жорж Сименон, автор знаменитых романов о комиссаре Мегрэ.

Фридрих I. Был провозглашен королем Пруссии в 1701 году в Кенигсберге. Фридрих реализовал мечты Гогенцоллернов о превращении Пруссии в монархию и финансировал создание Янтарной комнаты.

Фридрих-Вильгельм I. Король-солдат. Фридрих-Вильгельм I был сыном Фридриха I и взшел на трон в 1713 году. Он считал Янтарную комнату слишком дорогой игрушкой и в 1716 году подарил ее царю Петру I.

Уве Гесслер. Информатор Штази в криминальной полиции ГДР. Гесслер использовался Штази для проведения перекрестных допросов свидетелей в процессе расследования судьбы Янтарной комнаты. Он изучал сверхсекретный источник информации, которому присвоили псевдоним Руди Рингель.

Отто Гротеволь. Президент Восточной Германии с 1949 по 1964 год. Гротеволь укрепил связи с Советским Союзом в период нестабильности Восточного блока. Он получил от СССР миллионы единиц немецких культурных ценностей, вывезенных Красной Армией из Германии во время Второй мировой войны.

Александр Кедринский. Один из самых известных советских архитекторов и реставраторов, Кедринский руководил проектом восстановления Янтарной комнаты, которая была вновь открыта в Екатерининском дворце 31 мая 2003 года.

Эрих Кох. Рейхскомиссар Украины и гаулейтер Восточной Пруссии. В 1945 году Кох эвакуировал в Веймар свою личную коллекцию украденных произведений искусства. Впоследствии (находясь в тюрьме в Польше) он намекал на то, что принимал участие в спасении Янтарной комнаты и ее укрытии.

Анатолий Кучумов. Один из самых известных советских музейных работников. Кучумов возглавлял расследование 1946 года, установившее, что Янтарная комната не погибла, а спрятана нацистами в одном из тайников. Его книга «Янтарная комна-

та», вышедшая в 1989 году, стала второй в ряду самых известных публикаций на эту тему.

Эрих Мильке. Министр государственной безопасности ГДР. Будучи главой Штази с 1957 по 1990 годы, Мильке очень хотел найти Янтарную комнату. Он потратил миллионы долларов на операцию «Пушкин», специальное подразделение, которое вело поиск на территории ГДР в 1980-х годах.

Мартин Мучман. Гаулейтер Саксонии, куда Янтарную комнату предположительно вывезли в последние месяцы войны. Мучман исчез в мае 1945 года. Имеются сведения, что он был захвачен в плен и увезен в Советский Союз.

Наша знакомая из Санкт-Петербурга, профессор. Псевдоним советского ученого, до сих пор живущего и работающего в Санкт-Петербурге. Без ее связей мы никогда бы не нашли архив Кучумова, а также его современников.

Авенир Овсянов. Бывший полковник Советской армии, который работал в составе секретной Калининградской геолого-археологической экспедиции, занимавшейся поисками Янтарной комнаты в 70-х годах. После распада Советского Союза за разрешение на поиски Янтарной комнаты обращалось такое количество охотников за сокровищами, что власти Калининграда сформировали отдел по поиску культурных ценностей при администрации Калининградской области. Его руководителем стал Овсянов.

Царь Петр I. Увлечшийся балтийским янтарем во время путешествия инкогнито в 1696 году, Петр Великий через двадцать лет получил в подарок Янтарную комнату. Его мастера не сумели собрать комнату в Санкт-Петербурге.

Руди Рингель. Псевдоним сверхсекретного информатора Штази и КГБ. Руди Рингель утверждал, что его отец был штурмбаннфюрером СС и по приказу гаулейтера Эриха Коха эвакуировал Янтарную комнату из Кенигсбергского замка в место, известное лишь под кодовым названием BSCH.

Альфред Роде. Писатель, музейный работник, специалист по янтарю и директор музея Кенигсбергского замка. Роде принял Янтарную комнату зимой 1941 года и отвечал за нее вплоть до самого исчезновения комнаты в апреле 1945 года. Несколько месяцев спустя Роде и его жена тоже исчезли.

Альфред Розенберг. Гитлеровский идеолог и министр оккупированных территорий; его ведомство занималось транспортировкой Янтарной комнаты в Кенигсберг. Розенберга также обвиняли в том, что в 1945 году он вывез комнату из города.

Профессор Иван Саутов. Один из самых авторитетных деятелей культуры Санкт-Петербурга, директор Екатерининского дворца. Саутов осуществлял руководство восстановлением Янтарной комнаты и председательствовал на церемонии ее открытия 31 мая 2003 года.

Андреас Шлютер. Скульптор при дворе прусского короля. Шлютер выдвинул идею создать облицованную янтареком комнату в 1701 году. Он был уволен раньше, чем успел завершить работу.

Юлиан Семенов. Советский писатель, создавший образ Штирлица, советского Джеймса Бонда, который знал все европейские языки, за исключением ирландского и албанского. Семенов на протяжении двадцати лет занимался поиском Янтарной комнаты и отрицал свою связь с КГБ.

Ганс Сейферт. Полковник Штази, кадровый сотрудник спецслужб, руководивший операцией «Пушкин». Сейферт был также непосредственным начальником Пауля Энке.

Георг Штейн. Фермер из деревни Штелле в окрестностях Гамбурга, занимавшийся выращиванием клубники, и самый известный немецкий охотник за сокровищами. Будучи родом из Восточной Пруссии, он четверть века занимался поисками Янтарной комнаты, а затем трагически погиб, вероятно, обнаружив свидетельства, что ее тайно вывезли в США.

Елена Стороженко. Руководитель секретного советского расследования судьбы Янтарной комнаты, проводившегося в 1970-х и 1980-х годах. Стороженко возглавляла группу, работавшую под прикрытием Калининградской геолого-археологической экспедиции (КГА), которая иногда представлялась хоровым обществом. Стороженко уволилась в 1984 году, несогласная с тем, что ее группу расформировали.

Профессор Герхард Штраус. Видный историк, профессор университета им. Гумбольдта в Восточном Берлине. Штраус был тесно связан с советским и немецким официальными расследованиями, посвященными судьбе Янтарной комнаты.

Владимир Телемаков. Журналист заводской многотиражки на предприятии по выпуску автомобильных запчастей. Телемаков несколько десятилетий изучал биографию Анатолия Кучумова, но так и не нашел издателя для своей книги.

Станислав Трончинский. Поляк по национальности, Трончинский работал руководителем отдела культуры Ленгорисполкома и занимал видное место в ленинградской партийной иерархии. Он помогал Анатолию Кучумову искать Янтарную комнату во время важной миссии 1946 года.

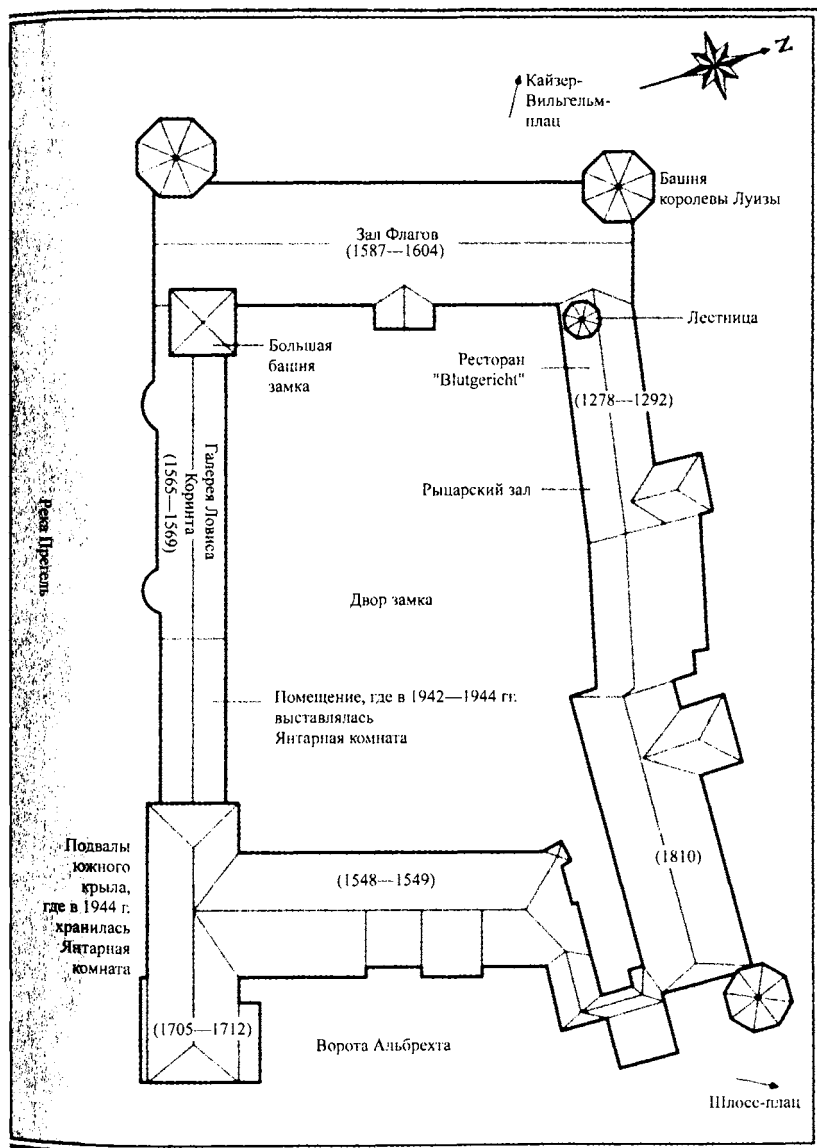
Пауль Вандель. Министр образования ГДР в 1950-е годы. Именно Ванделю докладывал о результатах своей работы Герхард Штраус, и именно Вандель стоял у истоков поисков Янтарной комнаты в ГДР.

Гюнтер Вермуш. Редактор в бывшем восточногерманском издательстве «Die Wirtschaft». Вермуш работал над «Bernsteinzimmer Report», известной книгой Пауля Энке.

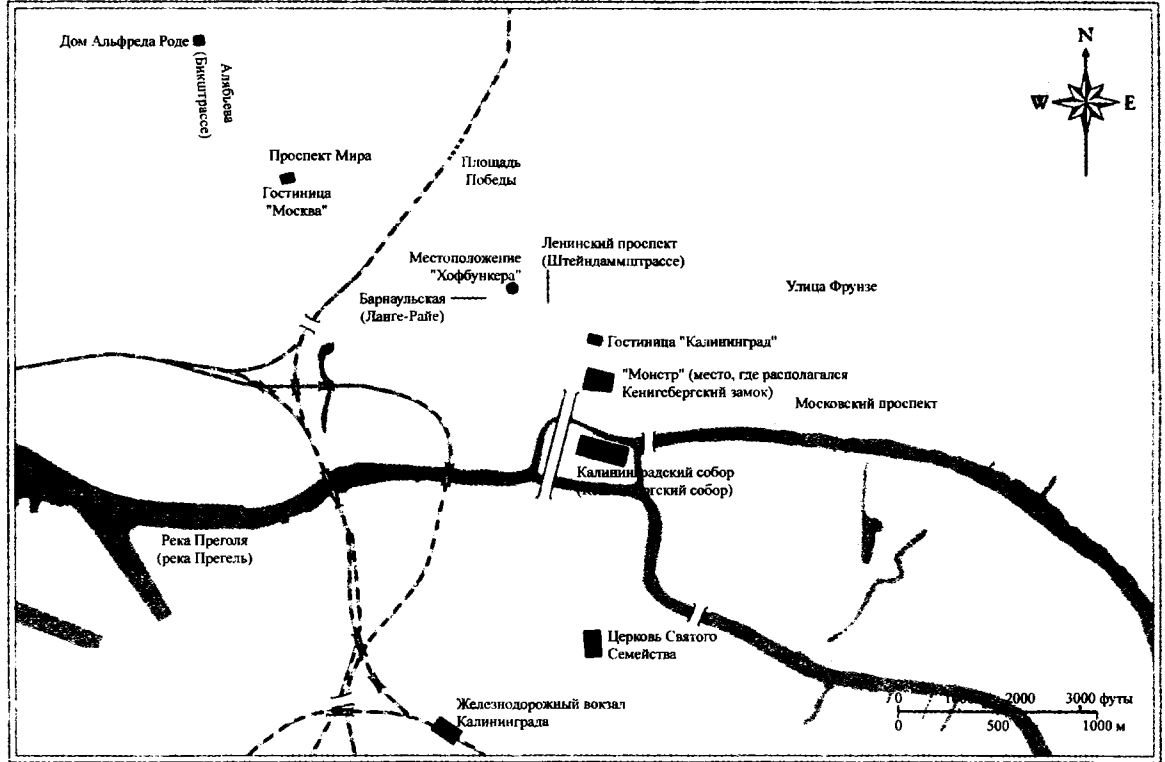
Готфрид Вольфрам. Мастер при датском королевском дворе. Вольфрам был резчиком по кости, и в 1701 году он приехал в Берлин, чтобы вместе с Андреасом Шлютером работать над первоначальной Янтарной комнатой, но 12 лет спустя незавершенный проект был закрыт.

Маршал Георгий Жуков. Руководил наступлением Красной Армии на войска Третьего рейха, а также сыграл ключевую роль в битве за Берлин. Военная и политическая карьера Жукова в Советском Союзе закончилась в 1946 году после обвинений в вывозе трофейных ценностей во время Второй мировой войны.

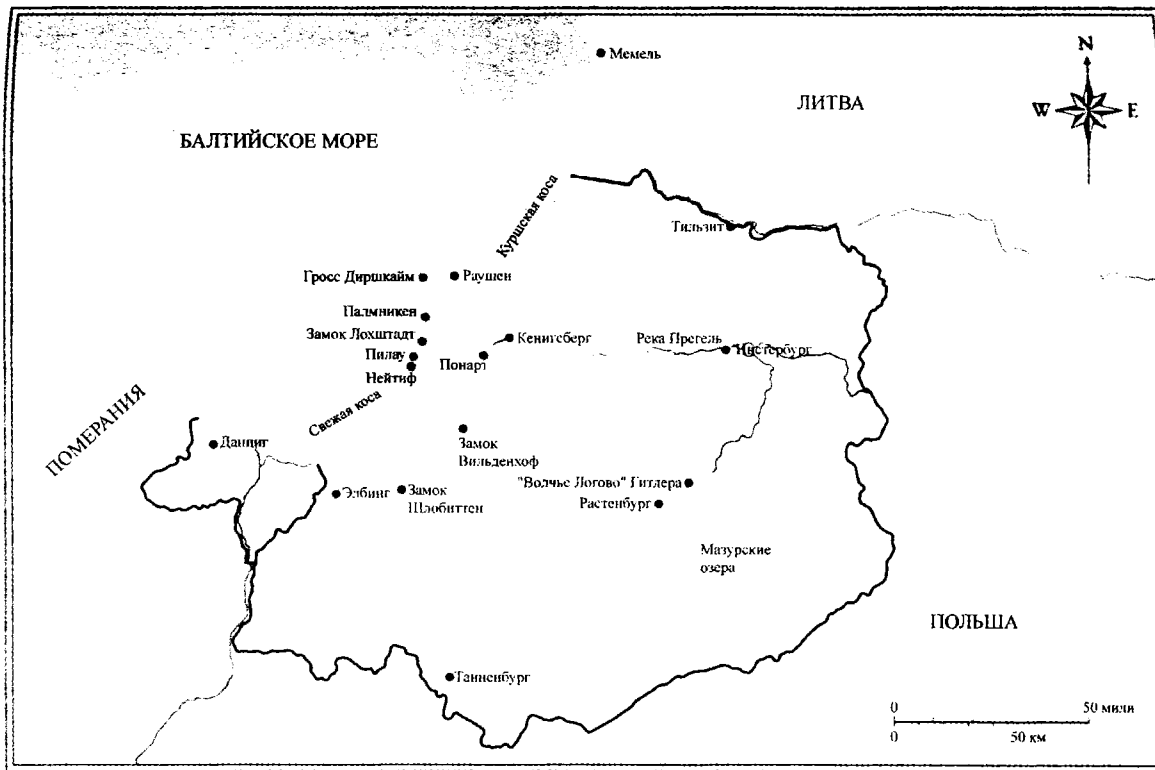
Карты

1. Кенигсбергский замок до апреля 1945 г.

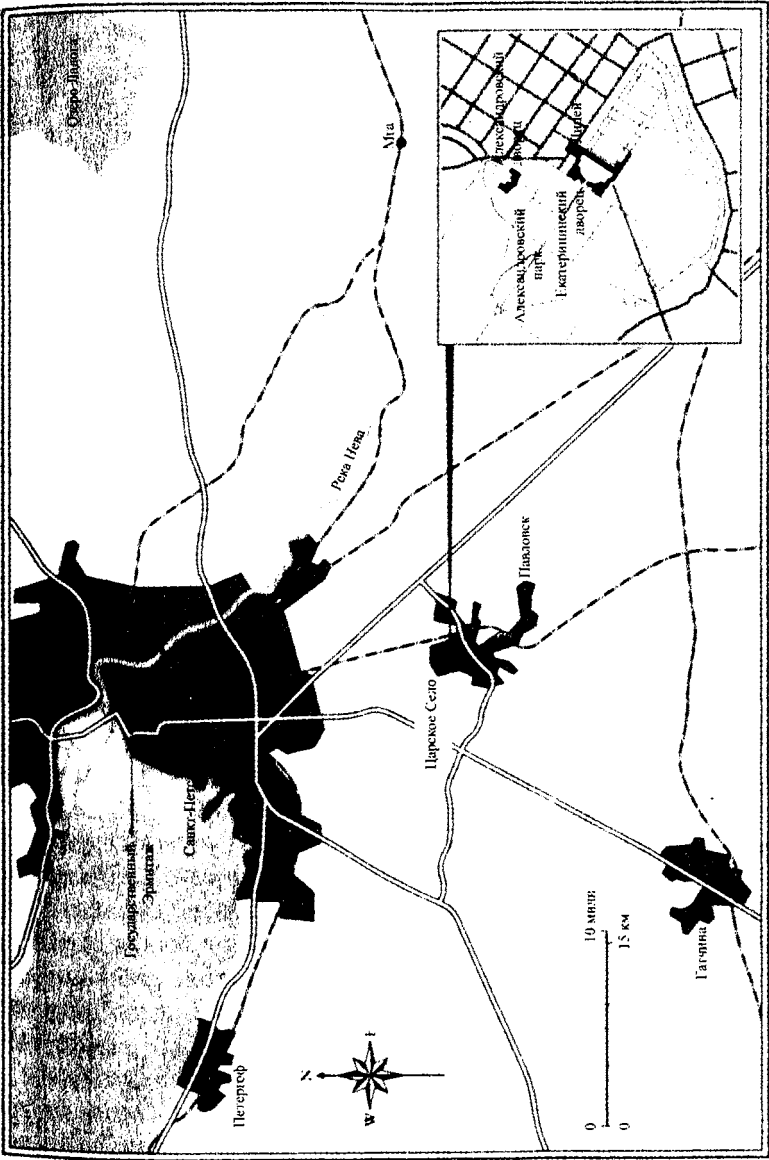
2. Калининград, 2004 г. (В скобках указаны исторические названия)

3. Восточная Пруссия, 1945 г.

4. Германия, 2004 г.

5. Санкт-Петербург и пригороды, 2004 г.

6. СССР после 1947 г.

Введение

22 июня 1941 года после полудня поступил срочный приказ: готовить Ленинград к эвакуации. В 4 часа утра нацисты без объявления войны напали на Советский Союз. Немецкие войска продвигались так быстро, что в Кремле подсчитали — уже через несколько недель враг достигнет южной оконечности Московского проспекта в Ленинграде.

Это был солнечный воскресный день, первый за весь этот тяжелый год. Толпы радующихся выходному дню людей гуляли по берегам Невы, открывая бутылки сладкого «Советского шампанского», или направлялись в пригородные парки с бывшими царскими дворцами, упаковав в корзинки со снедью селедку и маринованные грибы. Только к шести часам вечера город начал осознавать масштаб разразившейся катастрофы. На территорию Советского Союза вторглась величайшая за всю историю человечества армия: 207 дивизий вермахта, в которых насчитывалось 4 миллиона солдат и 3300 единиц танков.

Эвакуировать все сокровища Ленинграда — такой приказ пришел из Ленгорисполкома. Теперь его слышали все. Нужно было спасти бесценные коллекции из дворцов и музеев города. Но в одном только Государственном Эрмитаже хранились 2,5 миллиона экспонатов, не говоря уже о сотнях тысяч в Александровском и Екатерининском дворцах, а также в Павловске, Петергофе, Ораниенбауме и Гатчине.

Куратор Екатерининского дворца в городе Пушкине сделал такую запись в своем дневнике: «22 июня. Вечером прошлись по залам, упаковав все, что смогли».

Но работы еще оставался непочатый край: «24 июня. У товарищей идет кровь из носа от того, что приходится все время склоняться над упаковочными ящиками. Кончились ящики и

бумага... Приходится использовать царские сундуки, а ценности заворачивать в царскую одежду...»¹

А что делать с уникальным сокровищем, которое, как считалось, служило олицетворением могущества Российской империи? В самом центре галереи залов второго этажа Екатерининского дворца, где одна гостиная сменялась другой, располагалась удивительная комната из янтаря — во времена ее создания этот солнечный камень стоил в двенадцать раз дороже золота.

Идея облицевать стены комнаты янтарем впервые возникла при дворе прусского короля в 1701 году. В результате появилось необычное и чрезвычайно сложное сооружение, символизирующее Век Разума, порождением которого оно являлось. Тонны застывшей смолы, этого северного золота, были выловлены из вод Балтийского моря в виде камешков, нагреты, подобраны по цвету и обработаны, а затем выложены на огромных панелях подобно составной картинке-загадке гигантских размеров. Когда шестьдесят лет спустя панели Янтарной комнаты были подарены России, гости Петербурга отзывались о ней как о восьмом чуде света. «Мы добрались до одной из самых удивительных редкостей — я имею в виду Янтарную комнату, — рассказывал известный французский романист. — Только в «Тысяче и одной ночи» и других волшебных сказках, где дворцы сооружают маги, чародеи или джинны, можно прочитать о комнатах из алмазов, рубинов, яхонта и других драгоценных камней»².

Даже после революции, когда царские дворцы превратились в музеи, Янтарная комната оставалась одной из самых популярных достопримечательностей Ленинграда³. Но к лету 1941 года установленное во дворце центральное отопление сделало янтарь хрупким, и сотрудники Екатерининского дворца боялись разбирать комнату. Поэтому, когда через восемь дней после вторжения фашистских войск из Ленинграда в Сибирь отправился первый поезд с музейными ценностями, Янтарной комнаты в нем не было.

У оставшихся во дворце кураторов не оставалось времени подумать об этом — их призвали на укрепление защитных сооружений города. Одна из сотрудниц писала в своем дневнике: «Мы выполняем обязанности охранников, конторских служа-

щих, уборщиц. Все стены голые». За исключением стен Янтарной комнаты.

К концу августа нацистские войска заняли Мгу, железнодорожную станцию к югу от Ленинграда, и отрезали от остальной страны 2-миллионное население города, который оказался изолированным почти на 900 дней. Теперь уже было поздно что-либо эвакуировать. К 1 сентября кольцо вражеских войск вокруг города сомкнулось. Британское радио передавало тревожные сводки: «9 сентября. Шестнадцатый танковый корпус движется на Ленинград».

13 сентября под обстрелом оказался город Пушкин, и в него вошла четвертая танковая бригада нацистов. На следующий день последовала атака с воздуха: «Высажен десант. Совершен воздушный налет на Пушкин. Все бомбы попали в цель».

В самом Екатерининском дворце горстка сотрудников не прекращала работы, пытаясь спасти все, что можно, — они посыпали песком пол, чтобы уберечь драгоценный наборный паркет, спрятали в кладовые почти всю мебель, за исключением самых громоздких предметов. Лишь одну вещь они не могли должным образом защитить.

Курьеры доставляли срочные сообщения из Пушкина руководством Ленинграда. Последнее датировалось 5 часами утра 17 сентября: «В парке и в северной части города идут тяжелые бои. Все уходит на запад. Мы взяли с собой даже пишущие машинки. Ничего им не оставим».

Кроме Янтарной комнаты, которая была спрятана под «искусственной» комнатой, сооруженной из кисеи и холщовой ткани. Вместо того чтобы эвакуировать сокровище, сотрудники Екатерининского дворца решили замаскировать его на месте. Янтарные панели, которые не получилось снять, были задрапированы несколькими слоями ткани. Хранители музея надеялись обмануть прорвавшихся в Екатерининский дворец нацистов, которые могли подумать, что это еще одна ничем не примечательная пустая комната.

Через несколько часов дворец был захвачен. Один из немецких офицеров рассказывал, что к золоченым дверям почти сразу же были прибиты грубые таблички: «Занято 1-й ротой, и так далее и так далее...»⁴ Повсюду «спали [немецкие] солдаты, по-

ложив грязные сапоги на дорогие диваны и стулья». Быстрое наступление измотало людей. Передохнув, обрадованный офицер приступил к осмотру здания, выясняя, что обнаружили его подчиненные. На втором этаже в одной из комнат в центре длинного коридора «двое рядовых, движимые любопытством, пытались сорвать защитную... драпировку [со стен]; открылась необыкновенно красивая резьба по янтарю, рама мозаичной картины».

Когда в марте 1944 года советские кураторы вернулись в Екатерининский дворец, их встретили закрытые железные ворота и увитый колючей проволокой двор с могилами нацистских солдат. С трудом поднявшись — мраморная лестница была разбита вдребезги — в галерею комнат на втором этаже, они обнаружили, что в том месте, где было спрятано «восьмое чудо света», ничего нет. Янтарная комната исчезла. Нацисты оставили после себя лишь голые стенные панели и густую завесу тайны.

Осенью 2001 года мы собрали все, что нам известно об этой истории, используя немногочисленные опубликованные документы и разрозненные файлы «Энигмы» в архиве «Public Records Office» в Лондоне, где хранятся более 2000 сообщений, перехваченных в процессе операции «Ультра» по прослушиванию связи нацистов во время Второй мировой войны⁵.

Наш интерес к судьбе Янтарной комнаты, о которой в тот момент мы почти ничего не знали, возник в результате потока разнообразных сообщений из Германии и России. В 1999 году одна немецкая компания решила помочь русским создать копию Янтарной комнаты, пожертвовав на эти цели 3,5 миллиона долларов. Теперь, полтора года спустя, реконструкция реликвии была почти завершена, и готовилось ее торжественное открытие.

Официальные лица в Санкт-Петербурге и Москве много говорили о новой Янтарной комнате, называя ее памятником всему тому, что Советский Союз лишился в результате Второй мировой войны. Немецкие спонсоры представляли проект как символ новой Европы, без Берлинской стены и «железного занавеса». Кремль объявил, что на открытие комнаты будут приглашены сорок глав государств — это событие было приурочено к празднику 300-летия Санкт-Петербурга, намеченному на

31 мая 2003 года. Торжественную церемонию должны были транслировать в прямом эфире более 1000 журналистов из специально построенного для этой цели пресс-центра. Бюджет праздников составлял несколько миллиардов рублей. В восстановление Янтарной комнаты были вложены огромные средства, но никому так и не удалось выяснить судьбу оригинального шедевра. По оценкам специалистов, его стоимость превышает 250 миллионов долларов — это самое дорогостоящее пропавшее произведение искусства в мире.

Занявшись этой проблемой, мы обнаружили, что охотников за сокровищами можно разделить на несколько категорий. Ключевые слова «Янтарная комната», введенные в поисковую систему Интернета, дали ответ в виде практически всех онлайн-новых библиотек и более 800 тысяч ссылок.

Группа экспертов по военным трофеям на протяжении многих лет обследовала катакомбы под немецким городом Веймаром — они были убеждены, что именно сюда по указанию гаулейтера Восточной Пруссии тайно перевезли из балтийского Кенигсберга Янтарную комнату.

Аквалангисты регулярно обследуют ржавеющий остов немецкого лайнера «Вильгельм Густав», который был торпедирован 31 января 1945 года после того, как вышел из порта Готенхафен к северо-западу от Данцига. Судно эвакуировало из Кенигсберга 10 583 раненых на Восточном фронте немецких солдат. Ходили слухи, что на его борту также находилась Янтарная комната.

Эксперты по шахтам регулярно собираются на западе Саксонии и в Тюрингии, где земля буквально пронизана сетью глубоких подземных выработок железной руды и поташа. Они убеждены, что нацисты прятали в этих туннелях и пещерах произведения искусства и что в одном из подземных помещений находится Янтарная комната.

Все эти теории и их последователи — целая лига охотников за сокровищами из Европы, Соединенных Штатов и России — создали запутанную сеть предположений и густой покров таинственности вокруг Янтарной комнаты. В настоящее время поиск ведут более десятка немецких групп, каждая из которых руководствуется собственной теорией.

В отличие от Запада Россия представляла собой информационную черную дыру. Практически все официальные лица, непосредственно связанные с оригинальной Янтарной комнатой, либо умерли, либо исчезли бесследно. Политические и экономические обстоятельства были таковы, что их доклады, дневники и записки вскрывались, изымались, а затем прятались в архивах. Даже после эпохи гласности и перестройки самые богатые российские архивы, в которых могли храниться материалы об официальных поисках Янтарной комнаты, остаются закрытыми. Руководители музеев Москвы и Петербурга пугливы, а нередко и недоброжелательны (особенно к тем, кто приходит без обещаний международной финансовой помощи или обмена).

У нас не было опыта исследований в России, но за десять лет работы на британские газеты и радиостанции мы научились распутывать сложные истории, работать с людьми и с архивами в Америке, Британии, Китае и Индии. Нам казалось, что лучше начинать с России. Это огромная, беспокойная и скрытная страна. И именно здесь, скорее всего, сохранилась большая часть секретов — даже если их будет трудно извлечь.

В декабре 2001 года мы прилетели в Санкт-Петербург, но запросы в официальные инстанции рассматривались очень долго. Тогда наши друзья из бывшего Ленинградского университета, привыкшие мыслить творчески, предложили обходной путь. Они помогли нам найти целую сеть из чиновников невысокого ранга, ветеранов Красной Армии, просто старых знакомых, а также музейных кураторов, работающих или уже вышедших на пенсию. Одна ниточка тянула за собой другую. Знакомство заканчивалось приглашением на обед. Постепенно — так медленно, что временами нам казалось, что дело совсем не движется, — мы проникали в прошлое и узнавали о тех, кто был непосредственно связан с загадкой Янтарной комнаты.

На дачах и в квартирах, на скамейках парков и в близких кабинетах оживали воспоминания, чему в немалой степени способствовали водка, черный сладкий чай или светлое пиво. На каждый официальный документ, дневник или инструкцию, которые — судя по ответам из архивов и библиотек — числились пропавшими или были недоступны, находились наброски или

копии, надежно спрятанные в комнатах или коридорах квартир. Для любого растащенного или утерянного официального собрания фотографий мы отыскивали снимки, висевшие на стене или хранившиеся в платяных шкафах.

Постепенно оживали шесть десятилетней тайны и многочисленных лихорадочных поисков Янтарной комнаты вместе с невероятными усилиями тех, кто стремился скрыть правду о ее судьбе. Первые несколько увлекательных недель в России превратились в двухгодичное расследование, и в конечном итоге мы, преодолев тысячи миль между Петербургом и Москвой, Лондоном и Вашингтоном, исколесив Голландию, Германию, Лихтенштейн и Австрию и совершив виртуальное путешествие в параллельный мир КГБ и восточногерманской Штази, — прибыли в довольно унылый российский анклав Калининград, средоточие этой удивительной загадки.

В начале зимы именно здесь, в умирающем балтийском городе, обнаружили последние фрагменты головоломки, связанной с Янтарной комнатой, и мы столкнулись с правдой, которая вступала в противоречие с нашим отношением к Советскому Союзу и его роли в «холодной войне».

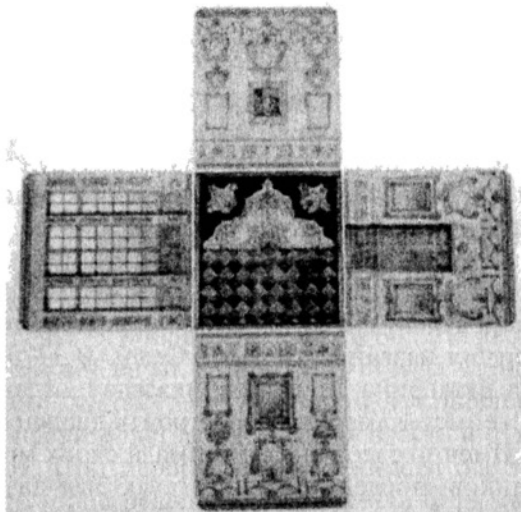
Глава 1

— Я человек непростой, — процедил он сквозь зубы, сверкающие золотом, как ряды юбилейных медалей. Мизинцем он ткнул зубной мост, поставив это произведение советских зубных техников на место. — Я пятьдесят лет посвятил великому делу — и именно поэтому вы здесь. Ведь так?

Раскатистое русское «р» старика, похожее на звук катящихся по полу карандашей, напомнило нам, что мы еще не объяснили, почему мы находимся в месте, куда посторонним вход воспрещен, в служебных помещениях дворца-музея на окраине Петербурга. Мы едва успели прийти в себя после захватывающего приключения: нам пришлось протиснуться через огромные ворота с двуглавыми орлами мимо бабушки, которая была закутана в несколько шуб, защищавших ее от декабрьских морозов, и раскачивалась, словно кобра, в своем отороченном мехом капюшоне. Оказавшись внутри, мы с трудом преодолели четыре пролета кованой чугунной лестницы, украшенной горгульями с отбитыми носами — последствия войны, более шестидесяти лет ждавшие реставрации, — пока не добрались до пожилого человека в тонкой вязаной куртке красного цвета, сидевшего в своем просторном кабинете. На стене позади него висел замысловатый чертеж, подписанный «Имперский прусский кабинет».

Он заговорил, и с его тонких, сухих губ слетали отрывочные фразы.

— Я мог бы уйти на пенсию, как многие другие. Но такой человек, как я, чья работа имеет огромное значение для страны, никогда не уйдет на покой. Тогда у меня точно будет второй инфаркт, — он четко выговаривал слова, как будто читал номер «Ленинградской правды», которая когда-то вывешивалась на

Оригинальный проект Янтарной комнаты, 1701 г.

стенде на улице Некрасова, где он любил пить горький кофе в грузинском кафе под названием «Тбилиси».

Старик провел маленькой рукой по седым волосам.

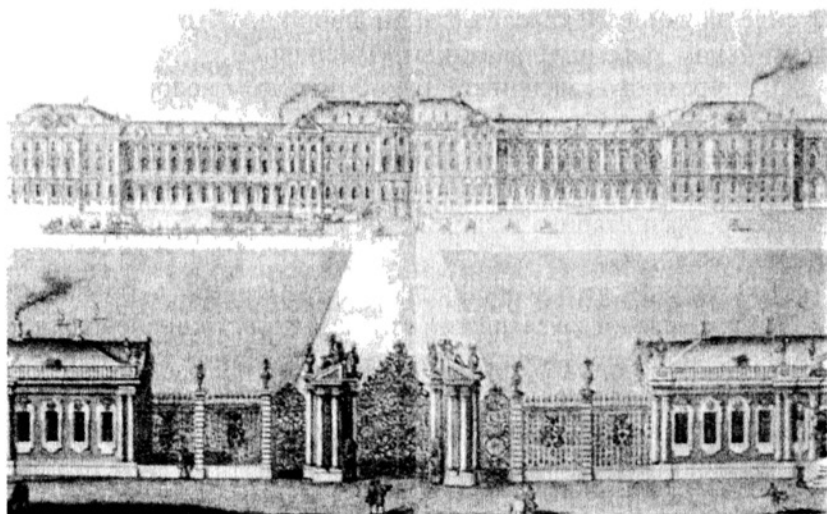
— Я патриот и тем не менее не прочь поговорить с вами, — он хмыкнул, затушил сигарету с фильтром в бумажном стаканчике для кофе и выглянул в окно. В царском парке мела метель. Дряблое лицо старика было испещрено сетью лопнувших капилляров.

Екатерининский дворец. Здесь Петр Первый, победивший в 1702 г. шведов и захвативший эти земли, построил небольшое поместье и подарил его своей невесте Екатерине в честь обручения, состоявшегося в 1708 году. В 15 километрах к северу от этого места, в «комарином» устье Невы поднималась новая, европейская столица страны — Санкт-Петербург. Сегодня каждая статуя в этом замерзшем саду, разбитом более 220 лет назад, носит одежду из дерева и проволоки, защищающую ее от свирепых ветров, дующих со стороны Финского залива.

Дочь Петра — императрица Елизавета стала хозяйкой поместья в 1752 году и приказала своему итальянскому архитектору Бартоломео Растрелли превратить скромный дом в летнюю резиденцию царицы в стиле барокко. Среди берез, кленов и вишен «широкой голубой лентой с белыми колоннами поднялся дворец»¹.

На внешнее украшение дворца пошло 220 фунтов золота, а внутренность представляла собой анфиладу комнат, где одна великолепная гостиная переходила в другую — белая, пурпурная, изумрудная, Янтарная, — приводя к знаменитой Золотой анфиладе.

Вскоре неподалеку выросли новые дворцы, и этот пригород столицы получил название Царское Село². В 1770 году новая императрица Екатерина Великая приказала шотландскому архитектору Джеймсу Камерону перестроить дворец в классическом стиле. Именно здесь она принимала своих многочисленных любовников, последним из которых был двадцатипятилетний Платон Зубов, — его имя до сих пор носит первый этаж южного крыла.

Екатерининский дворец

В соседнем здании, видимом из окна кабинета старого музейного работника, был размещен Царскосельский лицей, школа, выпускником которой в 1811 стал Александр Пушкин, увековечивший в своих стихах этот город:

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

В комнатах Александровского дворца царь Николай II сочинял письма «кузену Берти» в Англию, тщетно умоляя о помощи, прежде чем его увезли в Екатеринбург, где в темном подвале трагически оборвался царский род. Во дворе, расположенном прямо под нами, в октябре 1917 года казаки Александра Керенского сдались перед напором восставшего народа, и Временное правительство пало, отдав власть в руки Ленина и большевиков. При первой же возможности одетые в солдатские шинели герои революции заполняли залы дворца, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на разлагающийся мир аристократии.

Именно сюда в 1952 году приехал сидящий перед нами пожилой человек — Александр Николаевич Кедринский, один из самых известных советских архитекторов, член знаменитой Российской академии художеств, лауреат Ленинской премии. Его работы заслужили одобрение Ленгорсовета (бывшего законодательного собрания города), а его достижениями восхищались генеральные секретари, председатели совета министров и президенты — Брежнев, Горбачев, Черномырдин, Ельцин и Путин.

Но, как ни трудно было организовать встречу с Кедринским (для этого начиная с 2001 года, когда мы занялись выяснением судьбы Янтарной комнаты, понадобились многочисленные встречи в Лондоне и Санкт-Петербурге, письма, факсы и телефонные звонки к эмигрантам и официальным лицам), перед нами стояла еще более деликатная задача: сообщить Кедринскому, что мы проделали весь этот трудный путь вовсе не ради него.

Мы искали другого престарелого музейного работника, который когда-то отвечал за самое известное сокровище страны. Это Анатолий Кучумов, последний хранитель Янтарной ком-

Александр Кедринский (крайний справа) с коллегами из ленинградских дворцов после присуждения Ленинской премии в 1986 году

наты и один из старших товарищей Кедринского. Они более сорока лет работали вместе. Телефон Кучумова был отключен, а в доме для престарелых на окраине Царского Села о нем ничего не знали.

Кедринский отвлекся.

— Понимаете, теперь во дворце новые порядки, — он поднялся, чтобы закрыть дверь. — Бардовская оторвет мне голову, если узнает, что я сказал вам хоть слово.

Бардовская? Это имя нам ничего не говорило, но мы не стали противоречить. Старые кадры, такие как Кедринский, привыкли соблюдать формальности. Повисло долгое молчание. В его похожем на пещеру кабинете было холодно — похоже, система центрального отопления еще переживала «перестройку». Кедринский по старинке длинными уверенными движениями перочинного ножа точил карандаш. Его стол был заставлен жестяными баночками с гуашью, оттенки которой напоминали цвета растаявшего снега, а рядом лежала священная троица: одноразовая зажигалка, пепельница и золотистая пачка новой городской марки сигарет «Петр I».

— Черт с ней, с Бардовской, — внезапно произнес старик. — Давайте поговорим. Я расскажу вам о деле всей моей жизни, но сначала вы должны кое-что узнать обо мне. Мой отец был настоящим русским героем, он погиб в Первую мировую. Мать умерла вскоре после моего рождения, в год октябрьской революции. Меня воспитывала удивительная тетка.

Тетка училась в Сорбонне и прекрасно владела французским. Была знакома с Тулуз-Лотреком и Модильяни. Вернувшись в город в 1919 году, она стала преподавать в балетной школе — как раз в духе времени. Странное было время.

Мы уже обратили внимание, как русские говорят о терроре — в основном туманными намеками и умолчанием, говоря о том, что было разрешено, а не о том, что запрещено. Здесь, в Санкт-Петербурге, в живом музее XVIII и XIX веков, чья архитектура практически не пострадала в результате самых судьбоносных и кровавых событий XX века, многострадальным жителям хотелось бы думать, что эти события пощадили и их.

1919 год, разгар «красного террора». Эпидемии, бедность, паника и ВЧК уменьшили население города с 2,3 миллиона до 720 тысяч человек. «Тот, кто хочет защитить бедных, должен проявить жестокость и не открывать свое сердце для жалости» — таков был девиз Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), которая была образована в декабре 1917 года и размещалась в небольшом помещении в нескольких минутах ходьбы от Зимнего дворца. Один из персонажей романа Алексея Толстого «Хождение по мукам» клялся, что видел самого дьявола, ехавшего в дрожжах по Васильевскому острову³.

— А как насчет Анатолия Кучумова? Он тоже вырос во времена «красного террора»?

— Кучумов лжец. Присвоил себе чужие заслуги, — резко бросил Кедринский, втыкая карандаш в стоявший на столе письменный прибор.

Мы были потрясены. Совсем не эти слова мы ожидали услышать от ближайшего коллеги Кучумова, работавшего в его команде долгие годы.

— В детстве Кучумов месил лаптями грязь на берегах Волги, — продолжал жаловаться Кедринский. — А я в 13 лет уже

рисовал портреты Ленина. В 17-м я чувствовал пламенную любовь к своей стране. Я упорно трудился, чтобы поступить в Ленинградский инженерно-строительный институт. Там я смог продолжить занятия рисованием и стать архитектором, приобретя знания и навыки, которые пригодились для великого дела, — слова вылетали у него изо рта с пыхтением, как старинные локомотивы, и каждое было окутано облачком дыма от сигарет, которые он ласково поглаживал, прежде чем закурить. — Я учился у великолепных профессоров — Эделинга и Цеденберга. Мне нравились их классы. Но мы, русские, не всегда умеем хранить то, что любим.

— А Кучумов? Какое образование получил он?

— Ха, Кучумов. У него не было формального образования. Его вкус ограничивался жирными херувимами и розами, которыми он распорядился расписать потолки дворца во время реставрации. Несмотря на это, подчиненные должны были беспрекословно слушаться его. Кучумов сделался князьком музейных хранилищ.

Мы попробовали зайти с другой стороны. Что произошло летом 1941 года, когда Янтарная комната исчезла из дворца?

— Меня в тот момент не было в Ленинграде. Я был на Южном Урале. Строил фабрики и военные заводы, — ответил старик и взглянул в окно, где запряженная лошадьми тройка катала детей по заснеженным аллеям парка.

Нас стали одолевать сомнения, не совершили ли мы ошибку, встретившись с этим человеком.

Но Кедринский продолжал говорить.

— Я пишу книгу о великом деле всей моей жизни. Это большой секрет, — он перешел на шепот. — Как мы возрождали Родину, восстанавливали разбомбленные дворцы. Бардовская говорит, что мне нельзя умирать, пока я не закончу работу. Книга должна быть готова к маю 2003 года.

Бардовская. Опять эта фамилия. Но прежде чем мы успели задать вопрос, Кедринский извлек из ящика своего пологого на школьную парту письменного стола стопку бумаги еще советского производства, которая от прикосновения теплой руки сворачивалась, как листья папоротника.

— Все мои изыскания, — сказал Кедринский.

Одни листы были заполнены машинописным текстом, другие исписаны от руки аккуратным мелким почерком. За окном снег усилился, и оконные стекла потрескивали под тяжестью налипавших снежинок. Кедринский принялся читать.

— 22 июня 1941 года. Лето вступало в свои права. Воздух наполнился ароматом свежей листвы старинных парков, садов и скверов. С раннего утра по всему городу оркестры играли мужественные и веселые песни, полные радости и оптимизма. Улицы заполняла пестрая толпа.

Но ведь в июне 1941 года Кедринского не было в Ленинграде. Тогда чьи же это воспоминания? — поинтересовались мы.

Старик умолк и посмотрел на нас сквозь очки в массивной черной оправе.

— Вашего друга Анатолия Кучумова. Это его воспоминания. Он был здесь летом 1941 года.

Откуда у Кедринского оказался дневник Кучумова? — поинтересовались мы.

— Неважно, — отмахнулся он. — Для книги о великом деле мне требуется доступ ко всем документам.

Кедринский выложил на стол кипу документов: официальные документы советских времен, собственные воспоминания, выдержки из личных архивов коллег и бумаги со штампом архива Екатерининского дворца. Листы, которые он держал в руках, содержали отчасти воспоминания, отчасти цитаты. Кедринский вернулся к записи из дневника Кучумова, датированной 22 июня 1941 года.

— Воскресная толпа плотным потоком двигалась к дворцам. Здесь старики отдыхали на лужайках, а молодежь танцевала под аккомпанемент гармоники. Кто-то играл в волейбол, а в залах музея собирались толпы людей, пришедших полюбоваться работами гениальных мастеров, Растрелли и Камерона. Одна группа экскурсантов сменяла другую, образуя нечто вроде конвейера в Золотой анфиладе дворца.

Слова Кучумова были пропитаны любовью к своей стране. Он вовсе не казался необразованным человеком, каким его хотел представить консервативный старик, сидевший напротив нас.

— Все шло как всегда, — продолжал читать Кедринский, —

но затем в мою студию вбежала зрительница Клава и взволнованно объявила, что по радио с важным заявлением выступает товарищ Молотов [Вячеслав Молотов, сталинский нарком иностранных дел]. Я побежал через несколько залов к колоннаде дворца, где висел громкоговоритель. Там уже собиралась толпа, вслушивавшаяся в хриплый, взволнованный голос, произносивший простые и страшные слова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...»

Бомбардировке подверглись Житомир, Каунас, Севастополь и даже столица Древней Руси Киев; это было грубейшим нарушением пакта о ненападении, подписанного Молотовым и гитлеровским министром иностранных дел Иоахимом Риббентропом 23 августа 1939 года. Теперь на долю Молотова выпало задание поднимать народ на борьбу с врагом. От имени правительства страны он призвал еще теснее сплотиться вокруг большевистской партии и ее руководителя товарища Сталина. «Наше дело правое, — провозгласил он. — Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Кучумов в своем дневнике вспоминает, что в тот момент он застыл не в силах сдвинуться с места. Война. Новые испытания. Новые бедствия. Счастливого лето в одно мгновение закончилось, и остались лишь тревога и предчувствие огромного горя.

Кедринский расправил на столе черновики и повернулся к нам.

— У Кучумова не было времени долго размышлять о войне — через несколько часов его вызвал к себе товарищ Владимир Иванович Ладухин, директор Екатерининского и Павловского дворцов. Из Москвы пришел приказ. Все ценности города подлежали эвакуации — тяжелая техника, заводы, царские сокровища.

— Времени оставалось мало, — рассказывал Кедринский. — Товарищ Ладухин заверил Кучумова, что имеется план эвакуации, и что все будет в порядке, если строго придерживаться

его, — он вздохнул. — Это было ошибкой. Кучумову было всего двадцать девять лет. Сын плотника, выросший в простой бревенчатой избе.

Всего девять лет назад Кучумов был крестьянином, бедным и необразованным. Каким-то образом ему удалось получить место зрителя в дворцах-музеях Ленинграда и меньше чем за десять лет подняться до должности главного хранителя Александровского дворца. Он пробыл на этом посту всего два года, когда Ладухин выделил его среди всех, поручив руководить эвакуацией всех дворцов Царского Села.

Почему выполнение такого важного приказа из Москвы доверили молодому и неопытному сотруднику?

Кедринский нахмурился и протянул нам фотографию, на которой были запечатлены четыре человека на фоне Екатерининского дворца.

— Снимок Кучумова, прямо перед войной, — он указал на стоящего справа человека.

Мы увидели молодого мужчину в облегающем двубортном пиджаке с широкими лацканами и выпущенном наружу воротнике выходной рубашки. Руки его были сцеплены за спиной. Лицо с робкими, немного женственными чертами украшали круглые очки, на лоб падала прядь непослушных волос. Авторучка в нагрудном кармане пиджака указывала на недавно приобретенный статус интеллигента. В центре группы стояла женщина. Кто она?

— Голубоглазая Анна Михайловна, — ответил Кедринский, сморщив нос. Он поведал нам, что Кучумов и Анна Михайловна познакомились в Ленинградском институте искусств, где он учился на вечернем отделении. Девушка уехала вместе с Кучумовым в Царское Село и устроилась работать хранителем музея, а в 1935 году они поженились.

— Можно я зачитаю? — с саркастической улыбкой спросил Кедринский. — Судя по записи в дневнике Кучумова 22 июня 1941 года Ладухин передал ему конверт с надписью: «Вскрыть только в случае начала войны». Запечатанный конверт хранился в сейфе руководителя органов государственной безопасности города и содержал план эвакуации, похожий на тот, что был составлен больше ста лет назад. В 1812 году зрители музеев

Анатолий Кучумов (справа) со своей женой Анной Михайловной и коллегами незадолго до начала войны

Санкт-Петербурга и Москвы упаковали и отправили в безопасные хранилища на востоке страны тысячи экспонатов — Наполеон приближался к границам России, и в составе французской армии имелись специальные «трофейные бригады», в обязанность которых входил сбор всех ценных произведений искусства и отправка их в Париж.

Кедринский сказал, что, по свидетельству Кучумова, список подлежащих эвакуации ценностей был составлен в 1936 году двумя хранителями и включал лишь 2076 предметов из 110 тысяч экспонатов, хранившихся в Александровском и Екатерининском дворцах, а также в Павловске. Если бы Кучумов придерживался этого плана, то из Екатерининского дворца спасли бы всего 259 экспонатов, а из его музея — только семь. Согласно лежащему перед ним документу он должен был бросить на произвол судьбы французскую мебель работы знаменитых братьев Жакоб, уникальную коллекцию часов и знаменитое царское собрание оружия. В плане эвакуации не были упомянуты работы знаменитого скульптора Федота Шубина, бесценные лаковые миниатюры из Китая, полотна Серова, Рериха, Маковского и других известных русских художников. И самое удивитель-

ное — в списке отсутствовала Янтарная комната. Зато в него включили гипсовую посмертную маску Вольтера, картины без подписи и даты, а также изготовленную на экспорт копию китайского блюда XIII века⁴. Кучумов попробовал осторожно прояснить ситуацию и с облегчением обнаружил, что списки 1936 года были признаны недействительными еще в 1939 году. Взамен были составлены новые списки. Но где они? Выяснилось, что их потерял сам начальник ленинградских органов госбезопасности. Кто посмел бы противоречить ему? Пришлось импровизировать. Кучумову нужно было обратиться за помощью к старшим товарищам, хорошо знавшим коллекцию. Но к июню 1941 года опытных работников практически не осталось.

Убийство главы ленинградского обкома коммунистической партии Сергея Кирова в декабре 1934 года было использовано Сталиным как предлог для расправы со старой ленинской гвардией. Последовали показательные процессы, массовые казни, ссылка миллионов людей, чистка рядов партии. Страну заполнили «воронки» с агентами Николая Ежова, нового комиссара внутренних дел, хромого тшедушного человечка, который стал главой НКВД, пришедшего на смену ЧК, и который создал новую систему репрессий, получившую название «ежовщина». Ленинградцы дали ему прозвище Карлик. Паранойя и страх перед тяжелыми шагами на лестничной площадке проникли буквально во все квартиры: соседи доносили друг на друга, братья и сестры ссорились из-за неосторожно оброненной фразы. Иногда не спасало и предательство. Любимая поэтесса ленинградцев Анна Ахматова, у которой ВЧК расстреляла мужа — Николая Гумилева, написала такие строки:

Еще на западе земное солнце светит,
И кровли городов в его лучах горят,
А здесь уж, белая, дома крестами метит,
И кличет воронов, и вороны летят⁵.

Многие из тех, кто работал в культурных учреждениях Ленинграда, имели дворянское происхождение (только они получали доступ к образованию и возможность путешествовать).

«Воронки», проехавшиеся по ленинградским музеям, собрали столько музейных работников, что тюрьма НКВД переполнилась. «Народу было так много, что люди спали на разложенных на полу матрасах. Я не мог понять, за что меня арестовали, — писал будущий директор Эрмитажа Борис Пиотровский. — Мне пришлось занять место под чьей-то койкой»⁶. Пиотровского отпустили, но двенадцать других хранителей музеев были расстреляны: востоковеды (возможно, двойные агенты и/или армянские националисты), нумизматы (преклонение перед Германией), специалисты по истории оружия (вероятные подстрекатели), а также все, у кого имелись публикации за рубежом (неблагонадежный элемент/шпион/саботажник)⁷.

Именно на волне ежовских репрессий делали стремительную карьеру не обладающие необходимыми знаниями и опытом работники, выходцы из рабочих и крестьян — такие, как Кучумов. Но кто из сотрудников старой школы был в состоянии помочь Кучумову в июне 1941 года?

Кедринский порылся в своем столе.

— Моя рукопись. — Он шлепнул по крышке стола кипой листов, достал сигарету и поправил круглые очки на лоснящейся переносице. — 22 июня были уволены все работники дворца, кроме самых благонадежных, и вечером, когда толпы посетителей разошлись, Кучумов вместе с ними провел инспекцию залов Екатерининского дворца, — читал нам вслух Кедринский. — Действуя в соответствии с предписанием, Кучумов открыл дверь кладовой, опечатанной комиссариатом внутренних дел. Внутри он нашел груды ящиков и ватин, непромокаемый брезент и опилки, необходимые для упаковки сокровищ.

Однако ни один из ящиков не подходил для предназначенных экспонатов, и слишком многие пришлось отставить в сторону.

Подготовительная работа была выполнена из рук вон плохо, как и списки 1936 года.

Кедринский отложил свою рукопись и показал нам доклад партийного комитета, написанный в 1941 году: «Необходимо изготовить сотни новых ящиков, — писал неизвестный партработник. — Набивки не хватает. Нет упаковочного материала.

Музейные работники пакуют экспонаты ленинградских дворцов после нападения нацистов на Советский Союз в 1941 году

Кладовая для запечатанных ящиков переполнена и слишком мала»⁸. Время, потраченное на переделку ящиков и добычу упаковочного материала, привело к последующим поспешным решениям.

Кедринский вновь принялся читать отрывки из дневника Кучумова.

— 22 июня. Вечером прошлись по залам; упаковали все, что смогли. 23 июня. После того как мы упаковали все, что было внесено в список 1936 года, я спросил директора, можно ли паковать другие экспонаты. «Делайте все, что в ваших силах», — сказал мне товарищ Ладухин. И мы делали все, что могли. Работы не прекращались даже после захода солнца. Ночью электрического освещения почти не требовалось — летом и так светло. Мы продолжали работать. 24 июня. Работали без отдыха сорок восемь часов. У товарищей идет кровь из носа оттого, что приходится все время склоняться над упаковочными ящиками. Кончились ящики и бумага. Косим траву и набиваем свежее сено. Приходится использовать царские сундуки, а ценности заворачивать в царскую одежду.

Кедринский протянул нам листки рапорта, отправленного Кучумовым в НКВД.

Заместитель директора (по науке), директора музеев и три музейных работника, в том числе обойщик и два плотника, были задействованы на первой стадии эвакуации. Упаковывались миниатюры, гобелены, северский и мейсенский фарфор, золото и серебро, картины, книги, изделия из слоновой кости. На каждый ящик был составлен паспорт — инвентарная опись, сделанная учеными дворца. К настоящему моменту более 900 предметов упакованы в пятьдесят два ящика, каждый из которых завернут в черный брезент.

Затем все ящики свозили на склад, где они помещались на хранение в присутствии представителя комиссариата внутренних дел. Затем дверь опечатывалась и выставлялась вооруженная охрана⁹.

Кедринский зажег очередную сигарету, наслаждаясь дымом.

— Послушайте еще один отрывок из дневника Кучумова: «Что делать с Янтарной комнатой? И что мы можем сделать? Я послал за В.А. Альспектором, сотрудником реставрационного отдела дворца, и отдал ему распоряжение подготовить Янтарную комнату для эвакуации. — Кедринский сделал паузу, а затем стал читать дальше. — Янтарные панели нужно прочно скрепить при помощи папиросной бумаги и специального клея».

С XVIII века янтарные панели держались на деревянных досках, и теперь на них хотели приклеить папиросную бумагу, чтобы хрупкая смола не рассыпалась, когда Кучумов попытается снять панели со стен.

Немного помявшись, Кедринский стал читать дальше.

— Попытка снять одну из панелей закончилась катастрофой. Янтарное покрытие выпало и разбилось вдребезги. Мы не можем перевезти Янтарную комнату. Мы не решимся трогать ее. Что нам делать?

Старик поднялся из-за стола и стал перебирать бумаги.

— Документы, документы, архивные документы — и везде рука Анатолия Михайловича Кучумова. Все, что осталось, не больше и не меньше — содержится в этом докладе.

Прусский скульптор Андреас Шлютер дождался славы почти всю жизнь¹⁰. Он много лет учился у лучших мастеров своего времени. Документы гильдии свидетельствуют, что он был уче-

ником резчика по слоновой кости и янтарю в Варшаве и Данциге (современный Гданьск). Но только в 1694 году пятидесятилетний Шлютер получает заказ от Гогенцоллернов на выполнение работ при дворе курфюрста Пруссии Фридриха III¹¹.

Первые работы Шлютера представляют собой добротные официальные портреты — бронзовая фигура самого курфюрста и конная статуя его покойного отца, Фридриха-Вильгельма. Фридрих-Вильгельм провел ревизию финансовой системы Пруссии, объединив разрозненные герцогства; это было составной частью его кампании по превращению Пруссии в полноценное государство. Сын теперь пытался закончить начатое отцом дело и добиться признания у европейских правителей как самостоятельный монарх.

В 1695 году Шлютеру улыбнулась удача. После внезапной смерти Арнольда Неринга, занимавшего пост суперинтенданта строительства при дворе курфюрста, скульптору предложили принять участие в разработке планов превращения Берлина в город садов и парков, что, по мнению Фридриха, должно было соответствовать его королевскому статусу. Шлютер принялся за внешнее оформление арсенала и королевского дворца.

Вторая жена курфюрста София-Шарлотта (праправнучка Якова I Английского) восхищалась проектами Шлютера. Брак Софии-Шарлотты, заключенный в шестнадцатилетнем возрасте, относился к сфере высокой политики, и молодая женщина сторонилась напыщенного прусского двора, посвящая все время литературе и танцам. Особой ее любовью пользовалась камерная музыка. «Это верный друг, — писала она директору Ганноверской оперы Аугустино Стеффани, — который не подведет и не обманет вас; он не предаст и не будет жестоким. Музыка подарит вам очарование и небесное наслаждение там, где друзья останутся безразличными или фальшивыми, и не будет требовать благодарности»¹².

София-Шарлотта хотела, чтобы Берлин наполнился музыкой, а в его гостиных звучали умные речи. Ее дворцы должны были создавать интимную атмосферу и состоять из множества небольших, но изысканных салонов, украшенных бронзой и золотом. Воплощением этих идей должен был стать Шарлоттенбург, прусский эквивалент Царского Села. В 1696 году Со-

фия-Шарлотта предложила Шлютеру разработать проект внутреннего убранства дворца.

Однако в 1699 году из Берлина после учебы вернулся Иоганн Фридрих Эозандер, блистательный шведский архитектор и фаворит Софии-Шарлотты, и руководство проектом перешло к нему. Шлютер до такой степени обиделся, что ему предпочли человека, который был на двадцать пять лет младше, что покинул Шарлоттенбург и вернулся к перестройке королевского дворца. Он был полон решимости создать нечто необыкновенное, роскошное и в то же время новаторское. Его комнаты были украшены редкими минералами, ценными породами дерева, драгоценными тканями. Тем не менее идея создания самой необычной комнаты дворца, которая должна была затмить работу фаворита Софии-Шарлотты, пришла к нему случайно.

Осматривая подвалы дворца в поисках подходящих материалов, Шлютер обнаружил дюжину сундуков, наполненных золотистыми камешками, с которыми он познакомился еще в те дни, когда учился мастерству в Польше. Это был янтарь из Восточной Пруссии, который собирали в водах Балтийского моря и торговлю которым контролировали Гогенцоллерны. Более сорока миллионов лет назад этот регион был частью Фенноскандии, и безбрежные леса простирались от побережья Норвегии до Каспийского моря. На протяжении многих веков во влажных хвойных лесах, кишевших рептилиями и насекомыми, капли смолы падали на твердую глиняную почву, навеки сохраняя застывшие мгновения: муху, сидящую на веточке или чешуйку ящерицы. Затем континентальная плита раскололась, начали появляться и таять ледники, заполняя водой Балтийское море и многочисленные озера. Смола окаменела, превратившись в «северное золото», и рассеялась по берегам Балтики, собравшись у мысов, на которых впоследствии возникнут города Данциг, Кенигсберг и Мемель¹³.

Из-за примитивных методов добычи — янтарь вылавливали из Балтийского моря вручную при помощи гигантских сетей — камень был очень дорог и использовался исключительно для изготовления мелких украшений или предметов культа, таких как алтари, шкатулки и четки. Но такое количество янтаря, как в подвалах дворца, Шлютеру видеть не приходилось.

Вероятно, Шлютер знал, что балтийский янтарь имел особое значение для прусской аристократии. В 1681 году курфюрст Фридрих-Вильгельм использовал янтарь для установления дипломатических отношений с Россией, отправив в Москву царю Федору III подарок в виде изготовленного из янтаря трона; царь назвал его «величайшей редкостью». Когда на следующий год из России пришли известия о болезни Федора III, Фридрих-Вильгельм послал в подарок зеркало в янтарной раме уже великому князю Петру, который, как сообщали шпионы курфюрста, должен был унаследовать трон. К зеркалу прилагался договор: доступ к стратегически важным незамерзающим портам Балтики в обмен на поддержку Россией претензий Пруссии на корону¹⁴.

Видимо, в подвалах дворца у Шлютера и зародилась оригинальная идея. Здесь хранилось столько янтаря, что им можно было облицевать целую комнату. План обрел реальные очертания 18 января 1701 года в Кенигсбергском замке, когда Фридрих был наконец коронован как король Пруссии; рядом с ним стояла София-Шарлотта, сверкая изысканными украшениями из янтаря. Новоявленный монарх сознательно выбрал для торжественной церемонии историческую столицу государства на Балтийском побережье, а для камней короны — выловленный в водах Балтийского моря янтарь. Шлютер немедленно послал в Копенгаген за резчиком.

Готфрид Вольфрам, придворный мастер датского короля, был специалистом по резным миниатюрам из слоновой кости, и его захватила идея Шлютера. Мастерские в Копенгагене могли изготавливать не более тридцати янтарных изделий в год, причем все они представляли собой миниатюры или небольшие украшения¹⁵. Для изготовления целой комнаты понадобятся сотни тысяч пластинок, которые необходимо как-то соединить вместе напоподобие гигантской составной картинке-загадки. Здесь требовался нетрадиционный подход. Готфрид Вольфрам прибыл в Берлин в 1701 году с рекомендацией от короля Дании Фредерика IV¹⁶. Нужно было спешить, поскольку влияние Эозандера усиливалось. В письме матери, датированном 3 мая 1702 года, София-Шарлотта называет молодого архитектора «оракулом во всем... что касается строительства»¹⁷.

Вольфрам упорно трудился, изготавливая янтарные пластинки размером с ладонь. Для этого он осторожно нагревал янтарь до температуры 140—200°С — эту новую технологию придумал Кристиан Поршин из Кенигсбергской гильдии, экспериментируя с изготовлением солнцезащитных очков из янтаря¹⁸. При большей температуре янтарь воспламенялся и сгорал. Расплавленные кусочки опускались в нагретую воду, настоянную на меде, льняном семени и коньяке, что придавало им пластичность, а затем застывали на специальной решетке, полировались и устанавливались на место в соответствии со схемой. Вольфрам приклеивал пластинки при помощи смолы, добытой из деревьев акации, и готовые панели напоминали витражи. Установленные на подложку из деревянных досок, покрытых тончайшими листами золота и серебра, эти янтарные стены (дюжина больших панелей высотой двенадцать футов, десять панелей высотой три фута и двадцать четыре секции плинтуса) буквально оживали при свете свечей¹⁹.

Работа продвигалась успешно, но вскоре она оказалась ненужной. В январе 1705 года во время поездки на карнавал в Ганновере София-Шарлотта заболела пневмонией. «Не печальтесь обо мне, потому что скоро я удовлетворю свое любопытство и узнаю о том, что не может объяснить Лейбниц — о космосе, о бесконечности, о бытии и небытии. А что касается моего супруга короля, то ему я приготовила похоронный спектакль, который станет для него еще одной возможностью продемонстрировать свои пышность и величие!» — писала она за несколько дней до смерти, наступившей 1 февраля этого же года; Софии-Шарлотте было тридцать семь лет²⁰.

В 1707 году внезапно оборвалась и карьера Шлютера — после того как рухнула 325-футовая башня, которую он сооружал для берлинского монетного двора. Расследование выявило ошибку архитектора — он построил башню на песчаном берегу. Шестидесятитрехлетний скульптор был отлучен от королевского двора. Он направился в Россию, где помогал строить на болотах новый город Санкт-Петербург²¹. В Берлине руководство созданием Янтарной комнаты перешло к Эозандеру, который уволил резчика Готфрида Вольфрама, обвинив его в слишком больших расходах и намеренном затягивании работы. На его место

архитектор нанял мастеров из Данцига Эрнста Шахта и Готфрида Турау.

Когда Вольфрам потребовал компенсации и отказался отдавать остатки янтаря, Эозандер силой ворвался в его мастерскую и забрал неоконченные рамы, панели и пластинки. Вольфрам нанял адвоката и подал на Эозандера в суд, но в результате сам оказался в тюрьме.

В конечном итоге Вольфрама освободили, но выслали из страны. Его последнее страстное обращение к королю Фридриху I совпало со смертью монарха, скончавшегося 25 февраля 1713 года. У Фридриха-Вильгельма I, унаследовавшего трон отца, не было времени на салонные глупости или на разорительный для казны Янтарный кабинет. Король-солдат увлекся созданием милитаристской сверхдержавы и не желал заниматься ерундой, да еще связанной с неприятными судебными тяжбами. Эозандер был отправлен в отставку вместе с янтарных дел мастерами Шахтом и Турау, которые так и не смогли разгадать головоломку Вольфрама. Фрагменты янтарного кабинета оказались в подвалах берлинского Цейхгауза²².

Анатолий Кучумов, который в советское время был хранителем Янтарной комнаты, проделал большую работу, чтобы восстановить этот фрагмент немецкой истории. Кедринский показал нам его записки, в которых говорится, что в 1940—1941 годах Кучумову помогали пять человек (причем исследования продолжались и во время эвакуации ленинградских дворцов): академик из союза реставраторов, сотрудник Эрмитажа, два работника Центрального государственного архива, в том числе заведующий читальным залом, и обучавшийся за границей советский студент, который искал документальные свидетельства в Германии, а затем отсылал собранный материал на Родину²³.

Читая эти составленные в 1943 году записки, понимаешь, что Кучумов пытался разгадать технологию, которую использовал Вольфрам при изготовлении янтарных панелей. В записках Кучумова также указываются документы, проливающие свет на обстоятельства переезда Янтарной комнаты в Россию. В 1716 году царь Петр I отправился во Францию через Германию, где состоялась его незапланированная встреча с Фридрихом-Виль-

гельмом I, во время которой обсуждалась и Янтарная комната. В придворной летописи царя Петра есть такие слова: «В Габельберге их величества встретились и пробыли вместе с 13 по 17 ноября; они поклялись друг другу в дружбе и обсудили интересующие их величества вопросы»²⁴. Правила этикета требовали обмена подарками, но оба монарха оказались неподготовленными. Прижимистого прусского короля в первую очередь интересовали расходы, и этот факт подтверждает русский шпион при дворе Фридриха-Вильгельма I:

Король выделил 6000 талеров для организации встречи. Однако министерству финансов было приказано использовать эти деньги так, чтобы покрыть расходы на поездку из Везеля в Мемель [современный город Клайпеда в Литве]. Он приказал, чтобы царя как можно лучше принимали в Берлине, но при этом заявил, что дополнительно не выделит ни одного пфеннига. «Вы должны сделать так, чтобы все узнали, что на встречу царя Петра я потратил 40—50 тысяч талеров», — добавил он»²⁵.

Король Фридрих-Вильгельм решил подарить русскому царю две роскошные вещи своего отца, которые не представляли для него интереса. Одной из них была некогда знаменитая яхта «Либурика», и придворная летопись сообщает, что Петр остался очень доволен подарком, — он не знал о плачевном состоянии судна, которое едва не затонуло вместе с командой при переезде из Гамбурга. В конечном итоге «Либурика» дотащила до Копенгагена, где яхту отремонтировали, а затем направилась в Санкт-Петербург, но в 1718 году ее пришлось вторично поставить на ремонт. (Согласно сохранившимся документам, ее переименовали в «Корону»; судно не покидало набережной Невы, а в 1741 году его отправили на кладбище кораблей.)²⁶

Вторым экономным подарком была Янтарная комната. Король Фридрих-Вильгельм знал об увлечении царя Петра янтарем. В 1696 году, через год после вступления на престол, юный Петр I отправился инкогнито путешествовать по Европе. Под именем бомбардира Петра Михайлова он побывал в Швеции, Польше и Пруссии. В Восточной Пруссии в городе Кенигсбер-

ге он подпал под очарование янтаря — городские шарлатаны выдавали его за чудодейственное средство, способное исцелять от всех болезней, начиная с ревматизма и кашля и кончая зубной болью, воспалением горла и сглазом. «Бомбардир Петр Михайлов» даже купил популярный в те времена трактат Хартмана о янтаре «Succini Prussici».

Анатолий Кучумов также разыскал статью, написанную в 1877 году директором Московского архива министерства иностранных дел и подтверждавшую обстоятельства передачи Янтарной комнаты Петру I в 1716 году²⁷. Король Фридрих-Вильгельм I нанял янтарных дел мастеров, которые упаковали головоломку Вольфрама в восемнадцать корзин. Каждую выстелили фланелью, обложили соломой и обернули в пропитанный воском непромокаемый холст. Корзины погрузили на восемь телег и приставили к ним механика и охрану. Наблюдал за всей этой процедурой граф Александр Головкин, доверенное лицо царя Петра.

Янтарный груз проследовал в Санкт-Петербург через Кенигсберг, столицу Восточной Пруссии. Дороги были ужасными, и телеги пришлось ремонтировать. Ящики накрыли кожей, потому что дожди привели в негодность пропитанный воском холст. Затем обоз направился в Мемель. Путь занял шесть недель — подводы двигались со скоростью улитки, чтобы ухабы на дорогах не нанесли вреда ценному содержимому ящиков. Вся операция по доставке Янтарной комнаты в Санкт-Петербург обошлась скупому прусскому королю в 205 талеров.

Когда Кучумов изучал собрание документов «Переписка русских царей», составленное в 1861 году и хранившееся в библиотеке Эрмитажа, он обнаружил несколько писем царя Петра жене Екатерине. Одно из них было отправлено 17 ноября 1716 года. В нем царь сообщает о том, что встреча с прусским королем заканчивается и что беседы оказались очень полезными. В постскриптуме Петр упоминает о двух сделанных ему подарках — роскошной яхте и Янтарной комнате, о которой он давно мечтал²⁸.

Царю нечего было предложить взамен, и он подарил королевской кухне тридцать шесть дукатов, а королевского коменданта наградил драгоценной саблей. Письмо Петра, отправлен-

ное Фридриху-Вильгельму из эстонской столицы Таллин, свидетельствует о том, что царь в конечном итоге ответил достойным подарком. Он поручал своему курьеру Толстому преподнести в дар королю пятьдесят пять великанов-гренадеров — столько их нашлось во всей стране. Кроме того, он обещал прислать построенную в Санкт-Петербурге баржу и токарный станок. Еще один небольшой презент — это собственноручно изготовленный царем кубок²⁹.

Кучумов нашел и ответ Фридриха-Вильгельма, датированный октябрём 1718 года. В нем король-солдат выражал радость от полученных подарков: гренадеров, баржи, токарного станка и кубка³⁰.

Потребовалось довольно много времени, чтобы найти и отправить в Пруссию достаточное количество «великанов» из русских солдат, чтобы должным образом компенсировать такой подарок, как Янтарная комната. В 1720 году граф Головкин, исполнявший должность российского посла при прусском дворе, сообщал о прибытии капитана Чернышева с десятью солдатами, которые будут переданы в дар его величеству королю Пруссии³¹. В 1724 году прибыли еще двадцать четыре человека, одного из которых звали капитан Бандемир.

Ящики с панелями Янтарной комнаты были доставлены в летний домик Петра на берегу Невы в середине 1717 года, где их принял генерал-губернатор Александр Меншиков. Судя по документам, на которые ссылался Кучумов, его интересовало одно: как русским удалось сделать, что оказалось не под силу немецким мастерам. Кучумов пытался выяснить, каким образом собирали Янтарную комнату, — эта информация ему нужна была летом 1941 года, чтобы успеть демонтировать панели до прихода немецких войск.

Вероятно, Кучумов испытывал горькое разочарование, читая строчки из дневника Меншикова, датированные 2 июля 1717 года. Генерал-губернатор сообщал о длившемся два часа обеде, а затем о том, что после обеда в течение часа осматривал прибывшие из Пруссии ящики³². Увиденное привело его в ужас. Он пишет в дневнике, что панели были разбиты. Многих фрагментов не хватало, другие крошились прямо в руках. Через три дня он пишет Петру в Париж, мужественно описывая масшта-

бы катастрофы. Он сообщает, что лично осмотрел Янтарную комнату, присланную царю королем Пруссии, и оставил ее в тех же ящиках в большой гостиной. Почти все панели были в хорошем состоянии. Из некоторых выпали небольшие фрагменты, но их можно приклеить на место, а разбитые заменить новыми. В заключение Меншиков пишет, что подобного великолепия ему еще не приходилось видеть³³.

Была ли Янтарная комната снабжена инструкцией по сборке? Кучумов нашел в Центральном государственном архиве папку «Кабинет Петра Великого», в которой среди прочих документов содержалась опись Янтарной комнаты, подаренной «его величеством королем Пруссии его величеству русскому царю». Опись была датирована 13 января 1717 года и содержала рекомендации по сборке Янтарной комнаты³⁴.

Петр хотел, чтобы Янтарная комната стала его кунсткамерой, небольшим собранием редкостей, — идея, позаимствованная у Версаля. Но в России не нашлось человека, способного собрать головоломку Вольфрама, и мечта Петра Великого осталась в Летнем домике до самой смерти царя в 1725 году³⁵.

Кедринский вытер пот со лба и продолжил рассказ. К 24 июня люди уже не отходили от радиоприемников. Внимательно изучали «Ленинградскую правду». Читали и перечитывали «Известия». Даже мельчайшая крупица информации была лучше, чем ничего. Тем не менее в старом добром Ленинграде было беспокойно. Как любили повторять русские, в «Правде» нет известий, а в «Известиях» нет правды³⁶.

Затем пришли указания от властей. Жители должны были начать превращение города в неприступную крепость.

— Повсюду висели плакаты, призывавшие к защите Родины, — вспоминал Кедринский. — Все принялись рыть окопы и строить укрепления. В окрестностях города женщины лопатами копали противотанковые рвы, не прекращая работ даже при приближении фашистских войск. Смена длилась 15 часов. В небе висели дирижабли, заслоняя солнце.

Памятники и статуи были затянуты маскировочной сеткой. «Медный всадник», установленный Екатериной Великой на берегу Невы, превратился в бесформенную пирамиду из меш-

ков с песком. В целях маскировки верхолазы сняли золотое покрытие шпиля Петропавловского собора на противоположном берегу реки.

— Вместо защиты диплома мне пришлось защищать город, — мрачно произнес Кедринский. Его отправили в самый конец Московского проспекта с транспортом так называемых противотанковых ежей, которые по замыслу Красной Армии должны были замедлить наступление немецких войск. — На каждой крыше мы строили посты противовоздушной обороны.

Дальше, в направлении дворцов Царского Села и Павловска располагалась полоса брошенных дач и огородов. Оттуда ушли все, кроме Кучумова и его людей, которые продолжали паковать царские сокровища. Они должны были первыми принять на себя удар нацистских войск, когда бы это ни случилось.

А что с Янтарной комнатой?

Казалось, Кедринского раздражало, что его отвлекают от воспоминаний о прошлом. Но мы не могли оставить этот вопрос без ответа. Как бы то ни было, перед нами сидел «жрец» священного Екатерининского дворца.

— Вы должны понимать, что этот материал мне доверили для работы над книгой, над историей великого дела, — хитро прищурившись, он достал из кипы несколько листков. — Вот последние слова, написанные Кучумовым перед тем, как нам пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть. — Он принялся читать дневник Кучумова. — Из Ленгорисполкома пришел приказ. По поводу Янтарной комнаты. Предписывалось не рисковать, а принять меры, чтобы спрятать это уникальное сокровище на месте.

Рекомендации Кучумова отказаться от эвакуации Янтарной комнаты были приняты. Он должен был спрятать ее, соорудив поверх фальшивую комнату. Со швейной фабрики доставили рулоны кисеи и холщовой ткани. Янтарные панели были тщательно укрыты сначала кисеей, а затем слоем ватина и слоем холстины. Вся комната была оклеена гессенскими обоями. Наборный паркет из разноцветных пластин редких пород дерева засыпали песком. Внутри всех ваз, слишком больших, чтобы их можно было эвакуировать, налили воду, чтобы гасить ударную волну от взрывов. Окна были крест-накрест заклеены полоска-

ми бумажной ленты и изнутри забиты досками. Настенные бронзовые канделябры сняли и спрятали в ящики. Так же поступили с четырьмя флорентийскими мозаичными панно, изображавшими органы чувств и висевшие поверх Янтарных стен. Двенадцать стульев, три карточных столика, два сундука, плевательница и икона тоже покинули комнату.

— Кучумов не мог больше ничего сделать. — Кедринский поднял глаза от бумаг. — И тем не менее новые распоряжения продолжали поступать.

Товарищ Ладухин сообщил Кучумову, что во дворцах он больше не нужен. Молодой куратор, вероятно, подумал, что ему пришла пора отправляться на фронт, где десятки тысяч необученных и плохо вооруженных молодых солдат маршировали навстречу закаленной в боях группе армий «Север» под командованием генерала Вильгельма фон Лееба. Однако приказ собирать вещи получила и жена Кучумова Анна Михайловна. Дальнейший разговор Кучумов воспроизводит в своем дневнике. «Анатолий Михайлович, боюсь, вам придется покинуть Ленинград, — сказал Ладухин. — Вы должны сопровождать первый эшелон эвакуируемых ленинградских детей. Вы и ваша жена отвезете сокровища в надежное место».

Кедринский немного помолчал и добавил:

— Они уехали в тот же вечер, 30 июня 1941 года.

Судя по дневнику Кучумова, он последний раз пробежал по пустым коридорам и залам дворца, срезая образцы тканей с занавесей, скатертей, обивки стульев и складывая их в карман пиджака; он хотел, чтобы в его мозгу отпечаталось внутреннее убранство дворца, в который он был полон решимости вернуться. Среди предметов, которые Кучумов захватил с собой, были двадцать восемь фрагментов и осколков, отколовшихся от стен бесценной Янтарной комнаты, которая теперь была спрятана под слоем ватина и обоев.

Кедринский продолжал читать отрывки из дневника Кучумова.

— На вокзале меня ждал комиссар Иванов. Мы обменялись рукопожатием. Затем я вошел внутрь товарного вагона, закрыл дверь, замотал ее для надежности проволокой, лег на ящики и стал ждать отправления. Меня разбудил сильный толчок — по-

езд тронулся. Было пять часов утра. Солнце сияло. Стояло чудесное утро. Я уезжал из города, и из окна вагона он был похож на огромный зеленый остров посреди равнины. Над ним сияли золотые купола соборов. Что нас ждет по возвращении, и с чем мы прощаемся навсегда?

В 17 железнодорожных контейнерах в глубь страны ехали 402 ящика с ценными экспонатами — в сопровождении Анатолия Кучумова и Анны Михайловны.

— А я остался, — сказал Кедринский. — Я сидел на крыше со своей снайперской винтовкой. Мне не разрешили уехать из Ленинграда. Я сидел в железном колодце, крепко держась за край, и ждал, ждал. Товарищ Молотов приказал нам сделать все возможное для защиты Родины, и мы следовали его указаниям. В точности. Наполняли бутылки бензином и паклей. Зажигательные бомбы для гитлеровцев. Они должны были найти смерть на нашей советской земле. А потом мои дежурства на крыше закончились, и меня отправили на фронт.

— Я вошел в бункер, весь дрожа от страха, — продолжал Кедринский. — Угадайте, какой я получил приказ, когда началась эта бойня? «Рисуй», — сказали генералы. Я стал военным художником. С целью поднятия духа солдат на фронтах товарищу Сталину требовались плакаты. Их развешивали в полевых госпиталях и военных магазинах и на них изображали Суворова, победителя битвы при Кинбурне в 1787 году, который перевел свою армию через Альпы. Я должен был рисовать и новгородского князя Александра Невского, который 700 лет назад остановил первое немецкое нашествие. Я рисовал русских героев для наших ребят на передовой.

Звук открывающихся дверей оторвал нашего собеседника от воспоминаний. К нам шел жилистый худой человек в суконной куртке; его рот под рыжей бородой кривился в подозрительной усмешке. Он что-то прошептал на ухо пожилому ученому. Кедринский тут же встал, сунул ноги в войлочные тапочки, которые он использовал вместо обуви, и накинул серое пальто.

— Мой сын говорит, что я рассказал вам более чем достаточно и что у меня будут неприятности с Бардовской.

А как же великое дело? Мы уже зашли довольно далеко, и

нам ничто не мешает продвинуться еще чуть-чуть. А что Кучумов? Не мог бы он хотя бы организовать встречу с Анатолием Кучумовым, хранителем Янтарной комнаты?

— Это, друзья, выходит за границы моих возможностей, — ответил Кедринский; его сын придерживал распахнутую дверь. — Кучумов мертв.

Кедринский подергал ящик письменного стола, проверяя, надежно ли он закрыт. Человек, восстановивший Ленинград, погасил окурок сигареты «Петр I» и удалился шаркающей походкой в сопровождении своего недоверительного сына. Мы последовали за ним, отстав на несколько шагов, и вскоре оказались в гуще метели, обрушившейся на замерзшее Царское Село и запорошившей пути к отступлению.

Царь Петр I

Глава 2

Мы находились в России уже шесть недель, но никаких зацепок нам обнаружить не удалось. Мы жили, словно крысы, в построенном в имперском стиле многоквартирном доме, в восточной части Невского проспекта. Чугунная парадная дверь здания запиралась на кодовый замок: чтобы ее открыть, нужно было набрать «279». Ее петли скрежетали, как гигантские зубы, а за ней открывалась полутемная лестница. Электрические лампы на лестничной площадке были украдены, и мы ногами нащупывали липкую тряпку на гранитной плите подъезда. На сколотых ступеньках были видны пятна крови, оставленные жильцом четвертого этажа, мастером судостроительного завода, в начале года потерявшим работу и теперь выходящим только по ночам, чтобы охотиться на бездомных животных.

Каждый день мы преодолевали три пролета потемневших известняковых ступенек и оказывались перед стальной дверью, ведущей в наше жилище. За ней была еще одна, внутренняя дверь — деревянная и обитая дерматином. Зазор между ними был достаточно широк, чтобы в нем мог поместиться человек. Формально нас ничто не удерживало, но мы чувствовали себя запертыми в этой квартире. За углом у гостиницы «Октябрьская» дрались пьяные, ослепленные водкой и не замечавшие великолепного вида вокруг: города-героя Ленинграда.

Иногда звонил телефон. Розетка располагалась в дальнем конце комнаты, и нам приходилось бежать к аппарату — нередко только затем, чтобы убедиться, что звонивший уже повесил трубку. Библиотеки города не работали. В конце января 2002 года столбик термометра опускался до минус 35°C, и от мороза лопались трубы. Никто не знал, что стало с личным архивом Кучумова или документами Янтарной комнаты (если таковые вообще существовали). Государственный, центральный, исто-

рический, партийный и литературный архивы отрицали наличие у них интересующих нас материалов и всеми способами старались не пустить нас внутрь здания, пока наша заявка не будет утверждена в результате малопонятного процесса, у которого не было начала и, вероятно, конца. Нам говорили, что директора архивов находятся на дачах, расположенных на берегу Ладожского озера к востоку от города, но там приветливые экономки отвечали нам: «Никого нет дома». Директор Екатерининского дворца уже больше месяца пытался выделить для нас время в своем плотном графике. Мы сидели и ждали, пытаясь справиться с ощущением, что оказались в ловушке, перечитывали запись беседы с Кедринским, разрабатывали стратегию выхода из тупика, читая и перечитывая историю Ленинграда и надеясь, что в одно холодное утро к нам не постучат в дверь и не обвинят в преступлении, которого мы не совершали.

На карте города мы насчитали не менее девяти Советских улиц, а наш дом располагался на 7-й Советской. На углу частные машины «Скорой помощи» конкурировали в погоне за клиентами — там разгорелась новая драка. Десятки водосточных труб, спускавшихся с высоких крыш, время от времени извергали цилиндры льда, и эти замерзшие снаряды падали к ногам ничего не подозревающих прохожих с такой скоростью, что это грозило серьезными переломами. Асфальт, покоробившийся за десятилетия морозов и оттепелей, был покрыт кашей из почерневшего снега с вкраплениями помета свирепых питбультерьеров, которых их хозяева наряжали в собачьи боевые жакеты. Каждый день у дома номер семь по улице Советской, даже когда мороз становился совсем невыносимым, маленькие мальчишки счищали соль с припаркованного у тротуара новенького «Мерседеса», купленного на неизвестно какие деньги, пока их грубые лица не начинали отражаться в отполированном до блеска кузове.

Любимая пословица жителей Санкт-Петербурга гласит: «Все запрещено, но нет ничего невозможного». Это любимое выражение бритоголовых бандитов, поигрывающих пистолетами у ночного эротического кабаре «Золотые куколки». Или дам с круглогодичным черноморским загаром, которые обедают в новом японском баре в невероятно дорогом ресторане «Тинь-

кофф» (в каждой руке палочки, которыми протыкают суши). Для людей из города Алексея Толстого этот девиз олицетворяет русский вариант мошенничества, иллюзию передачи власти, где испуганная элита склоняется перед реформаторами, которые оказались людьми в равной степени мстительными и жадными, согласными сделать для вас все, если вы назовете устраивающую их цену.

Мы позвонили знакомой наших знакомых, бывшему профессору бывшего Ленинградского университета. Она имела репутацию эксперта в вопросе выявления потенциальных источников информации. Архив патриота, и особенно такого ранга, как Анатолий Кучумов, а также тайна калибра Янтарной комнаты представляли собой товар, ценность которого не поддавалась измерению. Умирая, герой или легенда советских времен не исчезал бесследно — его документы частично засекречивались, а по большей части разворовывались. Поэтому еще до того, как тело Кучумова предали земле, многие из тех, кого он считал своими товарищами, вне всякого сомнения, начали припрятывать его бумаги, хранившие память о его жизни и работе, в надежде, что когда-нибудь эти документы принесут доход.

В постсоветской России информация — это твердая валюта, и развитию этой тенденции в равной степени способствовали и российские ученые, впервые получившие доступ к прошлому, и западные исследователи, щедро платившие за исторические документы, которые можно было упаковать и вывезти из страны.

Профессор предложила встретиться в кафе «Колобок» поблизости от нашего дома, где официантки в красных фартуках в обеденное время разносили тысячи одинаковых тарелочек с бараньими котлетами и «шубой» — маленькими кубиками соленой рыбы под заправкой из свеклы и укропа.

Существует ли российский аналог справочника «Кто есть кто», поинтересовались мы у профессора. Пока она обедала, мы высчитывали, как добраться до современников Кучумова.

— Очень забавно, — ответила пожилая женщина. — Кому какое дело, кто есть кто? Мы привыкли подавлять свое любопытство.

— И что же нам дальше делать? — спросили мы.

— Ничего, — сказала она. В эти выходные она поедет на свою дачу в пригороде Санкт-Петербурга, населенном художниками и музейными работниками. Попробует навести справки. Посмотрим, что из этого выйдет.

Ничего не поделаешь. Мы побрели в свою квартиру, в которой смешался старый и новый мир. В одной половине (ванная комната и кухня) был сделан современный ремонт — отливающие перламутром обои, полы с подогревом, сияющий кафель — тогда как во второй (спальня, столовая и гостиная) бросались в глаза обшарпанные стены и грязная побелка. В гостиной стояло расстроенное пианино с пышными канделябрами. Фотографии другой семьи: дети, пикник, свидание у озера. Хрустальная шкатулка — интересно, кому она принадлежала? — позвякивает всякий раз, когда ледяной ветер со двора ударяет в окна. Все это осталось от незнакомых людей, бывших обитателей квартиры на 7-й Советской улице, продолжающих жить среди нас. Это призраки, присутствие которых мы часто ощущали, но которых никогда не видели, — подобно всему остальному в нашей российской жизни: Анатолию Кучумову и главному делу всей его жизни, Янтарной комнате.

Телефонный звонок заставил нас броситься к аппарату. Мы расположили телефон в центре коридора, до отказа растянув шнур. На этот раз нам удалось добежать вовремя, но абонент повесил трубку.

Ворочаясь в чужих постелях, мы мечтали поскорее оказаться в кабинете директора Екатерининского дворца. Встреча была назначена на следующее утро.

Утро зимнего дня, серого и мрачного, как больничное белье. Наш факсимильный аппарат пробуждается к жизни: «Встреча с доктором Иваном Петровичем Саутовым, директором Екатерининского дворца, назначена на 2 февраля 2002 года». Завтра.

Мы довольны и приятно возбуждены. В городе много говорят о своеобразии доктора Саутова, и вполне вероятно, что часть слухов распространяется им самим. Один из его бывших коллег, вынужденный уйти из Екатерининского дворца, называет его «царем». Говорят, что на празднование своего пятидесятилетнего юбилея он расставил вдоль дороги в Царское Село мел-

ких служащих с чарками водки. Вероятно, коллеги были изумлены, но также испытывали священный трепет перед начальником — по всей видимости, именно такого эффекта Саутов и хотел добиться¹.

Вместе с приглашением на встречу с директором мы получили и краткую биографическую справку. Саутов Иван Петрович, пятьдесят пять лет, родился в семье военнослужащего в городе Таллине, Эстония, выпускник престижного Ленинградского инженерно-строительного института, где так внезапно оборвалась учеба Александра Кедринского. На протяжении тринадцати лет Саутов возглавлял Государственную инспекцию по охране памятников Санкт-Петербурга. В 1987 году на общем собрании коллектива сотрудников музея-заповедника он был единогласно избран на должность директора Екатерининского дворца в Царском Селе. Слово «единодушно» было подчеркнуто. Саутов занял эту должность в то время, когда Кучумов еще был главным консультантом, и это значит, что он должен знать, что стало с личными бумагами хранителя Янтарной комнаты.

Перечень достижений директора впечатлял: золотая медаль ВДНХ в 1984 году, орден Дружбы от президента Ельцина в 1997-м, Государственная премия Российской Федерации и орден Благоверного московского князя Даниила II степени. Биографическая справка завершалась следующими словами: «Новаторская деятельность и подвижнический труд [именно так!] Саутова И.П. подчинены высокой и вечной цели: сохранить и передать потомкам богатства отечественной культуры». Что же мы могли предложить «Царю»?²

У нас плохо получалось ничего не делать. Мы должны были подумать, разработать план дальнейших действий и в конце концов просто отпраздновать первый успех подальше от мрачной 7-й Советской улицы, в неярком свете зимнего Финского залива. Мы сели на Невско-Василеостровскую линию метро (на карте она обозначена зеленым цветом) и через тридцать минут вышли на станции «Приморская», вокруг которой громоздились многоквартирные дома. Отставные моряки в рваных полосатых тельняшках ныряли в глубь каменных трущоб, словно ласточ-

ки, в сумерках охотящиеся на мух. В пропитанном парами алкоголя студеном воздухе кружились парочки. Позади домов мы наконец почувствовали запах Балтики — в лицо ударил обжигающий ветер с Финского залива.

Начинало темнеть, и по песчаному берегу протянулась цепочка огоньков, освещающая сотни пластиковых шатров и фальшивых «изб». Снаружи становилось холодно. Несколько девушек позвали нас к себе: «Выпейте с нами — мы отмечаем беременность подружки». У нас в руках оказались пластмассовые стаканчики с пивом «Балтика», и мы начали отмечать этот импровизированный «baby shower», поднимая тосты за счастливый случай, собравший на берегу незнакомых людей. Затем все ввалились в «избу», где парень играл на гармонике, и стали хором петь песни, которые мы раньше никогда не слышали. «Танцы, Андрей, танцы!» — выкрикнула темноволосая девушка, кружась все быстрее и быстрее.

Пиво сменила водка «Русский стандарт» — чтобы как следует отпраздновать зачатие ребенка, с родителями которого нас еще не познакомили. Русские сравнивают первую рюмку водки с горьким лекарством. Вторая рюмка идет легче, но рассматривается лишь как переход к третьей, которая действует как удар кулаком, высвобождающая страсти и хороня мысли о трезвости. Вскоре мы уже не видели и не ощущали ничего, кроме морозного воздуха, открытой двери домика, запаха Балтийского моря и хрустящего снега.

Маршрутка привезла нас к запыренному снегом Екатерининскому дворцу. Мы выпрыгнули из микроавтобуса в мягкий белый снег, расставшись с задумчивыми попутчиками, которые с подозрением рассматривали наши помятые лица. Поездка на метро к остановке маршрутного такси в конце Московского проспекта была ужасной: в душном вагоне на нас со всех сторон дышали перегаром, и всю дорогу мы стояли, притиснутые к рекламе «Коктейля Молотова» («революция в напитках»), а в наших сумках неловко шарил четыре вора-карманника с монголоидной внешностью.

Мы еще не были представлены доктору Саутову, и поэтому нам пришлось идти через главный вход, покупать билет, надевать поверх мокрой от снега обуви пластиковые тапочки и вме-

сте с толпой посетителей подняться по лестнице Монигетти мимо бронзового «Спящего купидона» Бродского. Мы прошли через золоченые двери, миновали череду гостиных и оказались в помещении, напоминающем наполовину разобранные сценические декорации — одна сторона сияла канделябрами, золотыми херувимами и мозаикой из янтарных ромбов, а другая являла нагромождения голых досок и пластиковой обшивки. Группы туристов сновали мимо, вздыхая на разных языках — французском, немецком и русском — «La chambre d'ambre», «Bernsteinzimmer», «Янтарная комната». Мастера доктора Саутова создавали копию Янтарной комнаты, и хотя в этой конструкции еще трудно было разглядеть создание Андреаса Шлютера, слово «Янтарная» звучало завораживающе на любом языке.

Мы немного приободрились и направились в служебные помещения. На пороге директорского кабинета группа морских офицеров прощалась с доктором Саутовым — медвежьи объятия, поцелуи, вздымающиеся, словно паруса, тульи фуражек. Войдя в кабинет, мы оказались перед огромным столом полированного дерева. Доктор Саутов видел, что мы заметили серию фотографий, на которых он был запечатлен вместе с президентами Путиным и Клинтонем, а также с английской королевой Елизаветой II.

Директор был облачен в блестящий итальянский костюм. Перьевая авторучка, которой он постукивал по крышке стола, имела янтарный колпачок. За его широкой спиной на стене висел рисунок, который мы уже видели в кабинете Кедринского, — теперь мы уже знали, что это план оригинальной Янтарной комнаты. С другого конца кабинета нам улыбалась женщина лет шестидесяти с серьезным лицом, обрамленным платиновыми волосами.

— Добро пожаловать в Екатерининский дворец, — произнес доктор Саутов. — Позвольте представить вам Ларису Бардовскую, нашего главного куратора.

Бардовская. Женщина, о которой упоминал Кедринский. Кого он явно боялся. Что знают директор и Бардовская о нашей несанкционированной встрече с Кедринским? Директор снова постучал своей янтарной авторучкой по крышке стола, как бы призывая всех заняться делом.

Мы начали свою вступительную речь — шаткую и не очень содержательную конструкцию. Никто, кроме доктора Саутова, не поможет нам узнать о Кучумове и о Янтарной комнате, а книга, которую мы собираемся написать, будет хорошей рекламой для музея. Саутов прервал нас и произнес собственную речь. «Ключ ко всему — это понимание янтаря, — заявил он, постучав авторучкой по голове. В душном кабинете нас начинало клонить в сон. — Эта доисторическая смола имеет слабый статический заряд, и поэтому в России используют янтарь в медицинских целях. Каждый год я езжу в Светлогорск, снимаю одежду и катаюсь по балтийскому янтарю».

Мы едва не рассмеялись, представив себе его тучное тело, катающееся по измельченному янтарю, и отвлеклись на размышления об унылом Светлогорске. В советские времена партийная номенклатура строила себе дачи в этом прибрежном городке рядом с Самландским полуостровом, неподалеку от месторождения «северного золота». Они приезжали на берег Балтийского моря на веренице «зиллов» и пили чай, а любовницы натирали их янтарем.

— Что они от меня хсят? — Доктор Саутов обратился к Бардовской. Мы впервые обратили внимание на его огромные, похожие на бейсбольные биты руки, лежавшие на столе. — У них есть опыт? Какая у них специализация? — он повернулся к нам. — Вы раньше работали с музейными экспонатами? Вы понимаете природу архивов?

Все эти вопросы были вполне уместны, но задавались они ледяным тоном. Мы представили рекомендации. Разумные люди. Соблюдают правила. Будут сотрудничать.

Опять раздался стук янтарной авторучки по столу.

— Думаю, мы не понимаем друг друга. — Саутов отхлебнул чай из чашки.

Разомлевшие от водки, выпитой вчера на берегу Финского залива, и распарившиеся в жарком кабинете, мы бы тоже не отказались от чая, но нам пришлось потрескавшимися губами рассказывать о своей книге.

Директор раздраженно стукнул кулаками по столу, и в разговор вмешалась Бардовская.

— Какая информация вам нужна?

Может быть, водка повлияла на наши умственные способности? Мы не могли сказать, что нам нужно, пока не узнаем, что у него есть.

— А что получит Екатерининский дворец? — спросила Бардовская, наклоняясь к нам.

— Мы не благотворительное заведение, — прогудел Саутов. — Почему вы должны делать деньги на нашей информации? Ценной информации. Дорогостоящей информации. Ну-жен контракт.

Бардовская, задумчиво разрисовывавшая серию «двоек» в своем блокноте, внезапно вмешалась в разговор:

— Второй день второго месяца второго года нового тысячелетия — неудачный день для заключения сделок.

Директор проигнорировал ее замечание.

— Обязывающий официальный документ. Я привык подходить к таким вещам профессионально.

— Все должны подписывать контракт. — Бардовская придвинулась ближе. — Спилберг подписал и уплатил полмиллиона за использование Зеркальной залы. Элтон Джон устраивал вечеринку и пожертвовал 250 тысяч долларов. Необязательно деньги, — она улыбнулась. — Киногруппа из Голливуда оборудовала помещения для персонала кондиционерами. Один издатель подарил 1000 экземпляров своей книги. Весь мир имеет дело с нами. Все, кто владеет информацией, приходят сюда, к доктору Сауту, и поэтому мы лучше других знаем цену попыткам поиска Янтарной комнаты, — сказала Бардовская, вытаскивая из сумки кожаный альбом.

Она продемонстрировала нам страницы с некрологами в траурной рамке, фотографиями и визитками, на каждой из которых была надпись от руки: «покойся в мире». На одной странице были собраны нечеткие фотографии преступлений — разрушенные взрывом газа дома, разбитые автомобили, засыпанные опавшей листвой тела.

— Неужели все эти инциденты связаны с поисками Янтарной комнаты? — поинтересовались мы.

— Это конфиденциальный материал, — кратко ответила Бардовская, пряча кожаный переплет на место. — Его присла-

ди нам из Берлина после нашей выставки «Mythos Bernsteinzimmer», и он не предназначен для публикации.

Директор облокотился на стол и прошептал:

— В мае 2003 года у меня здесь будут сорок глав государств. — Он сцепил свои широкие ладони, и мы согласно кивнули, хотя не догадывались, к чему он клонит. — И я поведу их в реставрированную Янтарную комнату. Вы ее видели? Это ваш последний шанс. — Он встал и прошелся по душному кабинету. — Я намерен закрыть незавершенную экспозицию, пока она не будет готова. Скажем, через пару дней. — Бардовская энергично кивнула. — А в мае 2003 года на трехсотлетнем юбилее города я сдерну покрывало и продемонстрирую миру воссозданное нами чудо. Понимаете?

Мы понимали и со страхом думали, что это плохая новость для нашей книги.

— У нас есть опытный архитектор, который изучал старинные технологии, — ветеран, знающий, как собиралась оригинальная комната. Вы, конечно, уже знаете об этом, поскольку беседовали с Александром Кедринским.

Итак, они все знали о нашей встрече.

— Александр Кедринский составляет специальный каталог, в котором будет рассказано о нашей трагической утрате и о великом деле восстановления. О том, как мы все собирали заново. Совершенно очевидно, что вы пишете еще одну книгу и что она не должна конкурировать с нашей, — директор встал из-за стола, и кто-то открыл дверь его кабинета снаружи.

Мы опасались, что Саутов решил отказать нам, но он неожиданно сменил тон.

— Отправьте мне сегодня факс с перечислением того, что вам нужно, и Бардовская подсчитает, сколько стоит эта информация.

Мы ответили, что не знаем содержания его архивов.

— Заключите сделку, — с улыбкой прокудахтала Бардовская. — Мы составим контракт. За все нужно платить. Правда? Из ничего получится ничего — кажется, это старая английская поговорка.

Лицо директора застыло в прощальной улыбке.

— Пришлите мне факс, — сказал он. — Мы выделим одного

Янтарная мастерская в Екатерининском дворце

из сотрудников, который будет наблюдать за вашей работой, — последние слова заглушила закрывшаяся за нами дверь кабинета, и мы оказались в приемной.

Для нас организовали краткую экскурсию в Янтарные мастерские. Нам указали на неприметную железную дверь без надписи в десяти шагах от директорского кабинета. До нее нужно было идти по заснеженному двору. Внутри кипела работа. Пятьдесят два мастера — бывших шахтеров, резчиков по камню и сварщиков — лихорадочно сверлили, шлифовали и полировали, наполняя воздух сладковатой на вкус пылью. «Добрый день», — руководитель мастерской по обработке янтаря Борис Игдалов протянул нам пухлую ладонь, предварительно вытерев ее о полу халата. Он представился, и по его тону мы поняли, что он не в первый раз принимает иностранцев.

— Реконструкция Янтарной комнаты — это долгое и кропотливое дело, — скучным голосом начал рассказ Игдалов и вытер платком лоб. — Работа ведется почти двадцать лет, но еще не завершена, — он провел нас по мастерской. — Мы кипятим янтарь в различных маслах, — от бурлящих сосудов поднимался пар. — Внутри янтаря можно аккуратно ввести растения и даже вишневые косточки. Но, — добавил он, ведя нас в другую комнату, — все это секреты ремесла.

Игдалов остановился рядом с человеком, выгружавшим осколки янтаря на поднос. Тот поднял голову и рассмеялся, увидев, что его терпеливому начальнику сплывили очередных гостей. «До перестройки я был парторгом на военном судостроительном заводе, — произнес мастер, знавший, что ждут от него иностранцы. — Из парработников в мастеравые».

Борис Игдалов пошел дальше, и мы оказались на складе сырья, заваленном грязной галькой и кусками камня медового цвета.

— Все это доставляют из Калининграда. Для реконструкции потребуется шесть тонн янтаря. Большая часть конфискована у иностранцев. Мы не можем себе позволить покупать камень. В 1997 году Виктор Черномырдин прислал нам несколько тонн, а недавно калининградская таможня подарила янтарь, конфискованный у японского бизнесмена, — Игдалов направился в свой кабинет, не прерывая рассказа. — Но этого недостаточно.

Мы оказались в коридоре, по которому гулял сквозняк.

— В 1999 году мы были вынуждены приостановить работу, и если бы не немецкая компания «Рургаз», согласившаяся спонсировать нас, новая Янтарная комната никогда не была бы закончена, — сказал Игдалов и, прощаясь, протянул нам руку, снова вытерев ее о полу халата. Мы снова оказались у железной двери, выходящей на заснеженный двор.

С трудом верилось, но в непробиваемой обороне Екатерининского дворца, похоже, обнаружилась брешь. Вечером мы отправили факс с подробным изложением исследований, которые нам не терпелось начать. Мы рискнули предположить, что именно может содержаться в архиве Екатерининского дворца.

Позже позвонила наша знакомая, но она почти никак не отреагировала на рассказ о том, как мы очаровали доктора Саутова и уговорили его рассмотреть нашу просьбу.

— Я тоже очень рада, — наконец кратко сообщила она. Проведенные на даче выходные позволили выйти на одного из современников Кучумова, близко знавшего его, но не достигшего такой славы. Мы должны приехать немедленно. Это пожилой человек.

«Озерки» — это предпоследняя станция Московско-Петроградской линии метро, расположенная на малонаселенной ок-

раине города. К тому моменту, как мы поднялись из подземки, тьма вновь окутала Санкт-Петербург. От свежеевыпавшего снега пригород сиял холодным голубоватым светом. Вскоре мы разыскали нужный адрес — панельный дом постройки 70-х годов с крошечными квартирками, владельцы которых украсили их деревянными, покрытыми лаком входными дверьми. Мы преодолели восемь лестничных пролетов и нажали кнопку звонка, который сыграл мелодию «Дубинушка». Дверь слегка приоткрылась, и мы увидели пару холодных глаз. Затем лицо хозяина расплылось в широкой улыбке. «Пожалуйста, заходите, — он указал на большой тростниковый коврик, на котором стояли его серые валенки и несколько пар тапочек. — Я Владимир Телемаков». Голубой галстук, синий джемпер с V-образным вырезом под мятым лавсановым пиджаком. Он принарядился ради такого случая. Наверное, мы тоже должны были одеться понаряднее.

Нам предложили сладкий чай с черным хлебом. На столе лежала толстая папка. Рядом расположились банки с селедкой и маринованными грибами. Хозяин сам собирал их летом в хвойных лесах у Ладожского озера. Он взял в руки светло-зеленую папку, затем разлил по маленьким рюмкам сладкое грузинское вино, которое берег много месяцев. «Знаете, я тоже журналист», — сказал он, перебирая резинки, стягивающие папку для бумаг. Мы ответили, что абсолютно ничего не знаем.

Телемаков был воплощением скромности и умеренности. Его одежда, речь и внешний вид говорили о сдержанности. Он рассказал нам, что в двадцать два года с блеском окончил элитный факультет журналистики Ленинградского университета. Страна отправила молодое дарование на остров Сахалин. «Где это?» — спросили мы. «Я тоже понятия не имел», — он достал атлас и ткнул пальцем на самый восток закрашенной розовым цветом территории Советского Союза, рядом с японским островом Саппоро. Сахалин представлял собой необжитый форпост, бывшую царскую колонию для ссыльных преступников, куда приезжал Антон Чехов за материалом для книги о жизни осужденных. Далекая земля между Татарским проливом и Охотским морем, до которой нужно добираться десять дней на корабле, самолете и автобусе.

Владимир Телемаков

— Три года я проработал корреспондентом в Южно-Сахалинске, — сказал Телемаков. — Новостей там было не очень много.

Тем не менее эти дальние земли будили воображение тех, кто гордился необъятностью своей Родины.

Затем пришла телеграмма. Телемакова вызывали в Ленинград. Он надеялся, что получит место в корпункте одной из общесоюзных газет, возможно, «Правды» или «Известий». Но его отправили в заводскую рабочую газету. Там он проработал тридцать лет. Но могло быть и хуже. Как в старой польской пословице: когда я опустился на самое дно, кто-то постучал снизу.

Телемаков усердно трудился, но по воскресеньям предавался своей истинной страсти — садился в электричку, которая везла его с Витебского вокзала к дворцам Павловска и Пушкина, как в 1937 году переименовали Царское Село.

— Однажды в вагоне поезда я заметил мужчину, — рассказывал нам Телемаков. — Немного полноватый. Круглые очки. Потертый пиджак. Авторучка в нагрудном кармане. Он что-то читал. Я представился и сказал, что пишу статьи об искусстве. Анатолий Кучумов был известной личностью. Я боялся, что такой важный человек не захочет со мной говорить. Но я сказал, что мечтаю о большем, чем заводская многотиражка, и он пред-

ложил мне сопровождать его в поездках. Если у меня есть время. Мы поговорим об искусстве во время Великой Отечественной войны.

Каждое воскресенье корреспондент рабочей газеты тратил несколько часов на то, чтобы на рассвете сесть в электричку до Пушкина и побеседовать с Кучумовым о ленинградских дворцах.

— Постепенно Кучумов стал раскрываться. В конце концов после нескольких месяцев знакомства он рассказал мне о *важных* вещах. Думаю, ему льстил мой интерес. Он почувствовал себя свободнее и одолжил мне для изучения некоторые документы. Это были официальные доклады и полученные им письма. Больше восьми лет он выполнял роль моего рецензента, знакомил меня с музейными работниками, и я делал выписки из их дневников и писем. Я копировал все, что можно. Я был педантичен. Кучумов знал о моей работе. Его грела мысль о личном биографе... И разумеется, он мог мне доверять. Я был одним из них.

Одним из них? Прежде чем мы успели спросить, что это означает, Телемаков раскрыл лежащую перед ним зеленую папку и достал толстую пачку листов.

— Я хотел опубликовать эту книгу как дань уважения Анатолию Михайловичу. Но мне тридцать лет не удавалось этого сделать. — Он нерешительно развернул бумаги. — Часть на английском, — сказал он. — На том английском, каким разговаривают шпионы. Единственными, кто знал ваш язык, были люди из КГБ. Их представители на заводе очень интересовались моими исследованиями, связанными с одним из самых известных музейных работников. Поэтому пришлось показать рукопись им, — он снова запихнул бумаги в папку.

— Можно взглянуть?

Телемаков в изумлении вскочил и принялся лихорадочно собирать папку.

— Это мой труд, и я хочу опубликовать его, — сказал он, но потом заметил разочарование на наших лицах. — Но, с другой стороны, мы коллеги. Может быть. А вы мне поможете? Помогите мне, и я помогу вам. Берите эти бумаги. Идите. Только возвращайтесь, когда дойдете до конца. Пожалуйста, вернитесь и помогите мне.

Мы взяли бумаги Телемакова и направились к себе, на 7-ю Советскую улицу. Следуя примеру русских, мы расталкивали толпу у дверей метро и сражались за место на бирюзовых пластиковых сиденьях. Поднимаясь по эскалатору на станции «Площадь Восстания», мы в нетерпении теребили резинки папки. Затем мы побежали по Греческому проспекту по направлению к магазину «Балтика», где продавали горячий хлеб. Приходилось передвигаться на полусогнутых ногах в позе конькобежца, чтобы не упасть на обледеневших тротуарах.

Наконец, мы разложили бумаги на деревянном кухонном столе и принялись за чтение. Рукопись начиналась вступлением профессора Бориса Пиотровского, директора Государственного Эрмитажа и самого влиятельного деятеля культуры в современной России. «Я уверен, что любой, к кому попадет эта рукопись, с величайшим интересом прочтет ее от начала до конца... [Телемаков] использует архивные документы, литературу, высказывания самого Кучумова и выдержки из дневников, чтобы поведать нам удивительную историю самоотверженности музейных работников, рисковавших жизнью ради спасения наших сокровищ»³.

Мы перевернули страницу и увидели цитату из дневника Кучумова, которая начиналась с того, чем заканчивался рассказ Александра Кедринского. 30 июня 1941 года Анатолий Кучумов сопровождал поезд с ценностями, которые эвакуировались из Ленинграда.

Он рассказывает, как во время вынужденной остановки заметил в одном из вагонов статую Марии-Антуанетты, которая была здесь явно не на месте. Затем он встретил двух женщин, музейных работников из Смоленска. В их вагоне были грудой свалены картины, которые не успели даже завернуть. Женщины рассказали, что эвакуация музеев проходила в спешке. Смоленск подвергся сильной бомбардировке. Фашисты наступали, причем некоторые были переодеты в форму милиционеров и бойцов Красной Армии. Когда грузовики с музейными ценностями покидали разрушенный Смоленск, с другой стороны в город уже входили вражеские войска. Женщины спрашивали, что происходит в Ленинграде.

Кучумова беспокоила не только судьба его товарищей, но и

судьба оставленной Янтарной комнаты. «Я думал о Екатерининском дворце и всех тех вещах, которые мне не удалось вывезти, а затем представил трагедию многих советских городов, захваченных фашистами», — писал он.

Кучумову казалось невероятным, что он все еще не замечал никаких примет войны. Проезжая через самое сердце родной земли, Кучумов видел из окна своего вагона город Владимир, основанный великим киевским князем и два раза осаждаемый монголами, но так и не сдавшийся врагу. По свидетельству Кучумова, соборы с золотыми куполами остались неповрежденными: «Здесь атмосфера родной земли. Чего-то очень русско-го. Восемь веков нашей великой истории невольно проплывали перед моим мысленным взором».

Затем 5 июля 1941 года поезд, в котором ехал Кучумов, въехал на поросшую лесом равнину в бассейне Волги в 550 милях к юго-востоку от Санкт-Петербурга, и здесь поступил приказ остановиться и ждать. Через три недели Кучумову наконец пришла весточка из дома — курьер доставил письмо из Ленинграда от Елены Николаевны Беляевой, музейного работника и партийного активиста. Телемаков снял копию с этого письма. Во время войны почта в самые глухие уголки России сбрасывалась с самолетов или доставлялась курьерами, а Кучумов принадлежал к той категории людей, которые ничего не выкидывают. Беляева писала: «Теперь все заняты рытьем окопов. В парке не осталось ни одной скамьи. Мы готовим «угощение» фашистам. Все стараются держаться бодро».

За две недели населению Ленинграда предстояло вырыть 16 тысяч миль окопов и 340 противотанковых рвов.

24 августа. Товарищу Кучумову от Елены Николаевны Беляевой, музейного работника и партийного активиста. Продолжается эвакуация Пушкина и дворцов. Нужно спасти тысячи предметов. Стены во всех дворцах опустели. Вчера в Александровском дворце я сняла последнюю картину — «Казачи Николая I» кисти Крюгера, которую свернули в трубку. Ситуация очень тяжелая. Мы выполняем обязанности охранников, конторских служащих, уборщиц, но все бесполезно.

Через три дня после отправки этого письма в городе был введен комендантский час. Ленинград охватила паранойя. Мужчин с неопрятными бородами или в необычной одежде расстреливали на месте или бросали в тюрьму. Страх усиливал власть НКВД. Пока Ленинград готовился к обороне, поезд Кучумова наконец получил разрешение продолжить путь и преодолел последние 100 миль до Горького. Куратор нашел радио и стал с жадностью вслушиваться в новости.

1 сентября Гитлер издал приказ об окружении Ленинграда. Немецкие бомбардировщики и артиллерия выдвинулись на ударные позиции.

Семь дней спустя город был охвачен пламенем — немецкая авиация сровняла с землей Бадаевские продовольственные склады, сбросив на них тонны напалма и фосфора, в результате чего в адском пламени, подпитываемом запасами сахара и жира, сгорели продовольственные резервы города. Густые клубы серого дыма поднимались над Финским заливом, наполняя воздух ароматом печеных яблок, и сердца жителей сжимались в предчувствии неминуемого голода. Железнодорожное, воздушное и автомобильное сообщение было перерезано. Последние запасы продовольствия погибли. Ощетинившиеся оружием нацистские дивизии окружили Ленинград.

В файлах «Энигмы» в Лондоне среди более 2000 сообщений, перехваченных в процессе операции «Ультра» по прослушиванию связи нацистов во время Второй мировой войны, есть донесения, описывающие окружение города: «9 сентября. Совершенно секретно. 16 танковый корпус движется к Ленинграду...»⁴

На следующий день немцы начали наступление на Пушкин.

10 сентября, 03.28: перерезана железнодорожная ветка к Красному Селу (К.С.). На дороге между К.С. и Детским Селом [старое название Пушкина] пятнадцать телег.

04.56: моторизованная колонна наступает на Детское Село. Вражеская колонна состоит из автомобилей и телег, всего 150 единиц⁵.

В нацистских сводках не говорится, что перевозили русские, но в действительности они наблюдали эвакуацию ценностей из пригородных дворцов.

13 сентября началось наступление. «Совершенно секретно. Четвертая танковая группировка вошла в Детское Село. Капитан Фальк». На следующий день последовала атака с воздуха. «Высажен десант. Предпринят налет на Пушкин. Все бомбы поразили цель».

В самом Екатерининском дворце горстка сотрудников, которые решили остаться, продолжали эвакуацию ценностей. Одна из них, Софья Попова, писала: «16 сентября, 8 часов вечера, ситуация становится угрожающей». Сообщения Поповой с линии фронта в ноябре 1941 года были объединены в длинный доклад и представлены властям города. Владимиру Телемакову удалось разыскать его⁶.

Попова писала:

«Враг приближается к Пушкину со стороны Стрельны [на юго-западе от Санкт-Петербурга] и начал обстрел из пулеметов в направлении гаража, где Николай II держал свои автомобили. Передвигаться стало практически невозможно. Каждую ночь парк и город подвергаются интенсивному артиллерийскому обстрелу и бомбежке. Мы почти оглохли. Но что значит глухота по сравнению со смертью!»

Тем не менее музейные работники выходили наружу, натягивая вокруг дворцов камуфляжную сетку. Поздно ночью 16 сентября Попова сделала запись о том, что повсюду были организованы посты из пожарных и военнослужащих. Жители укрылись в подвалах. Сотрудникам музея было приказано держать связь с командирами регулярных подразделений, которые сообщат им, когда уходить. Немцы прорвали оборону и двинулись к Александровскому дворцу, всего в одном квартале от золоченых анфилад Екатерининского дворца. Попова писала о том, что они уже видели немецких солдат.

Из Ленгорисполкома пришла директива. Товарищ Павлов [Дмитрий Павлов, уполномоченный Государственного Коми-

тета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда] приказывал приостановить работу фабрик и готовиться к эвакуации из дворцов. Все документы следовало сжечь.

17 сентября яростная перестрелка осветила погруженный в предрассветную мглу Пушкин. «5 часов утра: в парке и в северной части города идут тяжелые бои. Все уходит на запад, — писала Попова. Сотрудники попытались укрыться в Ораниенбауме, бывшем имении Александра Меншикова. — Мы взяли с собой даже пишущие машинки. Ничего им не оставим»⁷.

В Горьком Кучумов мог лишь догадываться о судьбе своих друзей и царских дворцов. Он не знал, что генерал Вильгельм фон Лееб, командующий группой армий «Север», 21 сентября занял господствующую над Ленинградом возвышенность и докладывал Гитлеру, что именно позиции в районе Пушкина станут отправной точкой для решающего штурма города. Наступления пехоты не предполагалось — только уничтожение Ленинграда при помощи артиллерии и авиации. Ссылаясь на приказ фюрера от 21 сентября, командующий немецкими военно-морскими силами отмечал, что Ленинград «не будет представлять интереса после падения Советской России»⁸.

Все это время ленинградское радио пыталось поднять дух горожан. Поэтесса Анна Ахматова в бомбоубежище читала свои вдохновенные стихи, которые призывали оказавшихся рядом с ней женщин к мужеству⁹.

Война постепенно приближалась к Волге. Председатель Горьковского исполкома приказал Кучумову увезти музейные ценности еще дальше в глубь России, в район, который татары называли своей «землей снов». Поезд с сокровищами двигался с запада на восток, из Европейской части в Сибирь, в суровую сибирскую тайгу. Через четыре недели состав прибыл в место слияния Оби и Томи. Но ему еще предстояло преодолеть 190 миль через ослепительное безмолвие заснеженных равнин. Из Ленинграда в Горький, из Горького в Томск, из Томска неизвестно куда. В конце ноября 1941 года после пяти месяцев на колесах и 1600 километров дорог Кучумов прибыл в Новосибирск, «покрытый серебристой изморосью город, где термометр застыл на отметке минус 55 °С»¹⁰. На востоке раскинулись ско-

ванные морозом просторы Республики Саха со столицей Якутском, бывшим казачьим форпостом. Еще дальше на восток лежали земли, где бесследно сгинули от 10 до 40 миллионов человек, сосланных Сталиным в магаданские лагеря или отправленных на возведение «города юности» — Комсомольска-на-Амуре.

В Новосибирске состав с сокровищами ленинградских дворцов наконец разгрузили, а его ценный груз осмотрели и проверили. Временное хранилище было устроено в театре. Запись в дневнике Кучумова от 20 декабря 1941 года гласит: «Этот ярко освещенный город с белыми облачками дыма из труб, деревянными домами и церквями был рад принять нас. Мы лежали на гобеленах в нашем импровизированном жилище, сжимая в руках хлебные карточки».

В Ленинграде уполномоченный Государственного Комитета Оборона по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда товарищ Павлов констатировал, что от голода в городе ежедневно умирают до 6000 человек. Те, кто был еще жив, замерзали, пуская на дрова книги и мебель. «Мы с мужем никогда не были так далеки друг от друга, — писала в своих воспоминаниях о блокаде советский химик Елена Кочина. — Мы ничем не могли помочь друг другу. Мы осознавали, что каждый должен в одиночку бороться за жизнь»¹¹.

Голод побеждал страх, и жители города пробирались через немецкие позиции под Пушкином, чтобы копать корнеплоды на заброшенных огородах и дачах. Подчиненные Павлова экспериментировали с губной помадой — из нее пытались добыть жир, чтобы намазывать на твердый блокадный хлеб. Кожаные приводные ремни вываривали, чтобы получить желатин. Воронку на месте Бадаевских складов исследовали команды ученых, отчаянно пытавшихся путем алхимических экспериментов превратить обугленные останки в нечто съедобное.

В Новосибирске еда была, но не более того. «Мы сидели в подвалах, охраняя наши бесценные сокровища. Иногда мы даже устраивали небольшие выставки. Но ничто не могло поднять нам настроение, избавить от отчаяния неизвестности — мы не

знали судьбу всего, что нам пришлось покинуть», — писал Кучумов.

Янтарная комната не выходила из головы Кучумова, дрожавшего от холода в этой «стране кандалов и льда» (по выражению Максима Горького) в окружении эвакуированных из Ленинграда сокровищ¹². Время застыло, и, чтобы как-то отвлечься от беспокойства за судьбу Янтарной комнаты, Кучумов начал писать книгу о ее истории.

29 января 1743 года императрица Елизавета, занявшая российский престол всего за год до этого, издала указ, в котором предписывалось использовать забытый Янтарный кабинет для убранства одного из покоев своей официальной резиденции — нового Зимнего дворца. Для починки и исправления янтарных деталей в феврале 1743 года пригласили итальянского мастера А. Мартелли¹³.

При помощи заметок Кучумова, которые он сделал во время пребывания в Сибири, мы обнаружили копию указа в библиотеке Эрмитажа. Журналист Телемаков перевел для нас этот документ.

Кучумов выяснил, что одним из своих первых указов Елизавета распорядилась перенести Янтарную комнату из Летнего домика Петра Великого в новый Зимний дворец, построенный на берегу Невы. Ее отец умер, так и не увидев комнату в собранном виде, и императрица была полна решимости завершить начатое Петром дело. Собрать комнату она поручила своему любимому скульптору Александру Мартелли.

Те же заметки Кучумова позволили нам отыскать контракт Мартелли, датированный 11 февраля 1743 года и подписанный скульптором. Он должен был заменить недостающие фрагменты и собрать комнату. За работу, которая оказалась не под силу мастерским Петра Великого, Мартелли полагался гонорар в размере 600 рублей¹⁴.

Императрице Елизавете оставалось решить, где именно будет располагаться ее Янтарный кабинет. Сначала она приказала разместить его в маленькой комнате нового Зимнего дворца, но затем передумала и распорядилась выделить более просторный зал. Но на все стены прусского янтаря не хватало, и тогда

Мартелли решил заполнить промежутки между янтарными панелями (теми, что прибыли из Берлина) при помощи пятидесяти одного зеркального пилястра с позолоченным верхом. Русские мастера изготовили комплект зеркал, но они не подошли по размеру. Новый заказ разместили в Британии, но он не был исполнен. И только 16 сентября 1745 года сборка расширенной Янтарной комнаты была завершена — для этого использовали зеркала, доставленные из Франции.

Но Елизавета осталась недовольна. И по ее приказу Янтарную комнату перемещали еще три раза, причем каждый раз в большее помещение, так что Мартелли приходилось заполнять новые пустоты зеркалами и стеклами с подложкой из фольги. В 1745 году новый прусский король Фридрих Великий услышал о зловониях Янтарной комнаты и решил укрепить дипломатические отношения с Россией при помощи подарка. По его приказу были изготовлены три резные янтарные рамы для зеркал, которые должны были украсить стены кабинета, но императрице требовалось четыре рамы. Тогда Фридрих II заказал своим мастеровым в Кенигсберге четвертую раму, уплатив за нее 2000 талеров¹⁵. Ее отправили в Санкт-Петербург вместе с поэмой «Аллегория побед и героических деяний императрицы».

Однако после того, как четыре рамы были повешены, императрица снова приказала переместить Янтарную комнату, на этот раз ближе к своей спальне. Затем она решила, что такая необычная и роскошная работа должна произвести впечатление на иностранцев. Странствующая Янтарная комната переехала вниз и вновь была собрана в зале для приема послов¹⁶.

Неудивительно, что панели стали рассыпаться. Кучумов обнаружил доклад, в котором говорилось, что вследствие перепадов температуры Янтарная комната была повреждена. Одна колонна искривилась, и ее отремонтировал мастер Энгер. Большое количество пластинок янтаря выпали и потерялись¹⁷. Вместо того чтобы отремонтировать комнату, императрица приказала В. Фермору, директору Канцелярии от строений, перевезти ее, держа в руках каждую панель и раму, в Екатерининский дворец в Царском Селе.

Здесь ее должны были установить в еще большем помещении. Руководить работами поручили итальянскому архитекто-

ду Бартоломео Растрелли, а для реставрации Янтарной комнаты опять пригласили Мартелли. Однако денег на покупку нового янтаря не было. Вместо него использовали фальшивые панели, стекло с подложкой из золотой фольги и золоченые зеркала. Янтарная комната была установлена в центре Золотой анфилады между Портретным и Картинным залами, где за ней должен был присматривать Фридрих Роггенбух, специалист по янтарю, специально выписанный из Пруссии.

Янтарная комната недолго оставалась в таком фрагментарном состоянии.

22 сентября 1762 года наивная молодая немка Екатерина была коронована как императрица Всея Руси (лорд Бэкингем сообщал, что ее мантия была сшита из 4000 шкурок горноста и украшена тысячами драгоценных камней, а корона отлита из фунта золота и двадцати фунтов серебра). Новая государыня решила, что дворцам в Царском Селе необходим капитальный ремонт¹⁸.

Екатерина II поручила своему садовнику-англичанину Джону Бушу разбить новые сады и установить в них бюсты Цицерона, Демосфена и Юния Брута. Позади них была воздвигнута «La Pyramide Egyptienne», некрополь для царских гончих, и «L'Arc Triomphal de Prince Orloff», триумфальная арка в честь одного из многочисленных любовников императрицы Григория Орлова (который помог ей свергнуть мужа, царя Петра III). В письме от 13 апреля 1778 года императрица предупреждала, что коренной переделке подвергнутся десять комнат, и что при выборе их убранства она перерыла всю библиотеку, дав волю своему воображению¹⁹.

Родившаяся в немецком городе Штеттин неподалеку от Балтийского побережья (современный город Щецин на северо-западе Польше), Екатерина знала цену янтарю. Из дворцовых книг заказов нам известно, что в число десяти выбранных для реконструкции помещений входила Янтарная комната. В течение следующих четырех лет по приказу императрицы из района Самландского полуострова в Восточной Пруссии доставили огромное количество — более 900 фунтов — необыкновенно дорогого янтаря. Для выполнения работ были приглашены четыре мастера из гильдии Кенигсберга, которые заменили все фаль-

шивые панели, заполнив комнату Екатерины настоящим янтарем. Императрица также наняла итальянского мастера Джузеппе Дзокки, изготовившего четыре флорентийские мозаики, изображавшие пять природных чувств. «Зрение», «Вкус», «Слух», «Осязание и Обоняние» — все эти чувства должны были обостряться в комнате, от стен которой при свете свечей исходило томное сияние, напоминающее осенний закат над Штеттином²⁰.

Почти сто лет спустя царственное великолепие Екатерининского дворца стало известно всей Европе. «Мы добрались до одной из самых удивительных редкостей — я имею в виду Янтарную комнату», — писал французский поэт Теофиль Готье в своей книге «Путешествие в Россию», вышедшей в 1866 году.

«Только в «Тысяче и одной ночи» и других волшебных сказках, где дворцы сооружают маги, чародеи или джинны, можно прочитать о комнатах из алмазов, рубинов, яхонта и других драгоценных камней... Здесь выражение «Янтарная комната» — это не поэтическая гипербола, а реальность, причем это не маленький будуар или кабинет, как вы могли бы предположить. Наоборот, это довольно большая комната... со стенами, снизу доверху, включая фриз, покрытыми янтарными мозаичными панелями. Глаз, не привыкший к янтарю в таких размерах, поражен и ослеплен богатством и теплотой оттенков, представляющих все цвета желтого спектра — от дымчатого топаза до светло-лимонного. На этом фоне золото резного орнамента кажется блеклым и фальшивым, особенно когда солнце падает на стены и проникает в бегущие по ним прозрачные жилки»²¹.

Работа над книгой о Янтарной комнате не могла прорвать изоляцию, которую должен был ощущать запертый в Новосибирске Кучумов. Редкие экземпляры «Правды», доставлявшиеся в Сибирь курьерами, лишь усиливали мрачные предчувствия. Среди бумаг Кучумова, которые скопировал Телемаков, была газетная статья, вырезанная хранителем Янтарной комнаты в период пребывания в Сибири.

17 ноября 1942 года в передовице «Правды» было приведено признание нацистского офицера по имени Норман Фюр-

стер, которого захватили в плен в Моздоке на Северном Кавказе. Сберштурмбаннфюрер (подполковник) Фюрстер, служивший в Ваффен-СС, рассказал следователям из НКВД любопытную историю, которая через несколько лет прозвучит на заседании международного военного трибунала в Нюрнберге. В августе 1941 года Фюрстер встретил в Берлине школьного товарища, «доктора Фоке», который был аспирантом Берлинского университета имени Фридриха-Вильгельма и служил в пресс-службе гитлеровского рейхсминистра иностранных дел Риббентропа. Фоке предложил Фюрстеру престижную работу в 4-й роте секретного особого батальона.

Штаб-квартира так называемой зондеркоманды Риббентропа располагалась в Берлине в доме номер 6 по улице Германа Геринга, и численность этого подразделения СС доходила до 800 человек. В августе 1941 года четыре роты были отправлены на Восточный фронт и прикомандированы к передовым частям, наступавшим на Советский Союз. По свидетельству газеты «Правда», рота Фюрстера должна была следовать за группой армий «Юг» под командованием фельдмаршала фон Рундштадта. Фюрстер рассказал следователям, что они получили следующие инструкции: при занятии территории врага тщательно прочесать все научные учреждения, институты, библиотеки и дворцы, конфисковать все архивы и культурные ценности и отправить их в Германию.

Подразделение Фюрстера действовало на территории Украины, но он знал, что 2-я рота зондеркоманды Риббентропа была прикомандирована к группе армий «Север» и направлялась непосредственно во дворцы города Пушкина. По словам доктора Фюрстера, из Екатерининского дворца было вывезено все ценное, в том числе снят китайский шелк со стен, резные украшения и паркет²². Похоже, что 2-я рота зондеркоманды Риббентропа вывезла и Янтарную комнату.

На этом рукопись Телемакова заканчивалась, а внизу стояла приписка: «Позвоните мне». Но телефон был неисправен. Оператор на станции сказал, что аппарат не работает уже больше года. Придется возвращаться в Озерки. Но сегодня ехать было уже поздно. Зазвонил телефон. Мы бросились к аппарату и на этот раз успели вовремя. Однако это был факс.

Текст сообщения медленно выползал из аппарата.

«Благодарю вас за проявленный к Екатерининскому дворцу интерес. Встреча с вами оставила приятное впечатление. Все материалы, которые имеются в нашем распоряжении, являются результатом многолетнего труда, кропотливого сбора крупиц информации, и мы намерены опубликовать их в виде книги, над которой работают наши кураторы во главе с Александром Кедринским, с которым вы встречались несколько дней назад. К сожалению, у нас нет физической возможности ответить на ваши вопросы или принять ваше предложение. Это было бы равносильно написанию еще одной книги. С уважением...»²³

Что мы могли сделать? Пять месяцев ушло на организацию встречи с директором Саутовым, и еще три недели ему понадобилось для того, чтобы отказать нам. Может быть, лучше было бы вообще ничего не делать. Мы вспомнили, что часть архива Екатерининского дворца имеется в русском Интернете. Однако на официальном сайте Екатерининского дворца (www.tzar.ru) вместо статей и эссе мы увидели следующее сообщение: «Сайт находится на реконструкции. Благодарим за проявленный интерес. Ждем вас позже». На следующее утро в программе местных новостей сообщили, что копия Янтарной комнаты в Екатерининском дворце закрылась для посетителей вплоть до мая 2003 года. Прошло уже несколько месяцев после того, как мы занялись судьбой Янтарной комнаты, а у нас на руках еще не было ни одного подлинного документа. Теперь нас ждал пятнадцатимесячный период официального молчания, пока не откроют реконструированную Янтарную комнату.

Вспомнив о любимой поговорке горожан, мы выскочили на холод и втиснулись в маршрутку, идущую до Пушкина. Нужно найти Александра Кедринского и объяснить ему сложившуюся ситуацию. Он проявил большую готовность к сотрудничеству, чем Саутов. Мы набрали код на замке не приметной двери служебного входа, охраняемого строгой «бабушкой». «Кедринский», — бросили мы ей и стали взбираться по ступеням чугунной лестницы. Но дверь в кабинет старого архитектора оказалась запертой, хотя он и говорил нам, что работает каждый день.

Услышав шум наверху, мы осторожно преодолели послед-

ний пролет. Маленькая дверь была приоткрыта, и мы толчком распахнули ее. Она вела в первую из трех комнат с низким потолком, все стены которой были увешаны черно-белыми фотографиями, причем на некоторых были изображены немецкие солдаты, марширующие по двору Екатерининского дворца. Появилась молодая женщина — с пепельно-серым лицом, в свитере, с шарфом на шее и в просторном красном кардигане. «Ну, — отрывисто спросила она. — Кто вы такие?» Мы молчали. Женщина взяла телефонную трубку. Наверное, собирается вызвать охрану. Из-за перегородки, размахивая руками и округлив от удивления глаза, появились двое ее коллег; из доходящих до середины икры сапог у них выглядывали носки. Иностранцы в закрытом архиве Екатерининского дворца!

Чем больше мы говорили, тем большую суматоху вызывали в комнате наши английские слова, — это напоминало химическую реакцию, когда фосфор опускают в воду. Жесты сотрудников становились все выразительнее, голоса громче. Мы назвали имя Александра Кедринского. Мы его друзья из Лондона. Исследуем биографии кураторов Екатерининского дворца. Женщины успокоились; телефонная трубка опустилась на рычаг. Сотрудница в красном кардигане убрала пряди волос, упавшие на ее круглое лицо, и спросила: «Чьи именно? Вас интересует конкретный человек?»

— Кучумов, — ответили мы. — Анатолий Михайлович.

Женщина улыбнулась и представилась: Вика Плауда (**Plauda**), начальник отдела фотографий. «Я его внучка, — сообщила она. — Единственная оставшаяся в живых родственница». Жена Кучумова умерла раньше его, брат позже. Детей тоже нет в живых. Столкнуться с внучкой Кучумова здесь, в Екатерининском дворце, — такая удача возможна лишь в такой стране, как Россия, где дети часто работают в тех же организациях, что и родители. «Я выросла на рассказах деда о Янтарной комнате и поэтому работаю здесь, — сказала Вика. — И вдруг появляетесь вы и спрашиваете о нем».

Мы рассказали о своей встрече с Кедринским и о неудачных переговорах с директором Саутовым. Она кивнула и театрально закатила глаза. Мы сообщили, что у друзей и коллег Ку-

чумова нашли выдержки из его дневников и писем, но большую часть личных бумаг ее деда обнаружить не удалось.

— У меня тоже почти ничего не осталось в память о деде, — сказала Вика Плауда. — Он умер в 1993 году, и тогда у него было много коробок с документами. Но я жила в коммунальной квартире, и в моей единственной комнате не было места для бумаг. Я отдала документы на хранение в библиотеку дворца в Павловске. Дед много лет был директором этого музея. Больше я их не видела. — Мы записали название и номер библиотеки. — У меня сохранилась лишь пара вещей, в том числе картина. Она висит здесь. — Женщина указала на натюрморт, написанный маслом; это была ваза с букетом роз, подарок Анатолия Трескина (*Treskin*), одного из лучших реставраторов музея своему начальнику.

Вика Плауда задумалась.

— Возможно, это вас заинтересует. — Она достала какие-то бумаги. В мягком свете, льющемся из залепленных снегом окон, мы увидели ее сходство с Кучумовым. — Это копии писем деда. Прислали в прошлом году из Нью-Йорка. Раньше я их никогда не видела. Понятия не имею, как они туда попали, и у кого хранятся оригиналы.

Что-нибудь еще? Вика вышла из комнаты и вернулась с потрепанной папкой. Из нее она извлекла стеклянную пластинку размером с почтовую открытку и, осторожно зажав между большим и указательным пальцами, поднесла к окну. Свет превратил темный прямоугольник в сияющий золотом портал. Мы увидели самое сердце Екатерининского дворца — Янтарную комнату в сиянии 565 свечей, отблески пламени которых плясали на доисторических пузырьках и рыбных чешуйках, навеки застрявших в вязкой смоле, и освещали лица резных херувимов, балансировавших на карнизах, а также стаи янтарных попугаев и орлов, летящих вдоль античных фризов. Единственное сохранившееся цветное изображение «восьмого чуда света», цветной позитив снимка оригинальной Янтарной комнаты, сделанного в 1917 году русским офицером, который затем увез его в Париж.

— Екатерининский дворец выкупил снимок у его родствен-

Внучка Анатолия Кучумова Вика Плауда держит единственный сохранившийся снимок оригинальной Янтарной комнаты

ников двадцать лет назад, — сказала Вика. — Теперь он, наверное, бесценен.

Мы сфотографировали пластинку.

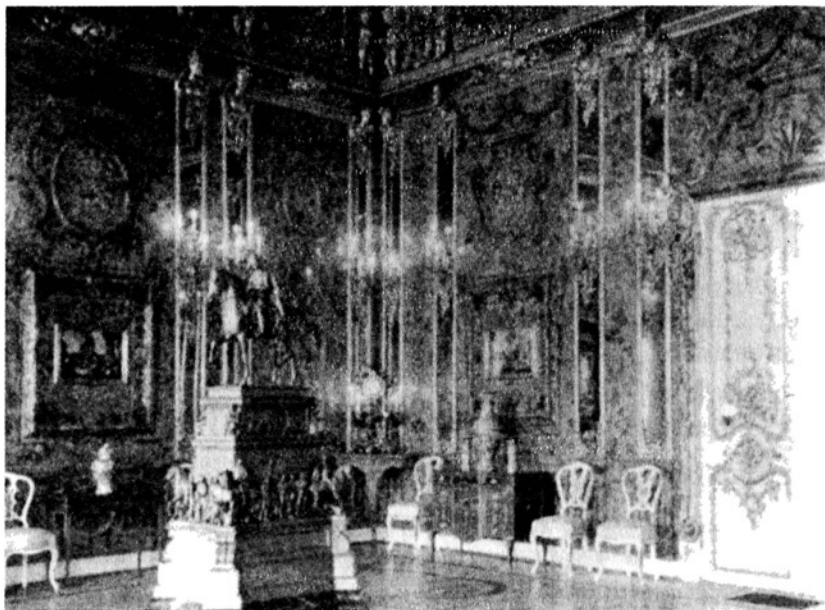
В соседней комнате зазвонил телефон. Вика вернулась, качая головой.

— Это вас, — сказала она.

Звонил помощник доктора Саутова. Он получил явное удовольствие, наблюдая за нашей «тайной операцией», когда мы в черных шляпах и пальто, подобно воронам, крались по заснеженному двору. Директор Саутов знает, что мы проникли в помещение для персонала. Охрана уже вызвана. Нам советуют оставаться на месте и ждать.

Мы предпочли спастись бегством. Прижимая к груди папку с документами, которые дала нам Вика, мы кубарем скатились по чугунным ступенькам, выскочили из дворца, добежали до остановки и, пробившись в голову очереди, заняли места в маршрутке.

Вечером, заперев дверь квартиры, мы стали изучать документы.

Янтарная комната

24 января 1944 года сотрудники музеев в Новосибирске, переживавшие одну из самых суровых зим, собрались у радиоприемника, чтобы послушать сводку новостей. Красная Армия перешла в наступление на окружавшие Ленинград гитлеровские войска и теперь приближалась к Павловску и Пушкину. Три дня спустя 872-дневная блокада Ленинграда была прорвана. По воспоминаниям жителей города снятие блокады напоминало следующую картину: с травы убирают огромный валун, а под ним все сплющенное, сырое и анемичное.

«Мы два дня не могли спать, жадно ловя любые новости», — писал Кучумов в одном из писем, отданных нам его внучкой²⁴. Он достал «бережно хранимую бутылку вина» и несколько кубков, принадлежавших царям. Люди пили за успех Красной Армии. Они были воодушевлены, взволнованы и полны надежд. С этого дня началась упаковка экспонатов. У всех была одна цель — вернуть ценности.

*Советские
войска
занимают
Екатерининский
дворец, 1944*

В феврале 1944 года Кучумов сел на поезд в Новосибирске, вызванный телеграммой Ленгорисполкома. Он ехал «в литерном вагоне, как иностранный дипломат». Только в марте он попал «в наш любимый Ленинград, который остался таким же, только постарел, как человек после изнурительной болезни». У него не было времени задумываться над ужасными картинами смерти и разрушения, встретившими его в городе, — его назначили на должность начальника отдела музеев и памятников и директором Центрального хранилища музейных фондов. Его обязанностью было возвращение всех ценностей на свои места.

Он сразу же испросил разрешения посетить Екатерининский дворец. «Я слышал, что ситуация в пригородах гораздо хуже, но еще не видел ее своими глазами. Разрешение на проезд в пригороды еще на подписи, и я получу его через два или три дня. Мне сказали, что в полях вокруг Гатчины найдено довольно много предметов, обломки мебели Николая I», — писал Кучумов.

27 апреля 1944 года разрешение наконец было получено, и Кучумов в сопровождении фотографа Михаила Величко «трам-

ваем доехал до поста и стал ждать попутной машины в сторону Пушкина». Он писал, что «невозможно было узнать местность; везде были видны следы жестоких сражений... повсюду огневые точки, заграждения, блиндажи, колючая проволока, указатели минных полей. Вдоль дороги мертвые тела».

Кучумов записывал практически каждый свой шаг и отсылал свои наблюдения в Новосибирск — в письмах, которыми так дорожила Вика. «Я расскажу все то, что видел собственными глазами», — писал Кучумов. От парка остались «десять стволов без ветвей», «чаши фонтанов лежали на изрытой ямами земле, там, где раньше стояли здания, растут высокие лопухи и крапива». На месте придорожных деревень стояли «пустые коробки, выгоревшие изнутри. Новые Сузы исчезли, Рехолово уничтожено».

Кучумов и Величко дошли до лица. «Какая радость! Статуя Пушкина цела! Моя мечта исполнилась: я в Пушкине, я дома». Затем Кучумов увидел «пять веревок, свисавших с ветвей старой березы перед церковью». Это были виселицы, которыми пользовалось гестапо: «Здесь разыгрывались ужасные сцены... О, если бы стены могли говорить». Несмотря на «боль и ужас», он прошел к золотисто-синим воротам Екатерининского дворца, полный решимости завершить начатое дело. «Я вошел во двор через открытые ворота. При взгляде на разрушенный дворец, пустой и обгоревший, меня охватили боль и страх. Сквозь разбитые окна просвечивает небо, величественные статуи атлетов разбиты. Балки обуглены, повсюду раскиданы сломанные вещи».

Двор был завален «железными кроватями, разбитой мебелью, обрывками бумаги, навозом, ящиками от мин и снарядов, невероятным количеством грязной одежды, издававшей тошнотворный запах». Осторожно пробираясь через кучи мусора, Кучумов приближался к цели, Золотой анфиладе комнат второго этажа. С каждым шагом страх его усиливался.

Кучумов взобрался наверх, но не по мраморной лестнице Монигетти, которая была разрушена, а по служебной. Он вошел в помещения для персонала и увидел, что там не осталось ни одного деревянного предмета; все было разбито, комнаты стояли пустые. На некоторых дверях еще остались старые таблич-

ки — «Заместитель директора». Казалось, дворец продолжает жить довоенной жизнью. Но это было обманчивое впечатление. Крыша здания рухнула, в стенах зияли дыры от снарядов. «Закопченный плафон потолка нависал... как черное траурное знамя».

Кучумов медленно обходил комнаты, оценивая масштабы разрушений. «Все, начиная с дверей, изрублено топором. У статуй отбиты головы, барельефы серьезно повреждены, паркет и каминны разбиты». Перебравшись через груды сторевших балок, кирпича и железа, Кучумов замер.

Последней комнатой, до которой ему удалось добраться, была Овальная приемная. Дальше он увидел лишь жуткую картину пожара. Голые кирпичные стены, покрытые сажей. Не осталось ни потолков, ни полов. Огромный провал во все три этажа. На том месте, где он с таким трудом упаковывал свое сокровище в доставленные с пушкинской швейной фабрики марлю и ватин, ничего не осталось. Янтарная комната пропала.

«Каждый следующий шаг буквально убивал меня, — писал Кучумов. — Эти звери превратили наш дворец-музей, нашу гордость, в конюшню. Но даже дикие звери не могли бы сильнее изгадить комнаты, чем это сделали животные на двух ногах. Все нужно начинать сначала».

*Разрушенный
Екатерининский
дворец после
фашистской
оккупации*

Глава 3

Дверной звонок в маленькой квартирке в Озерках снова сыграл мелодию «Дубинушки». Мы вернулись к Владимиру Телемакову, чтобы отдать рукопись и еще раз попросить его о помощи. По словам хозяина, он не ждал гостей, но был одет в тот же костюм.

— Добро пожаловать. Проходите, проходите, — он бросил взгляд на нашу сумку и улыбнулся, заметив торчащую из нее зеленую папку. — Моя рукопись оказалась полезной? Выдержки из дневников и писем. Любопытные подробности. Их было трудно собрать. Уникальный материал.

Просто фантастика, ответили мы. Настоящее подвижничество. Но мы немного сбиты с толку. Если в 1944 году Кучумов обнаружил, что Янтарная комната сгорела в частично разрушенном Екатерининском дворце (то ли при отступлении немцев, то ли при стремительном наступлении Красной Армии), но почему ее до сих пор ищут?

Телемаков вышел и вернулся с синей папкой.

— Кучумов всего один раз приглашал меня в свою старую квартиру в Павловске, — сказал он, — и там я видел огромное количество папок с газетными вырезками, еще со времен Великой Отечественной войны. После его смерти они исчезли — как и все остальное.

Телемаков стал читать:

«Правда». 15 мая 1945. Наш специальный корреспондент пишет: могли ли мы представить, что взят Кенигсберг, крепость в самом центре Восточной Пруссии, город, который гитлеровцы называли трамплином на Восток? В это трудно поверить — в лице Кенигсберга немцы потеряли не только стратегически важный

нервный центр, но и «колыбель» нацизма, выпестовавшая граждан этого черного мира. Лондонское радио также подтверждает этот грандиозный успех советских войск, отмечая, что Кенигсберг является центром Пруссии и что город был столицей еще в те времена, когда на месте Берлина стояло болото».

— Терпение, — Телемаков оторвал взгляд от листка. — В тот же день в «Правде» была помещена еще одна статья с такой подписью: полковник Д.Д. Иваненко. Третий Белорусский фронт. 12 мая 1945. По телеграфу». В печать сообщение попало только через три дня.

«В развалинах Кенигсбергского замка, где располагался музей Пруссии, мы нашли почти тридцать кресел из царскосельских дворцов города Пушкина. На них поверх бирок, подписанных сотрудниками Царского Села, прибиты бирки с готическим немецким шрифтом. Мы продолжили поиски и обнаружили рамы из-под картин из музеев Киева, подборку каталогов и книг, а также дарственную книгу со списком всех приобретений и подарков, полученных гитлеровскими музейными работниками в Кенигсберге.

В этой книге на 141-й странице под номером двести значится Янтарная комната, полученная 5 декабря 1941 года из Царского Села; ей посвящена целая страница. В список включены 140 предметов [из комнаты]... с пометкой, что эти предметы были подарены Кенигсбергу немецкими властями».

— Видите, Янтарная комната уцелела, — Телемаков пристально посмотрел на нас. — Пока в Сибири Анатолий Михайлович волновался за ее сохранность в Екатерининском дворце, нацисты разобрали комнату и перевезли в Кенигсберг. Янтарная комната прибыла в Восточную Пруссию меньше чем через три месяца после начала осады Ленинграда. Когда 35 лет спустя Анатолий Михайлович рассказывал мне об этом, в его глазах стояли слезы.

16 мая 1945 года Анатолий Кучумов отправил три телеграммы: одну в Ленгорисполком, вторую в Государственный комитет по охране памятников, а третью Игорю Грабарю. Грабарь

был председателем Комитета по архитектуре при Совнарком — Тициан советского искусства, обладатель Сталинской премии, человек, к мнению которого прислушивался сам Сталин.

— Кучумов был самой очевидной кандидатурой для задачи возвращения Янтарной комнаты. Он просил выделить средства и дать разрешение на поездку. Уложив вещи в маленький чемоданчик, он попрощался с Анной Михайловной, — рассказывал Телемаков. — Из Москвы пришла ответная телеграмма. Да, товарищ Кучумов прав — Москва проводит операцию по возвращению домой Янтарной комнаты, и Москве действительно требуется специалист. Но этот человек уже в пути. Профессор А.И. Брюсов из Москвы, — Телемаков пожал плечами. — Брюсов! Анатолий Михайлович был шокирован этим решением. Неужели его наказывают? Может, его обвиняют в том, что он не смог демонтировать Янтарную комнату, а нацисты смогли? — журналист вздохнул. — Мне нечего добавить к тому, что я читал в интервью Брюсова советской прессе. Найдите его. Надеюсь, собранные мной отрывочные сведения помогут вам, — деревянная дверь уже закрывалась за нами, когда Телемаков добавил. — Пожалуйста, не забывайте меня. Вы обещали помочь. Возвращайтесь.

Национальная Российская библиотека, расположенная позади статуи Екатерины Великой, изображенной в окружении своих советников и любовников¹ (Суворов, Орлов, Потемкин), представляет собой гигантскую цитадель, заполненную книгами. Одна из крупнейших библиотек мира, она хранит более 32 миллионов томов. В советские времена книги на полках были повернуты корешками внутрь, а каталог располагался в лабиринте коридоров, охраняемых КГБ.

Советскому читателю не доверяли потенциально опасные мысли, например, расчеты Андрея Сахарова относительно того, что произойдет, если Хрущев не остановится и взорвет в атмосфере 100-мегатонную водородную бомбу. Такие идеи следовало держать в карантине. Все изыскания в библиотеке проводились под наблюдением сотрудников, и читатели становились в очередь, ожидая, пока освободятся сотрудники, которые сновали вверх-вниз по невидимым стеллажам, как костяшки аба-

ка, сортируя и анализируя заказы. Эта система продолжала существовать даже несмотря на таких серьезных противников, как Максим Горький, который указывал Сталину, что одностороннее восприятие действительности оказывает крайне негативное воздействие на молодое поколение².

Теперь любой может попасть в коридоры библиотеки, но в новой России озабоченное извлечением прибыли государство практически не платит библиотечным работникам, и эта профессия почти исчезла. В конечном итоге нам удалось найти женщину за покрытым сукном столом, заваленным тюбиками с клеем и штампами. Слева от нее располагался механический календарь с надписью «Ленинград». Женщина неохотно призналась, что когда-то была одной из сотрудниц, обслуживающих запросы, а теперь отвечает за выдачу временных читательских билетов. Она направила нас в подвал.

Один, второй, третий коридор — с ветхими красными ковровыми дорожками и портретами Ленина, с новыми бюстами Екатерины, Петра и Павла. Сотни людей сновали по пропахшим нафталином коридорам: сухопарый мужчина с прической, как у Гоголя, пожилая женщина в девичьем платье в горошек. Лифт поднял нас на пятый этаж, затем мы миновали коридор и спустились по лестнице на четвертый, и в конечном итоге после трехчасового пребывания в здании мы оказались в шестиугольной подвальной комнате без окон, заполненной молчаливыми фигурами, углубленными в поиски. Люди склонялись над длинными рядами шкафов, выстроившимися вдоль стен зала каталогов.

Ищем «Кенигсберг» на букву «К»: см. «Калининград». Между статьями «Современные бальные танцы» и «Культура народов Севера» обнаруживается ссылка на сообщение Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС): «Успешное возвращение профессора Александра Брюсова и Татьяны Беляевой из Кенигсберга, 13 июля 1945».

Брюсов. Однако библиотекарь сообщила нам, что статья отсутствует. Пришлось вернуться в зал каталогов и ждать, пока освободится ящичек под литерой «Б».

Мы попытались найти информацию о Беляевой и Брюсове — ничего. Правда, в ветхом справочнике советских музеев

мы обнаружили следующую запись: «Брюсов Александр Иванович, профессор археологии, Государственный исторический музей, Москва». Рядом был указан номер телефона.

Человек, которого отправили на поиски Янтарной комнаты, занимал престижную должность в учреждении, расположенном в самом сердце Советского Союза, в готическом здании из красного кирпича на западной стороне Красной площади. Мы позвонили в Государственный исторический музей прямо из библиотеки. «Брюсов. Брюсов? Нет», — ответила телефонистка и повесила трубку.

Мы обратились к нашей знакомой. Может ли она добыть какую-нибудь информацию из закрытого мира московских музеев? «Посмотрим, что можно сделать, — ответила она и добавила: — Все запрещено, но нет ничего невозможного. Ждите у телефона».

Через двадцать минут раздался звонок.

— Александр Брюсов умер, — сообщила профессор. — В 1965 году. О жизни наших людей узнать нелегко. Но я выяснила, что сохранились его бумаги. Засекреченные. В Ленинке. В Библиотеке имени Ленина в Москве. Возможно, мне удастся достать для вас копии.

Наши шансы получить доступ к засекреченным документам были невелики. Прекрасно, пусть будут копии.

— У меня коллега работает в Ленинке. Она попробует отослать вам бумаги в Национальную Российскую библиотеку. Пожалуйста, проявите терпение. Ничего не предпринимайте.

Мы ждали, пребывая в состоянии мучительной неизвестности, — как когда-то Кучумов. Однако в ожидании возвращения Янтарной комнаты Анатолий Михайлович предпринял новое исследование, связанное с Кенигсбергом. Дождаясь вестей из Ленинки, мы стали изучать книгу, из которой, судя по дневнику Кучумова, он делал выписки в мае 1945 года. Мы не умеем ничего не делать.

Трактат «*Succini Prussici, physica et civilis historia*» был опубликован во Франкфурте в 1677 году Филиппом Якобом Хартманном, «*proffessore medicine extraordinario*». Издатели книги не пожалели денег на карамельного цвета переплет из телячьей кожи

и гравюры для фронтисписа и форзаца. Это был рассказ о происхождении янтаря, и Хартманн сделал вывод, что камень, «вне всякого сомнения, представляет собой окаменевший сок растенный». Книга завоевала необыкновенную популярность, и уже в год своего издания вызвала такой интерес, что английский физик Роберт Гук, открывший законы электричества и закон сохранения энергии, прочел несколько лекций о теории Хартманна в Королевском обществе в Лондоне³.

Споры о происхождении янтаря продолжались и в то время, когда царь Петр I подпал под очарование «северного золота» и приобрел экземпляр книги Хартманна. Это произошло во время его визита в Кенигсберг в 1619 году. В приложении книги приводилось самое раннее свидетельство о торговле янтарем в Восточной Пруссии, написанное доминиканским монахом Симоном Грюнови (**Simonis Grunovii**), который в 1519 году приехал в эти места, известные как Самландский полуостров.

Грюнови (**Grunovii**) писал, что хотел приобрести красивый кусок янтаря для папы Римского, заслужив таким способом спасение души. Лев X, один из самых выдающихся церковных покровителей искусства, незадолго до этого приступил к осуществлению величайшего проекта в истории христианства — сооружению собора св. Петра в Риме. Финансировалось строительство весьма необычным способом — продажей папских индульгенций, в обмен на которые принимались деньги или ценности.

Для того чтобы попасть на Самландский полуостров, Грюнови (**Grunovii**) должен был воспользоваться одним из трех древних «янтарных путей», которые связывали классический мир с Северной Европой еще во времена Геродота. Древние мыслители испытывали сильный страх перед народами, которые жили за пределами «старого мира», ограниченного горной цепью Альп⁴. К северу от нее располагалась «ultima Thule», или край света. Вплоть до начала XVI века многие люди верили рассказам хроникера XI века Адама из Бремена, который в своей книге «Описание островов севера» рассказывал о том, что на этих землях живет раса амазонок, производящая потомство мужского пола от собачьих голов.

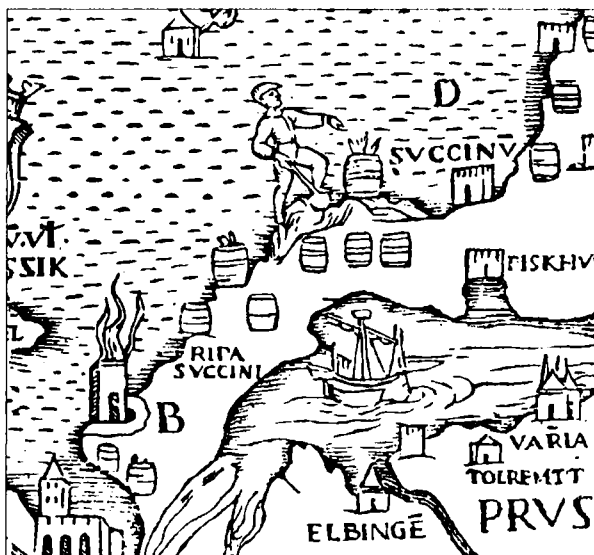
Новейшие археологические исследования позволили выяснить, что три «янтарных пути» представляли собой дороги ши-

риной двадцать футов, вымощенные бревнами, которые были уложены на подушку из веток, скреплены между собой деревянными шпильками, а сверху засыпаны песком и землей. По всей видимости, Грюнови (**Grunovii**) выбрал восточный путь. Для этого он должен был сесть на корабль в Венеции, пересечь Адриатическое море в направлении Триеста, а оттуда вместе с караванами купцов двигаться к Альпам, в сторону Дуная. Далее Грюнови (**Grunovii**) по реке Одер должен был плыть на север, к восточному побережью Балтики⁵.

Архиепископ Уппсалы Олаус Магнус одним из первых проиллюстрировал цель путешествия Грюнови (**Grunovii**) в вышедшей в 1555 году в Риме книге «Энциклопедия природных веществ». На одной из страниц переплетенной в кожу книги помещена примитивная карта, на которой нетрудно узнать очертания Самландского полуострова, выдающегося в воды Балтийского моря. Все побережье было усеяно грозного вида сторожевыми башнями, а рядом с одной из них помещено изображение человека в шапке и панталонах. Он опирается на лопату, а у его ног лежит бочонок, из которого вырываются лучи света. Рядом напечатано слово «succini» (succinum переводится с латыни как «сок»; другое значение — смола, а впоследствии этим словом стали называть янтарь). Самландский полуостров считался источником «северного золота»⁶.

Симони Грюнови (**Simonis Grunovii**) так описывал увиденное: «Когда с севера дует сильный ветер, все крестьяне этой местности должны бежать к морю и сетями вылавливать всплывающий янтарь... но многие при этом тонут»⁷. Во время ноябрьских и декабрьских штормов янтарь поднимается со дна, и его можно вылавливать сетями. Занимающиеся этим промыслом люди одеты в кожаные «латы с глубокими карманами», и «замерзают в ледяной воде, так что их требуется отогревать, прежде чем они возвращаются в свои хижины или вновь приступают к работе; для этой цели на берегу постоянно горят большие костры». Люди привязывались веревкой, чтобы противостоять опасным подводным течениям, а также брали с собой двадцатифутовые шесты, на которые они карабкались, когда волны достигали максимальной высоты.

Грюнови (**Grunovii**) писал, что эти «ловцы янтаря» были ра-

Карта XVI века из книги Олауса Магнуса, на которой изображен Самландский полуостров; на ней отмечены места добычи янтаря и горящие бочонки, у которых отогреваются ловцы янтаря после пребывания в ледяных водах Балтики

бами, принадлежавшими рыцарям Тевтонского ордена, который захватил этот регион и быстро богател, монополизировав торговлю янтарем. «Великий магистр Пруссии... получает большую прибыль... потому что ему платят около восьмидесяти марок за тонну». Монополия поддерживалась при помощи жестоких репрессий. Один из магистров ордена издал указ, запрещающий сбор янтаря, причем нарушителя вешали на ближайшем дереве; его слугам было дано разрешение вершить правосудие прямо на месте и казнить провинившихся, даже не допрашивая. Проехав по побережью через Элбинг, Пилау, Фишхаузен и Гросс-Дирсхейм, доминиканский монах везде видел виселицы с телами казненных.

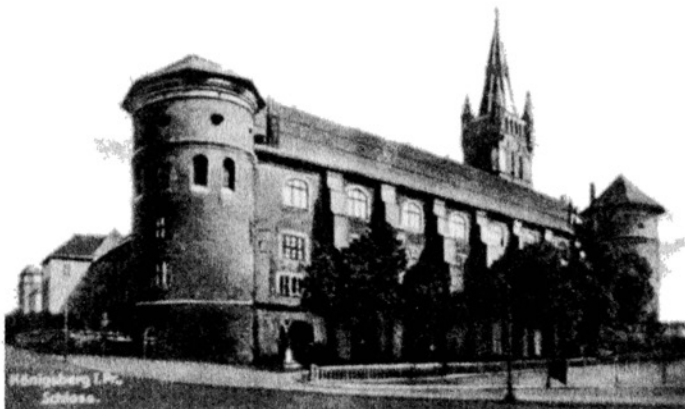
Грюнови (*Grunovii*) направлялся в главный город Самландского полуострова, откуда тевтонские рыцари, захватившие полуостров, осуществляли контроль за торговлей янтарем. Рыца-

ри очистили эти земли от всех язычников и в честь своей победы в 1225 году построили на берегу реки Прегель огромный замок, «подвалы которого уходили глубоко под землю, а шпили достигали небес»⁸. Это сооружение получило название Кенигсбергского замка, а его Рыцарский зал, увенчанный башней, располагался над каменными казематами, где при свете факелов к железным трапециям подвешивали узников. Именно в этом замке 691 год спустя полковник Иваненко из 3-го Белорусского полка нашел нацистскую дарственную книгу с записью о посяжении Янтарной комнаты.

Доминиканец уплатил Великому Магистру Тевтонского ордена Альбрехту десять вирдингов, что эквивалентно небольшому мешочку золотых самородков, за сверкающий обломок янтаря «размером с полпальца». Несколько мастеров из ближайшей данцигской гильдии работали посменно в течение шести

*Фронтиспис
с изображением
ловца янтаря
из книги
Хартманна,
изданной
в 1677 году*

Довоенная фотография Кенигсбергского замка

недель, чтобы вырезать из него фигурку Иоанна Крестителя в детстве. (В 1707 году та же гильдия отправит своих резчиков в Берлин, чтобы помочь архитектору Эозандеру собрать Янтарную комнату.)

Грюнови (**Grunovii**) вернулся домой, везя фигурку в седельной сумке, но по прибытии в Ватикан обнаружил, что Рим больше всего озабочен выступлениями Мартина Лютера, критиковавшего, помимо всего прочего, папскую практику продажи индульгенций. Грюнови (**Grunovii**) разыскал одного из кардиналов, личного секретаря папы, и показал ему вырезанную из янтаря фигурку. Кардинал сказал, что она стоит более 2000 флоринов [более пятнадцати фунтов золота], но у него были плохие новости для Грюнови (**Grunovii**): папа Лев X был смертельно болен. В декабре 1521 года папа скончался, а вместе с ним и надежда доминиканца на спасение души.

Волна протестантской Реформации быстро катилась по балтийским землям, и в 1525 году Великий Магистр тевтонцев Альбрехт стал на сторону Лютера и объявил, что его религиозный орден отделяется от Рима. В результате эти земли превратились в герцогство, просуществовавшее до 18 января 1701 года, когда в Кенигсбергском замке Фридрих I был провозгла-

шен королем Пруссии (именно это событие вдохновило Андреаса Шлютера на создание Янтарной комнаты).

Книга Хартманна объяснила Кучумову, почему Янтарная комната так интересовала нацистов. Ее перемещение в Кенигсберг не было случайностью, а установка в древнем тевтонском замке имела огромное значение для немецких музейных кураторов.

На пятый день в Национальную Российскую библиотеку пришел пакет из Москвы. Мы направились в большой читальный зал, где прихрамывающий библиотекарь проводил нас к одному из сотен потертых деревянных столов. Мы с волнением развернули посылку из Ленинки. Внутри лежали несколько фотокопий документов и маленькая фотография мужчины с меланхолическим лицом, белыми как снег волосами и угольно-черными бровями, нависавшими над глубокими, как туннели метро, глазами. Саржевый костюм был помят, а галстук, казалось, душит мужчину. Черты его лица были скорее семитскими, чем славянскими. Подпись под фотографией сообщала, что это профессор Александр Иванович Брюсов и что снимок был сделан во время его миссии в Кенигсберг. Нас удивил его усталый вид.

Сотрудник Государственного исторического музея профессор Александр Брюсов. Москва и его дневники

Мы принялись листать фотокопии. Это были листки из настольного календаря Брюсова, охватывающие семь дней?. Мы не знали, что нам пришлют из Москвы, но полученный материал превзошел самые смелые наши ожидания.

Записи начинались 25 мая 1945 года. Оказалось, что всего через две недели после капитуляции Германии, когда Европа все еще была погружена в хаос, Совнарком (Совет Народных Комиссаров), высший орган исполнительной власти Советского Союза, поручил профессору Александру Брюсову разыскать и вернуть Янтарную комнату. Вероятно, советское руководство считало эту задачу чрезвычайно важной — только этим можно объяснить подобную спешку.

Брюсову помогал Иван Познанский из Московской театральной библиотеки. Судя по присланным из Ленинки записям руководителем группы поиска была «товарищ Беляева». Все трое выехали в Кенигсберг на следующий день, 26 мая.

Беляевой, Брюсову и Познанскому потребовалось пять суток, чтобы преодолеть 1000 миль от Москвы до Кенигсберга — в военном фургоне, пробиравшемся через разоренные земли, Брюсов писал: «Переночевали в Инстербурге. Гердавайен — остановились в гостинице. И Виллан...» Профессор не мог вспомнить, что они делали в Виллане.

«Кенигсберг стоит в развалинах, — писал Брюсов 31 мая по прибытии в город. — Условия очень тяжелые, никто нам не помогает — ни армия, ни население». В городе продолжались пожары, а в воздухе стоял невыносимый запах от разлагающихся трупов. Красная Армия превратила средневековый город в груду камней, окутанных едким дымом; выжившие горожане бродили среди смеющихся советских солдат. Перемазанные сажей и оборванные немцы еще не осознали необратимости и внезапности обрушившейся на них катастрофы.

Несмотря на выданные самыми высокими инстанциями полномочия, группа Брюсова была вынуждена ждать — советская оккупационная администрация предупредила, что в городе небезопасно. Прошло лишь два месяца с того дня, как советская артиллерия уничтожила последние оборонительные укрепления Кенигсберга. Офицеры Красной Армии вспоминали, что 2 апреля 1945 года увидели здания, превращенные в груды кам-

Советские танки на улицах Кенигсберга во время последнего штурма, апрель 1945

ня, под которыми оказались заживо погребенными сотни людей¹⁰. 6 апреля 11-я гвардейская армия и 43-я армия вошли в город — огнеметчики прочесывали здания, сжигая спрятавшихся в подвалах жителей, а горожане вывешивали в окнах белые простыни, отчаянно пытаясь показать, что они сдаются на милость победителей. 8 апреля несколько сотен немецких солдат попытались вырваться из окружения, но артиллерия Красной Армии уничтожила их.

Один из выживших, нацистский комендант Кенигсберга генерал Отто фон Ляш, впоследствии написал книгу о последних днях защиты города. Он описывал, как замок на некоторое время стал безопасным убежищем для жителей города, пока части Красной Армии после полудня 9 апреля не атаковали главные ворота замка, к 9 вечера вынудив его гарнизон капитулировать. Линии связи между замком и бункером коменданта города были перерезаны, и генерал узнал о капитуляции только в час ночи. Рано утром 10 апреля генерал Ляш и его подчиненные появились на улицах города с вещмешками и скатками.

Через три дня Гитлер вынес Ляшу смертный приговор, обвинив его в трусости. Кенигсберг имел огромное значение для Гитлера. Во время битвы за Восточную Пруссию за три месяца

погибли более 50 тысяч немецких солдат, а 92 тысячи были взяты в плен советскими войсками. Гитлер предупреждал всех командиров на Восточном фронте, что всякий, кто отдаст приказ к отступлению, подлежит расстрелу на месте¹¹. Тем не менее 30 апреля Гитлер был уже мертв, а 8 мая маршал Жуков, руководивший штурмом Берлина, принимал безоговорочную капитуляцию немецкого Генерального штаба в здании военного инженерного училища в Карлсхерсте.

Совершенно очевидно, что Красной Армии требовалось определенное время, чтобы установить полный контроль над Кенигсбергом, а Брюсов тем временем собирал свою группу, пригласив двух переводчиков 3-го Белорусского фронта, лейтенанта Сардовского и капитана Чернышова. В своем дневнике Брюсов описывал Чернышова так: «...Тридцатилетний симпатичный и очень неглупый человек. Закончил факультет иностранных языков в Москве. Музыкально одарен. Работать с ним приятно и легко».

Брюсов также разыскивал военного корреспондента «Правды» полковника Д.Д. Иваненко, который сообщал о найденной дарственной книге Кенигсбергского замка. Он еще не уехал из города, но находился под надзором одного из политработни-

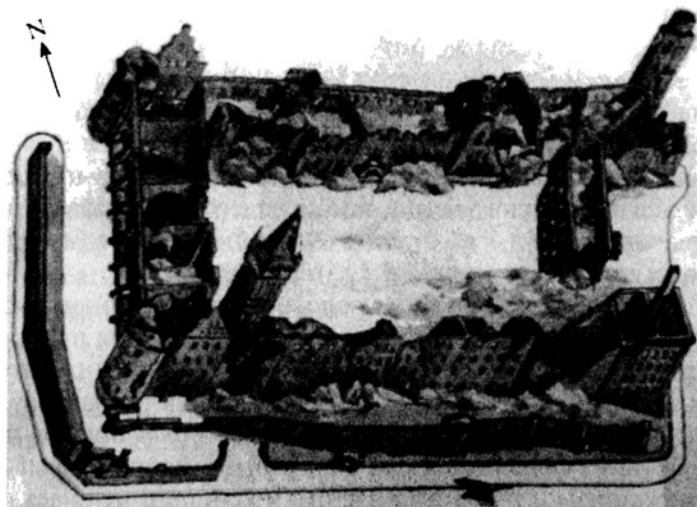
*Капитуляция
генерала Отто
Ляша (в центре)*

ков, майора Кролика, и ему не разрешали давать интервью. Озадаченный Брюсов писал, что дарственная книга, похоже, исчезла.

Брюсов пытался расспрашивать оставшихся в живых местных жителей, но они не проявляли желания сотрудничать. В своем дневнике профессор жалуется, что население информировало советскую военную администрацию о судьбе награбленных произведений искусства, но ему эти сведения были недоступны. Один человек утверждал, что обнаружил тайник нацистов, в котором среди прочего были несколько больших ящиков с янтарем, но на следующий день его нашли повешенным на дереве со связанными за спиной руками. Брюсов выяснил, что точно так же погибли еще два информатора-немца, обещавшие показать место, где нацисты спрятали ценности. Брюсову было трудно понять, что происходит.

Гражданское население подвергалось тщательной проверке органами безопасности, хотя из 2,2 миллиона жителей в городе осталось лишь 193 тысячи¹². В окрестностях Кенигсберга разместили девять частей НКВД, отправленных сюда главой сталинской службы безопасности Лаврентием Берия, сменившим на этом посту Карлика, который в 1938 году сам стал жертвой репрессий. Людям Берии помогали 400 оперативников из специального подразделения по борьбе со шпионажем (оно называлось СМЕРШ — это название выбрал сам Сталин, и оно представляло собой сокращение от «смерть шпионам»). Контрразведка СМЕРШа прочесывала окрестности Кенигсберга в поисках коллаборационистов, фашистов, двойных агентов и предателей.

2 июня профессору Брюсову и Татьяне Беляевой позволили осмотреть развалины; им помогали добровольцы из местного населения. Они направились прямо в замок, круглые башни и бойницы которого по-прежнему возвышались над городом. По словам Брюсова, замок был полностью разгромлен. Нетронутыми остались лишь несколько комнат в северном крыле. Они собирали все вещи на верхнем этаже, используя его в качестве склада. Пролеты крыши обрушились во всех четырех крыльях гигантской галереи, возвышавшейся над рекой Прегель. Построенное в XVI веке южное крыло представляло собой груды камней. Западное крыло, построенное примерно в то же время.

Любительский рисунок послевоенных развалин Кенигсбергского замка

что и южное, было сильно повреждено. Уцелела лишь самая старая северо-западная часть замка, датировавшаяся XIII веком; там находился парадный Рыцарский зал, оставшийся практически неповрежденным.

Под залом располагалась сложная система казематов, которая освещалась при помощи свечей, свисавших с металлических трапедий. Вдоль сырых стен высились ряды гигантских бочек с вином и пивом, а каменный пол был устлан деревянными планками, на которых располагались длинные столы и скамьи. Здесь обедали нацисты — на фарфоровой посуде с красным ободком, прусским двуглавым орлом и названием ресторана, «Blutgericht».

Нам трудно представить масштаб работ и условия, в которых пришлось работать поисковой команде. Территория замка была огромной, а опасность подстерегала повсюду — шестидесятифутовые стены могли рухнуть в любую минуту, а упавшие обломки были раскиданы так далеко, что взобраться на них без веревки было просто невозможно. Проникающая повсюду и вызывающая кашель пыль делала работу в развалинах просто

невыносимой. У Брюсова и его помощников не хватало оборудования. В их распоряжении имелась лишь пара лопат. Военные не давали керосина, и поэтому работать приходилось в полутьме — как днем, так и ночью. Никаких следов Янтарной комнаты обнаружить не удавалось.

Через несколько дней беспорядочных поисков профессор наткнулся на пожилого немца, ковьялявшего среди развалин замка. Брюсов отметил, что круглые очки придавали этому человеку сходство с Гиммлером.

Немцу каким-то образом удалось преодолеть оцепление, и Брюсов приказал его арестовать. На допросе немец признался, что работал в музее Кенигсбергского замка, и сообщил, что вернулся для того, чтобы помочь русским в расчистке завалов. Пожилой немец назвал свое имя — Альфред Роде. Брюсов почти не обратил на него внимания. Роде сотрудничал, но выглядел встревоженным и настаивал на том, что ничего не знает о вывезенных из Советского Союза ценностях. В прошлой жизни он, вполне возможно, был важной фигурой, но теперь при взгляде на разрушения его глаза наполнялись слезами. Брюсов заключил, что Альфред Роде сильно расстроен. (5)

Однако после того, как профессор приступил к допросам других людей, раньше работавших в замке, и стал приглядываться к поведению Роде, его мнение о пожилом немце изменилось.

Альфред Роде

«Внешне Роде выглядит глубоким стариком с трясущейся правой рукой. Его одежда очень ветхая, — писал Брюсов. — Но на самом деле это чрезвычайно образованный человек. Художественный критик. Автор ряда научных работ». Неизвестно, как именно Брюсов докопался до правды, но в конечном итоге ему удалось выяснить, что при нацистах доктор Альфред Роде был директором музея Кенигсбергского замка.

Когда Брюсов сообщил Роде, что ему все известно, тот почти не отреагировал. «Может быть, он алкоголик. Мне он не внушает доверия. Думаю, он знает больше, чем говорит, а когда говорит, то в основном лжет, — записал профессор в своем дневнике. — Если он не видит, что за ним наблюдают, его рука перестает дрожать. Он все время повторяет, что лучшая часть лекции была эвакуирована, но когда мы спрашиваем, куда, говорит, что не знает». До профессора Брюсова дошли слухи, что произведения искусства были спрятаны в замке неподалеку от города, и он поделился этими слухами с Роде. «Я предположил, что они [немцы] отправили эти предметы в Раутенбург, и Роде воскликнул: «Вы нашли их?» Он выглядел подавленным, разозленным и явно что-то скрывал.

Когда они с трудом очищали каменную кладку у ворот Альбрехта, у Брюсова появились первые подозрения. «Расчистка в поисках Янтарной комнаты велась еще до нашего прибытия, — пишет профессор в своем дневнике. — Работы начались в южном крыле замка. Я заметил уже освобожденную от обломков небольшую комнату». Еще большую тревогу у него вызвал тот факт, что дарственная книга нацистов была найдена полковником Иваненко 25 апреля, почти за три недели до того, как сообщение об этом попало в Москву. В этот довольно продолжительный промежуток времени вполне могли проводиться неофициальные поиски Янтарной комнаты. Но кем?

Времени на раздумья не было. Раскопки продолжались. Поскольку от южного крыла почти ничего не осталось, группа Брюсова начала пробиваться через башню королевы Луизы, пытаясь добраться до заблокированного северного крыла и Рыцарского зала. Довоенные фотографии запечатлели просторное сводчатое помещение с крутой ребристой крышей, под которой теутонские рыцари проводили свои церемонии, провожаемые взгля-

дами суровых предков, смотревших с развешанных по стенам портретов.

Утром 5 июня Брюсов пробился в Рыцарский зал, преодолев завалы из камня и деревянных балок. Внутри был настоящий ад. Резные колонны XIII века обуглились, древние знамена сгорели дотла, стеклянные предметы были разбиты, каменные плиты пола потрескались от упавшей кладки стен. Брюсову и его сотрудникам приходилось продвигаться по залу буквально на четвереньках. В одном из углов они нашли несколько пружин от стульев и старинные немецкие железные замки. В другом углу валялись явно русские лепные украшения и картинные рамы. Вечером вернувшийся в свою комнату Брюсов записал в дневнике: «Нашли бронзовые дверные петли из Царского Села... Обломки карнизов, которые вполне могли принадлежать Янтарной комнате... Железные полосы с болтами, при помощи которых фрагменты Янтарной комнаты крепились в ящиках... Нам следует отказаться от поисков Янтарной комнаты».

Это был катастрофический вывод. Всего за три дня поисков Брюсов собрал свидетельства, доказывающие, что Янтарная комната хранилась в Рыцарском зале и погибла во время ужасного пожара. Однако мы знали, что поиски Янтарной комнаты продолжаются и по сей день. Таким образом, это еще не конец истории.

Ни один человек не осмелился бы вернуться в Москву и предстать перед всемогущим Совнаркомом с пустыми руками. Никто из высшего руководства — и меньше всего сам Сталин — не был расположен выслушивать плохие новости. Это было радостное время, и 5 июня советское радио транслировало репортаж о торжественной церемонии на Красной площади, во время которой Сталин вручал орден Победы Монтгомери и Эйзенхауэру¹³.

Брюсов вернулся на развалины замка с твердым намерением найти дополнительные доказательства, прежде чем сообщать ужасную новость о гибели Янтарной комнаты. Нужно попытаться найти что-либо еще, что смягчит плохие новости, нечто очень ценное, способное как-то сгладить впечатление от невеселых выводов. Профессор нанял несколько десятков добро-

вольцев из местных жителей, которые разбирали мусор, получая за работу продукты.

Упорство профессора Брюсова почти сразу же принесло плоды — в пустотах среди мусора обнаружили произведения искусства. «Работа ведется непрерывно, — писал он. — И в конечном итоге мы добились успеха: более тысячи предметов, среди которых итальянская живопись, фарфор и много серебряных изделий». Однако никаких следов Янтарной комнаты по-прежнему не удавалось обнаружить. Зона поисков расширилась, и в нее вошли некоторые районы города.

10 июля, через восемь дней после начала работы, команда Брюсова вошла в муниципальное здание на углу Ланге-Райе и Штейндамм-штрассе, бывшей главной улицы города. Внутри все свидетельствовало о поспешной эвакуации. На полу лежали десятки тысяч кусочков янтаря. Часть камней была упакована в ящики. Опись на немецком языке свидетельствовала также о том, что большое количество ящиков с янтарем уже покинуло Кенигсберг «под присмотром Карла Андреа».

Когда первое волнение прошло, Брюсов узнал от одного из своих немецких работников, что Карл Андреа состоял директором Института палеонтологии и геологии при Кенигсбергском университете. Брюсов пришел к выводу, что они нашли остатки известной на всю Европу коллекции, включавшей более 120 тысяч предметов, самым ценным из которых считалось «вырезанное из янтаря изображение рептилии в натуральную величину»¹⁴. Брюсову удалось найти нечто ценное, однако эта коллекция не имела отношения к Янтарной комнате.

Вечером профессор составил доклад в Москву, который скопировал капитан Чернышов для предоставления советскому коменданту Кенигсберга.

В докладе сообщалось, что при осмотре дома по адресу Ланге-Райе, 4, была обнаружена коллекция янтарных предметов и экспонаты геологического музея. По всей видимости, немцы начали упаковывать коллекцию, но что-то им помешало. Большинство предметов снабжены бирками. Наверное, лучше собрать все эти предметы и перевезти в более безопасное и защищенное здание. Это одна из лучших коллекций, и ее можно от-

править в Москву. Геологическая коллекция превосходно систематизирована и очень обширна.

Брюсов, явно имевший в виду свой музей на Красной площади, подсчитал, что упаковка займет от восьми до десяти дней — с помощью десяти рабочих.

В поисках Янтарной комнаты Брюсов пошел еще дальше. Он проверил слухи о тайнике нацистов в замке Вильденхофф (современная Цикова в Польше), родовом поместье аристократки из Восточной Пруссии графини Шверин. Доктор Роде настаивал, что это бессмысленно. Перед глазами советской поисковой группы открылось печальное зрелище. Свидетели утверждали, что отступающие эсэсовцы подожгли замок. Однако кое-что уцелело. «В трех комнатах были свалены груды уникальных документов, рукописных текстов и законодательных актов XVI века, классифицированные и пронумерованные. В нашу маленькую машину много не поместилось, но 16 числа мы вернемся на большой машине и заберем остальные документы», — писал Брюсов. Следов Янтарной комнаты по-прежнему не обнаруживалось.

В ночь перед возвращением в Вильденхофф Брюсов не мог спать. Профессор, которому уже перевалило за шестьдесят, страдал бессонницей. Перед самым рассветом он вышел прогуляться среди развалин Кенигсбергского замка и заметил струйку дыма, поднимающуюся из-за разрушенной стены. Пробравшись через кучи мусора, он обнаружил Альфреда Роде, сжигавшего пачку бумаг. За сотрудничество с советской военной администрацией Роде получил некоторые привилегии. Его не запирали на ночь, как остальных немецких военнопленных, но он был обязан соблюдать комендантский час в темное время суток. «Сегодня я нашел некоторые документы», — писал в дневнике Брюсов, поясняя, что спас от костра Роде тридцать обугленных писем. Роде клялся, что это мусор, но Брюсов считал его оправдания «явным абсурдом». Брюсову требовался перевод документов, которые хотел уничтожить Роде, но капитан Чернышов предупреждал, что у него почти нет времени, потому что к его помощи прибегает НКВД, продолжавшая проверку местного населения.

Брюсов вернулся в замок. Он все больше проникался нело-

верием к Альфреду Роде. Профессор был полон решимости добиться успеха. «21 июня — весь день мы занимались поисками, и нам удалось обнаружить итальянскую и фламандскую живопись», — сообщает Брюсов, добавляя, что среди картин были произведения Андреа дель Вероккио и Брейгеля Младшего.

Затем, всего за несколько дней до того, как Брюсов и Беляева должны были вернуться в Москву, неожиданно появился Чернышов с переводом части документов, которые пытался сжечь Роде. По свидетельству Брюсова, среди них был черновик письма в Берлин, датированного 2 сентября 1944 года, в котором сообщалось, что Янтарная комната, упакованная в ящики, чудом пережила налет авиации союзников в ночь с 27 на 28 августа 1944 года. Кабинет Роде в Кенигсбергском замке был разрушен, и он писал, что работает у себя дома, на Бикштрассе. Среди других наполовину сожженных документов обнаружили пропуска на имя Роде, среди которых было разрешение наблюдать за эвакуацией «мебели, оружия, мраморных скульптур и 100 картин» графини Кейзерлинг из Раутенбурга в Кенигсбергский замок. Роде также пытался сжечь свою переписку с прусскими аристократами, в том числе графом Алексом Дона-Шлобиттенем из Элбинга и графиней Шверин. В одном из писем упоминалось о советских картинах из Киева, в другом — о живописи, вывезенной из музеев Минска.

Особенно озадачил Чернышова один документ. Роде сообщал в Берлин, что потерял ключ от подземного хранилища, называвшегося Хофбункер. Роде никогда не упоминал о нем. Брюсов немедленно вызвал к себе немецкого куратора. Может быть, обнаруженные в Рыцарском зале остатки — это обман? Не спрятана ли Янтарная комната в секретном «Хофбункере»?

Роде проявил полное равнодушие. «Он ответил, что «Хофбункер» расположен на Штейндамм-штрассе и что он отведет нас туда», — писал Брюсов. Профессор вместе с Альфредом Роде посетил бункер в последних числах июня; их сопровождал лейтенант Красной Армии Илья Цырлин, которого попросили присутствовать в качестве свидетеля. На левой стороне улицы на пересечении с Розен-штрассе они нашли четырехэтажный подвал с длинной лестницей, которая вела в превосходно оборудованное бомбоубежище. Это не был обычный бункер, ис-

пользовавшийся для укрытия от налетов авиации. Брюсов писал: «Там находились спальня с разбросанными по полу вещами. Среди них были картины и скульптуры. Мы выбрали две или три самые лучшие работы и ушли». Профессор не нашел никаких свидетельств, что Янтарная комната когда-либо хранилась в этом бункере, но его не покидала надежда найти сокровище где-нибудь еще.

Роде явно лгал по поводу Хоффбункера, и Брюсов решил официально допросить его. Он заставил немецкого куратора подписать признание, озаглавленное: «Судьба музейных ценностей, бывших на моем попечении». Текст этого признания лежал перед нами.

Показания немецкого куратора изменились. Роде признал, что Альфред Розенберг, гитлеровский идеолог и глава ведомства, занимавшегося вывозом произведений искусства, использовал Кенигсберг в качестве хранилища для награбленных ценностей. Осенью 1941 года Роде прислали экспонаты, вывезенные из минского музея, «картины XVIII века, предметы царских времен, в том числе мебель». Все они стали «жертвой англо-американского воздушного налета в августе 1944 года и погибли» под развалинами восточного крыла Кенигсбергского замка. Летом 1943 года Роде получил «собственность музеев Харькова — западноевропейскую и русскую живопись, а также иконы». Все это отправили в Вильденхоф, но в январе 1945 года при приближении Красной Армии вернули в Кенигсберг. В декабре 1943 года пришли ценности из Киева. Девяносто восемь ящиков отправили в Вильденхоф. Среди них было 800 икон — самая крупная коллекция икон в мире. Все они исчезли.

А что же Янтарная комната? Наконец, Роде коснулся главного вопроса, признавшись, что в ноябре 1941 года лично принимал Янтарную комнату из Царского Села, которую «разместил в Кенигсбергском замке в подходящем помещении». Таким образом, дарственная книга (таинственным образом исчезнувшая) содержала точный перечень предметов, прибывших в замок. Однако, отмечает Роде, за четыре недели до налета авиации союзников комната была переведена в более безопасное место, чтобы уберечь ее от повреждения. Через некоторое время Роде приказал вернуть комнату в замок и упаковать в ящи-

ки. В таком виде она хранилась в северном крыле замка до 5 апреля 1945 года — вместе с предметами мебели, принадлежавшими графине Кейсерлинг. Затем Красная Армия окружила город. Все планы эвакуации Янтарной комнаты оказались непригодными — им помешало время, налеты советской авиации и перемещение войск.

Брюсов не рассказал этого Роде, но признание бывшего директора музея в точности соответствовало тому, что он нашел в Рыцарском зале — пружины от стульев и железные замки немецкой работы (коллекция Кейсерлинг), а также русские бронзовые петли и фрагменты карниза (Янтарная комната). Тот факт, что Брюсов обнаружил железные полосы, которыми немцы обычно обивали ящики, подтверждал свидетельства Роде.

Время заканчивалось, но Брюсову так и не улыбнулась удача. Хорошо еще, что, помимо печальных свидетельств о гибели Янтарной комнаты, ему удалось собрать более шестидесяти ящиков ценностей. По дороге в Москву Александр Брюсов готовил свой доклад Совнаркому.

Когда раздался звонок из ТАСС, Брюсов не стал беспокоиться. Государственное агентство новостей могло узнать о его секретной миссии только от правительства. Поэтому Брюсов дал подробное интервью о своих находках в Кенигсберге, уверенный, что именно это от него и требуется. Янтарная комната была вывезена нацистами в Кенигсберг, где ее выставили в замке. Комнату разобрали и упаковали в ящики в 1944 году незадолго до налетов британской авиации, сровнявшей с землей почти весь город. Доктор Альфред Роде, директор музея Кенигсбергского замка, признался, что эти ящики находились в замке вплоть до 5 апреля 1945 года. Свидетели подтверждают рассказ Роде — они говорят о том, что за день до этого Роде получил строгий выговор от гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха за то, что ему не удалось эвакуировать Янтарную комнату. Через день советские войска прорвали оборону фашистов, и незаметно вывезти ящики с разобранной Янтарной комнатой было уже невозможно. Они остались в северном крыле замка и через несколько часов после капитуляции немцев, в промежуток времени между 9 и 11 апреля погибли в ужасном пожаре, уничтожившем Рыцарский зал.

Советская поисковая группа сделала много важных находок в Кенигсберге, в том числе тысячи ценных произведений искусства, украденных нацистами, но, к величайшему сожалению Брюсова, он также нашел дверные петли и карнизы из Янтарной комнаты. Неизвестно, кто был виноват в гибели шедевра. Было ли это варварство делом рук осажденных нацистов? Или пожар в Рыцарском зале устроила победоносная Красная Армия? Это была война, в которой обе стороны яростно и упорно сражались, не обращая внимания на город, волею судеб оказавшийся в самом центре Третьего рейха, сказал профессор корреспонденту ТАСС.

Интервью Брюсова, опубликованное 13 июля 1945 года, было замечено подразделением британского министерства экономики в Хеддон-хаус и переведено 27 июля:

«Конфиденциально. Советские ученые проводят раскопки в Кенигсбергском замке с целью вернуть культурные ценности, вывезенные из СССР. В интервью ТАСС А.И. Брюсов рассказал, что под мусором толщиной в три фута они нашли опись предметов из Царского Села... Сами янтарные панели еще не обнаружены, хотя найдены ценности из Киева, Минска и Харькова...»¹⁵

Но больше союзники ничего не узнали. Советские газеты не стали развивать эту тему. Татьяна Беляева не выступала с публичными комментариями относительно находок в Кенигсберге. Через несколько дней Брюсов исчез в лабиринтах московского музейного мира, и за всю оставшуюся жизнь сделал лишь одно публичное заявление о своей миссии в Кенигсберге — 14 лет спустя. Тем временем его доклад был уничтожен, а дневник изъят НКВД и отправлен в архивы Ленинки. Как бы то ни было, а самое надежное место для хранения тайн — это советская публичная библиотека.

Глава 4

Мы месили ногами подтаявший снег на Дворцовой набережной Невы. «XX век здесь был просто ужасен, — постоянно повторяла наша знакомая, бывший профессор Ленинградского университета, когда мы уговаривали ее вспомнить Советский Союз, чтобы помочь нам в расследовании тайны Янтарной комнаты. — Мы пережили сталинскую эпоху и теперь хотели бы забыть о ней. Мы изучаем XIX век, пору нововведений и утонченности — времена великого князя Владимира. Вы должны познакомиться и с этой страницей нашей истории. Обещаю вам, это не будет пустой тратой времени».

Она помогала нам на протяжении нескольких недель, и теперь мы пришли сюда ради нее — к дому номер 26, небольшому дворцу в венецианском стиле, построенному великим князем Владимиром за баснословную сумму в 1 миллион рублей. Здание было возведено в 1865 году напротив Петропавловского собора, который когда-то принадлежал контр-адмиралу петровского флота гребных судов. Профессор подарила нам свою книгу об этом дворце и пообещала организовать встречу с издателем.

Сын царя Александра III великий князь Владимир был шефом императорской гвардии и президентом Академии художеств, сообщила нам профессор, поднимаясь по мраморной лестнице, расписанной русалками и херувимами, с обитыми пурпурным бархатом перилами. «Сюда приходили обедать наш великий оперный бас Шаляпин и даже Рахманинов», — сказала она, распахивая двери в холл, облицованный дубовыми панелями со сценами из русских сказок. Затем она провела нас через несколько комнат в будуар великой княгини Марии Павловны, откуда открывалась дверь в мавританскую переднюю с инкрустированным куполом.

«В августе 1924 года эмигрировавший сын великого князя объявил себя российским императором Кириллом I, убедившись, что рассказы о расстреле семьи Романовых в Екатеринбурге соответствуют действительности, — профессор вела нас по коридору. — Пустующий дворец по предложению Максима Горького отдали советским деятелям науки, превратив в Дом ученых».

Нам нужно было спешить. Мы пришли на собрание клуба ученых Российской академии наук, посвященное одному из кураторов Павловского дворца, умершему в прошлом году. Втайне мы надеялись, что собрание продлится не слишком долго, хотя и не решались признаться в этом нашей знакомой. «Люди, которых вы сегодня увидите, посвятили жизнь русской истории, как и я. Входите», — сказала она, открывая неприметную дверь в помещение для персонала.

Мужчины и женщины, молодые и старые, в мятых костюмах с обтрепанными манжетами и пергаментной кожей собрались у большого рояля, который сегодня не понадобится, но для которого больше не нашлось подходящего помещения. Комната была заполнена мастерами по замкам, часовщиками, малярами и обойщиками, скульпторами и резчиками, позолотчиками и белешвейками, специалистами по мейсенскому фарфору и миниатюристами — все они работали музейными кураторами в Павловском или Екатерининском дворце, получая за свой труд не больше 20 долларов в месяц.

Собравшихся призвали к порядку, и слово взяла статная женщина крупного телосложения. «Альбина Васильева, — прошептала профессор. — Мы называем ее Большая Альбина. Специалист по фарфору из Павловска. Близкий друг Анатолия Кучумова».

Альбина вспомнила о недавно умершем коллеге, который сорок шесть лет проработал в отделе скульптуры в музее Павловска. Аудитория уважительно слушала рассказ о том, как в 1941 году этот куратор спасал статуи дворца от нацистов, зарывая скульптуры так глубоко, что немцы не смогли их найти, сколько ни искали. В 1944 году после освобождения города куратор вернулся и, несмотря на то, что парк был заминирован.

извлек все статуи из земли, причем весь процесс спасения был запечатлен на фотографиях.

— Многие скульптуры в семи дворцах были разбиты, — печально сказала Альбина. Слушатели кивнули. — У нас здесь нет проектора или копировального аппарата. Поэтому я передам вам эти документы, и вы ознакомитесь с ними, пока я говорю. — По рядам стала передвигаться вереница бумаг, и слушатели внимательно рассматривали каждый лист. — У нас сохранилось лишь несколько снимков — благодаря дочери куратора.

До нас дошел снимок, на котором был запечатлен пикник в Павловском парке. Мужчины в черных беретах попыхивали сигаретами. Все смеялись чьей-то шутке, в том числе мужчина слева. Мы узнали его. Анатолий Михайлович Кучумов. На Западе мы так привыкли к фотографиям советских граждан в меховых шапках и толстых шубах, что нас привели в замешательство непринужденные позы Кучумова и его коллег. Мы заглянули в частную жизнь музейных работников, таких как Кучумов и Брюсов.

Выступление закончилось, и слушатели, разбившись на небольшие группы, предались воспоминаниям. Мимо нас про-

*Анатолий Кучумов (слева) с коллегами
из ленинградских дворцов, 50-е годы*

шел часовых дел мастер в жилетке. «Хотите, я вам кое-что скажу? — спросил он. — Знаете, почему мы не уходим, хотя нам почти не платят, а наша работа не престижна? Знаете, почему мы никогда не уйдем? Из-за тех, кто был до нас. Каждый вечер я прохожу по полутемным залам дворца и завожу часы. И я чувствую, что души моих предшественников наблюдают за мной».

Мы переходили от группы к группе, прислушиваясь к разговорам, знакомясь с разными людьми, рассказывая о наших поисках Янтарной комнаты и о том, что мы пытаемся выяснить, почему история не закончилась в 1945 году в Кенигсберге после находок профессора Александра Брюсова.

Собеседники качали головами, удивленно вскидывали брови. Темноглазая женщина робко представилась. Надежда Воронова. Она сообщила, что ее отец несколько десятков лет работал с Кучумовым, помогая собирать материал для книги о Янтарной комнате.

— Вы очень мало знаете, — сказала она и добавила: — Надеюсь, вы простите мою прямоту, — она опустила взгляд. — Исследования не закончились в 1945 году. Анатолий Михайлович поехал в Кенигсберг в 1946-м, чтобы возобновить поиски Янтарной комнаты. Отец мне рассказывал.

— Но в докладе профессора Брюсова содержится однозначный вывод: Янтарная комната сторела в Рыцарском зале в период с 9 по 11 апреля 1945 года, — возразили мы.

— Простите, я больше ничем не могу вам помочь, — Воронова съежилась. — Мой отец умер. Мать очень старенькая. Осталась одна в нашей квартире в Царском Селе. Я должна идти. Дорога долгая — сначала метро, потом автобус, — она пугливо оглянулась и придвинулась ближе. — Попробуйте поискать в Павловской библиотеке. Бумаги Кучумова должны быть там. Он много лет был директором в Павловске. Кучумов знал правду о Янтарной комнате.

Внучка Кучумова Вика Плауда дала нам тот же совет, но мы позабыли о нем, увлеченные миссией Брюсова в Кенигсберге.

На следующее утро мы отправились на Витебский вокзал и сели в электричку, которая направлялась к соседу Екатерининского дворца на реке Славянке, в 20 милях к югу от Санкт-Пе-

тербурга. Мы повторяли путь Владимира Телемакова, ловившего момент для бесед с Анатолием Кучумовым. Было начало апреля; дождь прекратился, и вагоны наполнились дачниками.

По узкому проходу между скамьями потянулась непрерывная цепочка мужчин и женщин с большими сумками, предлагающих жевательную резинку и лейкопластырь. Потом хриплыми голосами запели музыканты. Проковылял безногий ветеран чеченской кампании, протягивая руку за милостыней. Сидящий рядом с нами человек изо всех сил пытался привлечь наше внимание. Он показывал на большую стеклянную бутылку, торчавшую из его рюкзака цвета хаки, делал вид, что пьет из нее, и щелкал по стеклу ногтем. «Хотите немного поразвлечься на природе? Да? Не знаете? В электричке ездят только шлюхи. Леди пользуются такси».

Через полчаса мы шли по парку мимо чугунных фигур, отлитых после возвращения Наполеона из Египта с сокровищами фараонов, когда началось увлечение всем, что имело отношение к Нилу. Павловск. Подарок Екатерины Великой Павлу, ее странному и некрасивому сыну с носом картошкой, ухитрившемуся превратить Россию из могущественной империи в нестабильное государство, которое пребывало в состоянии войны с Францией, конфликтовало с Британией, игнорировалось Австрией и ввязалось в опасную кампанию против среднеазиатских ханств, вынашивая безумные планы внезапного нападения на Индию. В 1801 году Павла задушили подушками его же придворные. Однако посетители дворца не думают об этом, разглядывая выполненные в классическом стиле залы, отличающиеся сдержанной красотой и изяществом.

Мы объяснили цель нашего визита директору дворца-музея, и он вызвал библиотекаря, высокого и худого мужчину с печальным лицом, одетого в свитер ручной вязки.

— Не очень-то много, — выпалил он, остановившись в дверях и не глядя нам в глаза. Затем он вынул из-за спины четыре книги и бросил на стол. — Больше у нас нет ничего, принадлежавшего Кучумову. То, что вас может заинтересовать, — с этим словами он повернулся и исчез за дверью.

Сорок пять лет работы во дворцах Ленинграда, огромное ко-

личество постов и должностей, ведущая роль в культурной жизни второго по величине города Советского Союза — и всего четыре потрепанные книги?

Мы вышли из кабинета директора подавленные. Тщедушная сотрудница музея позвала нас и повела по служебной лестнице в свой кабинет, забитый мебелью, которая только что вернулась с зарубежной выставки. «Вы мои гости. Садитесь, пожалуйста», — она нерешительно указала на два стула с табличками «Царь Павел I». Мы сели и принялись листать книги Кучумова, а хозяйка стала ползать на четвереньках, рассматривая крышку письменного стола из орехового дерева в поисках мельчайших трещин. «Оставьте их», — посоветовала она и встала с колен. Мы наконец узнали ее — она познакомилась с нами на собрании в Доме ученых. Тогда она представилась как Альбина Маленькая (чтобы не путали с Большой Альбиной, которая тоже работала в Павловске).

— В этих книгах ничего нет. Я их прочла, — она отбросила шелковистые пряди седых волос с лица, открыв внимательные глаза. — Понимаете, библиотекарь пишет книгу о Кучумове. Готова поспорить, что он вам не признался. Разумеется, она никогда не будет издана. В России нет денег на книги.

Мы вспомнили о Владимире Телемакове. В ответ на его великодушные мы показали его рукопись издателю, с которым устроила встречу наш знакомый профессор, но даже он не питал особых надежд, что сможет найти деньги на издание книги.

— В глубине души библиотекарь сознает, что его книга — несбыточная мечта, — продолжала Маленькая Альбина, — и поэтому он сделает все возможное, чтобы скрыть от вас известную ему информацию. Он молод, и он может подождать. — Мы стали собираться, и тут Маленькая Альбина удивила нас. Она тепло обняла нас. — Мы старые. И уже не такие красивые, как прежде. — Она потушила сигарету в царской пепельнице из оникса. — Но мы поможем вам найти Янтарную комнату Кучумова.

Мы направились назад в город. В воздухе стоял запах дыма, но мы не видели ни одного костра. Наверное, это сжигают мазут в устье Невы, воды которой отливали жемчугом при свете луны. Судно, управляемое пьяным капитаном, не вписалось в

пролет моста, и в реку вылилось 875 тысяч галлонов топлива. У входов в метро толпятся горожане, желающие согреться. Глоток водки «Русский стандарт», порция мороженого (даже в самые суровые морозы) — и снова на улицу. Пластиковые палатки со спиртным переполнены посетителями и клонятся набок от тяжелых железных решеток. Мы вернулись на 7-ю Советскую.

Полночь. В коридоре звонит телефон. Мы бежим изо всех сил, чтобы успеть. В трубке щелчки и шум. Затем голос. «Попробуйте поискать в Центральном архиве литературы и искусства, — это Маленькая Альбина. — Рядом с Большим Домом. Я слышала, что у них могут быть бумаги Кучумова, но я не могу провести вас туда».

Ориентир, по которому сегодня находят литературный архив, — это Большой Дом, огромное белое здание с каменными стенами, раньше принадлежавшими другому сооружению. Когда-то на этом месте находился собор, построенный в честь моряков, погибших во время Русско-японской войны 1905 года. Легенда гласит, что Сталин приказал разрушить собор, а бронзовая табличка с именами попала к местному мяснику и стала служить разделочной доской. Камень, из которого были сложены стены собора, на тачках доставляли к месту строительства Большого Дома, новой штаб-квартиры НКВД в Ленинграде, куда, как шутили горожане, отовсюду приходили люди, чтобы из подвалов здания полюбоваться видом сибирских лагерей.

Сегодня в огромном Большом Доме располагается управление ФСБ. Мы без труда нашли Большой Дом, но архив продолжал прятаться от нас. Он располагался в переулке, отходящем от Шпалерной улицы; его двойные парадные двери загоразивала сгоревшая «Лада», а неровная асфальтовая дорожка была липкой от грязи, в которой, словно мухи, вязли посетители архива. Мы попросили о встрече с директором, но до самих документов нам было еще очень далеко. Помощник директора отказался подтвердить, что у них хранятся бумаги Кучумова. Даже если они действительно здесь, доступ к ним может быть ограничен. Нам объяснили, что архивистам требуется до десяти лет, чтобы систематизировать и обработать новые поступления, и

только после этого их содержание становится доступным для некоторых исследователей. Сама директор, скорее всего, на даче. В этом случае за все отвечает ее заместитель, но у него нет никаких полномочий.

Многие бывшие советские учреждения разрываются между желанием заработать и страхом раскрыть прошлое. Мы провели в России уже несколько бесплодных месяцев, и для продолжения работы эта встреча была нам просто необходима. Поэтому мы приняли меры предосторожности и захватили с собой рекомендательное письмо, которое должно было помочь преодолеть любые препятствия. Мы представились пышнотелой блондинке на посту охраны, которая буквально выпирала из-за своего стола, как бутылка теплого «Советского шампанского». Она повела нас по широкой лестнице мимо окон с толстыми решетками. На лестничной площадке мы увидели древний подъемник для документов; его заполненная бумагами корзина была привязана к стальному тросу рифовым узлом. Ступени были неровными, истертыми ногами армии служащих, задачей которых было не пустить посетителей и оставить их запросы без ответа. Мы шли на легкий запах спирта, исходивший откуда-то сверху, мимо фотографий, запечатлевших культурную жизнь города: балерина Наталья Макарова с букетами цветов после представления «Жизели», писатель Даниил Гранин, которого чувствуют после выхода в свет книги воспоминаний о ленинградской блокаде.

Нас провели в кабинет. Письменный стол был завален календарями и ежедневниками. Еще три календаря висели на стенах. Двое настольных часов, трое наручных и один будильник. Вошла маленькая пожилая женщина с тщательно уложенной прической. Ногти, жакет и блузка сверкают всеми оттенками розового, туфли на шпильках.

— Доброе утро, — холодно произнесла она, усаживаясь в директорское кресло с высокой спинкой. — Александра Васильевна Истомина, директор Центрального архива литературы и искусства. Чем могу быть полезна?

Нас интересует Анатолий Михайлович Кучумов. Директор покачала головой. Мы выложили на стол рекомендательное письмо. Длинный ноготь Александры Васильевны заскользил

по строчкам. Письмо было от издателя нашей знакомой, главы известного в Петербурге торгового дома. Его компания субсидирует издание российских архивных каталогов, и он настоятельно просит, чтобы нас допустили к документам. Во время нашей встречи этот увлеченный человек с восхищением отзывался об Анатолии Кучумове, и ему тоже хотелось знать, сохранились ли бумаги куратора.

Директор архива широко улыбнулась. Затем она налила три чашки черного чая и достала коробку конфет. В ней лежали завернутые в блестящую фольгу шоколадные конфеты с выдавленными на них символами советской эпохи: красными звездами, салютующими героями, сказочными избушками в карельских лесах, пронзающими небо ракетами, — изделиями шоколадной фабрики, основанной Надеждой Крупской.

Александра Васильевна взяла в рот «Союз-10» и довольно улыбнулась.

— Я начала работать в ленинградских архивах в 1950-х годах и никогда не занималась ничем другим. Знаю, что теперь не принято говорить о сталинской эпохе, но я буду с вами откровенна. Это было хорошее время. Мы могли путешествовать по всей стране, и все было очень дешево.

Она повернулась в кресле и посмотрела на дождь за похоловшим на бойницу окном.

— Мы все еще привыкаем к тому, чтобы пускать людей к нам. К открытости, как вы выражаетесь. Вы первые англичане, с которыми я встречаюсь. Единственный раз в жизни мне пришлось беседовать с американцем — в прошлом году. На приеме в посольстве. Я смотрела и слушала. Он сказал мне, что мы душевные люди, что мы много перенесли и что наши лидеры коррумпированны, — она неодобрительно покачала головой. — Все они приезжают сюда и твердят одно и то же, как у Оруэлла: «Четыре ноги хорошо. Две ноги плохо».

Директор требовала от нас сочувствия, прежде чем допустить к архивным файлам. Но было ли из-за чего торговаться?

— Все файлы должны пройти процедуру проверки, — Александра Васильевна занялась расчетами и начала заполнять блокнот рядами цифр. Отлично — по крайней мере, какие-то документы здесь есть. — Их содержание проверит цензор, который

решит, какая часть материала является открытой, а какая закрытой, — бодро сообщила нам директор. — Приходите на следующей неделе.

В России никогда не говорят «сегодня». Несмотря на то, что директор выдала нам пропуск на один день в читальный зал, мы не были уверены, что получим доступ к архивным документам.

В следующую среду пышнотелая блондинка при нашем появлении даже не пошевелилась. Она помнила, что мы знаем дорогу. Расположенный на втором этаже читальный зал разочаровал нас своей обыденностью — покрытые пластиком столы и красные стулья, похожие на кухонные. На подоконниках теснятся хилые комнатные растения. Наполненная табачным дымом комната с блестящими стенами кофейного цвета больше походила на зал ожидания железнодорожного вокзала. Единственным ярким пятном читального зала была смотрительница Виталия Петровна — с выпирающими зубами и шерстяными гамашами на ногах.

Тем не менее на столе нас ждала обернутая ленточкой папка. В ней мы нашли связку личных бумаг Кучумова. Наши фамилии были единственными в регистрационной карточке читателей, приклеенной к внутренней стороне папки совсем недав-

Читальный зал литературного архива в Санкт-Петербурге

но — влажные следы от капель клея еще не успели высохнуть. Эти документы не видел даже Кедринский. Мы взяли драгоценную папку и устроились в дальнем углу. Наша знакомая согласилась переводить, и мы приступили к чтению¹.

Бланк на грубой бумаге.

Это был приказ № 88 от 1 марта 1946 года. В нем говорилось, что Кучумов Анатолий Михайлович, бывший смотритель Янтарной комнаты и директор Центрального хранилища музейных фондов Ленинграда, направляется в командировку, связанную с решением вопросов поиска музейных ценностей. Выезд 3 марта из Москвы. Расходы оплачивает администрация Государственного исторического музея.

На бланке стояла печать администрации Екатерининского дворца, а внизу была сделана приписка от руки: «Кучумов должен говорить, что он в отпуске»².

В советские времена командировки были обычным делом для многих людей, никого не заставляли придумывать «легенду» и рассказывать друзьям и знакомым, что он едет в отпуск. Похоже, этот первый документ подтверждает слова Вороновой. В 1946 году Кучумов выполнял тайное задание государственной важности.

К командировочному удостоверению было подшито письмо из Министерства культуры властям Ленинграда. В нем Ленгорисполкому приказывалось командировать Кучумова Анатолия Михайловича в Москву в распоряжение Совнаркома. Его должен был сопровождать Станислав Валерьянович Трончинский. Их задание определялось как секретное³.

Документ подтверждал, что Кучумов имел полномочия от Совнаркома, одного из высших руководящих органов советского государства. Его должен был сопровождать Станислав Трончинский, который, по словам работников Дома ученых, в то время отвечал за культуру в руководстве Ленинграда. Они познакомились летом 1941 года во время эвакуации музейных ценностей и переписывались всю войну — Кучумов был в Новосибирске, а Трончинский в Ленинск-Кузнецке, в предгорьях Алатау.

Следующий документ представлял собой дневник, написанный на миллиметровке темно-красными чернилами. В изящ-

ных буквах мы узнали почерк Кучумова — точно такой же, как в письмах, которые показывала нам его внучка.

Выдержки из этого дневника зачитывал Кедринский. Отрывки из него также переписывал Телемаков. Впервые перед нами оказался оригинальный документ.

Кучумов писал, что по прибытии в Москву он позвонил в Государственный исторический музей, пытаясь найти Александра Брюсова, человека, который за год до этого уже безуспешно разыскивал Янтарную комнату. В музее Кучумову сказали, что профессор работает дома. В конечном итоге Кучумов и Трончинский нашли Брюсова, и тогда выяснилось, что это не просто звонок вежливости. Им было приказано отправляться в Кенигсберг и возобновить поиски Янтарной комнаты. Они хотели бы расспросить профессора о том, что ему удалось выяснить. Мы не нашли объяснения, почему Москва вдруг поставила под сомнение выводы профессора. Однако власти не посчитались с расходами и отправили на поиски Янтарной комнаты вторую экспедицию, что свидетельствовало о том, какое значение придается этой задаче.

Из разговора Брюсова с Кучумовым становится понятно, что профессор нервничал. Читали ли Кучумов и Трончинский его доклад, датированный июлем 1945 года? — спросил он. Да, читали. Может ли он еще что-то добавить? Брюсов задумался. У него имелась новая информация, которая могла бы помочь им. Профессор показал перевод писем, которые он спас из кофра, разведенного директором музея Кенигсбергского замка Альфредом Роде. Перевод сделала В.Ф. Румянцева, специалист по немецкой живописи из Государственной Третьяковской галереи; она потратила девять месяцев на восстановление обуглившихся документов.

Брюсов доверился Трончинскому. Ему не давал покоя один эпизод из его поездки в Кенигсберг в 1945 году. Кучумов записывал.

Это было связано с Хофбункером. В сентябре 1944 года Роде отправил в Берлин письмо с сообщением, что он потерял ключ от Хофбункера и не может попасть туда. Но когда он сопровождал Брюсова, то ключ уже был у него. Однако в бункере не было никакой двери, запертой на ключ. Оказавшись внутри.

Брюсов так разволновался, что на некоторое время забыл о Роде. Только на выходе профессор сообразил, что Роде все это время отсутствовал. Где он был? В тот раз они не стали обследовать все подземелье. Может быть, это совсем другой бункер? Может быть, там были и другие помещения, которые Роде им не показал.

В дневнике Брюсова мы прочли описание того, как профессор тщательно осмотрел Хофбункер и не нашел ничего, что могло иметь отношение к Янтарной комнате. Однако в его рассказе Кучумову явно прослеживается сомнение. Вероятно, Брюсов чувствовал угрозу в том, что его выводы поставлены под сомнение. Кучумов и Трончинский ничего не написали о своих впечатлениях от беседы. Они поблагодарили профессора и откланялись, торопясь на поезд, который должен был отвезти их в Кенигсберг⁴.

Март 1946 года был не самым подходящим временем для поездки с востока на запад. 5 марта Уинстон Черчилль в своей знаменитой речи в Фултоне, штат Миссури, предупредил Запад о том, что «континент разделил «железный занавес» от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике». Сталин в ответ обвинил Запад в развязывании войны, в которой Советский Союз понес самые тяжелые потери. Москва предупреждала, что «мировой империализм» готовит новую войну.

Всю дорогу до Кенигсберга Кучумов и Трончинский изучали переводы писем Роде, часть которых была посвящена сохранности тех ценностей, за которые Роде нес персональную ответственность. Роде писал, что несмотря на повреждения, причиненные замку взрывами и пожарами, ни один из ценных предметов не пострадал. Они в целостности и сохранности лежали в подвалах. Далее шло упоминание о Хофбункере, ключ от которого был утерян. Именно об этом рассказывал Брюсов.

Кучумов обвел красным карандашом один абзац текста, где Роде просил передать важное сообщение своему непосредственному начальнику, директору Управления государственных дворцов и парков Берлина доктору Эрнсту Галлю: Янтарная комната осталась цела — за исключением плитуса. Двадцать две большие и средние янтарные панели не пострадали во время воздушных налетов, однако в письме подтверждалось, что шесть

из двадцати четырех секций плитуса были уничтожены. Кучумов в своих заметках высказал предположение, что большие панели хранились отдельно — по всей вероятности, в так называемом Хофбункере.

Другая часть писем была написана Роде сразу же после налетов авиации союзников. Он был убежден, что город теперь будет подвергаться бомбардировкам, и искал место для хранения ценностей в сельских районах Восточной Пруссии. Вероятно, он сидел перед картой, на которой были указаны провинциальные замки, и прикидывал, какой из них расположен дальше от линии фронта и может служить надежной защитой от бомб.

Первое письмо Роде, датированное 6 сентября 1944 года, было адресовано графу Алексу Дона-Шлобиттену. Замок графа Алекса (в настоящее время Шлобиттен находится на территории Польши) представлял собой тевтонскую крепость и располагался в пятидесяти милях от Кенигсберга, далеко от наступающих частей Красной Армии. Роде, вероятно, знал, что граф не только ненавидел большевиков, но также был ветераном Сталинградской битвы, где он воевал в составе 6-й механизированной пехотной дивизии. Роде писал, что художественные ценности, в том числе Янтарную комнату, следует переместить в менее опасное место, и просил графа выделить три комнаты в его замке. Это письмо подтверждает, что Роде хотел эвакуировать Янтарную комнату. Кучумов подчеркнул этот отрывок красным карандашом, а напротив слова «переместить» поставил знак вопроса.

*Граф Алекс
Дона-Шлобиттен*

Второе письмо, датированное 6 сентября 1944 года, Роде отправил графине фон Шверин, сообщая ей о том, что уже отправил партию произведений искусства в Вильденхоф, ее деревенское поместье, расположенное в двадцати пяти милях к юго-западу от Кенигсберга. Здесь Кучумов сделал пометку, что нужно выяснить, какие ценности вошли в эту первую партию. Похоже, тайников было гораздо больше, чем удалось осмотреть Брюсову в 1945 году.

Фронт приближался, угроза новых воздушных налетов усиливалась, и Роде требовалась срочная помощь. Однако ответ графа Алекса, датированный 11 сентября, принес разочарование. Граф писал, что подвальные помещения слишком сырые, и в них нельзя хранить произведения искусства. Нашлась всего одна более или менее сухая комната, но она невелика по размерам и не подходит для Янтарной комнаты. Для хранения громоздких янтарных панелей требовалось просторное помещение, и поэтому их не отправили в замок Шлобиттен.

В переводах, которые предоставил Кучумову Брюсов, отсутствовал ответ графини фон Шверин, но из второго письма Роде, датированного 17 сентября 1944 года, можно сделать вывод, что партия неназванных произведений искусства благополучно прибыла в Вильденхоф и что директор музея намерен посетить замок с инспекцией в последнюю неделю октября. Возможно, Янтарную комнату отправили именно туда.

Из-за фрагментарного характера документов, спасенных Брюсовым из огня, Кучумову и Трончинскому было трудно проследить за всеми действиями Роде. Что означает письмо, отправленное «глубокоуважаемому господину Лау» 21 октября? В нем содержится просьба предупредить о каких-либо изменениях в плане предполагающихся перемещений упакованных ящиков. Роде, не имеющий возможности уехать дальше Инстербурга, должен был сообщить об этом непосредственному начальству. Кучумов подчеркнул этот фрагмент красным карандашом. В связке сохранившихся документов не было ни адреса господина Лау, ни других упоминаний о нем. Кучумов обвел кружком название «Инстербург», отметив, что город расположен в пятидесяти милях от Кенигсберга. Он также знал, что в январе 1945 года, через три месяца после письма Роде господи-

ну Лау, этот город был занят частями Красной Армии. Если бы Янтарную комнату вывезли в Инстербург, советские солдаты должны были ее обнаружить.

Кучумов и Трончинский проанализировали выданные Роде пропуска на перемещение по Восточной Пруссии, выживая из них даты, имена и названия. 18 октября, на следующий день после письма графине фон Шверин, Роде получил разрешение на поездку в ее замок Вильденхоф. 2 ноября ему было выдано разрешение на пятидневную поездку в дом графини Сабины Кейзерлинг в Раутенбурге, в пятидесяти пяти милях к северо-востоку от Кенигсберга, неподалеку от Тильзита (в настоящее время город Советск в Калининградской области). О результатах этого путешествия можно судить по письму Роде графине, которое он отправил 10 ноября, через три дня после возвращения. Он сообщал графине, что привез в Кенигсберг из ее брошенного поместья «два грузовика» произведений искусства. Задача поиска надежного убежища для Янтарной комнаты, отмечает Кучумов, осложнялась необходимостью вывозить произведения искусства из поместий аристократов, бежавших из Восточной Пруссии.

Следующее разрешение, выданное Роде 8 ноября 1944 года, было подписано высшим должностным лицом Восточной Пруссии, гаулейтером Эрихом Кохом. Он давал Роде полномочия «предпринимать любые меры по охране, перемещению и эвакуации произведений искусства из Пруссии». Совершенно очевидно, что куратор был центральной фигурой культурного истеблишмента Восточной Пруссии и что ценности перевозились в разных направлениях.

По всей видимости, у Роде было очень мало времени. 15 ноября он направляет письмо в Берлин, в министерство культуры; в письме излагается план перемещения советских произведений искусства из одного тайника в Восточной Пруссии в другой. 26 ноября он получает приказ поехать в замок Бинанен и вернуть еще одно собрание произведений искусства в Кенигсберг. Но больше всего Кучумова заинтересовал пропуск, выданный 1 декабря 1944 года — разрешение на поездку в Саксонию, за сотни миль от Кенигсберга, в самое сердце рейха. Средним писем был отчет об этом путешествии. Во время пребывания в

Саксонии с 3 по 10 ноября Роде посетил два замка, Вексельбург и Крибштейн, оба к востоку от Дрездена, и пришел к выводу, что это надежные и водонепроницаемые убежища для хранения «неперемещаемых сокровищ»⁵.

Постепенно вырисовывалась цельная картина. Письма Роде свидетельствовали о том, что ценности, хранившиеся в Восточной Пруссии, были вывезены нацистами дальше на запад еще до начала наступления Красной Армии. Вполне возможно, что Брюсов поторопился с выводом о гибели Янтарной комнаты в Кенигсбергском замке. Последнее письмо в пачке давало Кучумову еще одну надежду. Оно было отправлено Роде в министерство культуры в Берлине и датировано 12 января 1945 года. Он писал, что Янтарная комната упакована в контейнеры, которые затем были опечатаны. Панели готовы для эвакуации в Саксонию, а если точнее, то в Вексельбург в Рохлиц⁶. Письмо противоречило заявлению Роде, которое он сделал Брюсову и в котором утверждалось, что Янтарная комната находилась в Кенигсбергском замке вплоть до 5 апреля 1945 года. Кучумов сделал вывод, что Роде лгал.

Кучумов и Трончинский начали составлять список вопросов (из тридцати трех пунктов) к Роде, сравнивая его показания Брюсову с содержанием писем. Трончинский должен принужденно начать разговор с информации, которая могла интересовать лишь коллег из ученого мира: прибытие комнаты в Кенигсбергский замок и ее экспозиции здесь. От него требовалось произвести впечатление благодушного партийного работника, который формально относится к своим обязанностям. Кучумов предположил, что если заносчивый Роде будет считать Трончинского ниже себя, то не удержится от хвастовства перед недалеким советским коллегой. Полноватый мужчина в очках (Кучумов) во время допроса будет держаться в тени, как будто его обязанность состоит лишь в том, чтобы обеспечить проведение допроса.

Поезд прибыл в Кенигсберг 19 марта 1946 года. На вокзале Кучумова и Трончинского встретил генерал Васильев — один из руководителей военной администрации Кенигсберга и настоял на небольшой экскурсии. Кучумов писал, что во всем городе уцелело лишь несколько зданий в конце некоторых улиц — небольшие виллы посреди груд мусора, занятые центральной ко-

мендатурой и представителями наркоматов. Разрушения были такими сильными, что не по всем улицам можно было пройти. Около 25 тысяч немецких беженцев ютились в подвалах и полуразрушенных зданиях пригородов⁷.

В первую ночь Кучумов и Трончинский были так возбуждены, что не пошли спать в единственную в городе гостиницу, а в пронизывающей холодом тьме преодолели две мили до развалин замка. Рано утром они вернулись к замку и сфотографировали остатки каменных стен — как детективы на месте преступления.

Не удержавшись, они сфотографировали друг друга — двое мужчин, которые кажутся крошечными рядом с громадой разрушенных ворот Альбрехта. Кучумов поместил снимки в альбом из черной плотной бумаги для патронных гильз и сделал надписи мелом. Этот альбом, оказавшийся в литературном архиве, открывали так редко, что прозрачная бумага, разделявшая страницы, осталась абсолютно чистой, как будто альбом только что купили в отделе канцелярских товаров Дома книги на Невском проспекте. Мы осторожно переворачивали страницы, но фотографировать нам не разрешили⁸.

Двое улыбающихся мужчин в толстых пальто полувоенного покроя, в поношенных кожаных ботинках и заправленных в носки брюках. На голове Трончинского черный берет, Кучумов в мягкой шляпе с плоской круглой тульей и загнутыми вверх краями. Их фигуры теряются на фоне груды развалин, которые им предстоит разгрести. На другом снимке они сидят рядом с развалинами Рыцарского зала, серьезные и сосредоточенные; в руках Кучумова небольшой плоский чемоданчик из кожи. На третьей и четвертой фотографии они смущенно позировуют на фоне бесформенных груд кирпича. На всех фотографиях они одеты в одинаковые костюмы, выданные в Москве, чтобы не привлекать лишнего внимания. Двое солидных мужчин посреди послевоенного хаоса, в одинаковых стандартных костюмах, белых рубашках и черных галстуках.

Среди документов папки мы нашли несколько личных писем Станислава Трончинского, который, несмотря на всю секретность миссии, похоже, не имел тайн от жены. Каждые три

дня он отправлял пространное послание своей Кате в Ленинград. Кучумов узнал об этом лишь в 60-х годах, когда вдова Трончинского передала ему эти письма, пытаясь помочь в работе над книгой о Янтарной комнате. Их расплывчатость и туманные намеки заставляют предположить, что Трончинский знал, что письма могут быть прочитаны цензурой, но он занимал достаточно высокий пост в партийной иерархии и не боялся преследований.

В одном из писем он пишет о том, что они посетили могилу Канта, которая чудом осталась целой и невредимой, а также побывали в доме, где останавливался Рихард Вагнер. После полутора дней бюрократических процедур им наконец выдали пропуск в развалины замка, где они должны были приступить к поискам⁹.

Кучумов не писал своей жене Анне Михайловне. Свои мысли он доверял только дневнику. Кучумов представлял перед нами как весь отдающий себя работе патриот, отодвинувший на задний план личную жизнь ради интересов государства. Все его доклады отправлялись прямо в Москву, в Министерство культуры — десятки страниц, копии которых хранились в этой же архивной папке¹⁰.

Кучумов писал, что сначала они тщательно осмотрели подвалы замка и туннели, которые вели за его пределы. Можно представить, как он, шурясь при свете свечи, по ночам печатает на машинке, установленной на туалетном столике в номере гостиницы. Московский черный костюм больно впивается в полное тело; колючая шерсть уже начала лосниться — приходилось ползком пробираться среди рухнувших балок и разрушенной каменной кладки. Кучумов стучит по клавишам машинки, часто ошибаясь и забывая ошибки «крестами».

Кучумов сообщал, что подземные ходы оказались многочисленными и запутанными. Многие были затоплены, и во всех могла поджидать опасность. В некоторых вода могла быть отравлена или находиться под током. Другие просто осыпались или были заполнены ядовитыми газами, способными очень быстро убить человека. Кучумов бесстрастно сообщал о гибели сорока человек, как будто это было обычным делом. С учетом советской привычки все проверять и перепроверять можно было сделать вывод, что этим инцидентом занимается другое ве-

домство. Мы не знаем, что послужило причиной гибели этих людей, и связан ли этот несчастный случай с поисками Янтарной комнаты.

Когда Кучумов и Трончинский начали обследовать сам разрушенный замок, открытия не заставили себя ждать. Кучумов докладывал в Москву, что в различных частях разрушенного и сожженного здания они нашли большое количество фрагментов мебели из Екатерининского и Александровского дворцов, в том числе мебель из Большой залы, карельской приемной Александра I, Китайской комнаты и многих других. В восточном крыле замка в районе главных ворот обнаружили большие бронзовые засовы из Лионского зала Екатерининского дворца.

Все эти предметы были найдены в течение нескольких дней, хотя Брюсов в своем докладе утверждал, что тщательно обследовал всю территорию замка. Правда, Брюсов был археологом и не обладал специальными знаниями в области ленинградских коллекций. Кроме того, он работал всего через несколько недель после капитуляции Германии.

Судя по письмам Трончинского домой, они с Кучумовым вскоре сделали более важные находки. Он писал жене о найденных фрагментах паркета из Екатерининского дворца, о разбитой мебели из Большого зала, Китайской гостиной и кабинета Александра I, а также сетовал, что Анатолию Михайловичу нужно быть осторожнее. В восточном крыле замка Кучумов провалился сквозь два этажа, и на голову ему посыпались кирпичи. Он неминуемо упал бы в погреб и разбился насмерть, если бы не старая дубовая балка.

Кучумов докладывал в Москву, что при осмотре замка в маленькой комнате первого этажа полуразрушенной башни среди разного мусора они нашли часть официальной переписки Роде. Одно из писем было от генерала Георга фон Кюхлера, в 1942 году сменившего Вильгельма фон Лееба на посту командующего группой армий «Север», подразделения которой стояли в Екатерининском дворце. Кюхлер спрашивал «дорогого друга Альфреда Роде», прибыла ли Янтарная комната, которую отправили в Восточную Пруссию. Это письмо подтверждало полезные связи Роде во влиятельных кругах нацистской Германии.

Кучумов и Трончинский последовательно разбирали завалы в северном крыле. Целью их поисков был Рыцарский зал. Кучумов писал в Москву, что, по свидетельству Роде, именно там находилась Янтарная комната. Довольно быстро они с Трончинским нашли предметы, пропущенные Брюсовым. После того как они разгребли несколько слоев пепла и мусора, покрывавших пол Рыцарского зала, где предположительно сгорела Янтарная комната, обнаружили кусочки золотого мебельного лака, большое количество пружин от стульев и металлических деталей от немецких гардеробов¹¹. Кучумов пришел к выводу, что они нашли остатки погибшей коллекции графини Кейзерлинг, которая, по утверждению Роде, хранилась рядом с Янтарной комнатой.

Петли, карнизы, железные полосы. Кучумов предположил, что если бы здесь сгорела вся Янтарная комната, то среди мусора обнаружилось бы больше свидетельств. Должно же было хоть что-то остаться от двадцати двух больших и средних стеновых панелей и четырех янтарных рам, обрамлявших флорентийскую мозаику, выполненную по заказу Екатерины Великой.

*Вход
в Рыцарский зал
Кенигсбергского
замка*

22 марта Трончинский написал жене, что Кучумов нашел нечто очень важное, имеющее отношение к Янтарной комнате. Это были бронзовые рамы из-под мозаичных картин, но только три из четырех. Они в буквальном смысле валялись под ногами¹².

Кучумов отправил официальный доклад в Москву, в котором сообщал, что у входа в Рыцарский зал на развалинах лестницы под тремя слоями пепла они обнаружили мозаичные картины. Осмотр профиля бронзовых рам и маленьких декоративных завитков из проволоки, окружавших каменные пластинки, позволил сделать вывод, что это рамы итальянской работы — те самые, что когда-то украшали Янтарную комнату¹³.

Эта находка, похоже, подтверждала предположение Брюсова о том, что Янтарная комната сгорела. Но Кучумов придерживался противоположной точки зрения. Во время работы над книгой он досконально изучил конструкцию Янтарной комнаты и теперь сообщал в Москву, что в июне 1941 года оставил в Екатерининском дворце четыре флорентийские мозаики, а среди мусора в Рыцарском зале нашел всего три рамы.

Рамы с каменной мозаикой можно было снять с янтарных панелей, и четвертая картина могла находиться где-то еще. Если эта четвертая мозаика была упакована и перевезена в другое место, то не исключено, что янтарные стенные панели и толстые резные рамы Янтарной комнаты хранятся в тайнике вместе с четвертой картиной.

Кучумов пишет, что когда им в голову пришла эта мысль, они громко рассмеялись. Он припомнил размеры Янтарной комнаты — дюжина больших панелей высотой двенадцать футов, десять средних панелей высотой более трех футов и двадцать четыре секции янтарного бордюра. Он знал, что большие янтарные панели не разбираются на части, и поэтому если Роде действительно упаковал их, то ему потребовались большие и громоздкие ящики.

Кучумов докладывал в Москву, что кроме количества найденных мозаичных панно очень важен и их размер. Если предположить, что эти мозаики были упакованы вместе с большими янтарными панелями и что все они сгорели в Рыцарском зале, то ящики из-под мозаик и панелей должны были быть очень

большими. Однако там, где они обнаружили три каменные мозаики, в закутке между двумя дверьми и окнами, очень мало места.

Трончинский и Кучумов исследовали слой пепла на полу. Уложенные аккуратной стопкой мозаики пережили жуткий пожар, но сделались хрупкими, как паутина. На верхней картине можно было различить даже изображение, но после прикосновения Кучумова она рассыпалась, превратившись в горстку пепла.

Кучумов рассуждал, что если бы мозаичные картины были сложены вместе с янтарными панелями — панель с деревянным основанием, каменная мозаика, затем снова янтарная панель и так далее, — то при сгорании панелей от них отделялись бы кусочки янтаря, потому что скреплявший их клей плавится при относительно низкой температуре, а деревянное основание загорелось бы в этих же местах. Под изоляцией из флорентийской мозаики обязательно сохранились бы остатки янтаря. Но Кучумов и Трончинский ничего не нашли.

Казалось невероятным, что из двенадцати двенадцатифутовых стенных панелей из янтаря, составленных из тысяч янтарных пластинок, не сохранилось ни единого кусочка. Кроме того, писал Кучумов в Москву, Янтарную комнату украшали двадцать четыре зеркальных пилястра, которые, как указывалось в «Правде», значились в дарственной книге Кенигсбергского замка. Над этими пилястрами крепились двадцать четыре бронзовых канделябра. Кучумов тщательно исследовал пепел, но не нашел никаких следов бронзы или зеркал.

Три мозаики вместо четырех. Небольшое пространство, в котором поместились бы лишь самые маленькие ящики. Отсутствие фрагментов бронзы или зеркал в пепле. Никакой прослойки между каменными мозаичными картинами. Аргументацию Кучумова не всегда можно проследить, но он настаивал, что все факты — большинство он не приводил, чтобы не утомлять московское начальство, — указывают на то, что разобранный и упакованный в ящики Янтарная комната хранилась в нескольких местах. По крайней мере, не в одном только Рыцарском зале, на чем настаивали Роде и Брюсов. Из переписки Роде следовало, что нацисты разделили комнату еще в августе 1944 года, когда во время пожара в южном крыле погибли шесть фрагмен-

тов карниза, тогда как остальные части остались в целости и сохранности.

25 марта 1946 года Трончинский пишет жене, что им придется много работать. Каждый день им приходилось проходить или пробежать около шести миль. Он сообщает, что им удалось найти нечто важное, но не пишет, что именно.

Однако три дня спустя тон следующего письма, датированного 28 марта, резко меняется. Трончинский пишет, что они пробыли в городе неделю, прошагали более 90 миль, но результат их работы практически нулевой. Они не выполнили главной задачи: тайна Янтарной комнаты так и осталась неразгаданной. У Трончинского была веская причина для подавленного настроения: директор музея Роде скончался. Он умер за три месяца до их приезда. Других источников информации обнаружить не удалось.

Роде — центральная фигура расследования. Тридцать три тщательно подготовленных вопроса. Тайна эвакуации в Саксонию. Кучумов и Трончинский должны были крепко держать Альфреда Роде. Как бы то ни было, с декабря 1945 года никто не видел доктора Роде. Ни генерал Васильев, ни руководители НКВД в гостинице «Московская», ни оперативники СМЕРШа. Считалось, что из города уйти невозможно, но доктор Роде исчез бесследно — вместе с женой Илзе, дочерью Лотти и сыном Вольфгангом.

Один из немецких информаторов утверждал, что Роде умер от голода, но Кучумов не верил в эту версию, потому что советская военная администрация подкармливала Роде, чтобы сохранить ему жизнь. В анонимном письме, которое получил Кучумов, сообщалось, что Роде и его семью убили члены подпольного нацистского сопротивления «Вервольф», чтобы навсегда похоронить тайну Янтарной комнаты¹⁴. Он отверг это предположение. Трончинский знал, что немцев, предлагавших помощь военной администрации, находили повешенными и что ведется расследование десяти таких случаев. Тем не менее Кучумов провел собственное расследование. По его словам, Роде покончил жизнь самоубийством. В больнице ему сообщили, что жена директора тоже умерла. Тем не менее Кучумов признавался, что ему не удалось обнаружить могил, отчетов о вскрытии и

свидетельств о смерти. Ни один врач в Кенигсберге не мог вспомнить, что лечил самого Роде или членов его семьи. В охваченном страхом городе было практически невозможно сохранить что-либо в тайне. Этот город исчезал — вместе Альфредом и Илзе Роде и их детьми.

Как бы то ни было, Трончинский и Кучумов продолжали поиски, и 1 апреля Трончинский писал жене, что они опять наткнулись на следы Янтарной комнаты. Если комната и погибла, то не в Кенигсбергском замке. Он сообщал, что им удалось найти предметы мебели из Янтарной комнаты и что они полны решимости идти по следу исчезнувшего шедевра. Отъезд в Москву намечался на 10 или 12 апреля.

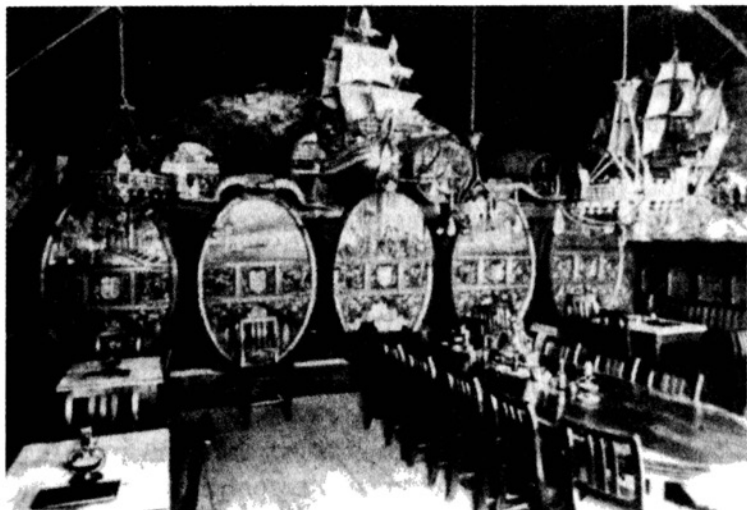
Кучумов докладывал в Москву, что они с Трончинским нашли троих близких друзей Роде. Пауль Фейерабенд, владелец нацистского ресторана «Blutgericht», который, как с отвращением писал Кучумов, «на протяжении 20 лет располагался в бывшей камере пыток Тевтонского ордена под Рыцарским залом», заявил, что он коммунист, вынужденный при фашистах спрятать свой партийный билет. Он также сообщил, что в июле 1944 года стал свидетелем загадочного события. Его допросили.

По свидетельству Фейерабенда, в июле 1944 года во двор замка въехали два грузовика, доверху нагруженные ящиками. Небольшие ящики спустили на землю, а остальные, большего размера, оставили в машинах. На вопрос Фейерабенда, что находится в этих гигантских ящиках, Роде ответил, что это янтарные стены из России¹⁵.

Затем Роде был вызван на срочное совещание к доктору Гельмуту Виллю, тогдашнему мэру Кенигсберга. Кучумов сделал пометку: «Найти Гельмута Вилля».

Фейерабенд рассказал, что после совещания машины с грузом покинули двор замка, а Роде спустился в ресторан и заказал ящик вина, сообщив, что уедет на несколько дней. По словам Фейерабенда, он вернулся через три недели и рассказал, что был в большом деревенском поместье. Через некоторое время он проговорился владельцу ресторана, что поездка была связана с Янтарным кабинетом из России, упакованным в те ящики.

Пользуясь заметками Кучумова, Трончинский еще раз допросил Фейерабенда. Нет никаких свидетельств того, что Роде

Нацистский ресторан «Blutgericht», располагавшийся в бывшей камере пыток Кенигсбергского замка

отлучался из Кенигсберга до воздушных налетов 27—28 августа 1944 года. Он сообщил Брюсову, что после демонтажа Янтарной комнаты в июле 1944 года она хранилась в подвалах южного крыла замка. Однако Фейерабенд настаивал, что поездка Роде, связанная с Янтарной комнатой, состоялась в июле 1944 года.

Владельцу ресторана предложили хорошенько подумать над его заявлением, но он не стал ничего добавлять или убавлять. Правда, он припомнил свои разговоры с Роде, состоявшиеся уже после поездки директора. Роде не раз говорил ему, что в конечном итоге комнату должны перевезти в Саксонию, но из-за проблем с транспортом в марте [1945 года] ее не удалось вывезти. Гаулейтер Кох тоже хотел эвакуировать Янтарную комнату в Саксонию, но помешало тяжелое положение на фронте. Однако Кучумов сомневался, что такому человеку, как Фейерабенд, доверяли важные секреты. Он наливал вино представителям элиты рейха, но вряд ли сидел с ними за одним столом. Неужели заносчивый Роде делился секретами с простым владельцем ресторана?

Допросы продолжались, но в бумагах Кучумова записи внезапно обрывались. Мы сделали пометку, что нужно найти недостающие листы.

Следующим допросили Эрнста Шауманна, художника-баталиста и приятеля Роде. Он отзывался о Роде как о специалисте по янтарю, авторе оригинального труда «Bernstein»¹⁶, вышедшего в свет в 1937 году. «Нужно достать экземпляр книги», — отметил Кучумов в дневнике.

В апреле 1942 года Роде подготовил статью для немецкого дайджеста «Pantheon» — в честь открытия Янтарной комнаты, которая была смонтирована на галерее третьего этажа южного крыла Кенигсбергского замка¹⁷. Кучумов сделал пометку, что необходимо найти и статью. Шауманн назвал имя еще одного свидетеля, которого следовало разыскать. Это был Юрген Шпрехт, реставратор из Кенигсберга, учебу которого в Берлине оплачивал Роде. Шауманн сообщил Трончинскому, что впоследствии Шпрехту поручили работу с Янтарной комнатой. «Найти Шпрехта», — делает пометку Кучумов.

Шауманн припомнил один из разговоров с Роде. После возвращения из Франции в октябре 1944 года он спросил у Роде о судьбе янтаря и коллекции картин. Тот ответил, что по распоряжению берлинских властей они упакованы и перевезены в безопасные убежища в поместьях Восточной Пруссии и Саксонии. Позже, когда Кенигсберг был уже окружен частями Красной Армии, Роде повторил свое заявление. Трончинский потерял терпение. Заявления Фейерабенда и Шауманна противоречили друг другу. Один из них лгал. Кучумов ничего не ответил. Он не знал, можно верить Шауманну или нет.

Последним допросили Отто Смакку, который работал переводчиком у рыболовов Кенигсберга. Он подтвердил, что Янтарная комната была выставлена в замке. Смакка видел ее летом 1942 года. Она явно пострадала при транспортировке — несколько кусков янтаря были либо украдены, либо потеряны. Даже в отпечатанных на машинке информационных листках указывалось, что в стенах не хватает нескольких фрагментов. Смакка пришел к выводу, что их украли. Просторный и пышный зал с ярко горящими свечами, который мы рисовали в своем воображении на основе фотографии, показанной нам внучкой Кучу-

мова, имел мало общего с Янтарной комнатой, которая прибыла в Кенигсберг холодной зимой 1941 года. Кучумову удалось выяснить, что были уничтожены три флорентийские мозаики, а также фрагменты янтарного бордюра. По словам самого Кучумова, размеры Янтарной комнаты, которую они искали, значительно отличались от размеров шедевра, смонтированного в Екатерининском дворце. Однако это не повлияло на его вывод о том, что пространство в Рыцарском зале, где были найдены остатки каменной мозаики, никак не могло вместить сами янтарные панели.

Правду знал только Альфред Роде, но сам он уже ничего не мог рассказать. Кучумов принялся изучать личность немецкого куратора. Его внимание привлекло письмо генерала Кюхлера, командующего группой армий «Север». Неужели Роде сознательно искал Янтарную комнату, и обнаружившим ее армейским частям было приказано переправить ее в Кенигсберг? Оставалась еще книга Роде «Bernstein», вышедшая в свет за четыре года до операции «Барбаросса», а также научная статья для журнала «Pantheon», якобы посвященная прибытию Янтарной комнаты в Кенигсберг. Кучумов писал, что Роде давно мечтал иметь Янтарную комнату в собрании своего музея. Он не раз высказывал сожаление, что она находится за пределами Пруссии, и утверждал, что прусский король совершил большую ошибку, подарив ее русским варварам. Неужели такой человек мог оставить величайшее сокровище на милость осаждавшей город армии? — задавал себе вопрос Кучумов.

В конечном итоге он приходит к следующему выводу: известные факты заставляют отвергнуть утверждение доктора Роде о гибели Янтарной комнаты во время пожара в Рыцарском зале, которое профессор Брюсов считал правдой. Кучумов был убежден, что разгадка находится за пределами Кенигсберга.

Он стал внимательно изучать все, что произошло в Кенигсберге на протяжении четырех месяцев перед падением города. В середине января было перерезано железнодорожное сообщение между Кенигсбергом и остальной Германией. Поэтому если для эвакуации ценностей использовался автомобильный, а не морской транспорт, то тяжелые ящики не могли быть вывезены за пределы Восточной Пруссии. Эвакуация Янтарной ком-

наты по воздуху или морем могла состояться и позже, до самой середины марта, но это были самые опасные маршруты — с учетом близости фронта и господства в воздухе авиации союзников.

Кучумов составил список друзей и коллег Роде, которых он хотел бы допросить. Где мэр города Гельмут Вилль? НКВД сообщало, что он исчез. Где главный инспектор Кенигсбергского замка Фридрих Хенкензифкен? Ходили слухи, что он бежал в Германию. Где «доктор Герт», близкий друг Роде? А гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох? О нем ничего не было известно с марта 1945 года. Где реставратор и специалист по янтарю Юрген Шпехт? Следы Шпехта в конечном итоге удалось найти. Он содержался в советском лагере для интернированных, но был найден повешенным при странных обстоятельствах. Преступление находилось в стадии расследования. Кучумов мрачно отмечал, что их расследование постоянно натывается на мертвых и пропавших людей.

Без посторонней помощи двое людей никак не могли разыскать всех нужных им людей — в бегах были миллионы немцев, как военных, так и гражданских. Массовая миграция захлестнула половину Европы. Кучумов обратился в Москву за разрешением напечатать письмо в газете «За нашу Советскую Родину», которая распространялась в войсках. Письмо было озаглавлено «Помогите восстановить Ленинград» и содержало призыв к солдатам, сержантам и офицерам сообщить в редакцию любые сведения о местах, где могут находиться исторические и культурные ценности, чтобы они могли вернуться на свое место в музеях¹⁸.

Трончинский сообщал жене, что отъезд в Москву запланирован на 12 апреля. По возвращении в столицу он вместе с Кучумовым вновь нанес визит профессору Брюсову, который по-прежнему работал дома. Они обсудили царящий в Кенигсберге хаос — из еды там была только картошка — и злодеяния фашистов. Кучумов осторожно начал расспросы. Он сказал, что пребывает в некоторой растерянности. Свидетели утверждают, что Янтарная комната была вывезена из замка в июле или августе 1944 года, тогда как Роде сообщил Брюсову, что ее спрятали в южном крыле. Кучумов показал Брюсову заявления Фейера-

бенда и Шауманна. Профессор молча прочел протоколы допросов, а потом стал защищать свою точку зрения.

Шауманн перепутал. Когда Роде говорил о коллекциях янтаря и картин, он имел в виду не Янтарную комнату, а университетскую коллекцию янтаря. Это самое известное собрание в мире. Брюсов нашел ее часть, десятки тысяч камней, и, судя по отправленному в Москву докладу, он считал это своим главным достижением. Кучумов пишет в дневнике, что согласно утверждению Брюсова профессор нашел почти всю коллекцию янтаря, составил каталог и отправил находки в Москву. У него имеются свидетели. Но почему коллекция так и не появилась в Москве?

Брюсов разволновался. Почему ему приходится выслушивать обвинения вместо благодарности за то, что удалось сделать в таких тяжелых условиях? Его обвиняют во лжи, воровстве или предательстве? Профессор потребовал у Трончинского и Кучумова сообщить ему о своих находках. Они ответили, что ничего не найдено, и ушли.

В тот же вечер Кучумов и Трончинский составили доклад для Совнаркома.

Выводы были очевидны. Янтарная комната хранилась в надежном и безопасном месте, вне всякого сомнения, известном Роде, а версия, которую он сообщил Брюсову и в которой утверждалось, что Янтарная комната сгорела при пожаре в Рыцарском зале, предназначалась для того, чтобы направить комиссию по ложному следу.

Ошибка профессора Брюсова заключалась в том, что он поверил словам Роде, забыв, что его коллега по музейной работе был фанатичным нацистом. Брюсов не был детально знаком с Янтарной комнатой и поэтому не мог проверить правдивость утверждения Роде при помощи раскопок на месте пожара, а также был не в состоянии отличить правду от лжи. Самый простой и прямой путь к Янтарной комнате — через доктора Роде — теперь закрыт, но появилась возможность получить дополнительную информацию от бывших сотрудников музея Кенигсбергского замка¹⁹.

Кучумов представил в Совнарком список тех людей, которых он хотел бы допросить, и обратился за разрешением посетить Берлин.

Глава 5

После обеда в ресторане «Колобок» мы вернулись в литературный архив, где нас ждала соблазнительная коробочка с документами, в три раза больше, чем предыдущая папка. Никто не обратил на нас внимания, когда мы со скрежетом двигали стулья по паркету читального зала, хотя теперь помещение заполнилось мужчинами и женщинами в белых халатах. Все они были вооружены маленькими ластиками и что-то усердно стирали в папках, как будто удаляли целые эпизоды из истории.

Мы открыли коробку и стали просматривать ее содержимое, но там не оказалось ответа из Москвы, относящегося к списку свидетелей, которых хотел бы допросить Кучумов. Никакой реакции на его попытку раскритиковать Брюсова. Никаких инструкций или указаний. Только поздравительные открытки¹.

Мы дважды проверили листок регистрации. На нем стояли лишь наши имена. Но затем выяснилось, что номер папки не совпадает с тем, что мы заказывали. Смотрителя читального зала Виталии Петровны на месте не оказалось — только чашка остывшего чая и крошки печенья на ее столе. Пришлось спуститься вниз, в директорский кабинет, мимо фотографий Макаровой и Гранина. Александра Васильевна, не отрываясь, смотрела на дождь за окном.

— Мы должны оценить, что необходимо для ваших исследований. Мы пришли к выводу, что некоторые папки не относятся к делу, — Александра Васильевна слабо улыбнулась. — Конечно, вы можете повторить свой запрос. Ошибки случаются. Неверные решения. Я не в состоянии лично проконтролировать действия всего персонала. Мы завалены работой.

Мы кивнули, и директор стала что-то нащупывать под столом. В коридоре прозвенел звонок, и в дверях, вытирая рот,

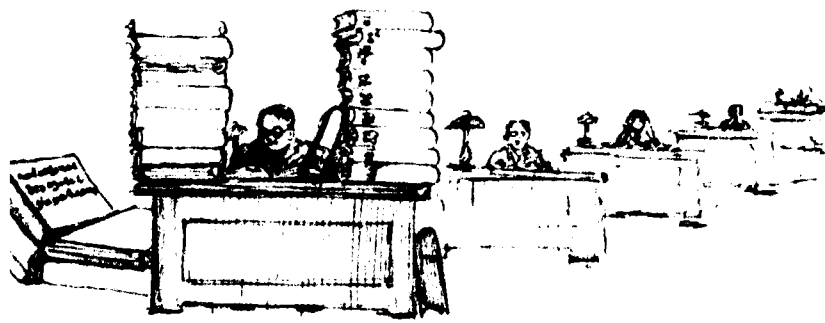
появилась Виталия Петровна, на которую тут же обрушился поток выговоров.

— Обычно на поиски нужной папки уходит два дня, — мягкие шарниры кресла вновь повернули Александру Васильевну к нам. — Архив, за который я отвечаю, огромен. Несколько миллионов единиц хранения, — она махнула рукой в сторону потолка, и мы понимающе кивнули. — Но за двойную плату — именно так, двойную плату — можно оформить срочный заказ. Если я не ошибаюсь, срочный заказ выполняется в течение двадцати четырех часов. Правильно, Виталия Петровна? Возвращайтесь завтра. Я продлю ваши читательские билеты на завтра, до трех часов.

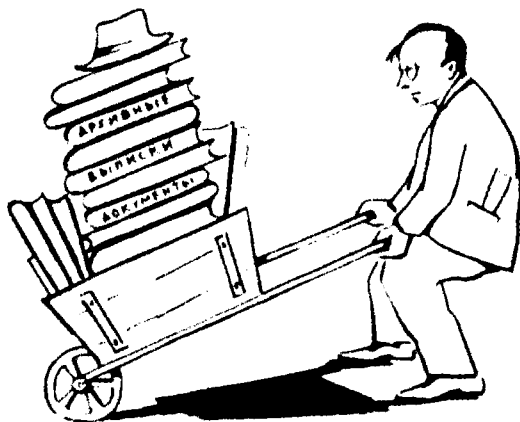
Все запрещено, но нет ничего невозможного. Выбора у нас не было — только ждать еще одну ночь.

На следующее утро на столе читального зала нас ждала та же коробка с поздравительными открытками. Директор уехала и вернется лишь через несколько дней. Пришлось читать то, что нам принесли.

Первая открытка была подписана друзьями и коллегами по работе и посвящалась восемнадцатой годовщине работы Кучумова в музеях Ленинграда. На ней был сделан дружеский шарж: ряд столов, а за одним из них, между двумя пирамидами папок,

Дружеский шарж на Анатолия Кучумова, выясняющего судьбы ценностей, пропавших из музеев Ленинграда

Дружеский шарж на Анатолия Кучумова, толкающего тачку с книгами, на корешках которых написано: «Архивные», «Выписки», «Документы», и которые посвящены восстановлению ценностей, пропавших из музеев Ленинграда

сидит исследователь в очках. Очень похоже на большой читальный зал в Национальной Российской библиотеке. На другой открытке был нарисован тот же человек в черном костюме, толкающий деревянную тачку, доверху нагруженную книгами, поверх которой лежит мягкая шляпа. На корешках книг надписи: «Архивные», «Выписки», «Документы».

Открытка, датированная 27 мая 1959 года, поздравляет Кучумова с 47-летием. Сделанный чернилами набросок изображает плотного мужчину с челкой на лбу и в круглых очках, который направляется куда-то деловитой походкой, зажав подмышками два толстых тома с надписью: «Архивы». Вокруг него на фоне ленинградских дворцов с неба падают разноцветные парашюты, которые при ближайшем рассмотрении оказались роялями, стульями и канделябрами — это возвращенные царские сокровища. На обороте открытки мы прочли: «Анатолию Михайловичу от благодарных товарищей из Павловского и Екатерининского дворцов».

Открытка от 27 мая 1962 года — поздравление с 50-летним

юбилеем. Сиреневая карточка с золотой каймой. Внутри акварель с изображением облаченной в синюю тогу фигуры, которая правит колесницей в окружении девушек в фиолетовых халатах. Головы девушек вырезаны из маленьких фотографий и приклеены. Возничий — это Анатолий Кучумов, а его сильфиды — кураторы дворцов Ленинграда, среди которых мы заметили несколько знакомых по Дому ученых лиц.

В том же году Кучумов отмечал тридцатилетие работы в музеях Ленинграда, и на этот раз поздравления были более официальными. Работники отдела западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа высоко отзывались о его патриотизме, безупречном вкусе и умении отделить важное от второстепенного. Восемь сотрудников Александровского дворца передавали свои поздравления и с благодарностью вспоминали довоенные годы, когда Анатолий Михайлович был директором дворца.

Стопка поздравительных открыток была толстой, и мы потратили все утро, чтобы добраться до дна коробки. Одна открытка привлекла наше внимание. Она была отправлена из Калининграда — это название получил Кенигсберг в 1947 году после смерти Михаила Калинина, председателя Президиума Верховного Совета Советского Союза. На открытке с букетом синих ирисов стояла дата: 27 октября 1975 года. Руководитель экспедиции Стороженко благодарил Анатолия Михайловича за ценные сведения, желал здоровья, творческих успехов и приглашал в гости. Экспедиция в Кенигсберг. Вполне возможно, она имеет отношение к Янтарной комнате. Мы записали фамилию ее руководителя — Стороженко.

Следующая открытка была датирована 27 ноября 1977 года и содержала стихотворное посвящение от имени Валерии Биляниной. Заместитель директора Павловского дворца желала Кучумову скорейшего выздоровления и жаловалась, как им приходится трудно без него.

Последней в коробке лежал подарок от Альбины Васильевой, специалиста по фарфору из Павловска, той самой Большой Альбины, которая выступала на собрании в Доме ученых. Это был шелковый флажок с ручной росписью.

Славословия, слезы и флажок. Ничего, что помогло бы нам узнать о судьбе исследований Анатолия Кучумова, посвященных Янтарной комнате. Мы задавались вопросом, знали ли преклонявшиеся перед Кучумовым коллеги о его второй жизни, о тайных поисках Янтарной комнаты, которые только начали поступать в бумагах, много лет хранившихся в литературном архиве? Распоряжения Совнаркома. Секретные командировки в Москву и Кенигсберг. Просьба к высшим советским властям разрешить продолжить поиски в Берлине. Усиливающаяся одержимость Кучумова Янтарной комнатой.

Наша знакомая из Санкт-Петербургского университета пообещала поговорить с директором архива о папке с документами Кучумова, которую мы запрашивали, а пока мы связались с Большой Альбиной, чтобы сообщить о найденном флажке. Мы надеялись, что любопытство окажется сильнее стеснительности.

Большая Альбина рассмеялась, выслушав наше сообщение, и согласилась встретиться. Через две недели мы сидели за обеденным столом в ее квартире в новых пригородах Санкт-Петербурга, согреваясь красным грузинским вином. Речь хозяйки лилась непрерывным потоком.

— Мы все обожали Анатолия Михайловича. Я помню, как расписывала флажок в честь его дня рождения. Жаль, что он оказался в архиве, — раскрасневшаяся хозяйка заправила выбившуюся прядь в пучок волос на затылке. — Он заражал нас своим энтузиазмом. Он говорил, чтобы мы никогда не прекращали поиск российских сокровищ, украденных фашистами, — она отпила из бокала. — Я очень много слышала о нем еще до того, как пришла на работу во дворец. Мне казалось, что он должен быть высоким и красивым, а он оказался маленьким, с толстой шеей, немного похожим на лягушку. Очень неуклюжим.

Большая Альбина извлекла из кармана твидовой юбки несколько фотографий.

— Анатолий Михайлович был простым человеком. Совсем не похожим на директора. У него был всего один костюм, и мы обычно чистили его, когда приезжало высокое начальство. На первом снимке были изображены две молодые женщины в роскошных платьях; одна из них сидела, скрестив ноги, и из-под

*Анатолий Кучумов (слева) вместе с коллегами в Павловском дворце;
корона когда-то принадлежала царю Павлу I*

ее длинной кружевной нижней юбки выглядывали шпильки туфель. — Это я, — сказала Альбина. — В платье Марии Федоровны, жены Александра III. — На другой фотографии на троне в золотой короне Павла I сидел один из сотрудников музея, а вокруг него сгрудились смеющиеся коллеги, среди которых был и Кучумов. — Капустник, как мы его называли. Вечеринка для персонала. Чтобы расслабиться и снять напряжение после работы, — объяснила Альбина.

Мы попытались направить разговор на личную жизнь Кучумова. Упоминал ли он о Янтарной комнате?

— Открыто не упоминал. Но он ездил в командировки. Говорил, что на конференции, посвященные реставрационным работам. Или рассказывал, что уезжал в отпуск, — внезапно бросал нас на произвол судьбы недели на две.

Все командировочные удостоверения, которые мы видели, содержали напоминание, чтобы Кучумов, уезжая по делам, связанным с Янтарной комнатой, говорил, что едет в отпуск или в командировку по работе.

— Возвращаясь, он интересовался только тем, как у нас идут дела, — пожалала плечами Альбина. — У него были влиятельные друзья, занимавшие высокие посты в партии. Мы были мелки-

ми сошками. Это было трудное время. Наверное, самое трудное. Он сплотил нас. Думаю, вы не представляете, что нам всем пришлось пережить во время войны.

Хозяйка тщательно разгладила складки на юбке.

— 2 октября 1941 года немецкие солдаты, охранявшие конвой с угоняемыми в Германию рабами, увезли меня из деревни под Смоленском. Нас раздели догола, обработали дезинфицирующими средствами и погрузили в вагоны, — щеки Альбины горели. — Нас увезли в Польшу. — Она вспоминала ужасное путешествие в неизвестность. — Конвой все время бомбили советские самолеты. Дети такие наивные. Мы прятались в воронки, потому что думали, что бомба дважды не попадает в одно место.

После освобождения назад нас сопровождали бойцы Красной Армии. Наши храбрые воины. Мы шли пешком или ехали на телегах, запряженных лошадьми-тяжеловозами. Дорога была широкой и утопала в грязи. Мы проходили через большой немецкий город. Наверное, это был Кенигсберг. Потом мы пришли в Смоленск, и мать сказала мне: «Смотри, это твой город», — хотя от города ничего не осталось. Но мы все равно были счастливы. Когда мы дошли до нашей деревни, то увидели, что ее тоже нет. Мы опустились на четвереньки и стали руками рыть землянки, но все равно мы гордились своей Родиной и были безмерно счастливы вернуться. Выкопанные ямы мы накрыли жестью и ветками, и они стали нашими временными домами. А потом пришли люди из НКВД.

В послевоенном Советском Союзе не было места тем, кто подвергся воздействию чуждой идеологии, способной изменить образ мыслей. К лету 1945 года по приказу Сталина были арестованы 126 тысяч советских граждан, которые, как жители деревни Альбины, были угнаны в Германию; теперь их называли «капитулянтами».

— Мы вернулись на родную советскую землю, и счастьем нашему не было предела, — рассказывала Большая Альбина. — Но тут начали исчезать наши друзья и соседи. Поползли слухи, что нельзя признаваться, что ты был в плену. Люди старались скрыть от НКВД тот факт, что они были угнаны в Германию.

Несмотря на чистки, к концу войны подавляющее большинство советских граждан испытывали глубокие патриотические

чувства, и это чувство национальной общности становилось мощным оружием. В 1946 году руководитель Ленинградского обкома партии Андрей Жданов предложил Центральному Комитету коммунистической партии (ВКП(б)) новый лозунг: «Не допустим низкопоклонства перед Западом»². Освобождение от нацистов означало возвращение всего советского. Победа над гитлеровцами превратилась в Великую Отечественную войну, а потери и тяготы страны выдвигались на первый план: Сталинградская битва, 900 дней блокады, разрушение и восстановление ленинградских дворцов. Все русское должно было быть найдено, возвращено, восстановлено и восславлено. Любая вывезенная ценность должна была быть найдена и возвращена на законное место, а всему миру об этих советских потерях и триумфах сообщалось через Информационное бюро коммунистических партий (Коминформ), организованное Ждановым в 1947 году³.

Когда мы шли к станции метро, лавируя между набиравшими скорость маршрутками, Большая Альбина взяла нас под руки.

— Только начав работать во дворцах, я научилась гордиться своей страной. Благодаря Анатолию Михайловичу, который без устали разыскивал вывезенные ценности.

Позвонила наша знакомая. В литературном архиве нашлась пропавшая папка с документами Анатолия Кучумова, которую мы запрашивали несколько недель назад, и в знак особого расположения директор разрешила нам посмотреть ее. На следующее утро мы открыли папку и обнаружили в ней документ, озаглавленный «В защиту Микрюкова (Mikryukov)», датированный 31 октября 1945 года и составленный коллегами директора Павловского музея Ивана Микрюкова, который был арестован по обвинению в «аполитичности»⁴.

В заслугу директору ставился тот факт, что в конце лета 1941 года после того, как первая партия ценностей была отправлена с Кучумовым в Новосибирск, он руководил эвакуацией музейных сокровищ Павловска. Как и Кучумову, Микрюкову пришлось самостоятельно сколачивать ящики и изготавливать мягкую набивку, сшивая старые скатерти и занавески. Он спас более 42 тысяч предметов стоимостью более 1,5 миллиарда руб-

лей. Разве Микрюков не патриот? Многие сотрудники музея рисковали своей свободой, подписывая этот документ, но на обороте мы прочли резолюцию: попытка преждевременной эвакуации, «пораженец». Приговор гласил: «Командировать в Казахстан». Это официальное выражение означало деловую поездку в центральноазиатскую республику, но Микрюков оттуда так и не вернулся.

Удивительно, что Кучумов хранил этот документ на протяжении многих десятилетий, хотя под ним не было его подписи. Через шесть месяцев после того, как письмо было направлено руководству Ленинграда, Кучумов поехал в Кенигсберг на поиски Янтарной комнаты. Поэтому вполне вероятно, что во время долгого путешествия в Кенигсберг его мысли были заняты не только письмами, которые пытался сжечь Роде (их дал ему профессор Брюсов), но также судьбой коллеги из Павловска, которого обвинили в отсутствии патриотизма.

Второй документ папки представлял собой телеграмму, датированную октябрём 1947 года. Это был вызов в Москву. И вновь Кучумову предписывалось сообщить коллегам, что он уезжает в отпуск. В Москве он должен был делать доклад перед комитетом по культуре, официальным органом, который подчинялся Жданову и председателем которого была товарищ Т.М. Зуева⁵.

Следующий документ — это отчет о встрече, написанный рукой Кучумова фиолетовыми чернилами на миллиметровой бумаге. Председатель комитета Зуева познакомила Кучумова с Георгием Антипиным из Государственного исторического музея, который был прикомандирован к «специальному подразделению наркомата обороны», и Давидом Марчуковым, представителем комитета по культуре. Кучумов отмечает, что Антипов был напряжен и задумчив. Всем троим были выданы специальные паспорта и разрешения, а затем их отвезли на военный аэродром в Шереметьево, где они сели на борт самолета DC-3, отправляющегося в Калининград⁶. Похоже, Кучумову поручали возобновить поиски Янтарной комнаты.

Калининград считался закрытой зоной, и в аэропорту охрана тщательно проверила документы и багаж командированных. По свидетельству Кучумова, органы безопасности проверяли его несколько часов. Он привез с собой около 500 довоенных фо-

тографий ленинградских дворцов, и его обвинили в шпионаже. В конце концов Марчукову удалось убедить следователей, что Кучумов выполняет секретное задание. Только после этого они вновь сели на борт DC-3, который взял курс на аэродром Темпельхоф. Пунктом назначения был не Калининград, а Берлин.

Кучумов писал, что их жилье находилось неподалеку от штаб-квартиры гестапо на Принц-Альберт-штрассе, и он вместе с Антипиным и Марчуковым бродил по улицам, пытаясь понять, что представляет собой это средоточие зла, город, давший жизнь Третьему рейху. Из репортажей в «Правде» Кучумов знал, что первой в город ворвалась 5-я ударная армия и что к 25 апреля, когда произошла историческая встреча союзников на Эльбе, петля вокруг города затянулась, и немецкая столица была полностью окружена. Русские продвигались к Бранденбургским воротам, применяя в уличных боях танки «Т-34» и реактивные установки «Катюша». Ряды разбитых домов напомнили Кучумову черепа с пустыми глазницами⁷.

После захвата здания Прусского национального банка в апреле 1945 года советские пехотинцы спустились в его подвалы, где обнаружили пачки банкнот, а также древности из Ассирии и Персии, которые раньше были выставлены в музее «Пергамон». 27 апреля 1945 года 8-я гвардейская армия пробилась к Берлинскому зоопарку на западной окраине города и подвергла обстрелу огромное бетонное бомбоубежище со стальными дверьми, в котором укрывались 3000 жителей, а также произведения искусства (в том числе бесценные золотые украшения из Анатолии, которые согласно легенде когда-то принадлежали Елене Троянской)⁸.

За первые три месяца 1945 года налеты авиации союзников практически сровняли с землей исторический прусский центр города, и в 1947 году Кучумову не терпелось увидеть, что осталось от музея «Инзель» на маленьком острове посреди реки Шпрее, где хранились бесценные сокровища, найденные немецкими археологами в Турции в 60-е и 70-е годы XIX века. Среди них был легендарный алтарь Зевса из Пергама с резным фризом тончайшей работы. Но Кучумов ничего не нашел. Британский солдат, побывавший в Берлине примерно в это же время, вспоминал о «горах камня и грандиозных памятниках из Мшатты и

Победоносные советские войска перед берлинским Рейхстагом, 1945

Милет, призраками возвышающимися над развалинами, подобных которым они не видели за всю свою трехтысячелетнюю историю»⁹.

Рядом с Рейхстагом, который был последним оплотом гитлеровцев 30 апреля 1945 года, Кучумов поднял с земли кусок обгоревшего кирпича и невольно улыбнулся. Разве можно удержаться и не привезти небольшой сувенир из этой разрушенной цитадели фашизма?

Кучумов посетил все четыре сектора Берлина: американский, британский, французский и советский. В контролируемом британцами Тиргартене этот полноватый человек в поношенном черном костюме с чувством глубокого отвращения наблюдал за вереницей проституток и коммивояжеров, жуликов и скупщиков краденого, одетых в потрепанные военные мундиры. Он писал, что не в силах смотреть на этот загнивающий буржуазный мир, чуждый любому советскому человеку. Эта ремарка была явно предназначена для тех, кто проводил в жизнь новый лозунг Жданова и мог прочитать (случайно) этот дневник.

Уставший Кучумов отправился в пригород Берлина Карлсхорст, где располагалась советская военная администрация. По

пути ему пришлось преодолевать огромные скопления застрявших в «пробках» джипов и грузовиков. Он писал, что это было единственное место, где наблюдался хоть какой-то порядок. Всякий, кому мог попасть дневник Кучумова, должен был поверить, что он имел дело только со своими, тщательно избегая любого соприкосновения с Западом. На следующий день он переехал в Карлсхорст и тут же был приглашен на встречу. Впервые в жизни он беседовал с генералом.

Генерал Леонид Иванович Зорин занимал должность начальника отдела репараций и поставок и руководил розыском и возвращением произведений искусства, вывезенных из Советского Союза нацистами. У него в подчинении был небольшой штат специалистов, с одним из которых Кучумов мог быть знаком — это сотрудница ленинградского Эрмитажа Ксения Агафонова.

Генерал Зорин проинструктировал Кучумова. Его доклад из Кенигсберга произвел благоприятное впечатление. Доказательства, что Янтарная комната не погибла при взятии Кенигсберга и могла быть спрятана в другом месте, выглядели убедительно. Комитет по культуре при Совнаркоме был завален откликами на призыв Кучумова, напечатанный в газете «За нашу Советскую Родину». Поэтому его главной обязанностью оставались поиски Янтарной комнаты, но параллельно со сбором информации он должен был тщательно осмотреть склад произведений искусства из Советского Союза, собранных американцами в конце войны. Кучумов предупредил генерала, что его командировка заканчивается через месяц и что его присутствие необходимо в Центральном хранилище музейных фондов в Ленинграде, куда непрерывным потоком поступают возвращенные ценности. Генерал ответил, что для поисков Янтарной комнаты одного месяца вполне достаточно.

Кучумов писал в дневнике, что генерал отвез его на берег Шпрее к мрачному зданию из серого камня длиной не менее трети мили. Это гигантское здание, известное как склады «Дерутра», было построено в 1920-х годах Русско-Германским складочным и транспортным товариществом с ограниченной ответственностью. Генерал Зорин, Кучумов и Антипин открыли

огромные стальные ворота. Кучумов вспоминал, что они не могли поверить своим глазам.

Следующие записи в дневнике были помечены другим числом. Кучумов пересказывал первое впечатление Антипина от увиденного на складе.

Там лежали огромные груды картин в рамах и свернутых в рулоны полотен. Потрясающее зрелище. Иконы, деревянные и мраморные статуи, манускрипты и книги, керамика, гобелены и ковры, стекло, фарфор, рисунки, старинное оружие — сотни и сотни тысяч экспонатов из музеев Киева, Минска, Пскова, Новгорода, Керчи, Павловска и Пушкина. От вида этих сокровищ голова шла кругом¹⁰.

Здание было заполнено разрозненными коллекциями произведений искусства, которые нацисты вывезли из Советского Союза и прятали на всей территории Третьего рейха. Кучумову объяснили, что подавляющее большинство этих предметов были найдены американскими войсками и перевезены в Берлин из сборных пунктов в Мюнхене и Висбадене, куда они свозились на протяжении предыдущих двадцати четырех месяцев. Однако существовала одна проблема. Многие произведения искусства были вывезены из Советского Союза специальной командой Розенберга, не имевшей представления «о культуре Российской и Советской империй». Советские инвентарные таблички были уничтожены и заменены немецкими каталожными карточками, содержащими множество неточностей. Но именно на них ориентировались американцы при определении происхождения награбленных нацистами сокровищ. Кучумов писал о том, что ящики вскрыты и часть их содержимого исчезла. Задача по определению принадлежности каждого предмета была невероятно сложной. Хотя и не такой сложной, как вскрытие каждого ящика с целью выявления следов Янтарной комнаты. Кучумов сказал генералу Зорину, что ему нужны люди и транспорт. Грузовик и джип. Для выполнения этой работы требуется время.

На бирже труда Кучумов нанял немецких рабочих. Каждый ящик вскрывался, а его содержимое выгружалось в присутствии советского представителя. Кучумов хотел выполнить работу как можно быстрее и качественнее, и для этого задействовал

всех трудоспособных людей, имевшихся в его распоряжении, в том числе хозяина его квартиры Пауля, которого отправил осматривать пристройку склада «Дерутра».

Пауль почти сразу же вернулся с новостями. Внутри пристройки, которая раньше использовалась как зерновой склад, он обнаружил деревянные панели, торчавшие из-под брезента. Он слышал от Кучумова, что Янтарная комната была смонтирована на деревянных панелях, и был уверен, что обнаружил именно их.

Кучумов писал, что они разгребали мусор руками, но обнаружили лишь паркет, инкрустированный австралийским перламутром и редкими породами дерева, розового и амарантового; этот паркет раньше устилал пол Лионского зала в Екатерининском дворце. Это был не тот шедевр, за которым охотился Кучумов, но находка паркета позволила ему сделать важный вывод. Лионский зал был демонтирован нацистами, и его фрагменты оказались разбросанными по всей Европе — гипсовая лепнина в поле неподалеку от Пушкина, бронзовые засовы и дверь в Кенигсберге, пол в Берлине. Кучумов отмечал в своем дневнике, что судьба Лионского зала наглядно демонстрирует, что точно так же немцы могли поступить с Янтарной комнатой — вывезти, упаковать, а затем разбросать по разным местам.

Работавшие на складе немцы проверили десятки тысяч ящиков, до позднего вечера стоя на коленях перед произведениями искусства. Кучумов писал, что они приносили с собой еду и термосы, и им не требовались перерывы. Они работали усердно и профессионально. Кучумов отмечал, что немцы педантичны и неутомимы и что со многими у него сложились добрые отношения.

Подробно описывая работу на складе, Кучумов ни разу не упоминает о том, что у него не было времени отлучиться из Берлина и посетить замки Саксонии, в которых Альфред Роде планировал разместить Янтарную комнату.

В строчках дневника явно ощущается нарастающая усталость Кучумова. Почерк ухудшается. Эмоции пропадают. Генерал заставил его взять несколько дней отдыха. Кучумов пошел на представление апокалиптической оперы Вагнера «Гибель богов», но музыка напомнила ему о разрушении Ленинграда.

Силы вернулись к нему только после того, как в кинотеатре, где шли советские фильмы, он посмотрел «Броненосец «Потемкин»».

Наступил ноябрь, и срок командировки Кучумова подходил к концу. Он отправил в Ленинград 2500 ящиков, нагруженных в одиннадцать железнодорожных контейнеров. Еще шесть контейнеров отправились в Киев, четыре — в Минск. Он писал, что потребовалась специальная железнодорожная платформа для перевозки огромных бронзовых статуй Геркулеса и Флоры, которые прежде стояли рядом с галереей Камерона в Екатерининском дворце. Их нашли в Дрездене во дворе металлургического завода. Несмотря на то, что статуи были сильно повреждены — весь путь из России их тащили немецкие танки, — Кучумов не сомневался, что их можно отреставрировать¹¹.

Покинув покоренную столицу Германии, Кучумов отмечал в дневнике, что жизнь возвращается в советские города. В то же время он не мог не думать о том, что ему не удалось сделать, о так и не полученных ответах на вопросы, сформулированные в Кенигсберге. В Берлине он не нашел никаких следов Янтарной комнаты.

Советский Союз, в который вернулся Кучумов после берлинской командировки, стоял на пороге серьезных потрясений. 31 августа 1948 года внезапно умирает протеже Сталина Жданов, и это событие становится началом ожесточенной борьбы за власть между председателем Совнаркома Георгием Маленковым, министром внутренних дел Лаврентием Берия и главой госбезопасности Виктором Абакумовым, бывшим руководителем контрразведки СМЕРШ. Нестабильность в стране отразилась и на деятелях культуры.

Фильм Эйзенштейна «Иван Грозный» (царь всегда служил образцом для подражания Сталину) подвергся критике, и режиссеру больше не позволяли снимать. Шостаковича отстранили от преподавания в Московской и Ленинградской консерваториях, а Прокофьев, вернувшийся на родину из Америки, скрывался на даче, уничтожая все, что привез с собой из-за границы. Жену сталинского министра иностранных дел Полину Молотову обвинили в участии в «сионистском заговоре» с целью создания «Калифорнии в Крыму». По приказу Сталина Мо-

лотов развелся с ней, и в следующем году ее сослали в Кустанайскую область на севере Казахстана¹².

Малейшее подозрение в нелояльности могло положить конец карьере. В 1946 году ленинградский писатель Михаил Зощенко и поэт Анна Ахматова были исключены из Союза писателей. Впоследствии рукописи и письма Зощенко были отправлены в корзину для мусора рабочими, освобождавшими его квартиру¹³.

Все это сопровождалось шумной пропагандистской кампанией, и Кучумов, как ни старался выделить время для поисков Янтарной комнаты, не мог себе этого позволить. Последний документ в папке демонстрировал, как Кучумов использовал свои знакомства среди офицеров Красной Армии для поисков утраченного шедевра. Это письмо от некоего Семена Павловича Казакова.

Казаков писал Кучумову, что до его визита Зорин не получал никаких известий от куратора. Однако его выслушали с вниманием, и дело пошло. Завтра он должен явиться к генералу с докладом, после чего они отправят доктора в Калининград, и сопровождающий исследует это место, потому что или доктор действительно забыл, или притворяется. Казаков делится своими мыслями о том, что судьба поисков Янтарной комнаты находится в руках бога, но не небесного, а земного. Он пишет о том, что надеется на успех и что его единственное желание — вернуться на Родину.

На маленьком голубом конверте стоит почтовый штамп: «19 октября 1949, Польша, почтовое отделение № 40223», а само письмо написано на почтовой бумаге, которую выдавали солдатам. На конверте также имеется печать военной цензуры, и это подтверждает, что письмо отправлено из воинской части. Внизу листа сделана приписка: «Больше не пишите мне сюда. Отсылайте письма в Ленинград»¹⁴.

Совершенно очевидно, что существовала переписка между Кучумовым и Казаковым, связанная с поисками Янтарной комнаты, но в литературном архиве больше не оказалось никаких упоминаний о ней. Мы терялись в догадках, кто такой «доктор» и какое «место» в Калининграде они собирались исследовать. Не подлежало сомнению, однако, что информация «доктора»

имела отношение к Янтарной комнате и что ее считали настолько важной, что организовали специальную поездку в этот балтийский город. Переводчик объяснил нам, что ссылка на «земного» бога может означать либо всемогущие советские секретные службы, либо самого Сталина. В поисках Янтарной комнаты активное участие принимал Кремль.

Мы скопировали письмо.

Александра Васильевна, директор литературного архива, сообщила нам, что намерена провести тщательную ревизию документов, принадлежавших Анатолию Кучумову, и что в ближайшие шесть месяцев они будут недоступны для читателей. Мы не могли позволить себе просто сидеть в Санкт-Петербурге и ждать. Нужно пойти другим путем. Мы решили разыскать современников Кучумова, знавших его еще с 1949 года, или хотя бы тех, с кем он дружил и кому доверял. Однако мужчины и женщины, которых он принимал к себе на работу на младшие должности, подобно Большой Альбине, не имели доступа в его частную жизнь. Нужно было найти человека, который занимал такое же или более высокое положение. Мы вспомнили поздравительные открытки из архива Кучумова и особенно ту, что прислала Валерия Билянина, заместитель директора Павловского дворца. В стихотворном послании она называла Кучумова «братом». Мы позвонили нашей знакомой и оставили сообщение.

Вечером раздался звонок от профессора: «Валерия Билянина жива! Но она ведет затворническую жизнь». В России все непросто. Оказалось, что Билянина серьезно больна, и ей предстоит операция. Она никого не пускала к себе домой, но, возможно, ее удастся уговорить выпить чашку чая в Царском Селе.

Любопытство благотворно повлияло на Валерию Билянину. Она согласилась встретиться с нами на автобусной остановке на одной из узких улочек Царского Села. Мы выбрались из переполненной маршрутки. Солнце ярко сияло в небе, но нас никто не ждал. Мы позвонили по телефону, и трубку сразу же сняли, как будто ждали нашего звонка. «Слишком жарко, чтобы демонстрировать «разрядку международной напряженности» на улице, — это была Билянина. — Лучше приходите ко мне».

Мы поднялись на второй этаж дома из красного кирпича послевоенной постройки. «Входите. Не спешите, — дребезжащим голосом говорила Валерия Билянина, ведя нас по тесному коридору своей квартиры. — Не поломайте. Осторожно. Все очень хрупкое. Стойте. Садитесь».

Больше всего в ее квартире нас поразило отсутствие свободного места — вещей было столько, что невозможно было ни стоять, ни сидеть. Все пространство было занято пирамидами разнообразных коробок. Мы спросили, была ли хозяйка знакома с Кучумовым в 1949 году.

— Конечно, нет, — кратко ответила Валерия Билянина и исчезла на кухне, откуда донесся запах топленого масла. На стене висела выпускная фотография хозяйки пятидесятилетней давности — стройной, серьезной и красивой. По обе стороны от фотографии располагались рисунки львов Лансере.

Минут через десять появилась Валентина Билянина и начала освобождать обеденный стол. На каминной доске стоял бюст Екатерины Великой, а рядом располагалась коллекция разбитых чайных чашек. Стекланные цветы в кувшинах были окружены целым лесом лент и бумажных роз — похоже, хозяйка не выбрасывала ни один из полученных когда-либо подарков. Дом, в котором жила Валерия Билянина, был построен для рабочих города Пушкина в честь столетней годовщины со дня рождения Ленина, и она переселилась сюда в 1970 году. До этого она занимала одну комнату в центральном хранилище Екатерининского дворца.

— Я жду, когда здесь откроют мемориальную табличку в мою честь, — полушутя заметила Валерия Билянина. Выйдя на пенсию, она стала собирать историю своей жизни в этой маленькой квартирке. — Мой архив, — она обвела рукой нагромождение картонных коробок. — Каждая посвящена отдельной теме. Вот это, например, — она достала стопку пожелтевших карточек, — эвакуационный каталог 1812 года, всего двенадцать книг. — Мы удивились, почему они находятся не в музее. — А вот этот рисунок, — мы взглянули на стену, — подарок Кучумова. Автор Иван Билибин. Кучумов нашел его под шпалерой и отдал мне. Возьми, сказал он, на память, — очевидно, не все, что нашли после войны, попало в Центральное хранилище музейных фон-

дов. — А это акварельный портрет императрицы Анны Иоанновны, еще один подарок Кучумова.

Валерия Билянина выставила на стол тарелку сваренных вкрутую яиц, толстые ломти колбасы и дымящуюся кастрюльку гречневой каши. Она не переставала говорить даже во время еды. Мы спросили, чем хозяйка может нам помочь, если она не была знакома с Кучумовым в 1949 году? Валерия Билянина очень удивилась. Капельки пота блестели на ее потемневшем лице, как пузырьки, всплывающие на поверхность кипящей кастрюльки с борщом. Ее большое тело задержалось, и мы спросили, не подать ли ей воды.

— Я устроилась на работу в день окончания Ленинградского университета, в 1952 году. Но я знала Кучумова лучше других. Когда мы впервые встретились с ним, он был одет в тот же костюм, который ему выдала московская комиссия в 1946 году. Он так смущался, когда обнаружил, что им с Трончинским выдали одинаковую одежду — галстук, туфли, рубашку.

Значит, повторили мы вопрос, Билянина не знает, чем занимался Кучумов в 1949 году. Она вскочила со стула и принялась рыться среди коробок. Наконец, из одной стопки она вытащила четыре письма.

— Кучумов получал письма и открытки от этого человека, немца. Он как-то связан с событиями 1949 года, — хозяйка победоносно посмотрела на нас. — Некоторые вещи нам было не положено знать, и Кучумов умел хранить тайны, но с возрастом он стал менее осторожен, — она протянула нам четыре конверта, на которых появились большие жирные пятна. — Разве вы, англичане, можете это понять? Даже Кучумов не все понимал. Я знаю, я писала его некролог, — она вновь задрожала. — Видите, во что я превратилась? Через день мне предстоит операция.

Четыре пустых конверта. Мы разложили их на деревянном кухонном столе в нашей квартире на 7-й Советской улице. Почтовые марки бывшей Германской Демократической Республики и адрес: «Павловск, Ленинградский дворец-музей, А. Кучумову». Все они отправлены после 1949 года, и мы подумали, что Валерия Билянина не поняла нашего вопроса. Первое письмо

датировано 3 января 1951 года, второе — 1 января 1970 года, третье — 4 января 1973 года, а последнее — 26 декабря 1976 года. Вполне возможно, в них были обычные поздравления с Новым годом. На каждом стоял штамп советской цензуры.

Мы обратили внимание, что один из конвертов, от 4 января 1973 года, чуть толще остальных. Конверт пересекала продолговатая непрозрачная тень, похожая на проявившуюся на рентгеновском снимке опухоль. Лезвием бритвы мы вскрыли подкладку конверта, и оттуда выпал листок кальки. Мы развернули хрупкий прямоугольник. Письмо было написано по-немецки — карандашом и почти без нажима, чтобы при прощупывании конверта не обнаружилось вдавленных в кальку букв.

Почерк был правильным и старомодным. Автору нужно было так много сказать, что, исписав лист, он продолжил писать вертикально вдоль одного края:

«Дорогой мистер Кучумов! Прошло уже много времени, по моим подсчетам, двадцать четыре года, с тех пор, как мы вместе бились над загадкой Янтарной комнаты. Сердечно поздравляю вас с Новым годом и желаю успехов в вашей работе. Возможно, вы не помните меня — прошло столько лет. 3 октября 1970 года я посетил Ленинград в составе группы туристов. Я очень хотел встретиться с вами, но не сумел правильно вспомнить вашу фамилию, и никто не помог мне, когда я спрашивал об известном историке, который занимался поиском Янтарной комнаты».

Автор письма, вероятно, был стар и страдал забывчивостью. В письме содержалось следующее признание:

«Я очень часто виню себя в том, что не настоял на систематических поисках в Калининграде. Эти чувства вновь ожили в прошлом году после просмотра советского фильма о Янтарной комнате, в котором упоминалось мое имя, а также когда я прочел статью мистера Сейдервица, бывшего директора Дрезденской галереи, о судьбе Янтарной комнаты. Не все сказанное им бесспорно, но он наглядно показывает, как жестоко и безответственно нацисты обращались с вашими великими произведениями искусства».

Далее шла просьба. Автор планировал вновь посетить Советский Союз и спрашивал, нельзя ли остановиться у Кучумова в Павловске — только при этом условии ему позволят приехать. В качестве ответного жеста он приглашал Кучумова в ГДР и предлагал остановиться у него — его невестка училась на факультете славистики и могла выступать в роли переводчика.

Кучумов так и не прочел это тайное послание — в противном случае оно не осталось бы запечатанным в конверте. Можно только догадываться, что он (а также советский цензор) вытащил из конверта невинную новогоднюю открытку. По всей видимости, листок кальки с упоминанием Янтарной комнаты и тайной миссии в Калининграде не предназначался для чужих глаз. Однако все имеющиеся у нас данные свидетельствовали о том, что операция по поиску Янтарной комнаты во всех ее мельчайших подробностях планировалась в Москве; Москва также осуществляла финансирование и наблюдение. Может быть, терзаемый паранойей автор из Германии пытался скрыть свои мысли от любопытных взглядов у себя дома.

В конце письма стояла подпись: «С дружеским приветом, ваш доктор Г. Штраус, 111 Берлин, Генрих-Манн-плац, 4, ГДР»¹⁵.

Мы вернулись к своим заметкам и нашли письмо, отправленное Кучумову в октябре 1949 года Семеном Казаковым. Казаков писал, что завтра он должен явиться к генералу с докладом, и тогда доктора отправят в Калининград, и сопровождающий исследует это место... потому что или доктор действительно заблудился, или притворяется.

Перед нами лежало письмо забывчивого доктора, который в 1973 году вспоминал о поездке в Калининград, совершенное двадцать четыре года назад. Существовал лишь один способ выяснить, был ли доктор Г. Штраус тем самым человеком, о котором упоминал Казаков.

В течение пяти месяцев мы не сможем заглянуть в личный архив Кучумова. Но можно поехать в Берлин и поискать доктора Штрауса. После того как в марте 1990 года была ликвидирована Штази, восточногерманская тайная полиция, выяснилось, что в ее архивах хранились досье на каждого третьего жителя страны. Гражданин ГДР, который вел переписку с советским чиновником по поводу Янтарной комнаты, просто не мог не

привлечь внимание властей Восточного Берлина. Мы позвонили в западногерманское федеральное агентство, которое занималось сортировкой и опубликованием архивов Штази. Нам ответили, что у них действительно имеется материал о докторе Штраусе и Янтарной комнате. Однако, добавили они, для удовлетворения нашего запроса может потребоваться несколько месяцев.

Наше расследование вновь приостановилось.

Глава 6

Берлин был чистым и белым. После рождественских праздников 2002 года прошло уже два дня, а в городе сохранялась атмосфера веселья. Но под засыпанными снегом тротуарами мы совершали путешествие во времени. Метро напомнило нам о тех временах, когда жители Западного Берлина, выходя из уютных магазинчиков и квартир, садились в подземные поезда на станциях «Зоологический сад» и «Площадь Софии-Шарлотты», а их соотечественники из Восточного Берлина толпились на тесной станции «Панков» или строгой «Шонхаузер-аллее». Они никогда не встречались друг с другом, ограниченные в передвижении своими политическими системами. Поезда метро из западной и восточной частей города встречались на «Потсдамер-плац», но каждый из них описывал круг и пускался в обратный путь по темным тоннелям. И сегодня, через тринадцать лет после «ди венде» (или «поворотного пункта», как немцы называют процесс объединения двух стран) путешествие по всей ветке метро из конца в конец воспринималось как нечто новое, и люди с удивлением смотрели, как ярко освещенные поезда с грохотом проносились мимо окна их вагона в противоположном направлении.

Через шесть месяцев после отъезда из России мы все еще ждали выполнения нашего запроса на ознакомление с досье Штази. Придя в отчаяние, мы приехали на станцию «Панков», чтобы попробовать самостоятельно найти следы доктора Штрауса.

Когда мы поднялись на поверхность из самой восточной станции берлинского метро, яростный ветер с Балтики завывал между бетонными башнями домов, срывая шерстяные шарфы с покрасневших шей прохожих и шляпы с голов. Мы перешли через улицу, высматривая адрес, написанный на листке каль-

ки четким готическим шрифтом: «111 Берлин, Генрих-Манн-плац, 4».

Стандартные супермаркеты, бетонные коробки домов. В 1960-х и 1970-х годах красный кирпич и фигурная кладка района Панков были вытеснены утилитаризмом блочных зданий, которые считались более подходящими для формировавшегося здесь практичного общества. Сегодня обитатели этого района не столь успешны, и под крышами из рифленого железа здесь можно найти неопрятных пьяниц и неудачливых торговцев, престарелых наркоманов и морщинистых хипов, причем почти все они бывшие военнослужащие, которым теперь некому служить.

Но здесь не всегда царило такое уныние. В XIX веке Панков был уютным гнездышком состоятельных берлинцев, а в конце 40-х годов XX века стал любимым пригородом Вальтера Ульбрихта и его приспешников. Через год после падения Третьего рейха, в феврале 1946 года, руководитель коммунистической партии Германии Вальтер Ульбрихт подписал соглашение со Сталиным, привязывавшее восточногерманское государство к СССР. Через три года Ульбрихт, «мерзавец, который не пощадит отца и мать» (по словам главы НКВД Лаврентия Бериин), основал Германскую Демократическую Республику, которой руководила созданная им Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), и одним из первых своих указов он конфисковал постройки XIX века в Панкове под дома для членов политбюро¹. Дворец Нидершенхаузен, где, согласно легенде, умерла от скуки королева Кристина, жена Фридриха Великого, и куда нацисты свозили произведения «упаднического искусства», также был национализирован и превращен в правительственную гостиницу, в которой впоследствии останавливались Фидель Кастро и Михаил Горбачев.

В 1950 году, после создания тайной полиции Штази, тихий пригород Панков оказался в плотном кольце ее агентов. Внутри пускались только лица, пользовавшиеся особым доверием, не говоря уже о жителях внутри тщательно охраняемого периметра. Доктор Штраус был одним из них.

В Санкт-Петербурге бумаги Кучумова все еще были официально закрыты. Наша знакомая использовала свои связи, чтобы как-то помочь нам, и ей удалось получить доступ к нескольким

документам из архива, связанным с контактами Кучумова в Восточном Берлине².

Она прислала нам пачку своих выписок и сопроводительное письмо. Она вспомнила, что мы искали человека, который в документах проходит как «доктор». Профессор очень удивилась, обнаружив в архиве Кучумова инструкцию органов госбезопасности и протокол допроса бывшего немецкого интернированного, который в 1949 году утверждал, что знает местонахождение Янтарной комнаты. Его звали доктор Штраус, и на его деле стояла печать советского министерства государственной безопасности, главой которого был Абакумов (бывшая советская разведка и контрразведка, предшественница КГБ).

Ученик Берии Абакумов, ставший во главе МГБ в 1946 году, унаследовал разветвленную сеть следственных изоляторов и тюрем НКВД, созданную в конце войны для содержания нацистов, коллаборационистов и иных лиц, которых система считала неблагонадежными. Агенты Абакумова проникали в страны Балтии и Восточной Европы, выявляя оппозицию, арестовывая саботажников и диссидентов. Абакумов также способствовал появлению похожих на МГБ органов безопасности у новых союзников, в том числе и Штази³.

Присланный нам файл МГБ был подготовлен специально для Кучумова и датирован октябрём 1949 года, а инструкция предназначалась для его встречи с доктором Штраусом в декабре этого же года. К нему было приколото предписание, согласно которому его командировали в Калининград. В нем также указывалось, что генерал Зорин в Берлине закончил приготовления к транспортировке доктора Г. Штрауса. Теперь мы убедились, что «доктор» из письма Казакова и бывший немецкий интернированный — это одно и то же лицо.

В инструкции МГБ доктор Штраус назывался «историком искусства», имеющим обширные связи в Восточной Пруссии. Он родился в 1908 году в Морунген (современный город Мораг в Польше), торговом городе, основанном тевтонскими рыцарями неподалеку от замка графа Алекса в Шлобиттене. Доктор Г. Штраус изучал историю в Кенигсбергском университете, а после получения диплома устроился на работу в службу охраны памятников Восточной Пруссии. В 1939 году его назначили помощником директора художественных собраний. Поэтому он

вполне мог быть знаком с Альфредом Роде, директором музея Кенигсбергского замка.

Но это еще не все. В 1934 году Штраус присоединился к штурмовым отрядам коричневорубашечников, а три года спустя вступил в нацистскую партию, хотя многие его коллеги предпочитали этого не делать. Его послужной список свидетельствует, что во время войны он был офицером вермахта; его часть дислоцировалась в Восточной Пруссии, и в последние два года в его обязанности входила защита государства и его ценностей от воздушных налетов союзников. Это была очень важная задача — с учетом того значения, которое нацисты придавали трофейным ценностям, собранным в регионе. Эта должность также свидетельствовала о привилегированном положении, поскольку Штрауса не отправили на фронт, как многих его соотечественников.

В документах указывалось, что они были подготовлены майором Куниным из берлинской штаб-квартиры МГБ и что сразу же после войны Штраус был интернирован и помещен в лагерь «Борнхольм» на юго-востоке Берлина в зеленом районе Бранденбург-Шпревалд. Подавляющее большинство интернированных проводили в лагере несколько лет, и еще десятилетие им требовалось для того, чтобы привыкнуть к расколу повергнутой нации. Однако Штрауса выпустили уже через четыре месяца, а затем поселили на вилле в Панкове. Именно к этой вилле на Генрих-Манн-плац мы и направлялись.

Многие немцы сохранили свободу, выказав лояльность коммунистической партии. В инструкциях МГБ сообщалось, что на допросах Штраус заявил о своей принадлежности к коммунистической партии с 1932 года. Он утверждал, что вступил в ряды чернорубашечников и НСПГ по указанию партийного руководства, чтобы любым способом скрыть свои истинные политические взгляды⁴. Можно ли было ему верить? Мы не знаем.

Мы вошли в ратушу Панкова с ее горгульями и пожелтевшим баварским известняком — практически единственное здание в районе, напоминавшее о той Германии, порождением которой был этот пригород. «Генрих-Манн-плац, 4, — повторил служащий, ведя пальцем по списку избирателей. — Доктор Гер-

хард Штраус. Этот человек живет на Генрих-Манн-плац, 4. Вот номер телефона. Я могу позвонить прямо сейчас». Старик все еще жив. Мы даже не обсуждали эту возможность. В лучшем случае мы надеялись увидеть родственников, узнать другой адрес или бросить взгляд на дом, где он жил. Нет, ответили мы, звонить не нужно, и вышли на улицу.

Нужно успокоиться. Хотелось выглядеть как можно естественнее, когда мы позвоним в дверь. Сквозь падающий снег можно было разглядеть контуры окружающих нас мрачноватых особняков, каждый из которых был окружен собственным садиком. Покатые крыши были покрыты слоем льда. Мы остановились перед домом № 4. Ворота закрыты, но в окне первого этажа видны огоньки рождественской елки. Мы осторожно потрогали заиндевевшую латунную табличку: «ШТРАУС». Что мы ему скажем? Что-то сдержанное и нейтральное. Мы изучаем жизнь русского куратора и обнаружили, что у него был друг по переписке в Восточной Германии. Мы нажали кнопку звонка.

В окне второго этажа появилось чье-то лицо. Возможно, мужчины.

— Доктор Штраус? — крикнули мы. — *Sprechen sie Englisch, bitte?* — Из-за парадной двери послышался лязг снимаемой цепочки. Засов отодвинулся, и в двери открылась похожая на бойницу щель. — Доктор Штраус? — повторили мы.

Темноволосый мужчина в черных джинсах и джемпере осторожно пробирался к воротам, скользя на заледенелой дорожке и изучая нас холодными, как лед, глазами. Мы прокричали объяснения на плохом немецком, который сразу выдавал в нас англичан. Мужчине было под пятьдесят. Он никак не мог встретиться с Анатолием Кучумовым в 1949 году в Калининграде. Тем не менее он открыл ворота, и мы прошли вслед за ним в дом.

На новом некрашеном сосновом полу не было ни соринки — только черные следы от наших ботинок. Беленые стены были увешаны мрачноватыми картинами, написанными маслом, и органными трубами, что создавало в комнате атмосферу строгости и сдержанности. Мужчина жестом пригласил нас присесть рядом с елкой, украшенной самодельными игрушками в народном стиле. Мы попытались спросить, кто он такой, и объяснить, что мы делаем в этой гостиной. Но он не стал слушать.

Мы должны немного подождать. Из холла до нас донесся женский голос: «*Kaffee?*» Мы молча просидели минут десять, прислушиваясь к бульканью кофеварки на плите, а затем в гостиную появилась женщина с подносом миндального печенья. Нас угощали, хотя мы видели друг друга в первый раз и даже не представились.

— *Zo?* — спросила женщина, когда наши чашки опустели.

— Вы знали доктора Штрауса? — спросили мы.

— *Ja*, конечно, — ответил мужчина на ломаном английском и расстегнул воротник джемпера, как будто ему не хватало воздуха. — Герхард Штраус был моим отцом. *Warum?*

— погоди, Штефан, — перебила его женщина. — Как смешно ты говоришь, — она повернулась к нам. — Я изучала русский и английский в университете. Я буду переводить. Дорогой, у тебя ужасное произношение.

Мы протянули конверты, полученные от Валерии Биляниной.

— Посмотри, Штефан. Как странно! — воскликнула женщина, пробегая глазами по строчкам на конверте. — Я помню, как *Vati* писал это, — она вновь обратилась к нам. — Мы со Штефаном поженились в 1972 году, и Герхард, мой тесть, попросил меня перевести на русский несколько писем. Он пытался найти ленинградского куратора, правда? Того, кто искал Янтарную комнату? Вы его нашли в России? Знаете, *Vati* так расстраивался. Не знаю, получал ли он ответы.

К сожалению, Кучумов умер, сказали мы. А доктор Герхард Штраус?

У Штефана было время, чтобы собраться с мыслями, и теперь он сидел, обхватив себя руками и скрестив ноги. Внезапно все его страхи прорвались наружу.

— Что вам известно о работе моего отца? Кто вы такие? Зачем вам знать о нем? Зачем вы здесь?

— Штефан, дай людям сказать, — женщина успокаивающе положила ладонь на колено мужа.

— Нам трудно говорить об этом, — он немного успокоился. — Вам могут быть известны факты, о которых я... мы, — он сжал ладонь жены, — ничего не знаем. Во время войны ему приходилось со многим мириться, чтобы выжить. Нам было труд-

но, — он взглянул на жену, ища поддержки. — Я не знаю, как вы распорядитесь информацией, которую я вам сообщу. В любом случае в то время я был еще ребенком, — он немного помолчал. — Но я помню, что после войны отец ездил в Калининград, — он перевел взгляд на рождественскую елку. — К нам в дом пришли русские. Они не носили военную форму. В то время я был разочарован. Теперь я думаю, что они были из КГБ. Шепотом что-то обсуждали с отцом. Показывали бумаги. В этой самой комнате. Но почему я должен вам об этом рассказывать? — он опять начал терять самообладание и нахмурился. — Я вас не знаю.

Чудесный дом, сказали мы, пытаюсь разрядить обстановку. Совершенно верно, мы увидели друг друга пятнадцать минут назад.

— Отцу отдали этот дом после изгнания нацистов. Отец был *Genosse* — понимаете?

Да, кивнули мы, он был коммунистом.

— Он много рассказывал нам о подпольной работе в коммунистической партии Германии до войны. О том, как он был вынужден скрывать свои взгляды. Потом ему пришлось вступить в нацистскую партию, но он ненавидел нацистов, — Штефан прервал свою речь и попросил жену сходить наверх. Она вернулась с большой фотографией в белой деревянной рамке. На снимке был изображен пожилой человек благородной наружности в белом берете, гуляющий в зимнем парке. У его рта можно было различить облачко пара.

— Герхард умер в 1984 году, — сказала она. — Он был бы рад гостям из России.

Итак, доктора нет в живых. В день его отъезда в 1949 году шел снег — как сегодня, — Штефан держал фотографию отца на коленях, слегка покачивая рамку. — Мама очень волновалась. Она говорила, что он не вернется. Вы должны понять, что мы немного побаивались русских, — Штефан улыбнулся нам. — Возможно, это слово не совсем точное, — он пытался восстановить в памяти атмосферу того времени. — Понимаете, Красная Армия забрала много людей. Через шесть недель моя мать была в панике. Она набралась смелости и отправилась в Карлсхорст. Не беспокойтесь, ответили ей. На Балтийском побережье пло-

хая погода, и самолет отца задерживается. Ей посоветовали возвращаться домой и ждать.

— Отец вернулся в середине января. Он мало рассказывал о том, что с ним происходило. Упомянул только, что попробовал разыскать дом его родителей в Морунген, но ему не разрешили. И что он помогал в поисках Янтарной комнаты. Он чувствовал себя обязанным найти ее и вернуть в Ленинград. Впоследствии это стало его навязчивой идеей. Эта тема постоянно возникала за обеденным столом и в телефонных разговорах. Это было плохо. Он буквально заболел. Ему все время звонили странные люди. Русские, поляки и даже западные немцы. Один из них, по имени Георг Штейн, даже приглашал его на обед. Да, Георг Штейн. Вы слышали о нем? — Штефан увидел, что мы записываем имя, и вновь умолк.

Мы спросили, почему русские проявляли такой интерес к его отцу.

— В последние два года войны отец служил в частях противовоздушной обороны Кенигсберга. Вероятно, он отвечал за безопасность Янтарной комнаты, и именно поэтому им так интересовались русские. Его начальника звали Андрей. Нет, не Андрей, а...

— Альфред, — перебила его жена. — Его звали Альфред Роде.

Директор музея Кенигсбергского замка.

Штефан внимательно посмотрел на нас своими ледяными глазами, а затем сказал, что у него целый чердак завален бумагами отца — дневники и полуофициальные документы. Он вежливый человек и хочет нам помочь. Мы поинтересовались, можно ли взглянуть на них.

Хозяин заметил волнение в наших глазах и заколебался.

— Я уже просматривал их. Не очень внимательно. Сначала мне нужно самому изучить бумаги. Приходите позже. Через несколько недель.

Признав существование личного архива отца, Штефан, похоже, тут же пожалел об этом. Казалось, он запаниковал. Мы догадывались, о чем он думает. Кем на самом деле был его отец: чернорубашечником, убежденным нацистом или коммунистом, действовавшим по указанию партии? А если коммунистом, то

каковы его заслуги перед режимом? Прошло уже много времени, и сохранившиеся бумаги могут и не раскрыть истинные мотивы доктора Герхарда Штрауса.

Мы понимали, что Штефан столкнулся с головоломкой, которую пришлось решать многим немецким семьям после объединения страны. Как относиться к разным периодам жизни одного человека: рассказывать о них или скрывать неприятные моменты? Подвести черту под прошлым и просто любить человека, с которым вы сидите за одним столом, спите и гуляете в парке? Послевоенная Европа представляла собой разноцветный калейдоскоп множества разных «прав».

— Я должен был жить своей жизнью. У каждого своя судьба. Невозможно жить жизнью отца, даже если очень любишь его. Давайте, я вас куда-нибудь подброшу? — спросил Штефан, вставая. Ему нужно уезжать на деловую встречу в городе. Он ландшафтный дизайнер и работает на городские власти, занимаясь проектом реконструкции Берлина. Штефан провел нас к своему «Вольво», и мы молча ждали, пока прогреется двигатель.

Машина тронулась, и Штефан поехал сквозь клубы морозной дымки к центру города, мимо еврейского музея Даниеля Либскинда с его Башней Холокоста. Краем глаза мы заметили арабского мальчика на велосипеде, который изо всех сил жал на педали, пытаясь поравняться с очередью в музей, прежде чем она скроется за охраняемой оградой. Приблизившись, велосипедист вытащил из кармана тренировочного костюма пистолет. Прежде чем мы успели закричать, он вытянул руку с пистолетом и несколько раз нажал на спусковой крючок. Никто, кроме нас, не видел этой сцены, скрытой заиндедевскими стеклами автомобилей и домов на противоположной стороне улицы. Однако мы не услышали криков, и никто не упал на тротуар, обливаясь кровью. Оружие, должно быть, было игрушечным, хотя и очень похожим на настоящее. Наверное, мы оказались единственными людьми, случайно подсмотревшими безумные фантазии мальчика.

Штефан остановился на Александерплац и наклонился, чтобы открыть дверь для пассажиров.

— Есть вещи, о которых я не хотел бы читать, и, надеюсь, вы не станете их печатать. Вы понимаете, о чем я, — Штефан Штра-

ус предупреждал, что если мы вернемся, то среди документов на чердаке его дома могут обнаружиться такие, которые он не желал бы обнародовать.

Мы не могли обещать, что подвергнем цензуре собственное расследование, чтобы сохранить репутацию его отца. Альфред Роде был мертв, и для Кучумова было большой удачей найти доктора Герхарда Штрауса. Как и для нас...

Мы пообещали позвонить и нырнули в полутьму метро, направляясь в западную часть города, а Штефан Штраус поехал на запланированную встречу в один из восточных районов. Наши пути пересеклись, но мы так и не узнали друг друга. Понять друг друга нам помешал эгоизм (с нашей стороны) и страх Штефана перед историей.

Погружаясь в тайну Янтарной комнаты, мы все время ощущали некий мрачный холодок, но до сей поры лишь на расстоянии: через доклады, дневники, письма и воспоминания. Сегодня Янтарная комната вошла в жизнь реальных людей, сея сомнения и страхи.

Через две недели, вернувшись в наш берлинский отель, мы нашли еще одну посылку из Санкт-Петербурга. Из вскрытого конверта на стол выпала фотография Герхарда Штрауса. На нас смотрел элегантный и спокойный молодой человек в белой рубашке с зачесанными назад темными волосами. Несмотря на все сходство между снимками молодого и старого Герхарда Штрауса, взгляд пожилого человека не излучал подобной уверенности.

Герхард Штраус

Наша знакомая писала, что литературный архив закончил систематизацию документов Анатолия Кучумова и что она получила читательский билет и нашла для нас кое-какие сведения относительно доктора из Восточной Германии.

Доктор Герхард Штраус. Что он знал? Анатолий Кучумов был уверен, что директор музея Кенигсбергского замка Альфред Роде лгал в 1945 году и что Янтарная комната не сгорела в Рыцарском зале. Но Роде был мертв, и Казаков нашел другого важного свидетеля, которого он называл «доктор» — этот человек утверждал, что обладает информацией о местонахождении Янтарной комнаты. Теперь мы знали, что этим «доктором» был Герхард Штраус и что в декабре 1949 года его отправили в Калининград на встречу с Анатолием Кучумовым.

В последней посылке из России была инструкция МГБ, датированная 8 августа 1949 года и проливавшая свет на миссию в Калининграде. Она начинается с письма доктора Герхарда Штрауса, в котором он излагает свою версию событий, отличающуюся от той, что рассказал его сын. Он пишет, что пригласил советских агентов к себе домой на Генрих-Манн-плац (судя по воспоминаниям Штефана Штрауса, об этом решении он, похоже, не сообщил жене, которая считала, что его пришли арестовать). Герхард Штраус был рад помочь советской администрации, предлагая «информацию» о пропавшей Янтарной комнате⁵.

Письмо было адресовано майору Кунину, офицеру связи МГБ в советской военной администрации Берлина. Вероятно, Штраус был уверен в себе и в ценности имевшихся у него сведений, поскольку решился пойти на контакт с организацией, которую боялись большинство немцев. «От начальника моего отдела мистера Фолькмана я узнал, что вы разыскиваете Янтарную комнату, — в непринужденном тоне писал он. — После окончания войны я встречал многих людей из Кенигсберга, но они знали лишь о смерти доктора Роде и о разрушении замка. Но мне известно гораздо больше».

Штраус явно не испытывал чувства вины и не был обременен излишней скромностью. Судя по письму, он не в первый раз обращался с таким предложением и был разочарован тем, что советская администрация никак не отреагировала на три

предыдущих попытки оказать помощь в деле поиска Янтарной комнаты.

Впервые он предложил свои услуги во время пребывания в лагере для интернированных в мае 1945 года, когда он «рассказал все». Второй раз он разговаривал с майором Полтавцевым из информационного отдела советской Группы войск в Германии в 1946 году. Третий раз Штраус обращался к русским в 1947 году, и в тот раз с ним беседовала Ксения Агафонова из Государственного Эрмитажа. Именно с ней встречался Кучумов в 1947 году в Берлине, когда разбирали вывезенные из Советского Союза произведения искусства на складе «Дерутра».

— Я все рассказал историку искусств из Ленинграда фрау Агафоновой, — жаловался Штраус майору Кунину. — Но поскольку никто не отреагировал на мою информацию, а у меня не было возможности связаться с вами по телефону, я решил написать.

Вероятно, произошел серьезный сбой во взаимодействии между советскими организациями в Берлине, Москве и Калининграде, занимающимися возвращением похищенных культурных ценностей. Несмотря на то, что Совнарком организовал экспедицию по поискам Янтарной комнаты уже через несколько недель после капитуляции Германии, доктору Герхарду Штраусу понадобились четыре года и четыре попытки, чтобы привлечь чье-либо внимание.

Может быть, Ксения Агафонова не принимала доктора Штрауса всерьез и в 1947 году не стала информировать своего ленинградского коллегу Анатолия Кучумова о его заявлении. Может быть, Агафонова не знала, что на складе «Дерутра» Кучумов занят поисками Янтарной комнаты. Этого мы никогда не узнаем, но лишь благодаря настойчивости Штрауса они с Кучумовым смогли в конце концов встретиться.

В письме, которое нам прислали из Санкт-Петербурга, Штраус убеждал майора Кунина, что он никогда не был нацистом. То же самое он говорил об Альфреде Роде. Настоящим фашистом был гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох, о котором Штраус отзывался как о «военном преступнике». Штраус писал, что если Янтарная комната действительно стала «жертвой» развязанной нацистами войны, это огромная потеря. Он также

выражал свою готовность помочь в деле ее розыска. Это предложение майор Кунин пометил тремя вопросительными знаками.

Штраус опровергал свидетельство Альфреда Роде и утверждал, что Янтарная комната не погибла при взятии Кенигсберга. Он писал, что она не может находиться в советской зоне оккупации, потому что, несмотря на его многочисленные требования, ее не успели вовремя эвакуировать. Напротив этой фразы майор Кунин тоже поставил знак вопроса. Каковы были истинные обязанности Штрауса в прифронтовом Кенигсберге? Похоже, он намекает, что непосредственно отвечал за безопасность Янтарной комнаты.

Далее Штраус пишет, что на рынке Берлина не появлялось никаких изделий из янтаря, но в марте 1945 года он случайно услышал, что Янтарная комната должна быть эвакуирована в какое-то место неподалеку от Герлица (этот район был частью Саксонии, а в 1949 году был передан Польше). Здесь стоят жирные восклицательные знаки майора Кунина. Штраус подписал свое письмо следующим образом: «Глава департамента музеев прикладного искусства, памятников и образования, ГДР, Берлин». Он очень быстро приспособился к новому режиму и сделал карьеру, получив довольно высокую должность. В этих обстоятельствах привлекать к себе внимание таким письмом было довольно рискованно.

Следующий документ представлял собой плохо сохранившуюся копию записи длинного разговора, датированного 12 декабря 1949 года. С трудом разбирая слова, мы наконец поняли, что это перевод допроса Герхарда Штрауса. Вопросы задавал Анатолий Кучумов⁶.

Они беседовали в гостинице «Москва» в Калининграде. Судя по довоенным фотографиям, это было старинное здание из красного кирпича, одно из немногих строений, оставшихся целыми в апреле 1945 года, и в нем была размещена штаб-квартира НКВД, а затем и МГБ. Чтобы добраться до гостиницы «Москва», Штраус должен был проехать мимо руин замка, мимо статуй Бисмарка и принца Альбрехта с отбитыми руками и головами, а также по Штейндамм-штрассе. Эту улицу переименовали в Ленинский проспект, и она пересекалась с проспек-

том Мира, где и располагалась гостиница «Москва». Наверное, вид разрушенного до основания города его юности потряс доктора Штрауса.

Протокол допроса не сохранил никаких подробностей, но мы без труда можем представить себе Кучумова в толстом твидовом пальто, мягкой шляпе с плоской круглой тульей и загнутыми кверху краями, в черном костюме. Вне всякого сомнения, у него на коленях лежал потрепанный плоский чемоданчик из кожи. Этот чемоданчик до сих пор хранится у внучки Кучумова, хотя его содержимое, скорее всего, попало к бывшей коллеге Кучумова Валерии Биляниной. Напротив него сидит спокойный и уверенный в себе «доктор» Герхард Штраус — его темные волосы уложены в аккуратную прическу, из которой не выбивается ни единая прядь.

Вероятно, у этих двух людей было много общего: любовь к истории и огромное желание найти Янтарную комнату, хотя и обусловленное разными причинами. Теперь они были союзниками, но события прошлого создали непреодолимую пропасть между лощеным уроженцем Пруссии и невзрачным русским.

Первый разговор состоялся 12 декабря 1949 года и был посвящен сведениям о Янтарной комнате, которыми располагал Штраус. Переводчиком был капитан Щукин.

Кучумов не знал иностранных языков. По свидетельству невестки Штрауса, доктор тоже говорил только по-немецки. Поэтому при переводе терялись все нюансы, позволявшие завязать дружеские отношения. Не помогала этому ни официальная атмосфера гостиницы «Москва», промерзшей насквозь за калининградскую зиму, ни присутствие посредника — переводчика капитана Щукина.

Кучумов начал с вопросов об Альфреде Роде. Что может Штраус рассказать о кураторе замка? Штраус выложил все, что знал: Роде родился в Гамбурге и во время Первой мировой войны служил офицером в немецкой армии. На фронте он получил отравление газами. Кучумов отметил, что именно этим может объясняться дрожание рук директора, напомилавшее болезнь Паркинсона, на которое обратил внимание Брюсов в 1945 году. В 1918 году после демобилизации Роде переехал в Мюнхен, где изучал историю в Марбургском университете, а

затем продолжил образование в Париже. После окончания учебы он занимал различные должности в музеях Гамбурга, Бреслау (в настоящее время Вроцлав, Польша) и Кенигсберга.

Следующий вопрос: каковы были политические взгляды Роде? Кучумов подозревал, что он был нацистом, но Штраус сообщил, что Роде никогда не состоял ни в какой партии. Единственная организация, членом которой являлся Роде, это Союз художников, для которого он устраивал ежегодные выставки работ современных мастеров.

Был ли Роде знаком с представителями нацистской элиты? Это один из проверочных вопросов, которые Кучумов использовал и в беседе с Брюсовым. Как бы то ни было, Кучумов прочел личную переписку директора музея и знал, что Роде был знаком с гаулейтером Кохом и командующим группой «Север» фон Кюхлером. Штраус ответил правильно. Он подтвердил, что Роде поддерживал отношения с Кохом еще с 1928 года, когда он прибыл в Кенигсберг на должность директора художественных собраний города, а Кох стал гаулейтером Восточной Пруссии. После того как Коха избрали в рейхстаг Восточной Пруссии, и он стал отвечать за культурную политику региона, их встречи с Роде стали регулярными. Но они никогда не были друзьями, добавил Штраус. Роде был очень скромным и сдержанным человеком, пользовавшимся глубоким уважением коллег. С точки зрения политических взглядов он придерживался центристской позиции или даже симпатизировал левым. Большинство людей, с которыми он общался, разделяли его убеждения. Его близкими друзьями были Ганс Хопп и учитель Штрауса Р. Воррингер. Кучумов подчеркнул имена Хоппа и Воррингера. Нам они ничего не говорили.

Кучумов не отступал. Роде должен был симпатизировать нацистам, чтобы занять пост директора музея. Штраус возразил, что Роде ненавидел нацистов, и эта ненависть наиболее ярко проявилась, когда он показывал Штраусу картины из Киева. Однако как профессионал он как нельзя лучше подходил им. Тот факт, что Роде не покинул Кенигсберг, свидетельствует, что он считал себя ответственным за вверенные ему ценности. Штраус завершил свой рассказ утверждением, что Роде не боялся Советского Союза и что у него не было дурных намерений. На-

против этих слов Кучумов поставил на полях восклицательный знак.

Кучумов спросил Штрауса о Янтарной комнате. Тот рассказал, что в 1941 году они с доктором Роде переживали за судьбу Янтарной комнаты и боялись, что она будет уничтожена. Роде связался со своим старым знакомым генералом Кюхлером и попросил его спасти комнату и переправить в Кенигсберг. В этом месте Кучумов нарисовал звездочку — вне всякого сомнения, ему на память пришло письмо генерала Кюхлера, адресованное «доброму другу» Альфреду Роде, которое он нашел среди руин замка в 1946 году. Похоже, Штраус говорил правду.

Штраус продолжал свой рассказ. Янтарная комната, прибывшая в 1942-м или в 1943 году, была установлена в помещении музея в южном крыле замка на третьем этаже в комнате с одним окном, выходящим на реку. Панели были в очень хорошем состоянии. Ее собирали очень осторожно, склеивая разбитые пластинки; мозаику установили на место. Стены шестнадцать футов высотой, казалось, излучали желтовато-оранжевый свет. В облачную погоду комната производила фантастическое впечатление.

Это место рассказа Кучумов пометил еще одной маленькой звездочкой. Из протокола допроса Отто Смакки, переводчика местных рыбаков, он знал, что доставленная в Кенигсберг Янтарная комната была серьезно повреждена. Время появления комнаты в Кенигсберге, указанное Штраусом, тоже не совпало с показаниями Смакки и с записями в дарственной книге, найденной советскими солдатами в 1945 году. Однако Кучумов трактовал сомнения в пользу Штрауса.

Штрауса попросили рассказать об этом подробнее, и тут он проявил завидную осторожность. Он сказал, что никогда не видел комнату прежде и поэтому не мог знать, все ли ее части доставлены в Кенигсберг. Штраус предположил, что комната цела, потому что доктор Роде никогда не упоминал о потерях. Роде якобы говорил, что в конечном итоге Янтарная комната должна вернуться в Пушкин. Несмотря на необычайную красоту янтарного шедевра, Штраус чувствовал неловкость от того, что участвует в грабеже. Здесь еще одна маленькая звездочка. Воз-

можно, Кучумова начинали раздражать неуклюжие попытки собеседника оправдаться.

Что может рассказать Штраус о плане эвакуации? Штраус утверждал, что пытался вывезти Янтарную комнату из Кенигсберга весной 1944 года. Именно тогда, по его словам, он впервые предупредил Роде о том, что Янтарную комнату рискованно держать на третьем этаже замка, где она может погибнуть. Опасность воздушных налетов была уже реальной. Но Роде упорствовал. Только после нескольких предупреждений он согласился закрыть окно ставнями, чтобы защитить комнату от осколков. Однако закрыта была лишь треть окна.

Штраус рассказал, что по его настоянию комнату в конечном итоге демонтировали, упаковали в ящики и переместили в подвал южного крыла — всего за несколько дней до налета союзной авиации в ночь с 27 на 28 августа 1944 года. Еще одна звездочка. Рядом рукой Кучумова написано: «Владелец ресторана Пауль Фейерабенд». Он рассказал Кучумову, что в июле 1944 года, еще до воздушных налетов, Роде временно увез ящики в какое-то место за пределами города.

Не путает ли Штраус даты? Нет, он был уверен в своих словах, потому что хотя и не присутствовал при воздушных налетах, но вернулся в Кенигсберг 1 сентября и поехал прямо в замок. Внутри замка все сгорело, но внешние стены остались целыми. Во дворе замка неподалеку от входа в южное крыло он случайно столкнулся с Роде, который стоял в окружении больших и маленьких ящиков. Роде сообщил Штраусу, что Янтарная комната во время налетов находилась в подвале и не пострадала. Если бы не настойчивость Штрауса, то Янтарную комнату не успели бы спрятать, и она была бы уничтожена прямым попаданием бомбы.

А что потом? Кучумову требовались даты и места. Что произошло потом? Штраус на мгновение задумался. В декабре 1944 года начались поездки Роде. Еще одна пометка на полях. Из спасенных Брюсовым писем Роде Кучумов знал, что в ноябре 1944 года директор стал открыто искать надежные убежища за пределами города.

Штраус поправил себя. Да, теперь он вспомнил. Это был ноябрь 1944 года. Роде предпринял несколько поездок по окрест-

ностям города, чтобы найти надежные убежища для ценностей из замка. До Штрауса дошли слухи, что Роде написал письмо с предложением эвакуировать Янтарную комнату в замок Вексельбург в Саксонии. Удалось ли Роде осуществить задуманное? Штраус ничего об этом не знал.

Кучумов спросил о Рыцарском зале, где, по мнению Брюсова, сгорела Янтарная комната. Использовался ли зал как временное хранилище Янтарной комнаты? Ответ Штрауса был уклончив. Возможно, Роде в разговоре и упоминал о своем намерении сложить ящики в Рыцарском зале. Штраус занял оборонительную позицию, но Кучумов был настойчив. Когда он в последний раз видел Роде? Штраус ответил, что в период с 11 по 15 января 1945 года и что он не помнит, обсуждали ли они при встрече судьбу Янтарной комнаты.

Внезапно ритм и направление допроса резко изменились. Хладнокровный доктор попросил разрешения вернуться в Берлин. Он сказал, что ему нужно найти других свидетелей. Не нацистов, а тех немцев, которые, как и он сам, были молчаливыми противниками Гитлера, пережившими последние недели войны. Штраус сообщил, что одного из таких людей зовут Эрнст Шауманн и что он живет в Берлине. Его адрес можно узнать. Кроме того, можно допросить генерала Ляша, который сдался советским войскам и содержался в лагере для военнопленных. Возможно, Ляш что-то знает о судьбе Янтарной комнаты.

Штраус только что приехал, и, судя по документам, отражавшим подготовку его путешествия, это обошлось недешево как с политической, так и с финансовой точки зрения. Поэтому маловероятно, чтобы его так быстро отпустили. Туманные ответы Штрауса противоречили его заявлению в письме к Кунину: «Мне известно гораздо больше».

Штраус высказал еще одну любопытную мысль. Если комната погибла, то ее можно восстановить по фотографиям. Это было бесполезное предложение, и прозвучало оно в неподходящее время.

Вторая беседа от 12 декабря 1949 года. Что Штраусу известно о произведениях искусства из Советского Союза, увезенных в Германию? Переводчик капитан Шукин.

Необходимо ослабить давление на свидетеля. Дать ему отдых. Расспросить о более приятных вещах. Умиротворить его. Польстить его самолюбию. Принизить собственную значимость. Похоже, во время второго разговора Кучумов старался успокоить Штрауса. Что видел Штраус во время войны в бункерах и хранилищах, куда он как офицер противовоздушной обороны имел доступ? Штраус ответил, что доктор Роде демонстрировал ему предметы, отданные гаулейтером Кохом в замок на хранение — из Минска, Киева и Ростова. Они поступили в 1942-м или 1943 году? Говорить об этих предметах и показывать их было запрещено.

Что это были за предметы? Подробности? Штраус сказал, что это были картины XVIII и XIX веков, китайский фарфор и вазы из Петербурга, а также иконы. Названия? Описания? Штраус не мог вспомнить. Он лишь сообщил, что все они были в хорошем состоянии, но не являлись шедеврами. В то время мы предполагали, объяснил Штраус, что в руках немецких войск оказалась лишь небольшая часть культурных ценностей. Все самое ценное русские спрятали.

Где хранилось это небольшое количество вывезенных из Советского Союза предметов искусства? По словам Штрауса, все сложили на втором этаже круглой башни в северо-западном углу Кенигсбергского замка; вход туда вел через Рыцарский зал. Что-нибудь еще? Церковные колокола из Латвии. Их привезли в 1942 или в 1943 году? Незадолго до конца войны. Это были знаменитые серебряные колокола из Риги, а также Данцига.

Опасаясь обвинений, Штраус добавил, что эту информацию он получил от доктора Роде и его подчиненных. Это все, что он знает. Он не был сотрудником музея. Он интересовался лишь политическим и научным аспектами. Ответы Штрауса вновь приобрели оборонительный характер.

Последнее заявление Кучумов отметил еще одной звездочкой. Из его дневников мы знали, что он был знаком с материалами Нюрнбергского процесса, связанными с похищенными произведениями искусства, в том числе с показаниями Германа Восса, директора Дрезденской галереи. По свидетельству американских следователей, Восс постоянно ссылался на провалы в памяти, когда его просили объяснить противоречия в

показаниях, и подобная тактика отнюдь не способствовала созданию благоприятной атмосферы во время допроса. Следовательно пришли к выводу, что Восс придерживается типично немецкой точки зрения, что история искусства — это чистая наука и что ею можно заниматься, не неся никакой моральной ответственности.

Третья беседа от 12 декабря 1949 года. Где могла быть спрятана Янтарная комната? Переводчик капитан Щукин.

Кучумов вернулся к событиям января 1945 года. Штраус заявил, что, судя по письму Роде от 12 января, Янтарная комната все еще находилась в Кенигсберге. Снова звездочка. Эти письма были найдены Брюсовым и переданы Кучумову, который знал, что Штраус не мог видеть их. В лучшем случае он был знаком со слухами, ходившими среди сотрудников музея.

Если эту информацию он получил из третьих рук, то что еще в заявлениях Штрауса может быть пересказом чьих-то слов? Штраус защищался: до 15 января Янтарная комната могла быть вывезена по железной дороге, а после этой даты только самолетом или морем. Снова звездочка. Это неправда. Кучумов изучил движение поездов из Кенигсберга. Последний состав отправился из столицы Восточной Пруссии 22 января 1945 года.

Верит ли Штраус, что Янтарная комната оставалась в замке вплоть до взятия Кенигсберга советскими войсками? Штраус дает еще более уклончивый ответ. Доктор Роде любил янтарь. Нет никаких сомнений, что он пытался спасти Янтарную комнату. Но больше они не виделись. До Штрауса дошли только слухи о тайнике в Герлице. Но в Восточной Пруссии есть много других укромных мест.

Слухи. Возможно. Вполне вероятно. Если у Штрауса не было другой информации, зачем он четырежды обращался к советской военной администрации? Непонятно. Затем Штраус сообщил о бункере.

Кучумова заинтересовали эти сведения — он помнил рассказ Брюсова о Хофбункере. Роде упоминал об этом убежище в своем письме берлинскому начальству, но показал бункер Брюсову только после того, как профессор вытащил это письмо из огня. В 1946 году Брюсов поделился с Кучумовым своими опа-

сениями, что он не очень тщательно осмотрел бункер, отвлеченный Роде и историей о потерянных ключах. Могла ли Янтарная комната быть спрятана в Хофбункере? Штраус ответил, что там должны были храниться картины из Кенигсбергского музея. Это все, что он знал.

Где находится бункер? Кучумову требовался адрес. Штраус сказал, что либо на Ланге-Рахе, либо на Нассер-гарден — точнее он не помнит.

Мы вспомнили фразу из письма Казакова Кучумову: они отправят доктора в Калининград, и сопровождающий исследует это место, потому что или доктор действительно забыл, или притворяется. Вполне возможно, что Казаков имел в виду Хофбункер и непоследовательность Штрауса.

Защищаясь, Штраус принялся перечислять возможные убежища на территории Восточной Пруссии. Это были крепости, построенные в XIX веке: Врангель-Тор (*Wrangel Tor*), Розенгартен-Тор (*Rosengarten Tor*), Фридландер-Тор (*Friedlander Tor*). Теперь они использовались в качестве хранилищ. Кроме того, существовало помещение на главном железнодорожном вокзале. А также сейф рейхсбанка неподалеку от замка. А крепость в Пиллау — ее тоже использовали? Штраус ответил, что маловероятно, потому что она была переполнена ранеными. Возможно, замок Лохштадт...

А как же Хофбункер? Остальные места, о которых говорил Штраус, были уже исследованы в 1946 году, и там ничего не нашли⁷.

Кучумов спросил, не скрывает ли Штраус информацию об эвакуационных планах нацистов. Тот стал защищаться.

Штраус сказал, что спасал ценности. Он помогал укрывать книги из Кенигсбергской библиотеки и государственного архива в подвале замка Лохштадт. Шестьдесят пять футов под землей. С помощью пленного русского солдата они написали на куске ткани: «Русские культурные ценности, вскрывать в присутствии куратора». Ценности прятали и в замке Шлобиттен. Теперь он находится на территории Польши. Там хранили мебель и картины. Их доставили сотрудники Кенигсбергского музея. Возможно, они захватили с собой и некоторые музейные экспонаты.

Затем Штраус пошел на попятную, вероятно, сообразив, что подвергает себя опасности. Он сказал, что лично не присутствовал при этом и что эту информацию он получил от Гальмута Гельса из Гамбурга или от фрау Кломп, которая входила в состав комиссии по охране памятников. Опять имена. Опять противоречия.

Штраус попросил сделать перерыв, но Кучумов вернулся к вопросу о Хофбункере. Из Штрауса посыпались новые предположения, имена и названия мест. Замок Шлобиттен, родовое имение графа Алекса Дона-Шлобиттена. С ним нужно поговорить. Профессор Форингер из Галле говорил о том, что экспонаты из университета и самые ценные книги из Кенигсбергской библиотеки перевезли в замок Лангхейм неподалеку от Варстенбурга. С ним тоже следует побеседовать. Новые имена в списке свидетелей Кучумова. Ходили также слухи об эвакуации икон из храмов Кенигсберга в Тильзит (в настоящее время город Советск в Калининградской области), а также о вывозе некоторых ценностей в Цитен (Калининградская область) и на остров у побережья Самландского полуострова, название которого Штраус не мог припомнить.

Штрауса попросили сосредоточиться и вспомнить название, пообещав, что скоро дадут ему отдохнуть. Но Штраус сказал, что больше он ничего не знает. Все, что мог, он вспомнил.

И это говорил человек, настолько уверенный в себе, что не побоялся вступить в контакт с МГБ, организацией, которой боялись почти все немцы, а также предложить свои услуги в деле поиска Янтарной комнаты. Штраус обещал точные подробности и даже ответ на загадку, но, получив специальное разрешение на поездку и доставленный в закрытую военную зону Калининграда, он не сообщил ничего существенного. Поместив себя в центр событий и утверждая, что Янтарная комната не погибла во время бомбардировок 1944 года только потому, что он настоял на ее демонтаже, Штраус не смог сказать ничего конкретного о планах Роде относительно эвакуации комнаты, а также не знал ее последнего убежища.

Кучумов никак не мог понять, действительно ли Штраус ничего не знает, или он играет в опасные игры. В приложении к официальному протоколу допроса, который был отпечатан

позже, Кучумов писал о том, что в 1949 году по решению местных партийных и советских органов была создана большая авторитетная комиссия. В ее распоряжение предоставили сотни солдат и пожарных, а также передвижные генераторы и другое оборудование. В своих показаниях доктор Штраус подтвердил лишь то, что уже было известно из показаний других свидетелей и писем Роде. Он не назвал точного местонахождения Янтарной комнаты, хотя все надеялись, что ему известно гораздо больше.

Но и это еще не все. После того как комиссия решила организовать поиск в Калининграде, Штраус стал мешать проведению работ. Кучумов пришел к выводу, что он, как и Роде, хотя и по другим причинам, отвлекал внимание комиссии от груд кирпича в южной части замка, советуя искать в северном крыле, а также рекомендовал не торопиться с раскопками, пока не удастся найти точный план замка⁸.

Штраус рисковал, что его обвинят в серьезных преступлениях: растрате времени и ресурсов советского правительства.

Последний документ в конверте из Санкт-Петербурга лишь усилил наше недоумение относительно мотивов Штрауса. Перед нами лежал сложенный листок бумаги с не очень разборчивыми рисунками, а также картами, датами и географическими названиями.

На одной стороне листка читалась надпись: «Моему лучшему другу из Ленинграда. Искать в Хенкензискен! 7-19. XII.49»⁹.

Неровные буквы кириллицы явно свидетельствуют о том, что человек писал не на родном языке. Но даты очень интересные — с 7 по 19 декабря, когда Кучумов допрашивал Штрауса в Калининграде. Но насколько нам известно, об этой секретной миссии знали лишь генерал Зорин, Казаков и МГБ.

Большую часть листа занимает шарж, на котором изображен мужчина в маленьких круглых очках и в шляпе с полями с приколотой к тулье миниатюрной лопатой, заменяющей перо. Нос мужчины посинел от холода, а рядом с замерзающей фигурой имелось изображение термометра, столбик которого замер на отметке -10°C . В отличие от автора разрисованных поздравительных открыток Кучумову художник не был профессиона-

лом, но личность изображенного здесь человека не вызвала сомнений.

На рисунке Кучумов держит увеличительное стекло, под которым можно различить крупные неровные буквы, вновь складывающиеся в слово ХЕНКЕНЗИСКЕН. Вполне возможно, что это всего лишь неправильная транскрипция фамилии Фридриха Хенкензифкена, главного инспектора Кенигсбергского замка, одного из первых в списке исчезнувших немецких чиновников, который составил Кучумов. Интересно, кто напоминал куратору об этом человеке и зачем.

Рядом с ногами Кучумова на рисунке располагается мелкий набросок Рыцарского зала в северном крыле Кенигсбергского замка. Справа изображен глобус с увеличенными контурами Самландского полуострова и вновь слово «Хенкензискен». В правой части листа помещен загадочный рисунок: бородатый человек, плывущий среди облаков с прижатой к уху телефонной трубкой. На другом конце провода (вероятно, на земле) его слушает солдат Красной Армии, стоящий среди изображений Бранденбургских ворот, рождественской елки, бутылки с этикеткой

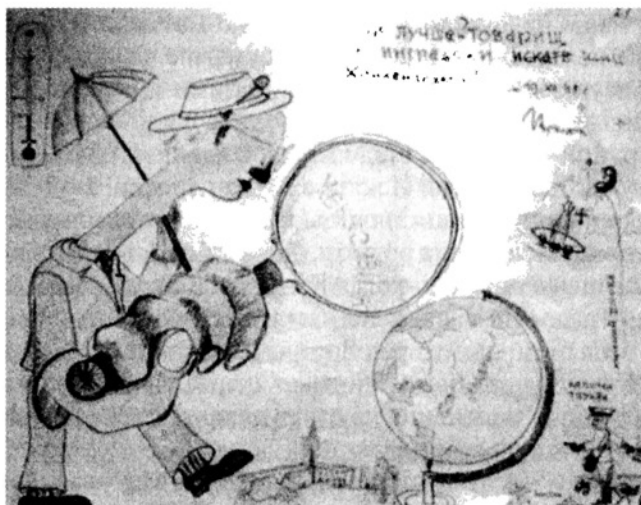

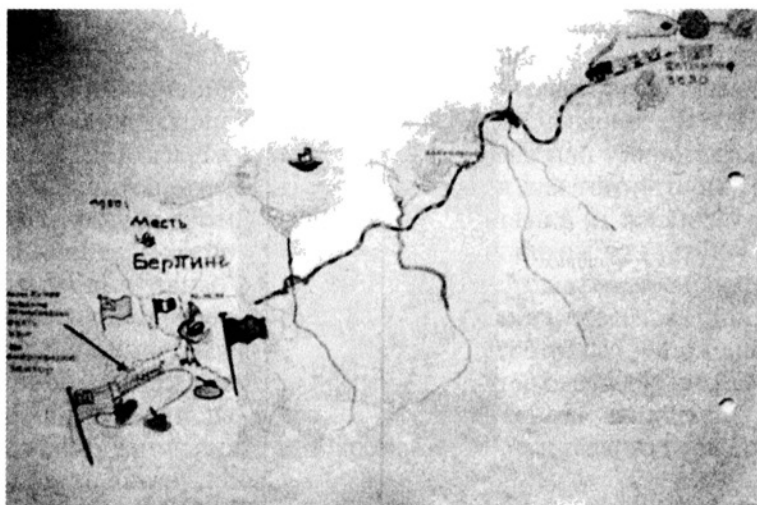
Рисунок с изображением Кучумова, разыскивающего Янтарную комнату при помощи увеличительного стекла

«Пиво», пистолета и цыпленка, над которым написана фамилия «ШТРАУС».

Советский военнослужащий (возможно, Казаков) в период рождественских праздников обсуждает с богом (возможно, это МГБ или Сталин) опасную ситуацию, в которую вовлечен цыпленок по имени Штраус.

На обратной стороне листка бумаги оказалась нарисованная от руки карта Балтийского побережья с железнодорожной веткой от Ленинграда до северных районов Германии, по которой пыхтящий паровоз тянет за собой состав — из Детского Села (Пушкин) по направлению к Калининграду и дальше в Берлин, разделенный на секторы, каждый из которых обозначен национальным флагом оккупирующих его войск.

Здесь опять изображен цыпленок по имени Штраус — в американском секторе. Рядом с его раскрытым клювом можно различить буквы, обозначающие кудахтанье. Сверху неровными русскими буквами написано слово «МЕСТЬ», которое можно интерпретировать либо как «место», либо как «мечь». Во втором случае становится понятной подпись, советующая луч-

Присланный Анатолию Кучумову набросок, на котором отмечены ключи к послевоенному местонахождению Янтарной комнаты

шему другу из Ленинграда обратить внимание на американский сектор Берлина. По мнению автора, именно там можно найти разгадку таинственной лжи.

Кто-то предупреждал Кучумова, чтобы он остерегался цыпленка по имени Штраус, который подвергал опасности жизнь других людей, чтобы сохранить бесценный секрет.

Кто-то был убежден, что Штраус лжет, несмотря на то, что он сам вызвался помочь советским властям. Чтобы понять, зачем Штраус затеял эту рискованную игру, нам нужен другой источник информации — объективный, который не попытается повлиять на наше видение ситуации и который может привести нас к Фридриху Хенкензифкену, главному инспектору Кенигсбергского замка. Таким источником не мог быть Стефан Штраус, пытающийся защитить своего отца.

Мы колебались. Материал, обнаруженный нашей знакомой в литературном архиве Санкт-Петербурга, можно было без преувеличения назвать сенсационным, и нам не терпелось посмотреть, что еще хранится в архиве. С другой стороны, нам позвонили из архивов Штази с сообщением, что наш запрос удовлетворен. Поэтому мы приняли следующее решение: мы остаемся в Берлине еще на две недели, а профессор поработает для нас в литературном архиве Санкт-Петербурга.

*Фридрих
Хенкензифкен*

Глава 7

Федеральное бюро, занимающееся архивами службы безопасности бывшей ГДР, имеет труднопроизносимое название Центральный архив при Федеральном уполномоченном по документам Министерства госбезопасности ГДР, и большинство людей называют его просто «министерство правды».

Мы прошли через стеклянные двери штаб-квартиры бюро в 10.30 утра, и нас встретила женщина охранник за бронированным стеклом: пропуск должен быть заполнен в трех экземплярах, никаких фотоаппаратов, магнитофонов и авторучек. В 10.50 мы вошли в кабинет чиновника, который занимался нашим запросом.

Из окон девятого этажа открывалась панорама города: справа — широкая Отто-Браун-штрассе с пятирядным движением упиралась в серую площадь Александерплац, бывший центр Восточного Берлина. Здесь 4 ноября 1989 года собралась полумиллионная демонстрация, освиставшая руководителя спецслужб ГДР Маркуса Вольфа, которого призвали умиротворить демонстрантов, ежедневно собиравшихся для того, чтобы выразить протест против вмешательства Штази в их жизнь¹.

Кабинет, в который нас привели, был похож на пустую коробку: голые стены, белый пластиковый стол и четыре пластиковых садовых кресла. Сидящая в одном из кресел женщина сверкала жемчугами, как китайская императрица, — по одной крупной жемчужине в каждом ухе, большое ожерелье на шее и тонкая нить на испещренном голубыми венами запястье. Она отрывисто заговорила, одновременно постукивая по столу сербристой авторучкой.

— Вы получили пропуска? — пометка в блокноте. — У вас есть аккредитация? — пометка в блокноте. — Рекомендации? — еще одна пометка.

И так далее, и так далее, пока она не заполнила все листы в пачке бумаг, которые нам выдали, прежде чем разрешить вход. «Министерство правды» славилось своими бюрократическими процедурами с запутанной сетью норм и правил. Мы надеялись, что вводная беседа не затянется надолго.

Чиновница взглянула на часы, и ее авторучка повисла над листом бумаги.

— К сожалению, вы еще не можете ознакомиться с документами. Я должна вам объяснить процедуру, — наша собеседница обращалась с нами, как с непослушными детьми. На часах было 11.15. — У вас трудное дело. В моем ведении находятся все документы, имеющие отношение к краже произведений искусства во времена нацизма и Штази; это требует обработки более миллиона документов нацистского периода и десятков миллионов документов Штази. А у меня только девять сотрудников. Каждую неделю со всех концов мира к нам приходят сложные запросы. Как ваш.

Восточногерманская спецслужба Штази начиналась, как маленькая копия абакумовского МГБ, и ей были переданы материалы старшего советского собрата, относящиеся к последнему периоду войны. Это был стартовый капитал, на основе которого следовало строить собственную разведку. Однако под руководством Эриха Мильке, который стал министром государственной безопасности в 1957 году, это ведомство пережило своего рода «марксистский митоз», и первоначальные отделы контрразведки, саботажа и подрывной деятельности разделились на многочисленные подразделения, превратившись в настоящую империю: пятнадцать директоратов, двенадцать департаментов, четыре секретариата, спортивный клуб «Динамо», полк имени Феликса Дзержинского, издательство, юридический институт, медицинское подразделение, а также четыре рабочие группы, одна из которых носила удивительное название центральная рабочая группа секретности. В пору расцвета Штази число ее сотрудников доходило до 91 016 человек, а число информаторов превышало 180 тысяч человек (один на шестьдесят два жителя ГДР)².

Документы МГБ, присланные нам из Санкт-Петербурга, содержали упоминания о трех допросах доктора Штрауса, кото-

рые имели место в Берлине в период с 1945 по 1949 годы. Копии протоколов этих допросов должны были храниться здесь, в «министерстве правды».

— Мы придерживаемся принципа «четырёх глаз», — чиновница продолжала говорить. Судя по отпечатанному бланку, вводная беседа подходила к концу. — Этот принцип предназначен для того, чтобы полностью предотвратить вторжение в личную жизнь. — Вряд ли стоило напоминать ей, что эти документы своим существованием обязаны именно вторжением в личную жизнь. — Поэтому в комнате, где находятся документы, всегда присутствуют как минимум двое наших сотрудников. Однако самих документов тут нет, только копии. Оригиналы хранятся там, где они и были — в другом здании, которое теперь принадлежит Федеральному уполномоченному по документам Министерства госбезопасности ГДР.

Все оригинальные документы Штази и нацистов находились в бывшем здании министерства в районе Берлин-Линхтенберг, в трех милях отсюда, запертые в стальные сейфы, специально изготовленные для хранения государственных секретов. Штази переехало в это здание на Норманштрассе, вытянувшееся на полтора квартала, в 1950 году. Чиновница в жемчугах начала засыпать нас статистическими данными: «Уложенные в одну линию, эти документы вытянутся на 112 километров... 46 500 метров микроплёнок, 360 000 фотографий, 600 000 негативов, 24 000 слайдов, 3850 видеозаписей, 730 киноплёнок и 100 аудиозаписей».

Истинные масштабы империи Штази стали известны лишь 15 января 1990 года, когда демократически настроенные сторонники недавно сформированного Гражданского комитета ГДР заняли огромное здание и проникли в архив. Там они нашли огромную механизированную картотеку личных дел граждан Восточной Германии. В подвале, под семью этажами самих папок с документами, находился огромный пустой зал, облицованный медными листами для защиты от электронного прослушивания. В этом помещении Штази планировала установить суперкомпьютер, позволяющий усилить тотальную слежку³.

— Мы лишь осуществляем контроль за чтением документов, — наша собеседница улыбнулась. — Нам запрещено посе-

щать центральный архив Штази — как и вам. Все решения, которые принимаются там, являются окончательными, — объявила она. — Папки, которые открыты для широкой публики, под охраной доставляются по Карл-Маркс-аллее на Отто-Браун-штрассе, где инспекторы вроде нас вновь подвергают их цензуре.

— Могу я быть с вами откровенной? — как будто раньше она что-то скрывала от нас. — Вы увидите только схему информации, поскольку в нашем распоряжении имеется только часть всех документов Штази. В нашем архиве хранятся только рассекреченные документы. «Глухие дела» вновь отправлены в хранилище. Дела ныне живущих людей или действующих агентов исчезли.

Штраус умер в 1984 году, за шесть лет до того, как перестала существовать Штази. Достаточно ли это времени, чтобы считаться «глухим делом»? А как насчет Кучумова (умершего в 1993 году)? А главный инспектор замка Хенкензифкен (который, по мнению автора загадочного рисунка, был важным источником информации для Кучумова)? Мы понятия не имели, жив он или мертв. Часы показывали 11.40.

— Даже то, что хранилось в архиве, попало в руки агентов в январе и феврале 1990 года.

На фотографиях в фойе «министерства правды» мы видели кабинеты и хранилища Штази в том виде, в котором их нашли: документы в почтовых мешках, которые отправлялись к тысячам нанятых агентами спецслужбы людей, превращавших листы бумаги в груды обрезков. Это первое, что видит любой пришедший в «министерство правды», и его недоумение усиливается плакатом в лифте, который рассказывает о том, как в небольшой деревушке под Нюрнбергом сотрудники ведомства пытаются восстановить документы из 15 тысяч мешков с обрезками. Подсчитано, что для завершения этой работы понадобится 375 лет.

— Теперь правила, — сказала чиновница. Часы показывали 11.50. — Ознакомление с документами регулируется соответствующим законодательным актом от 1991 года. В соответствии с разделом 32 я должна принять решение, не являются ли люди, сведения о которых вы запросили, «современными историче-

*Архивы
восточногерманской
тайной полиции
Штази, связанные
в стопки и готовые
к уничтожению,
январь 1990*

скими персонажами». Такие файлы доступны для изучения только в том случае, если не нарушаются интересы этих людей, — ее палец скользил по строчкам. — Поэтому я уберу всю информацию, которая не является необходимой для вашей работы. Я вычеркну все, что относится к третьим лицам. Вы не получите оригинальных документов, только фотокопии. Фотографии? Их вам предоставят только в том случае, если они находятся в открытом доступе.

Мы кивали, хотя все это казалось нам просто невообразимым. Это ведомство было создано для того, чтобы жертвы Штази имели возможность ознакомиться со своими делами, но, похоже, процесс мог занять всю оставшуюся жизнь.

— К сожалению, — мы надеялись, что инструктаж подходит к концу, — появились новые правила. — Мы вздохнули. — Недавно закон был изменен, и все документы, уже прошедшие цензуру, подлежат повторной проверке.

Бывший канцлер Западной Германии Гельмут Коль в 1991 году пытался добиться принятия закона об открытии архивов Штази. Но теперь тот же Коль высказывался за их закрытие. Признанный виновным в получении 900 тысяч долларов на ну-

жды партии ХДС и вынужденный уплатить штраф, чтобы избежать судебного преследования, Коль попытался ограничить деятельность федерального агентства, когда выяснилось, что документы Штази (в том числе расшифровки подслушанных телефонных разговоров в штаб-квартире ХДС) могут пролить свет на его деятельность.

В марте 2002 года суд постановил, что публикация файлов Штази явится вмешательством в частную жизнь Коля, в результате чего миллионам граждан бывшей ГДР, не имевшим частной жизни вообще, теперь гораздо труднее выяснить, кто следил за ними, как и почему⁴. При каждом запросе на ознакомление с личным делом его фигурант, даже если это бывший агент Штази, должен был давать разрешение на его открытие.

— Но вам повезло, — сказала чиновница. — Повторная цензура этих документов еще не началась, и у вас есть немного времени.

До отъезда в Санкт-Петербург оставалось двенадцать дней. Часы на руке нашей собеседницы показывали 12.10.

— Здесь вы найдете полезные ссылки, — она протянула нам через стол скоросшиватель формата А4.

Перед нами лежали четвертые копии документов, по которым прошелся жирный черный маркер, так что разобрать текст было почти невозможно. Дырокол вырезал из текста целые слова, а тот, кто делал последние копии, плохо выравнивал страницы, и приходилось догадываться, какое слово стояло в начале каждой строки. Кроме того, читать текст мешал жирный штамп самого федерального агентства. Он появлялся очень часто, и слова под ним становились почти неразличимыми. Цензор с черным маркером был не очень внимателен. На одной из страниц вычеркнутое имя ниже появлялось на семи строчках подряд. Две маленькие фотографии паспортного формата были закрашены черным маркером и напоминали маски Зорро. Единственный факт, который можно было сразу установить из этих документов, — материалы собраны или подготовлены агентом Штази с инициалами П. Э.

Тем не менее лежащие на столе документы оказались для нас полной неожиданностью. Несмотря на то, что на первом

листе дата была неразличима, из текста мы без труда вычислили год, когда происходили описываемые события. Это был не протокол допроса Герхарда Штрауса следователями МГБ, а собственноручно написанный им отчет о поездке в Калининград в 1949 году, предназначенный для доктора Пауля Ванделя. Теперь нам представилась возможность взглянуть на допрос в гостинице «Москва» с другой стороны.

Эта версия разительно отличалась от версии Кучумова. Штраус обвинял Кучумова в том, что после допроса тот держал его практически под домашним арестом. Он утверждал, что его задержали в Калининграде на несколько недель, пока советский коллега предпринимал неразумные попытки раскопок. Штраус писал, что «из-за минусовой температуры земля была твердой, как камень. Несколько дней потребовалось для того, чтобы расчистить дорогу для советского экскаватора через бывшие ворота Альбрехта. Он был слишком большим».

Штраус утверждал, что Кучумов так хотел найти Янтарную комнату, что вел раскопки наугад.

«Я говорил ему, что это бессмысленно без точных чертежей замка, которые я смогу найти в Берлине. Он кричал на меня и обвинял в том, что я хуже его знаю планировку здания, где проработал не один год. Это раздражало больше всего. Несколько дней было потрачено на раскопки мусора, покрывавшего остатки подвалов южного крыла. Я попытался объяснить ему, что здесь он найдет только обвалившиеся стены комнат, но он не верил мне, пока не увидел их сам⁵».

Здесь нет упоминания о слухах, о двойных агентах, нет списка имен и описания того, как Штраус пришел в замешательство от вопросов Кучумова. Но и Кучумов ничего не писал о недальновидных раскопках в разгар калининградской зимы. Мы не могли понять, кто из них говорит правду.

Значение фигуры Пауля Ванделя мы оценили лишь после того, как прочли его биографию. Поддерживавший коммунистическую партию Пауль Вандель бежал в Советский Союз в 1931 году. В Москве он был отобран для учебы в разведшколе,

куда попадали лишь самые талантливые. Вандель окончил университет марксизма-ленинизма, где познакомился со своим старшим немецким товарищем Вильгельмом Пиком. Во время войны он исполнял обязанности личного секретаря Пика, а в свободное время работал на антифашистской радиостанции, задача которой состояла в подрыве морального духа солдат вермахта. В июле 1945 года после возвращения руководства коммунистической партии Германии в Берлин лидер немецких коммунистов Вальтер Ульбрихт приблизил к себе Ванделя и Пика; Вандель стал министром образования, а Пик — первым президентом ГДР⁶.

Обращаясь к Ванделю, Штраус передавал свои соображения относительно Янтарной комнаты президенту Пику, а через него и Ульбрихту, генеральному секретарю правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Несмотря на то, что СЕПГ едва исполнился год, политбюро партии было озабочено судьбой Янтарной комнаты не меньше, чем советский Совнарком. Мы начинали понимать, какие политические силы стояли за продолжавшимися поисками Янтарной комнаты. Оставалось узнать, почему.

— Можно? — чиновница вернулась и теперь протягивала руку за папкой с документами. Часы показывали 12.30. — На сегодня все. Мы закрываемся.

На следующее утро в одной из стерильных белых комнат «министерства правды» нас ждала папка. Внутри находилась следующая порция прошедших цензуру — со штампами, вымаранными словами и отверстиями от дырокола — документов, причем автором всех был доктор Герхард Штраус. Миссия Штрауса в Калининграде была крайне неудачной, и нам казалось, что он уже не сможет внести существенного вклада в поиски Янтарной комнаты. Случайный свидетель, о котором со временем забудут. Однако в лежащих перед нами засекреченных документах, которые Штраус отправлял своему начальству, он излагает новые данные о Янтарной комнате. Тщеславие, наивность, предательство, высокомерие — какие бы мотивы ни двигали Герхардом Штраусом, но этот человек играл более важную роль в деле Янтарной комнаты, чем мы предполагали.

Первый документ в папке представлял собой еще один доклад, составленный Штраусом в 1950 году для доктора Пауля Ванделя. Штраус давал подробный анализ событий 1945 года. А событий произошло немало. Он сообщал, что 15 января 1945 года вернулся в Кенигсберг из поездки по замкам Восточной Пруссии и узнал о планах эвакуации произведений искусства из замка города. Во дворе замка он встретил доктора Роде с десятком рабочими в окружении наполовину упакованных ящиков, пуховых одеял и подушек. Штраус даже вспоминает фамилии кузнеца и плотника, нанятых для изготовления ящиков: Вейсс и Манн. Роде пожаловался, что эвакуация ценностей задерживается из-за его обязанностей лейтенанта фольксштурма (нацистское ополчение). Вместо того чтобы тайно увозить бесценные произведения искусства из обреченного города, он был вынужден рыть окопы.

Штраус вспоминал, что посоветовал Роде поторопиться, и особенно с эвакуацией Янтарной комнаты. Но Роде ответил, что комната представляет такую ценность для руководства нацистов, что он не вправе перевозить ее без разрешения обербургомистра города доктора Гельмута Вилля. Получить такое разрешение было крайне трудно. Затем Штраус уехал из города по делам службы и вернулся лишь в начале марта 1945 года, когда Роде уже исчез. Последнюю информацию о Янтарной комнате Штраус получил от одного из мелких клерков в кенигсбергском управлении министерства культуры Германии, который рассказал, что ее вывезли «куда-то к востоку от Герлица». Таким образом, мы нашли источник версии Штрауса о тайном хранилище в Герлице, которую он излагал в 1949 году в письме к майору Кунину, предлагая помощь в поисках Янтарной комнаты. Штраус писал: «В марте 1945 года я слышал, что Янтарную комнату должны были эвакуировать в какое-то место к востоку от Герлица».

Ни одно заявление Штрауса в 1949 году не было случайным. До своей поездки в Калининград он четыре года изучал судьбу Янтарной комнаты, используя документы из советского архива в Потсдаме, закрытой военной зоны на юго-западе Берлина, где хранились документы нацистов. Советская военная администрация собирала документы по всей Германии и сво-

зила их в специальный засекреченный архив. Чтобы получить доступ к ним, Штраус должен был предложить свои услуги в качестве переводчика и представить рекомендации от коммунистической партии. Мы не могли понять, почему человек, которому, по всей видимости, доверяли советские власти в Берлине, с презрением относился к своему коллеге Кучумову.

Штраус тщательно изучил нацистский план эвакуации Кенигсберга, и хотя его встреча с Кучумовым имела место лишь в декабре 1945 года, оба они работали над одной и той же версией — Янтарная комната не погибла в Рыцарском зале Кенигсбергского замка.

В досье, подготовленном для Ванделя в 1950 году, Штраус цитирует письмо от гаулейтера Коха к гаулейтеру Саксонии Мартину Мучману, датированное ноябрем 1944 года. В письме Кох сообщает, что вследствие ухудшения военной обстановки в Восточной Пруссии он направляет музейного работника в Дрезден, чтобы тот определил потенциальные места для хранения ценностей.

В 1944 году Саксония оставалась безопасным убежищем с целой сетью заброшенных шахт, пещер и средневековых замков, в которых можно было спрятать музейные сокровища. Кроме того, Саксония считалась воротами в Баварию и Австрию, где высшее руководство нацистов построило себе поместья; южная резиденция Гитлера «Орлиное гнездо» находилась именно здесь, в Берхтесгадене.

Следующий документ военного времени, о котором упоминалось в докладе Ванделю, это отчет человека, которого Кох назначил своим представителем, Гельмута Фризена, руководителя службы охраны памятников в Кенигсберге. Фризен прибыл в Дрезден 22 ноября 1944 года и встретился с Артуром Графе, руководителем Саксонского департамента государственных коллекций произведений искусства, науки, замков, парков и библиотек. Отчет об этой встрече, составленный Артуром Графе, сообщает, что они обсуждали «хранение невосполнимых сокровищ искусства, имеющих огромную ценность», одним из которых была «знаменитая Янтарная комната, подарок Фридриха Великого царю Петру III [именно так!], которая уцелела после ужасного воздушного налета на Кенигсберг»⁷.

Штраус подтверждал, что в ноябре 1944 года двое влиятельных чиновников министерства культуры Третьего рейха, действуя по поручению двух гаулейтеров, начали обсуждать вопрос эвакуации Янтарной комнаты, понимая, что Кенигсберг перестал быть безопасным убежищем.

По свидетельству Графе, подходящих убежищ в Саксонии было немного, и он рассматривал лишь шесть потенциальных кандидатов: замки Заксенбург, Крибштейн, Вексельбург, Альбрехтсбург, Аугустусбург и поместье Гроссграбе. 24 ноября Мучман разрешил использовать эти шесть замков для размещения произведений искусства из Пруссии, и Фризен вернулся в Кенигсберг.

1 декабря 1944 года Артуру Графе сообщили о приезде еще одного эксперта из Восточной Пруссии, который будет наблюдать за перемещением ценностей. Штраус нашел телеграмму из Кенигсберга на имя Графе, где было указано имя прибывающего специалиста — доктор Альфред Роде. Находки Штрауса в Германии соответствовали сведениям, содержащимся в документах, которые спас из огня профессор Брюсов в 1945 году, — в отчете о его поездке в Саксонию и в разрешениях на поездку.

Однако к моменту приезда Роде в Дрезден — 4 декабря 1944 года — замок Заксенбург к востоку от Хемница использовался в качестве центра испытаний биологического оружия. В Альбрехтсбурге под Мессеном хранились экспонаты Дрезденской галереи, в том числе знаменитая «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Рейхслейтер Мартин Борман, которого называли тенью Гитлера, потребовал, чтобы Аугустусбург, также расположенный неподалеку от Хемница, забрали под склады рейхсканцелярии, и теперь там хранились личные вещи Гитлера, в том числе его портреты, несколько роялей и мебель, принадлежавшая еще Отто фон Бисмарку. Поместье Гроссграбер под Каменцем тоже было заполнено музейными экспонатами из Дрездена. У Альфреда Роде оставался небольшой выбор: замки Вексельбург и Крибштейн.

Из отчета Роде о его поездке в Саксонию, проанализированного Кучумовым в 1946 году, нам известно, что 4 декабря 1944 года Роде и Графе проехали пятьдесят миль на запад от Дрездена, в самый центр долины реки Цвикауер-Мульде. До

войны эта тихая местность была популярна у немецких туристов, которых привлекали замки с башнями и крепости в скалах. Теперь она напоминала высшему руководству нацистов о несгибаемом характере союзников. Здесь располагался строго охраняемый лагерь для пленных офицеров, из которого сбежали 130 заключенных, сумев преодолеть семиметровые стены и спуститься по отвесной скале высотой 250 метров.

Впоследствии Графе вспоминал, что, когда они прибыли в Вексельбург, замок в стиле барокко, выстроенный рядом с 800-летней базиликой в 12 милях к югу от Голдица, в горах шел снег⁸. Монахи украшали церковь к Рождеству, и один из них провел Графе и Роде по замку. Роде попросил разрешения использовать «свободные помещения в церкви замка и [в самом замке], большой зал на первом этаже, а также пять или шесть других комнат». Несмотря на то, что для этого потребовалось переместить сотни семей беженцев, Графе приказал властям Рохлица реквизировать замок для «размещения муниципальных собраний произведений искусства из Кенигсберга».

В своем докладе Паулю Ванделю Штраус писал, что Роде и Графе покинули Вексельбург вечером, а затем направились в Крибштейн, готическую крепость, расположенную в двенадцати милях к востоку. В декабре 1944 года это путешествие должно было занять больше часа. Дороги были забиты, и Графе, по всей видимости, был удивлен количеством военных колонн, направлявшихся на Восточный фронт. По всей дороге были расставлены небольшие контрольно-пропускные пункты. Нетрудно представить себе эту картину: машину останавливают на заснеженной обочине, и дрожащие от холода часовые нетерпеливо ждут, пока из окна водителя им протянут документы, которые они внимательно изучают при свете фонарика.

Роде и Графе прибыли в Крибштейн около восьми часов вечера. Замок с 600-летней историей примостился на покрытом льдом утесе, нависающем над рекой Шопау, и при свете луны это было величественное зрелище. Судя по фотографиям, темные сводчатые коридоры замка были украшены оленьими рогами, а с потолка банкетного зала свисали длинные темно-красные знамена. Несколько комнат уже были заполнены музейными экспонатами из Дрездена. Тем не менее в замке еще остава-

лось место для «невосполнимых сокровищ искусства». В отчете, который представил Графе своему начальству (его нашел Штраус), сообщается следующее: «Четыре отапливаемых помещения в сторожке замка Крибштейн могут быть использованы под хранение городских собраний произведений искусства из Кенигсберга. Кроме того, герр Роде был бы рад получить банкетный зал для хранения крупногабаритных экспонатов из собраний Кенигсберга»⁹. К крупногабаритным экспонатам могла относиться и Янтарная комната, сообщал Паулю Ванделю Штраус, добавляя, что Роде выбрал удачное место. Рядом с замком Крибштейн находился небольшой завод, выпускавший детали самолетов. У завода имелась собственная железнодорожная ветка, соединявшаяся с государственной сетью железных дорог.

Подтвердив намерение нацистов эвакуировать Янтарную комнату в один из двух саксонских замков, Штраус затем попытался найти доказательства того, что эвакуация состоялась. Тем не менее он сообщал Ванделю, что нашел в Берлине всего лишь одно письмо, в котором упоминались эти два замка. Оно было отправлено чиновником железнодорожного ведомства управляющему замка Крибштейн и датировано 19 декабря 1944 года. В нем сообщалось о двух специальных железнодорожных вагонах, которые были отправлены из столицы Восточной Пруссии. Здесь Штраус делает оговорку. Вполне возможно, что в этих вагонах не было Янтарной комнаты — в противном случае содержание этого письма противоречит тому, что написал Роде 12 января 1945 года. Через три недели после того, как два спецвагона покинули Кенигсберг, Роде информировал начальство, что Янтарная комната по-прежнему находится в Кенигсберге в упакованном виде и ожидает эвакуации в замок Вексельбург.

Исследования Штрауса были прерваны поездкой в Калининград, где он скрыл от Кучумова практически все, что ему удалось найти в советских архивах. Возможно, как уроженец Восточной Пруссии и житель Кенигсберга, Штраус считал, что разгадать тайну Янтарной комнаты — это его обязанность, и надеялся, что вся слава и все награды достанутся ему одному. Не исключено также, что записи Кучумова были подвергнуты цензуре.

Как бы то ни было, лежащие перед нами документы из «ми-

нистерства правды» не оставляли сомнений в том, что после возвращения из Калининграда действия Штрауса были высоко оценены немецким правительством. В письме от Ванделя, датированном июнем 1950 года, содержится благодарность Штраусу, который «по собственной инициативе» старательно исследовал советскую зону оккупации в поисках пропавших ценностей, в том числе Янтарной комнаты. Правительство ГДР теперь официально поручало ему возглавить новое расследование судьбы Янтарной комнаты¹⁰. Таким образом, одновременно велись два параллельных расследования — гонка началась. Одно расследование возглавлял директор дворца-музея из Ленинграда, а другое — один из высших чиновников министерства культуры ГДР.

Документы из папки «министерства правды» свидетельствовали, что новое расследование Штраус начал с писем всем ювелирам ГДР — им предписывалось сообщить о любом появлении на рынке большого количества резных изделий из янтаря, начиная с 1945 года. Он искал свидетельства того, что Янтарная комната была привезена в Германию и разобрана.

Кроме того, Штраус распорядился обследовать 921 замок на территории новой республики, а также допросить всех их жителей.

Штраус получил разрешение лично возглавить расследование в Саксонии, куда Кучумов не смог попасть в 1947 году, потому что был занят сортировкой произведений искусства из Советского Союза на складах «Дерутра».

Отчет, направленный Штраусом Ванделю в июне 1950 года, подтверждает, что его первой остановкой стал замок Крибштейн, один из двух замков, отобранных Роде в 1944 году. Штраусу удалось то, о чем Кучумов мог только мечтать, — он обнаружил свидетеля. Штраус нашел музейного работника по имени Вольффрид Кунц, который рассказал, как замок Крибштейн, битком набитый произведениями искусства со всей Германии (в том числе и Кенигсберга), штурмовали части Красной Армии. Кунц сообщил Штраусу, что советский командир, штаб которого располагался в ближайшем городке Вальдхейме, немедленно вывез ценности, складированные в банкетном зале, сторожке и других помещениях. Кунцу приказали оказать помощь при вскры-

тии ящиков и сортировке их содержимого. Однако Янтарной комнаты среди них не было.

Но и это еще не все. Кунц рассказал Штраусу, что в июле 1945 года в Крибштейн прибыла специальная команда Красной Армии, которая провела новые поиски. Похоже, они знали о произведениях искусства, и Кунц утверждал, что слышал, как они говорили о Кенигсберге и ценностях из Восточной Пруссии. По свидетельству Кунца, они ничего не нашли. Штраус перевел фокус своих поисков в замок Вексельбург, исключив Крибштейн как возможное место хранения Янтарной комнаты.

В Вексельбурге он нашел престарелого католического священника отца Готфрида Фюсси, который на протяжении 30 лет прослужил в базилике. Фюсси подтвердил, что в декабре 1944 года он провел по замку доктора Альфреда Роде и музейного работника из Дрездена (Артура Графе), но больше ничего не знает. Графе приезжал еще раз перед самой капитуляцией Германии. Штраус писал: «Графе сообщил Фюсси, что транспорт из Кенигсберга не дошел. Железнодорожное сообщение было перерезано частями Красной Армии под Элбингом». По свидетельству отца Фюсси, следующими посетителями Вексельбурга были американские солдаты — в середине апреля. Штраус информировал Ванделя, что американцы нашли несколько ящиков, которые увезли с собой.

Штраус считал необходимым сообщить своему начальству один-единственный вывод. Разработанные высшим руководством нацистов планы эвакуации Янтарной комнаты в Саксонию были нарушены наступлением войск союзников и прекращением железнодорожного сообщения с Восточной Пруссией. Тем не менее с учетом значимости этих планов, а также того обстоятельства, что Янтарной комнате был присвоен статус «невосполнимой ценности», Штраус считал невозможным, что Янтарную комнату бросили в незащищенном Рыцарском зале разрушенного замка в центре осажденного города, судьба которого с каждым часом становилась все туманнее. Комната уцелела, спрятанная где-то в Кенигсберге.

В папке «министерства правды» имелся еще один документ, номер иллюстрированного журнала «Freie Welt» за июнь 1959 года. В этом журнале, издававшемся обществом германо-со-

ветской дружбы, публиковалась статья под названием: «Где находится знаменитая Янтарная комната?»

Статья начиналась словами: «Благодаря нашему гостю, профессору Герхарду Штраусу, директору факультета истории искусств университета им. Гумбольдта в Берлине, все граждане ГДР впервые получают возможность узнать правдивую и удивительную историю Янтарной комнаты».

Мы очень удивились, увидев, что Штраус собирается открыть своим согражданам сведения, которые до этого момента считались государственной тайной: «Секретные расследования, касающиеся судьбы величайшего сокровища Советского Союза». Штраус рассказывал читателям, что вопреки выводам, сделанным московским профессором Александром Брюсовым из Государственного исторического музея, Янтарная комната не погибла при взятии Кенигсберга. Она исчезла, и читателям «Freie Welt» предлагалось поделиться любой информацией, которая поможет советским товарищам найти национальное богатство.

Невозможно представить, чтобы такие откровения появились в печати без ведома Штази и КГБ. В таком случае вполне вероятно, что новоиспеченный профессор Герхард Штраус был либо советским агентом влияния, либо информатором Штази. Сеть интриг «холодной войны» очень трудно распутать.

Мы вновь обратились к документам из России. Пытаясь понять истинную природу взаимоотношений Анатолия Кучумова и профессора Герхарда Штрауса, мы запросили все материалы из архива ленинградского куратора, относящиеся к 1950-м годам. Из Санкт-Петербурга по почте пришел тонкий конверт. Наша знакомая писала, что не имеет возможности посещать архив так часто, как она рассчитывала. Кроме того, она сообщала, что директор архива намерена ограничить наши исследования — в нашем распоряжении есть еще шесть дней. Мы не могли немедленно вернуться в Санкт-Петербург, и поэтому оставалось надеяться лишь на нашу знакомую.

В конверте оказалась фотокопия альбома с вырезками, на котором крупными неровными буквами было написано: «ЯНТАРНАЯ КОМНАТА»¹¹.

В альбоме хранились газетные вырезки — вероятно, это была

Падение Кенигсберга, апрель 1945

одна из тех толстых книг, которые видел журналист заводской многотиражки Владимир Телемаков, посещавший квартиру Кучумова в Павловске.

Мы бегло просмотрели сообщения военного времени, а затем наткнулись на три длинные статьи из «Калининградской правды», советской ежедневной газеты. Мелкий шрифт и небольшое число фотографий и рисунков формировали спартанский облик газеты — как будто ничему не позволялось вклиниваться в сжатые строчки догмы, заполнявшей страницу за страницей, подобно машинному коду. Тем не менее в центре первой вырезки мы заметили фотографию разрушенного войной Кенигсберга и слова «Янтарная комната», и решили, что нужно перевести статью.

Заголовок статьи, написанной журналистом Владимиром Дмитриевым и датированной 6 июля 1958 года, гласил: «Поиски пропавшей Янтарной комнаты продолжаются»¹². Дмитриев сообщал читателям, что это первая из серии публикаций, в которых «граждане СССР впервые получают возможность узнать правдивую и удивительную историю Янтарной комнаты». Мы уже сталкивались с точно такой же фразой — только на немецком языке.

Дмитриев писал о том, что до этого момента считалось государственной тайной: о секретных расследованиях, касающихся судьбы величайшего сокровища Советского Союза, Янтарной комнаты из Екатерининского дворца. Он рассказывал читателям, что вопреки выводам, сделанным московским профессором Александром Брюсовым из Государственного исторического музея, Янтарная комната не погибла при взятии Кенигсберга; она просто исчезла. Через год те же самые утверждения повторил Штраус в «Freie Welt».

Репортер Дмитриев утверждал, что в декабре 1949 года он участвовал в сверхсекретной миссии по поиску Янтарной комнаты в Калининграде. Поиски были организованы обкомом партии по распоряжению Совнаркома. Дмитриев писал, что был очень взволнован: ему еще не приходилось участвовать в таком интересном предприятии. Каждый день они докладывали результаты поисков в замке в обком, а вечерами анализировали всю информацию, как будто это был сложный кроссворд. Мы убеждены, что Дмитриев рассказывал о той самой экспедиции, которой руководил Кучумов и для участия в которой был вызван доктор Штраус. Экспедиция была засекреченной.

Тем не менее Дмитриев писал о прикомандированных саперах и инженерах с насосами для откачки воды и генераторами, при помощи которых освещали развалины, а также подземные туннели и бункеры. Разглядывая крепости и поместья, он гадал, где может находиться Янтарная комната. Нас удивило, что Кучумов не упоминал о таком важном участнике событий, как Владимир Дмитриев, и мы поняли, что до сих пор наше знакомство с экспедицией в Калининграде было ограничено комнатой для допросов в гостинице «Москва», где встретились Кучумов и Штраус.

Статья в «Калининградской правде» свидетельствовала, что первоклассная команда, состоявшая из специалистов и партийных работников, шла по следу оставшихся в живых нацистов, которые знали координаты тайного убежища Янтарной комнаты. Дмитриев просил читателей поделиться с газетой всей известной им информацией. Особый интерес представляли такие личности, как Гельмут Вилль, Гельмут Фризен, Герхард Циммерман, Эрнст Галль и Фридрих Хенкензифкен. Не случайно,

что эти же имена исчезнувших немцев присутствовали в списке Кучумова и что один из них, Фридрих Хенкензифкен, был главным инспектором Кенигсбергского замка, который упоминался на загадочном рисунке, присланном Кучумову из Берлина.

Вторая статья в «Калининградской правде» была напечатана три дня спустя, 9 июля 1958 года. В ней Дмитриев сообщал, что первая попытка выяснить судьбу Янтарной комнаты, предпринятая в мае 1945 года под руководством профессора Брюсова, закончилась неудачей. Используя прозрачные псевдонимы главных действующих лиц, Дмитриев обвинял «Виктора Барсова» (Александр Брюсов) и «товарища Беляева» (Татьяна Беляева) в неаккуратности и в неспособности понять очевидное. «Барсов» был назван «бестолковым», поскольку не допросил главного свидетеля, директора музея Кенигсбергского замка Альфреда Роде. «Барсов» якобы не знал, что Янтарную комнату вывезли из Екатерининского дворца.

Это утверждение противоречит записям в дневнике самого профессора Брюсова, который отмечает, что главной целью его поездки в Кенигсберг является возвращение Янтарной комнаты и что основной источник информации — это Альфред Роде.

Затем Дмитриев утверждает, что «Барсов» столкнулся с Роде и его женой случайно, когда нанимал людей для поиска в замке других увезенных из Советского Союза ценностей, и что они получали такую же плату и такие же пайки, как и другие помощники. Журналист утверждал, что у Роде и его супруги была отличная работа и обеспеченная жизнь, но затем они исчезли.

От «высокопоставленного военного источника» Дмитриев узнал, что причиной смерти супругов Роде были не голод и не самоубийство. Их якобы отравили, чтобы они не смогли выдать тайну Янтарной комнаты. Дмитриев писал о том, что два найденные «Барсовым» свидетельства о смерти, в которых утверждалось, что Роде и его жена умерли от дизентерии, были поддельными, и что подписавший их врач, который производил вскрытие, вскоре исчез. Когда советские военные власти вскрыли могилы, чтобы произвести эксгумацию, тел там не оказалось. Дмитриев утверждал, что настоящая могила Роде до сих пор не найдена. Однако Брюсов в своем дневнике писал, что в июле 1945 года, когда он уезжал из города, Роде был еще жив.

Вторая статья Дмитриева заканчивалась признанием «Барсова», которое вызвало у нас изумление. Он говорил, что по профессии он историк и плохо разбирается в людях. Ему трудно определить настроение человека, понять, радуется тот или печалится, и это обстоятельство затруднило поиски ценностей.

Трудно поверить, что это говорит тот же человек, дневники которого мы читали. Либо «Барсова»/Брюсова заставили сделать это унижительное признание (по причинам, которые мы пока не могли понять), либо вся статья была фальшивкой.

Третий, и последний, материал «Калининградской правды», опубликованный 12 июля 1958 года, оказался коротким, но не менее сенсационным, поскольку в нем речь шла об измене. Корреспондент Дмитриев писал, что его источник в кругах военных рассказал ему о том, что некоторые советские музейные работники были предателями, сотрудничавшими с нацистами. Статья заканчивалась утверждением о том, что немецкие друзья и их помощники из Советского Союза знают тайну Янтарной комнаты, которая не сгорела, а также призывом к читателям присылать свои предложения в редакцию «Калининградской правды».

Статьи в «Freie Welt» и в «Калининградской правде» содержат одни и те же характерные черты и ошибки. В обоих материалах дочь Роде называется именем Илзе, а также утверждается, что она уехала из Кенигсберга в 1944 году, тогда как ее звали Лотти и она оставалась в городе вплоть до 1945 года. В обеих статьях приводится неуклюжее признание бестолкового «Барсова». И там, и там мы сталкиваемся с одинаковыми утверждениями, что Альфред Роде был убит, а Янтарная комната не погибла при взятии Кенигсберга. Отбросить эти статьи как фальсификацию мешает тот факт, что та же история была рассказана в газете «Советская Россия» от 21 июня 1959 года, а также в газете «Фронт» шесть дней спустя, а затем и в региональных выпусках «Правды».

После стольких лет молчания, последовавших за интервью Брюсова ТАСС 13 июля 1945 года, когда о судьбе Янтарной комнаты не было сказано практически ни слова, внезапно появляется абсолютно новая версия. Если сравнить все, что было опубликовано в этот период в Советском Союзе и ГДР, становится

очевидным, что это была спланированная кампания, направленная на опровержение слухов о том, что Янтарная комната погибла в Рыцарском зале Кенигсбергского замка в апреле 1945 года. Внимание общественности отвлекали от мыслей об утрате и направляли на нацистов, которые эвакуировали Янтарную комнату из Кенигсберга и увезли в неизвестном направлении. Поэтому нужно дать отпор изменникам и предателям, сплотиться и выследить этих нацистов, чтобы Янтарная комната вернулась в Советский Союз. Именно эту цель преследовала развернутая в печати кампания.

Мы нуждались в помощи — в идеале от тех, кто стоял у истоков этой истории. Впервые она появилась в «Калининградской правде», но когда мы позвонили в редакцию, нам ответили, что ничего не слышали о Владимире Дмитриеве. Нам посоветовали обратиться к одному человеку в Москве, который собрал базу данных на журналистов, и он сообщил, что у него не зарегистрирован человек с таким именем. Получалось, что «Владимир Дмитриев» — это, скорее всего, псевдоним, и мы вдруг подумали, что под этим именем мог скрываться Анатолий Кучумов, оппонент профессора Брюсова, которого направили в Калининград для организации повторных поисков Янтарной комнаты. Кучумов был заинтересован в дискредитации выводов своего предшественника. И тут мы впервые обратили внимание, что имя Кучумова отсутствует во всех статьях о его миссии в Калининград (все эти вырезки имелись в альбоме).

Как бы то ни было, Кучумов умер. Герхарда Штрауса тоже нет в живых. Журнал «Freie Welt» закрылся в 1991 году. И мы не попадаем в Россию в ближайшие десять дней. Однако во времена ГДР все публикации в прессе контролировались Штази, и поэтому мы связались с человеком из Восточного Берлина, который торговал информацией и который мог связать нас со старыми аппаратчиками.

Может ли он устроить встречу с бывшим редактором «Freie Welt»? «Нет, — отрезал он, — но есть другой человек, который способен вам помочь. У меня есть связь с бывшим подполковником Штази, который работал в отделе пропаганды. Заплатите, и я устрою встречу», — с этими словами он повесил трубку.

Говорят, что, если в сегодняшней Германии опустить нуж-

ное количество монет в телефон-автомат, он соединит вас с бывшим офицером Штази. Тем не менее мы были удивлены его звонку. Беседа была краткой и лишенной всяких околичностей. Собеседнику требовался псевдоним, и мы согласились называть его герр Штольц. Его интересовал предмет разговора. Мы не стали раскрывать его, а сказали лишь, что хотим поговорить о его специальности — государственной пропаганде. Он спросил наш адрес. Мы назвали наш номер в берлинском «Swissotel».

Разглядывая стеклянный атриум нашего отеля с высоты восьмого этажа, мы заметили мужчину средних лет в черном фетровом берете, мерившего шагами вестибюль. На ногах его были черные ботинки на «молнии». Он рассматривал минималистский интерьер с некрашеной сосной, мрамором и хромом, останавливаясь, чтобы потрогать бархатную обивку мебели кремового цвета, или склоняясь понюхать розовые лилии. При этом он внимательно оглядывал каждого, кто выходил из лифта.

Затем он ненадолго присел на диван рядом с баром; его ботинки образовали блестящую горку, замшевые перчатки устроились на гладкой коже сиденья. Через некоторое время он поднялся и вновь стал ходить по вестибюлю. Снова цветы. Он вставал и садился. Наклонялся и нюхал. Должно быть, это Штольц.

Мы позвонили портъе, и через несколько минут мужчина стоял у дверей нашего номера — водянистые голубые глаза, внимательно изучающие наши лица, аккуратная бородка а-ля Вальтер Ульбрихт.

Только после того, как мы заперли дверь номера, Штолц дал понять, что готов к разговору. Может ли он что-либо рассказать о статьях Герхарда Штрауса в «Freie Welt»? «Freie Welt» был учебником, ответил Штолц. Что он имеет в виду под словом «учебник»? Штольц не ответил на наш вопрос, но снял берет и замшевые перчатки. Пока он произносил небольшую лекцию об искусстве пропаганды и дезинформации, мы обратили внимание на его холеные розовые щеки и белые пальцы — такой уход обходится недешево.

Мы прервали речь Штольца. Нельзя ли немного конкрет-

нее? Может ли он рассказать нам о «Freie Welt»? А о Янтарной комнате?

Он взял берет и стал натягивать перчатки.

— Я ничего не знаю о Янтарной комнате. Вы заманили меня сюда под фальшивым предлогом? — выпалил Штольц. — Я думал, что мы будем говорить обо мне. О моем опыте. О моей карьере в отделе дезинформации в директорате иностранных дел Штази.

Мы попытались успокоить собеседника, который уже стоял в дверях. Уговорить его вернуться. Мы нуждаемся в вашем опыте, сказали мы. Нам интересна ваша карьера. Но нам также нужно понять истинный смысл статей в «Freie Welt». Не откажется ли он от чашечки кофе? Штольц немного успокоился. Мы показали ему установленную в номере кофеварку и нажали кнопку с надписью «Эспрессо». Из машины полился густой ароматный кофе. «Хорошо», — согласился «Штольц». Бывший офицер Штази, загипнотизированный подобной роскошью, вернулся на свое место у окна.

— Вы никогда не поймете «Freie Welt», если не поймете природу дезинформации, — сказал он, пробуя эспрессо. — Нашим учителем, разумеется, был Ленин.

Мы кивнули.

— И Сефтон Делмар.

Мы поинтересовались, кто такой Сефтон Делмар.

— Сефтон Делмар был гением в области дезинформации, — он неодобрительно зацокал языком. — Удивляюсь, что вы никогда о нем не слышали. Ведь это журналист вашей «Daily Express», — он опять отклонился от темы разговора, но на этот раз мы его не стали перебивать.

Штольц рассказал, как всех оперативников Штази из его директората в приказном порядке заставляли изучать двухтомную автобиографию Делмара, «Trial Sinister» и «Black Boomegang», в которой бывший шеф берлинского бюро «Daily Express» раскрывал свою двойную жизнь¹³. В 1940 году британское Управление спецопераций (SEO) наняло Сефтона Делмара, свободно говорившего по-немецки, для разработки методов ослабления морального духа вермахта. Делмар основал фальшивую немецкую радиостанцию «Soldatensender Calais», которая была хоро-

ша во всех отношениях, если не считать того, что трансляция осуществлялась из Ашдоунского леса в Суссексе, а вели ее офицеры британской разведки.

Главным героем радиопрограмм Делмара был воинствующий прусский консерватор, армейский офицер, которого немецкие радиослушатели знали как *Der Chef*, или Командир. Он был глубоко предан своей стране, но имел привычку откровенно высказываться по тем или иным политическим вопросам. Штольц вспоминал, как в одной из первых радиопередач Командир резко критиковал заместителя Гитлера Рудольфа Гесса, который за несколько дней до этого совершил перелет в Шотландию. Наш собеседник оживился. «При первых признаках кризиса Гесс схватил белый флаг и сбежал, отдав себя и нас на милость этому ублюдку, старому еврею с сигарой Черчиллю!» — процитировал Штольц, ставя на стол пустую чашку. — Заявление звучало вполне правдоподобно. Фальшивым был его источник».

Получается, что «*Freie Welt*» (мы знали, что это действительно был немецкий журнал) напечатал «липу» о Янтарной комнате, придуманную в Советском Союзе?

— Нет, — покачал головой Штольц. — Фальшивой была не сама история, хотя некоторые детали в ней могли быть преувеличены. Скрывался источник информации. Были получены новые данные о том, что Янтарную комнату эвакуировали из Кенигсберга и спрятали, но различные версии ее местонахождения противоречили друг другу.

— Планировалось широкомасштабное расследование. Но для полной уверенности властям требовалось найти людей, которые знали о Янтарной комнате, имели отношение к ее судьбе, но скрывались после войны. Им была нужна помощь в проверке своих гипотез. В сотрудничестве с нацистами, в грабежах и военных преступлениях обвинялись тысячи граждан ГДР, и Штази продолжала охотиться за этими людьми. Ни один человек по своей воле не откликнулся бы на просьбу о помощи, если бы она исходила от официальных властей. Но уважаемый восточногерманский ученый вроде Штрауса, бывший житель Восточной Пруссии, уже принимавший участие в поисках Янтарной комнаты и не боявшийся открыто говорить об этом,

вызывал доверие, и люди писали ему. После публикации этих статей в «Freie Welt» пришли тысячи писем.

И что же сообщили их авторы?

— Это не входило в круг моих обязанностей. Единственное, что мне известно, — «Freie Welt» передавала информацию на самый верх, генералу Эриху Мильке в комитет государственной безопасности, и вскоре Штази сформировало сверхсекретную группу по поиску Янтарной комнаты. Мне рассказал об этом руководитель группы полковник Сейферт, с которым у меня давние связи.

Может быть, полковник Сейферт хотя бы намекал, какие новые данные имеются у Штази?

— Нет. Я же сказал вам, что не занимался этой проблемой. Я работал в другом директорате. Но я помню строжайшие инструкции о взаимодействии с информаторами, которые приходят с сообщениями о похищенных произведениях искусства. Мы должны были немедленно направлять их к генерал-полковнику Бруно Битеру, который в 70-х годах был заместителем Мильке. И особенно если эти сообщения касались Янтарной комнаты. По всей видимости, генерал-полковник Битер серьезно занимался делом пропавшей Янтарной комнаты. Иногда к нам приходили вопросы, сформулированные его службой. Но я лишь выполнял свои обязанности. Задавал вопросы, которые мне приказали задавать.

Может быть, Штраус работал на Штази? Или был тайным советским агентом? Ведь история, которую он изложил, была придумана в Советском Союзе.

— Это мне не известно, — ответил Штольц. — Я никогда не встречался со Штраусом, но слышал о нем от других. Профессор пользовался уважением в верхних эшелонах руководства СЕПГ.

Может быть, Штольц сведет нас с полковником Сейфертом, генералом Битером или кем-то еще, кто был связан с группой, занимавшейся судьбой Янтарной комнаты?

Не ответив на наш вопрос, Штольц достал из кожаной папки тонкую книжку в дешевой мягкой обложке с изображением Янтарной комнаты и желто-белыми буквами: «Bernsteinzimmer Report».

*Книга
Пауля Энке
о поисках
Янтарной
комнаты,
изданная
в 1986 году*

— Вы это видели? Автор — крупнейший специалист ГДР по Янтарной комнате. Здесь масса информации.

Штольц бросил книжку на кровать и отвернулся к окну, принявшись разглядывать Курфюрстендамм. Опубликованная в 1986 году «Bernsteinzimmer Report» — ее автор вполне мог быть агентом Штази — считалась самой известной немецкой книгой, посвященной загадке Янтарной комнаты. Но книга давно разошлась, и мы впервые увидели один из ее экземпляров.

Мы спросили, не входил ли Пауль Энке в состав секретной группы Штази. Штольц нас не слушал; он стоял перед зеркалом, надевая черный фетровый берет. Мы пролистали книгу и увидели на форзаце дарственную надпись: «Моему товарищу [Штольцу]. С благодарностью, Пауль Энке». Значит, наш себе-

седник знаком с Паулем Энке? Нет ответа. Не можем ли мы побеседовать с самим Паулем Энке?

— Не думаю, — Штольц подавил смешок, прижав к губам обтянутую замшевой перчаткой руку. — Энке умер. Неожиданно. В относительно молодом возрасте. Мы все были шокированы. «Bernsteinzimmer Report» — это единственное, что он успел опубликовать.

— Верните мне книгу, — Штольц протянул руку. — Я должен идти. Нужно встретить дочь в аэропорту.

Он ушел, оставив после себя аромат дорогого мыла, но книга находилась в наших руках достаточно долго, чтобы мы успели прочесть фамилию издателя, Гюнтера Вермуша, а также эпиграф из Иоганна Вольфганга Гете, в котором говорится о том, что война и время уничтожают красоту нашего мира.

Глава 8

Мы обзвонили все букинистические магазины Берлина, специализирующиеся на литературе бывшей ГДР, но ни в одном из них не нашли «Bernsteinzimmer Report» Пауля Энке. В магазине на Акерштрассе нам посоветовали обратиться непосредственно к редактору Энке: «Гюнтер Вермуш. Он еще жив».

В телефонной книге мы нашли несколько человек по фамилии Вермуш. В конечном итоге в трубке раздался его усталый голос: «Вермуш, *ja, Bitte?*»

Нашу заранее подготовленную речь перебивало сухое покашливание. Человек на другом конце провода либо страдал какой-то легочной болезнью, либо был очень стар. Он опустил трубку на рычаг. Кашель, затем короткие гудки. Мы позвонили еще раз, назвали имя автора и стали ждать.

— Пауль Энке? *Scheisse. Nein, nein,* — и снова гудки.

Мы попробовали еще раз:

— Алло?

Молчание. Затем Вермуш выдал из себя несколько слов:

— *Sprehen sie Deutch?* Я не говорю по-английски. С 1992 года, — снова шелчок повешенной трубки.

Последняя попытка:

— *Guten Tag,* мы прилетели из Лондона...

В трубке послышался кашель, а затем хриплый шепот Вермуша:

— Как вас зовут? Ладно. Кто рассказал вам обо мне? Приходите через три дня в пять вечера. Не больше получаса, понятно? — произнес он и бросил трубку.

Мы вернулись в «министерство правды», где оставляли запрос на информацию о Пауле Энке, полковнике Гансе Сейферте и подразделении Штази, занимавшемся Янтарной комнатой. Мате-

риалы были еще не готовы. Через два дня нам сообщили, что обнаружено лишь одно личное дело. Поиск документов о подразделении Штази потребует больше времени, а с личным делом Сейферта мы не можем ознакомиться без его разрешения. Он еще жив.

На белом пластиковом столе стерильного читального зала нас ждала папка с личным делом Пауля Энке, номер KS404/82. Пачка бумаг толщиной с кирпич. С учетом того, что Энке был мертв, а Вермуш не проявлял желания к сотрудничеству, это было гораздо больше, чем мы могли надеяться. Здесь должна быть масса информации. На обложке книги Энке мы не видели ни биографии, ни фотографии автора. Не было также объяснения, каким образом он (так написано в аннотации) стал участником расследования судьбы Янтарной комнаты. Судя по толщине лежавшего перед нами личного дела, Энке пользовался повышенным вниманием Штази. Мы открыли папку, гадая, с кем нам предстоит познакомиться: с мелким информатором, который в свободное время увлекался поисками Янтарной комнаты, или судебным следователем, возглавлявшим организованное властями расследование.

На первых страницах были фотографии. Самый первый черно-белый снимок был приклеен к послужному списку полицейского и относился к 1950 году. Энке служил в народной по-

Пауль Энке, 1960

лиции ГДР. Мы увидели юного новобранца, гордившегося золотыми эполетами и пришитой к воротничку эмблемой. На следующей фотографии, сделанной десять лет спустя, Энке уже предстает в облике уверенного в себе чиновника — облегающий черный костюм, очки в массивной оправе. Возможно, он уже был полицейским в штатском. На последних снимках Энке — человек средних лет с редеющими волосами и слегка обрюзгшим лицом. У него нетипичный для жителя ГДР вид — спортивная куртка в яркую клетку, черная рубашка, не подходящий по цвету темный галстук и отрешенное выражение лица. Эта фотография, вероятно, сделанная в начале 70-х годов в фотостудии, появляется и в других документах папки.

За фотографиями шел рапорт майора Шмальфуса, начальника одного из отделов Штази, который, похоже, знал о Пауле Энке все¹.

Родился: Магдебург, 20 января 1925 года. Социальное происхождение: из рабочих. Майор Шмальфус писал, что «в родительском доме Пауль Энке получил протестантское воспитание и в 1931 году вступил в молодежную христианскую организацию»².

Бросил школу в тринадцать лет. Поступил на работу учеником токаря. Ранее политическое развитие: христианская молодежная организация и «Гитлерюгенд». Таким образом, Штази обнаружила серьезное черное пятно на прошлом; Энке, которое не могло не повлиять на его судьбу в ГДР, — участие в нацистском молодежном движении. Однако майор Шмальфус удовлетворился тем, что возложил ответственность на родителей юноши: «Вследствие негативного политико-идеологического влияния [дома] товарищ Энке в 1935 году стал членом «Гитлерюгенда», а в 1942 году ушел добровольцем на фронт».

В семнадцатилетнем возрасте Энке был отправлен сражаться ради отечества. Шмальфус писал: «Служил в фашистском вермахте в радиотехнической бригаде флота (1 мая 1942 — 8 мая 1945), младший капрал; часть дислоцировалась в польской Гдыне, в Киле на севере Германии и в Курляндии на Балтийском побережье. Не имеет наград».

Всю войну Энке прослужил в районе янтарного побережья Балтики, и именно этим может объясняться его интерес к Ян-

тарной комнате. Мы предположили, что он мог слышать о триумфальном прибытии Янтарной комнаты в Кенигсбергский замок, после чего весной 1942 года комнату открыли для посетителей.

Для младшего капрала Энке война закончилась 8 мая 1945 года, когда он сдался солдатам Красной Армии и был направлен, подобно сотням тысяч других немцев, в лагерь для военнопленных. Майор Шмальфус перечисляет лагеря, в которых побывал военнопленный Энке: «Советский лагерь 27/2, Москва (май 1945 — январь 1946), советский лагерь 7711, Ленинград (январь 1946 — май 1949), центральная школа 2041, Курск (с июня по декабрь 1949).

Центральная школа номер 2041. Должно быть, к июню 1949 года Энке убедил тех, кто держал его в плену, что он достоин реабилитации. В то время, как остальные сидели в лагерях до 1955 года, он провел шесть месяцев в центральной школе № 2041, где прошел курс политической подготовки. Там он, по свидетельству майора Шмальфуса, «работал токарем, слесарем, кузнецом и каменщиком». Мы забеспокоились. Похоже, Пауль Энке не очень подходил для секретного расследования судьбы Янтарной комнаты.

Майор Шмальфус позитивно отзываясь о поведении Энке в период пребывания в центральной школе: «Он впервые вступил в контакт с антифашистами в Ленинграде и стал членом антифашистского комитета, и поэтому после краткого курса обучения его назначили в пропагандистскую бригаду. Товарищ Энке продемонстрировал хорошее знание теоретических основ марксизма-ленинизма»³.

Возможно, Энке не обладал блестящим умом, но приспособившись он умел. Он понял, что должен измениться, чтобы найти место в новом мире, который быстро рос вокруг него. Майор Шмальфус писал: «Товарищ Энке пришел к осознанию того, что политические взгляды, которые он исповедовал раньше, являются неверными. Это осознание и его теперешнее мировоззрение привели к разрыву с родительским домом, но товарищ Энке ставит политическую верность на первое место». Энке вернулся с войны другим человеком, готовым осудить своих родителей и свою религию. «Вопреки воле родителей [Энке] по-

рывает с протестантской церковью», — отмечает майор Шмальфус. Из его записей начинает проявляться личность человека, решившего сделать карьеру на государственной службе.

Но как сложилась жизнь Энке после плена? «Поступил на службу в народную полицию ГДР (25 января 1950), Магдебург». Вероятно, именно тогда была сделана первая фотография Энке — в полицейском мундире. Старший советник Бар, директор школы полиции, написал о нем блестящий отзыв, датированный 23 октября 1953 года: «Товарищ Энке обладает классовым чутьем и хорошо развит. Благодаря упорной работе над собой он в конечном итоге станет хорошим пропагандистом... Ничего предосудительного или подозрительного в его поведении не замечено»⁴.

В 1952 году Энке получил повышение и стал старшим советником. Его начальник писал: «Энке отличается здоровой амбициозностью и стремится должным образом исполнять свои обязанности, жертвуя ради этого свободным временем... Боевой дух Энке особенно проявляется в дискуссиях на серьезные темы»⁵. Мы явственно ощущали, как мужает Энке, жаждущий успеха и знаний.

Пять лет спустя, 1 апреля 1957 года, Энке был откомандирован в Потсдам, в министерство внутренних дел, где он должен был «заниматься подготовкой семинаров для работников отделов кадров и учителей». Энке получил диплом юриста, закончив академию им. Вальтера Ульбрихта, расположенную в районе Потсдам-Бабельсберг. Диплом Энке украшает новый герб ГДР, созданный на основе советского герба — молоток и компас в окружении полумесяца из снопов ржи — и символизировавший союз трех общественных классов социалистической Германии, рабочих, интеллигенции и крестьян. Бросивший школу тринадцатилетний подросток прошел долгий путь.

В рукописном отчете, приложенном к файлу, сообщалось, что Энке стал использовать свое пребывание в Потсдаме, чтобы получить доступ к архивам военного времени, и тратил выходные на собственные исследования, «превратившиеся в хобби». Строчки о том, что Энке интересовался «похищением фашистами Янтарной комнаты», заставили наши сердца учащенно

Архивы Штази

забиться. В отчете указывалось, что он сделал «серьезные открытия» и обнаружил важные архивные документы⁶.

Чиновница в жемчугах из «министерства правды» объявила, что недавно в ее распоряжение поступили 12 000 страниц из архивов Штази, имеющих отношение к Янтарной комнате. Нам это интересно? Конечно, сказали мы. Эти файлы считались пропавшими в 1991 году и не подвергались должному анализу. Пропавшие, а затем найденные? Мы очень удивились.

— Документы хранились в государственном архиве в Кобленце. После *die Wende* их отправили не в тот архив, — спокойно объяснила собеседница. — Я всегда считала, что они уничтожены. Но они просто лежали в укромном уголке и ждали, пока я их верну. Архивы обычно тщательно охраняют свою территорию, — чиновница лучезарно улыбнулась. — Вам очень повезло.

Вошедший ассистент положил на пластиковый стол пухлую папку. Одну из тридцати.

— Закончите эту, а потом запросите следующую, — с этими словами чиновница удалилась, оставив нас наедине с горой бумаг. Нас предупредили, что в нашем распоряжении есть лишь несколько дней, — затем документы закроют и подвергнут цен-

зуре в соответствии с решением суда по делу Коля. Работать следовало быстро.

Среди первых же документов папки мы нашли ссылки на исследования Энке в Потсдаме. Неизвестно, правда, отдал ли он материалы добровольно, или они были конфискованы Штази.

Среди них был рукописный отчет, написанный твердым наклонным почерком самого Энке. Начинался он с пространных рассуждений о разграблении немецкими фашистами культурного наследия Европы, по своей жестокости превосходившем то, что творили персы в Вавилоне, римляне в Афинах или крестоносцы в Константинополе. По мнению Энке, самой болезненной потерей был вывоз Янтарной комнаты⁷.

Энке подкрепил свое утверждение доказательствами. Он продемонстрировал, что разграбление Европы и похищение Янтарной комнаты были тщательно спланированы. Нацисты планировали захват Восточной Европы еще в 1933 году, пишет он. Они собирали информацию о восточноевропейских музейных собраниях через организацию, которая называлась Германской службой научного обмена. Для музейных работников из СССР предлагались бесплатные экскурсии, конференции и семинары, а немцы, родившиеся в странах Балтии, отправлялись для составления списков их коллекций. Даже во время переговоров Молотова и Риббентропа по разработке пакта о ненападении, согласно которому Литва, Латвия и Эстония становились республиками в составе Советского Союза, эта группа шпионов составляла для Гитлера каталог музейных ценностей⁸.

15 ноября 1940 года руководитель группы доктор Нильс фон Хольст, специалист по искусству Востока и глава отдела внешних сношений государственных берлинских музеев, издал секретный циркуляр, в котором директорам всех музеев страны предписывалось указать «изолированные [иностранные] экспонаты, которые по различным причинам могут стать украшением немецкого культурного наследия». В мае 1941 года Нильс фон Хольст был в Москве, пытаясь убедить директора музея им. Пушкина Андрея Губера, чтобы тот разрешил ему осмотреть запасники музея — под предлогом покупки шедевров живописи. Энке писал, что то же самое Нильс фон Хольст пытал-

ся проделать и в Ленинграде. Можно только догадываться, встречался ли он с Кучумовым и видел ли он Янтарную комнату.

Доктор Хольст еще описывал свои находки в Советском Союзе, когда 22 июня 1941 года началось осуществление гитлеровского плана «Барбаросса». Два дня спустя он представил перечень «наиболее значительных собраний культурного наследия в странах Балтии» доктору Гансу Поссе, который в то время был директором Дрезденской галереи и, что более важно, главным советником Гитлера по вопросам искусства⁹. Энке нашел приказ об отправке списка ценностей в штаб 18-й армии, откуда они были разосланы командирам немецких частей, наступавших на Ленинград.

1 сентября 1941 года доктора Хольста вновь направили в Советский Союз — сначала в Смоленск, только что захваченный немецкой группой армий «Центр», с заданием помочь в организации штаб-квартиры ведомства Розенберга, занимавшегося вывозом культурных ценностей. 26 сентября Хольст был на фронте в составе подразделений группы армии «Север», базировавшихся в районе Екатерининского дворца. В письме от 26 сентября за подписью адъютанта Гитлера ему вменялось в обязанность сохранение «произведений искусства [из царских дворцов] Красного Села, Петергофа и Ораниенбаума, а затем и Петербурга»¹⁰. Наш скепсис постепенно сменился удивлением от того, как Энке удалось проследить путь нацистского эксперта до самого Екатерининского дворца.

Далее Энке сообщает, что ему удалось отыскать копию списка Хольста, который прилагался к распоряжению Гитлера, датированному июлем 1941 года и касавшемуся первой партии произведений искусства, подлежащих вывозу с Востока. Однако здесь нас ждало разочарование. Янтарной комнаты в списке не было.

Но Энке был неутомим. Он рылся в архивах, пока не нашел второго списка, составленного для министра пропаганды Иозефа Геббельса Отто фон Кюммелем, 77-летним директором государственных берлинских музеев и непосредственным начальником доктора Хольста¹¹. Список содержал все произведения немецкого искусства, вывезенные за границу после 1500 года и подлежащие возвращению. В нем важное место занимала

Янтарная комната. Если Энке не ошибался, то похищение Янтарной комнаты было спланированным актом. Тот, кто разрабатывал план ее вывоза, вполне возможно, занимался и укрытием шедевра в 1945 году.

Энке сообщал, что все произведения из списка Кюммеля следовало возвратить в немецкие города, где они изначально находились, или разместить в городе Линце, в Музее фюрера и Арийском культурном парке, построить который поручили архитектору Гитлера Альберту Шпрее. Парк предполагалось разбить на берегу Дуная в окрестностях Линца, города, где провел детство фюрер.

Энке нашел дневники боевых действий 18-й армии с записью от 29 сентября 1941 года, которая, как он утверждал, доказывала, что демонтаж Янтарной комнаты проводился под наблюдением высшего руководства нацистов: «16:00. Ротмистр граф Сольмс из ставки верховного главнокомандующего, который был направлен для составления описи произведений искусства в царских дворцах, просит защитить от разрушения царский дворец в Пушкине... В настоящее время он находится в непосредственной близости от линии фронта и подвергается опасности в результате неосторожных действий наших войск»¹².

Энке разыскал архивы 50-го корпуса, в котором служил Сольмс, и нашел в журнале боевых действий следующую запись: «14 октября 1941 года. Красногвардейск. Отправка произведений искусства, спасенных ротмистром графом Сольмсом и гауптманом Пенсгеном в Гатчине и Пушкине, в том числе стеновых панелей Янтарной комнаты из пушкинского дворца в Кенигсберг».

Из архивов времен войны, хранившихся в ГДР, Энке узнал, что полное имя ротмистра было граф Эрнст-Отто цу Сольмс-Лаубах и что он был аристократом из Франкфурта-на-Майне и бывшим музейным куратором. За неделю до приезда в Пушкин граф был в Петергофе, где руководил вывозом фонтана «Нептун», который присутствовал в списке произведений искусства, составленном для Геббельса Отто Кюммелем. Гитлер лично потребовал, чтобы «Нептун» вернулся в Нюрнберг, где его отлили в середине XVII века¹³. Если в Петергофе Сольмс действо-

*Граф Эрнст-Отто
цу Сольмс-Лаубах*

вал по поручению Гитлера, то, по мнению Энке, и в Екатерининском дворце он мог выполнять указания фюрера.

Таким образом, вывоз Янтарной комнаты осуществлялся по приказу высшего нацистского руководства, но кто отвечал за нее в Кенигсберге? Вполне возможно, писал Энке, что это был рейхсмаршал Геринг, рейхсфюрер СС Гиммлер, рейхслейтеры Ламмерс и Борман, Розенберг или министр иностранных дел Риббентроп — каждый из них использовал свое положение, чтобы собрать большую коллекцию награбленных произведений искусства¹⁴.

Как бы то ни было, Энке сосредоточил свое внимание на Альфреде Розенберге, и ему удалось выявить ряд интересных фактов¹⁵. Розенберг происходил из прибалтийских немцев и родился в столице Эстонии Таллине. Сын сапожника, он поехал учиться в Петроград, и, по мнению Энке, именно там он впервые услышал о Янтарной комнате. В 1917 году он бежал из Петрограда, разделив судьбу 600 тысяч участников белого движения, эмигрировавших в Германию. Там он присоединился к контрреволюционным отрядам «Friescorps», которые сдерживали натиск большевиков. После роспуска «Friescorps» его ветераны поддерживали тесную связь через союз балтийских немцев, ветеранской организации, ритуалы которой основывались на норвежских и тевтонских мифах, рассказывавших о героизме и самопожертвовании. Многие члены союза, в том числе Розенберг, жили в Мюнхене, где они организовали псевдоинтеллектуальный кружок во главе с Гитлером и тайное общество «Туле», провозгласившее существование мифического острова, кото-

рый служил источником янтаря. Этот остров был затерян среди далеких северных льдов, а его языческое население исповедовало принципы могущества силы и верности.

Настойчивость и упорство Энке, проводившего все выходные в архивах Потсдама, принесли плоды. Он выявил человека из высшего нацистского руководства, который не только отвечал за вывоз произведений искусства, но и явно был связан с культурой Балтийского побережья, где был создан этот шедевр.

18 ноября 1941 года Альфред получил еще один пост, став главой министерства оккупированных восточных территорий. Лондонская «Times» так откликнулась на это событие: «Розенберг является советником Гитлера в делах Востока... Розенберг, ненавидящий все русское, вне всякого сомнения, будет проводить политику беспощадной жестокости». Единственный регион Советского Союза, который планировалось оставить в целостности и сохранности, это республики Балтии. По заявлению Розенберга, эти территории «еще 700 лет назад были завоеваны немецкими рыцарями»¹⁶.

Энке проследил за расширением ведомства Розенберга, занимавшегося вывозом произведений искусства, — щупальца этой организации проникали во все захваченные города. В Литве штаб-квартира организации располагалась в Каунасе, в Латвии — в Риге, а в Эстонии имелись два офиса, в Таллине и в Тарту. В Белоруссии управление всеми операциями осуществлялось из Минска, а на Украине действовало четыре отделения — в Чернигове, Днепропетровске, Харькове и Херсоне. Команда Розенберга также развернула операции на Кавказе, в Крыму и в самой России, где произведения искусства вывозились из регионов, расположенных западнее Москвы: из Пскова, Смоленска, Ворошиловграда и Воронежа. Подчиненные Розенберга были везде.

Однако вся эта информация представляла лишь чисто научный интерес — до тех пор, пока Энке не обнаружил упоминание о самой Янтарной комнате. 28 апреля 1944 года доктор Нерлинг из рижского отделения сообщал в министерство Розенберга в Берлине о «произведениях искусства, спасенных от уничтожения в результате боевых действий группы армий «Север» [в октябре 1941 года]»¹⁷.

Доктор Нерлинг писал: «[Ротмистр Сольмс] отправил пять железнодорожных вагонов в Кенигсберг... через станции Сиверская, Луга, Псков и Рига... Среди отправленных ценностей были Янтарная комната, а также ценная живопись и мебель...»¹⁸ Энке предположил, что если Главная рабочая группа Розенберга «Ост» отвечала за доставку Янтарной комнаты в Кенигсберг в 1941 году, то она же могла заниматься транспортировкой комнаты и в 1945 году, когда Кенигсберг пал.

На этом документ обрывался.

* * *

Мы вернулись к личному делу Энке. Судя по тому, что мы успели прочитать, Энке все свое свободное время посвящал расследованию, и поэтому мы очень удивились, узнав, что в это же время он женился (в 1950 году, жену звали Клара) и воспитывал дочь (Соя, 1952 года рождения). Неизвестно, правда, оплакивал ли он смерть родителей, с которыми не поддерживал отношения (Клара умерла в 1958 году, Пауль — в 1959-м).

В 1962 году, через год после возведения Берлинской стены, когда начала возводиться вторая стена, параллельная первой, Энке столкнулся с серьезными трудностями, которые грозили положить конец и его увлечению поисками Янтарной комнаты, и его карьере. Реорганизация в министерстве внутренних дел оставила его не у дел — должность заместителя департамента обучения административных работников была упразднена. 17 сентября 1962 года, через месяц после того, как был застрелен подросток из ГДР Петер Фехтер и весь мир обошли фотографии юноши, истекающего кровью на глазах пограничников ГДР, Энке разработал план собственного спасения.

Следующий документ сообщал, что он шпионил за своими коллегами из министерства внутренних дел и студентами. Подполковник Штази Хат писал, что Энке «без колебаний» доносит на своих коллег и при этом сохраняет объективность. «В этой связи следует отметить, что между товарищем Энке и министерством государственной безопасности всегда поддерживалась тесная связь...»¹⁹ Мы удивлялись, почему чиновнику невысокого ранга из министерства внутренних дел был разре-

шен неограниченный доступ к важным документам военного времени. Теперь стало ясно, что этому способствовали тесные контакты со Штази.

Подполковник Хат продолжает: «В конце [нашей беседы] товарищу Энке был задан вопрос, готов ли он к еще более тесному сотрудничеству с министерством государственной безопасности. Он заявил о своей согласии». Энке предложили составить список родственников, которые подлежали проверке, прежде чем его примут в штат Штази. Он также подписал обязательство не разглашать содержание беседы. В этом эпизоде Энке проявил себя как человек, готовый ради собственного благополучия пожертвовать семьей и друзьями.

Берлинская стена укреплялась минными полями и ловушками из колючей проволоки, а Энке поднимался все выше по лестнице предательства, превращаясь из рядового «стукача» в преданного информатора. Его прикомандировали к директорату XX, подразделению Штази, которое отвечало за вербовку информаторов и поддержание связей с ними: камеры в стволах деревьев, автомобильных фарах и дверцах, микрофоны в спичечных коробках, оставленных не прикроватных столиках. Большинство информаторов соблазняли обещанием материальных благ; в то время зарплата в ГДР была мизерной, и для таких, как Пауль Энке, высокая оплата стала веским основанием для добровольных доносов.

Все информаторы секретных служб ГДР делились на категории: неофициальный сотрудник (IM), или обычный сплетник, живший по соседству; штатный неофициальный сотрудник (NIM), главный осведомитель, который находился в непосредственном контакте с лицом, взятым под наблюдение, — это мог быть лучший друг или жена; неофициальный сотрудник «политико-оперативного проникновения и обеспечения с кругом ответственности» (IMS) — пышное название для начальника или секретаря, ответственного за эволюцию политических взглядов товарищей по работе. Правда, несмотря на эту классификацию, сотрудники Штази называли своих добровольных помощников уничижительным словом *spitzel*, которое можно перевести как «шпик».

В декабре 1962 года все оставшиеся члены семьи Энке про-

шли проверку на благонадежность, и прикомандированный к отделу пропаганды Штази офицер, капитан Шлип, посетил его на дому²⁰. Шлип писал в своем отчете: «Энке спросил, на какое жалование он может рассчитывать... Он заявил, что не надеется на то, что ему будут платить столько же, сколько он получает в настоящее время, 1800 восточных марок в месяц. Нижеподписавшийся [капитан Шлип] сообщил, что если он согласится работать на нас, его чистый доход составит около 1200 остмарок в месяц». Пауль Энке стал неофициальным сотрудником Штази в первые дни нового 1963 года²¹.

Следующий документ, датированный 5 октября 1964 года, сообщал, что Энке принят в Штази в качестве постоянного сотрудника на подполковничью должность с обязанностями главы департамента в директорат наблюдений и расследований (НА VIII, подразделение 8). Таким образом, у нас имеются неопровержимые доказательства того, что через несколько лет после начала частного расследования автор «Bernsteinzimmer Report» стал штатным агентом Штази.

Энке, которому был присвоен личный номер 011-747, произнес стандартную клятву сотрудника госбезопасности, поклявшись «защищать рабочих и крестьян», «всегда быть преданным нашему отечеству, ГДР», отдать жизнь «делу защиты от любого врага» и «беспрекословно подчиняться командованию». Он пообещал «всегда и везде» вставать на защиту республики и ее министерства государственной безопасности²². Мы вернулись назад, к фотографии целеустремленного чиновника в облегающем черном костюме и в очках в массивной оправе. Это был официальный портрет человека, который вскоре станет безликим.

В 1968 году он завершил специальную подготовку, и в его цензе прохождения службы появилась запись: «Доктор Пауль Энке, историк». В 1970 году он стал офицером отдела специальных операций²³. Ему придумали новую легенду, и под именем доктора П. Колера он вступил в должность старшего сотрудника Центра документации управления государственных архивов министерства внутренних дел в Потсдаме. «Он вел обычную жизнь (участвовал во всех вечеринках, а также важных событиях, имеющих отношение к службе)». Энке вернулся в архивы, только уже на гораздо более высокую должность²⁴.

Его восхождение по социальной лестнице завершилось: токарь, радиотехник, информатор, историк, шпион. Теперь единственная забота Энке — произвести впечатление на могущественную организацию, в которой он работал.

На пластиковом столе «министерства правды» перед нами лежала следующая папка материалов, связанных с группой поиска Янтарной комнаты. Она начиналась с газетных вырезок военных лет, собранных подполковником Штази Паулем Энке, известным также под именем доктора П. Колера, старшего сотрудника Центра документации управления государственных архивов министерства внутренних дел в Потсдаме.

12 апреля 1942 года главный редактор берлинской «Lokal-Anzeiger» сообщал о церемонии открытия Янтарной комнаты в Кенигсберге. Церемонией руководил капитан Гельмут фон Ведельштадт, помощник гаулейтера Восточной Пруссии. В статье ничего не говорилось о том, что свои поздравления прислали Гитлер, гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох и Альфред Розенберг²⁵.

В «Pantheon», иллюстрированном немецком дайджесте, посвященном событиям в мире культуры, Энке разыскал статью, датированную октябрём 1942 года²⁶. Статья была написана директором музея Кенигсбергского замка Альфредом Роде, но не давала ответа на вопрос, в чьем ведении находилась Янтарная комната в период пребывания в Кенигсберге. В ней роль доктора Роде представлялась совсем не такой, как в рассказе Герхарда Штрауса.

Во время допроса в декабре 1949 года Штраус сообщил Анатолию Кучумову, что доктор Роде никогда не был нацистом и что его политические взгляды (если таковые вообще были) можно характеризовать как левоцентристские. Однако в «Pantheon» Роде называл Янтарную комнату «памятником культуры Пруссии», который был спасен от уничтожения в результате дальнейшего наступления в районе Ленинграда после «почти невероятной череды побед» немецкой армии. (С другой стороны, у Роде просто не было выбора — он был обязан дополнять свой рассказ такими патриотическими сентенциями.)

Назвав разрушение и разграбление ленинградских дворцов

«неизбежным следствием войны», Роде сообщает, что под руководством капитана Сольмс-Лаубаха семь человек из строительного батальона в течение всего 36 часов выполнили важную работу по демонтажу янтарных панелей со стен дворцового зала.

Тридцать шесть часов. Мы не верили своим глазам — за полтора дня нацисты разгадали сложную янтарную головоломку, которая Анатолию Кучумову казалась неразрешимой. Мы вспомнили, что у Кучумова было восемь дней на эвакуацию дворцов, и попытались представить, как он отреагировал на это сообщение. Роде завершает свою статью на высокой ноте: «Янтарная комната Фридриха I вернулась на родную землю».

Самая интересная вырезка из подборки Энке — это статья из «Königsberg Allgemeine Zeitung», в которой сообщается, что 8 июля 1944 года Кенигсберг посетил рейхсминистр науки, образования и государственных учреждений Бернанд Руст, председательствовавший на торжествах, посвященных четырехсотлетию университета. Во время торжественного обеда, устроенного в ресторане «Blutgericht» (в бывшей камере пыток Кенигсбергского замка), Руст признался гостям, что пришло время переместить сокровища Третьего рейха в самое сердце страны. Энке был убежден, что ему удалось определить происхождение плана эвакуации Янтарной комнаты, который был задуман еще 8 июля 1944 года.

Через несколько дней в Кенигсберг из Берлина с указанием для Роде прибыл амтманн Мерц — один из подчиненных Руста. Он должен был демонтировать Янтарную комнату и вместе с другими произведениями искусства немедленно отправить в хранилище в Касселе, средневековом городке на берегу реки Фульда, где братья Гримм сочиняли свои волшебные сказки. Но тут вмешался гаулейтер Восточной Пруссии. По свидетельству Энке, Эрих Кох считал, что вывоз ценностей из города, и особенно Янтарной комнаты, подорвет моральный дух. Мерц вернулся в Берлин за поддержкой²⁷.

В ноябре 1944 года Коха все же удалось убедить, и он дал разрешение на эвакуацию. Судя по документам из папки, Энке читал доклад Герхарда Штрауса министру Паулю Ванделю, составленный в 1950 году. Как и Штраус, Энке обратил внимание

на переписку между Эрихом Кохом и Мартином Мучманом в ноябре 1944 года. Как и Штраус, Энке считал, что два гаулейтера одобрили план, согласно которому для Янтарной комнаты выделялся один из замков Саксонии (если ее удастся вывезти из Кенигсберга).

Итак, мы добрались до самой важной части папки. Удалось ли Энке доказать, что Янтарная комната была эвакуирована из Кенигсберга? Имея доступ к архивам нацистов военного времени, он мог реконструировать последние дни и месяцы битвы за Восточную Пруссию гораздо точнее, чем Анатолий Кучумов, предпринявший такую попытку в 1946 году.

Кучумов пришел к выводу, что последний поезд из Кенигсберга ушел 22 января 1945 года. Однако Энке выяснил, что в этот день с вокзала отправились два состава: так называемый специальный поезд гаулейтера, на котором предположительно уехал в безопасное место сам Кох, а также обычный гражданский экспресс. Это означает, что существовала еще одна возможность для эвакуации Янтарной комнаты.

Просматривая распоряжения высшего руководства нацистов, Энке также нашел упоминание о судне, которое покинуло Кенигсбергский порт 22 января 1945 года. По распоряжению Гитлера командующий военно-морским флотом адмирал Дениц отправляет крейсер «Эмден», построенный на стапелях Кенигсберга, с секретной миссией. Киноплёнка, снятая кинооператором Геббельса и обнаруженная уже после исследований Энке, демонстрирует, что на палубе «Эмдена» стоят два гроба, покрытые старыми флагами немецких воинских частей, сражавшихся в битве у Танненберга, к западу от Кенигсберга, где в августе 1914 года была разбита русская армия. В двух гробах, окруженных почетным караулом, лежали тела бывшего президента страны Гинденбурга и его супруги, извлеченные из мемориала, который был построен в Танненберге. По приказу фюрера ледоколы провели крейсер в Пиллау, где гробы перегрузили на пассажирский пароход «Претория», который той же ночью отплыл в Штеттин. Энке задавался вопросом: что еще, кроме двух гробов, могло быть на борту «Эмдена»?

Собрав вместе все имевшиеся в его распоряжении документы и факты, Энке обнаружил, что даже после того, как части

Красной Армии достигли Элбинга к юго-западу от Кенигсберга, перерезав все прямые пути в Германию, до 31 января 1945 года нацисты имели возможность вывозить людей и грузы через Самландский полуостров на северо-западе, где они грузились на суда в порту Палмникен (современный порт Янтарный).

Энке нашел распоряжения гаулейтера Эриха Коха, согласно которым именно этим морским путем в Кенигсберг доставлялась амуниция, и это доказывало, что он оставался открытым вплоть до марта 1945 года. Энке также установил, что в период между 19 февраля и 6 или 7 апреля 1945 года нацисты перешли в контрнаступление, в результате чего вновь открылась дорога между Кенигсбергом и Пиллау, что оставляло возможность для эвакуации Янтарной комнаты еще за два дня до сдачи города²⁸.

Энке пришел к следующему выводу: «Я убежден, что Янтарная комната и другие ценные произведения искусства, похищенные в Советском Союзе фашистами, были отправлены на запад. Тот, у кого появится возможность изучить архивы вермахта, выяснит местонахождение Янтарной комнаты». На пути Энке, проводившего расследование в ГДР, стояло одно небольшое препятствие. Главный военный архив вермахта находился в городе Фрейбурге, в Западной Германии²⁹.

— Папку, пожалуйста, — рабочий день закончился. Ровно в четыре часа пополудни.

Вероятно, Пауль Энке провел в душевных архивах много месяцев, не имея возможности воспользоваться такими современными средствами, как факс и Интернет, значительно облегчающими работу. Даже с телефоном были проблемы. Он не мог просто снять трубку и позвонить в Москву или Ленинград, когда ему нужно было проверить какой-то факт. Люди, которые составили большую часть интересовавших его документов, были расстреляны, находились в розыске, сидели в тюрьме, бежали на Запад или в Южную Америку.

В этих трудных условиях Энке пытался доказать, что Янтарная комната была эвакуирована в Германию, опровергая выводы Анатолия Кучумова и Герхарда Штрауса, которые полагали, что она не погибла во время войны, а была спрятана где-то в Кенигсберге.

Энке работал среди тумана иностранных имен, туманных свидетельств, железнодорожных расписаний и ордеров на погрузку. Русский текст переводился на немецкий, а затем снова на русский, в результате чего в каждой новой версии появлялось все больше неточностей. Фамилия советского куратора, сначала звучавшая как «Кучумов», трансформировалась в «Кугумов», а затем в «Кушумов». Пригород Ленинграда назывался то Царским Селом, то Детским Селом, то Пушкином. Деревни Восточной Пруссии теперь оказались на территории Польши — с новыми названиями и новым населением, которое ничего не знало о прошлом. Тем не менее Энке не сворачивал с избранного курса, хотя мы так и не поняли, какие именно находки убедили его в том, что Янтарная комната была вывезена в Германию.

Открыв следующую папку, появившуюся на пластиковом столе «министерства правды», мы облегченно вздохнули — в ней находились более свежие материалы Штази, касающиеся судьбы Янтарной комнаты. Большая часть документов относилась к 1970-м годам, и мы надеялись найти там хотя бы намек на сведения, которые заставили министра государственной безопасности санкционировать полномасштабное расследование судьбы пропавшего сокровища.

Первое, что бросилось в глаза, — это выполнение Энке министерских инструкций по допросу свидетелей. Мы жадно листали рапорты на «находящихся в оперативной разработке лиц», составленные, по всей видимости, на основе заметок на обратной стороне конвертов, вырванных из школьных тетрадей листках, на билетах в кино или метро.

В этой папке повсюду встречались досье, открываемые Штази на лиц, которые представляли интерес для дальнейшей разработки (ОРК). Каждое такое досье начиналось со стандартного описания: пол, возраст, рост, цвет волос и глаз, особые приметы. Затем следовал первоначальный рапорт, план действий, запрос на тайную слежку, а также меры воздействия и способы дознания — от «временного задержания» до «ареста» и от «обыска» до «допроса».

Тут были документы из школ и университетов, биографии, показания соседей, коллег, друзей и членов семьи. Тут были схемы домов и квартир с рукописным текстом: «Можно ли получить ключи от его квартиры, не ставя его в известность?».

«Имеет ли «объект» любовницу, к которой мы можем найти подход?» или «Мы не знаем адреса графини Шверин в Западной Германии. Источник информации — один из ее родственников, а сведения переданы надежным и заслуживающим доверия информатором».

На основе всей собранной информации некоторые «объекты» переводились в категорию *Operative Vorgang* (OV), и в отношении их проводилось полномасштабное расследование. Агенты использовали различные технические средства, облегчавшие проникновение в частную жизнь. В их числе были средства класса «А» (прослушивание телефона) и класса «В» (жучки)³⁰. Штази собирала образцы запахов «враждебных элементов», которые могли пригодиться в том случае, если объект ударится в бег.

В арсенале Штази также имелся микроавтобус с бодрой надписью: «Свежая рыба из Востока». Во времена ГДР все знали, что внутри находятся заключенные — до семи человек в тесном пространстве салона. Микроавтобус медленно кружил по пригородам, представляя собой эффективное средство устрашения. Людей хватали при свете дня, а допрашивали по ночам. Усиливающаяся паранойя заставляла граждан делать все возможное для своей защиты: почувствовав слезку, люди прятали миниатюрные карандаши в укромных уголках своего тела, чтобы иметь возможность нацарапать записку с просьбой о помощи. Штази ответила применением «интимного осмотра»³¹.

Судя по количеству досье и дел OV, содержащихся в этой папке, Энке разрабатывал пласт новой информации о Янтарной комнате.

Наконец, мы нашли упоминание о статьях 1959 года в «Freie Welt» (они были написаны Герхардом Штраусом, и в них впервые говорилось о том, что Янтарная комната не погибла во время войны). Энке писал, что большая часть сведений, с которыми он работал, была получена от читателей «Freie Welt». Бывший агент Штази по кличке Штольц, с которым мы встречались в берлинском «Swissotel», оказался прав. Скрыв источник информации (Штази и КГБ), авторы публикации получили сотни откликов.

Однако все подробности, которые позволили бы идентифи-

цировать читателей и сообщенную ими информацию, были закрашены черным маркером. Все нити, которые могли привести к источникам Штази, были оборваны цензорами из «министерства правды».

В некоторых документах сохранился лишь кодовый номер «объекта», но «министерство правды» не имело права сообщить нам имя, соответствовавшее этому номеру. Однако маркер цензора не коснулся терминологии из 500-страничного «Словаря политико-оперативной работы» Эриха Мильке, который к моменту падения Берлинской стены вышел уже в третьем издании.

Возьмем, к примеру, слово «ненависть». Оксфордский словарь определяет это понятие как «сильную неприязнь, гнев, враждебность или злобу». Любимое слово министра *hass* расшифровывается следующим образом: «одна из основных характеристик страстной и непримиримой борьбы с врагом», — необходимое качество хорошего чекиста. В конечном итоге эта лексика определяла жизнь каждого гражданина ГДР, но один из многих парадоксов того времени заключается в том, что ее скрывали от широкой публики, намеренно вводя людей в заблуждение.

В этой папке нам осталась лишь интригующая иерархия кодовых имен, которую мы не могли расшифровать без посторонней помощи.

Гюнтер Вермуш, издатель книги Пауля Энке «Bernsteinzimmer Report», жил в восточном пригороде Берлина, где прошлое было сметено постройками из одинаковых домов-башен. Проходя мимо спортивного центра, мы услышали плеск воды — этот звук издавал одинокий пловец.

Едва мы успели снять палец с кнопки звонка, как в динамике раздался голос: «Вам придется подняться пешком. Лифт не работает». Мы с трудом вскарабкались на восемнадцатый этаж. Дверь была открыта. В полутьме коридора нас ждал мужчина, оказавшийся моложе, чем мы предполагали. Двухдневная щетина на щеках и синтетический тренировочный костюм. Гюнтер Вермуш напоминал неопрятного советского тренера, хриплым голосом выкрикивавшего команды маленьким гимнасткам в телерепортажах 70-х годов.

— Входите, — пробормотал он и, прихрамывая, удалился в глубь квартиры.

Запах тронутых плесенью книг, одиночества и запустения. В кухне на сером жаростойком пластике ужин на одного: бутылка красного вина, банка с консервированными маринованными грибами, вилка. Коридор забит старыми картонными коробками, из которых на пол высыпались листы бумаги; сверху рядом с обшарпанным копировальным аппаратом примостились стопки папок. Самодельные книжные полки заполнены книгами в мягких обложках на русском языке. Никаких семейных фотографий или рисунков пальцами на холодильнике.

— Итак, вы приехали из Лондона? Надеюсь, не только для того, чтобы повидаться со мной. Боюсь, я вас разочарую, — Вермуш откашлялся и набил вересковую трубку пахнущим ванилью табаком. На подлокотнике кресла рядом с коробочкой лекарств лежал немецко-английский словарь. — Откуда вы узнали обо мне? С кем вы говорили?

Мы не стали называть «Штольца» или упоминать о документах из «министерства правды», а сослались лишь на книгу «Bernsteinzimmer Report».

— Я всего лишь *Lektor*, — начал оправдываться Вермуш, листая словарь. — Редактор в издательстве. Не совсем точный термин, но вы понимаете, о чем я. По профессии я историк, и в

Гюнтер Вермуш.

случае с «Bernsteinzimmer Report» я делал лишь то, что от меня требовало издательство, «Die Wirtschaft», — прихрамывая, он подошел к венецианскому окну, из которого открывался вид на гигантскую телевизионную башню на Александерплац.

А Пауль Энке? Он с ним встречался?

Вермуш направился в угол комнаты.

— Энке пришел ко мне в 1984 году, — сказал он, втискиваясь между полками и стулом. — Я редактировал научный труд, посвященный янтарю. Там была глава о Янтарной комнате. Энке сначала позвонил. Он сказал, что занимается этой загадкой с 50-х годов. У него есть рукопись, и он хочет, чтобы я на нее взглянул. — Над головой Вермуша поплыло колечко дыма.

Мы поинтересовались, не рассказывал ли Энке о своих исследованиях.

— Энке сказал мне, что видел Янтарную комнату в Кенигсберге во время войны. Потом он работал научным сотрудником в народной полиции. Поиск Янтарной комнаты был его хобби. Таких людей мы называем историками-любителями. Какие у меня могли быть причины для подозрений?

Мы могли назвать множество причин, но промолчали.

— В то время я предполагал, что интерес Энке имеет те же корни, что и у всех. Статьи в «Freie Welt» в 1959 году вызвали переполох. Люди бросились покупать металлоискатели.

Опять «Freie Welt». Статьи Герхарда Штрауса явно преуспели в создании долго не утихавшего ажиотажа.

— В 1959 году всем нам казалось, что мы найдем то, что пропустили остальные, — Вермуш разглядывал пятно на ковре. — Эта история Янтарной комнаты, *ja*? Поэтому когда в 1984 году ко мне пришел Энке, мы ухватились за его рукопись. Нам понравилась идея снова подогреть интерес к этой теме. — В коридоре зазвонил телефон, и Вермуш с видимым облегчением захромал к двери. — *Wer ist da? Nein. Nein. Nicht. Eine minute.* — Он положил трубку и вернулся в комнату. — Все время звонят эти люди. Я даже не знаю, кто они.

Они тоже интересуются Янтарной комнатой? Вермуш промолчал.

— До «ди венде» мы не задавали вопросов, — продолжил Вермуш, отвлекаясь от телефонного звонка. — Мы работали над рукописью в доме Пауля Энке в Берлин-Грюнау. В комнате

всегда присутствовал еще один человек, с черными волосами. Он никогда не раскрывал рта. Энке представил его как «мой друг Ганс».

Мы спросили, неужели Вермуш так и не догадался, кем на самом деле был Энке, хотя встречался с ним десятки раз?

— Я выяснил это только в декабре 1987 года, после смерти Энке. — Вермуш умолк, взглянул на нас, затем на часы, набил трубку и только после этого продолжил рассказ. — На похоронах. Меня пригласили потому, что я был редактором Энке. Мы не были друзьями или что-то в этом роде. На прощании присутствовало совсем мало людей. И ни одного в зеленом мундире. Вы понимаете — из народной полиции. Ни одного коллеги. Мне это показалось... *sonderbar*, — он снова порылся в словаре. — Станным, *ja?* Я узнал лишь одного человека — черноволосого молчаливого мужчину, который присутствовал на встречах в доме Энке. Я подошел к нему после службы, и он представился как Ганс Сейферт.

Сейферт. Полковник Штази, возглавлявший группу поиска Янтарной комнаты. Я спросил Сейферта, где коллеги Энке из полиции. Сейферт рассмеялся. «Товарищ, — сказал он. — Мы не носим мундиров». Его разобрал такой смех, что он едва мог говорить. Я все еще не мог ничего понять.

Мы погрузились в молчание, обдумывая утверждение Вермуша о том, что он узнал о работе Энке в Штази только после его смерти.

— Можем ли мы спросить еще кое о чем?

— Пожалуйста, — ответил хозяин. — Все что угодно.

— Вы тоже работали на Штази?

Вермуш вскочил — на мгновение к нему вернулась былая подвижность — и стал лихорадочно рыться в одной из коробок.

— Мне платило только издательство, — бросил он через плечо. — Взгляните, вот доказательства, — Вермуш протянул нам документы со знакомым штампом «министерства правды»³². Затем он увидел, что мы внимательно изучаем аббревиатуру рядом с его фамилией: «Gen».

— Nein. Nein. Nein. — Его пальцы барабанили по подлокотнику кресла. — Не *General*, а *Genosse*. Тогда все мы были товарищами. Посмотрите сюда. Посмотрите на это слово, — он показывал на «Freiwilliger». — Доброволец — вот кем я был. Доб-

роволец, а не сотрудник Штази и не информатор. Возьмите. У меня есть еще копия³³. — Мы понятия не имели, в чем заключалась его «добровольная» работа, но у него имелись наготове оправдательные документы Штази. — Меня никогда бы не приняли в Штази, — он всплеснул руками. — Мой отец состоял в СС, — искаженная логика, характерная для объединенной Германии, когда люди охотнее признаются в нацистском прошлом, чем в сотрудничестве со Штази. — Возможно, меня выбрали в качестве редактора этой книги потому, что я хорошо говорю по-русски. Не знаю. Я работал у товарища Наймана в качестве переводчика. Несколько раз ездил с ним в Москву. (Конрад Найман в начале 80-х годов руководил партийной организацией СЕПГ в Восточном Берлине и пользовался большим влиянием в политбюро.)

Вермуш достал три бутылки содовой и открыл крышки. Мы спросили, что такого могли обнаружить Энке и Штази, что убедило их в том, что Янтарная комната спрятана где-то на территории Германии?

— Не знаю. Я не участвовал в расследовании Штази, — ответил Вермуш. Затем он встал с кресла, проковылял в коридор и потянулся к самой верхней полке, заставленной десятками скоросшивателей и папок с датами на корешках. Все это были черновики «Bernsteinzimmer Report». — Все материалы находились в руках Энке. У меня есть лишь то, что он показал мне. Здесь много официальных документов, касающихся поисков Янтарной комнаты, и все они должны быть в архивах Штази.

Да, мы знаем. Это главная причина, почему мы здесь. Лицо Вермуша покрылось капельками пота.

— Вы записываете наш разговор?

Нет. Нам просто нужна его помощь. Чтобы расшифровать файлы Штази. Вермуш ухмыльнулся.

— Вам нужен не я. Кто-нибудь из них.

Мы начали называть имена, которые записали в «министерстве правды». Генерал-полковник Битер? Умер в 1982 году. Генерал-лейтенант Нейбер? Он ничего не скажет — особенно после того, как один из тех, кого он отправил в тюрьму, подал на него в суд. Главный шпион Штази Маркус Вольф? Он вам не по карману. Не откроет дверь, пока на его столе не будет лежать толстая пачка наличных. А как насчет полковника Ганса

Сейферта? Вы немного опоздали, сказал Вермуш. Он умер два дня назад — звонила его жена. Похоже, мы выбрали самое неудачное время.

Мы стали читать список кодовых имен информаторов Штази, имевших отношение к поискам Янтарной комнаты.

— Умер, Умер. Умер. Исчез, — комментировал Вермуш. Похоже, это ему доставляло удовольствие. — Подождите, — он остановился на имени «Бернд» (штатный неофициальный сотрудник, высокооплачиваемый информатор Штази). — Я его знаю. Это тайный агент в криминальной полиции. Подполковник. Он делал черную работу для Энке. С ним можно связаться. В любом случае он ваш единственный шанс.

— А он согласится нам помочь?

— Все зависит от того, как он к вам отнесется. После объединения он указал немецкому правительству, что искать, когда они стали вынюхивать информацию о Янтарной комнате.

— Надежен ли Бернд?

— Он провел какое-то время в тюрьме Баутзен — говорили, что он пытался вести двойную игру и обманывал Штази, предположительно торгуя секретными сведениями. Выйдя из тюрьмы, он обнаружил, что жена спуталась с его начальником.

Мы так и не поняли, почему он попал в тюрьму. Но мы не можем называть его Бернд. «Холодная война» закончилась.

— Его имя Уве Гесслер. Вечером я ему позвоню. — Вермуш шаркающей походкой направился в коридор. — Да, вам это будет интересно, — добавил он, просунув голову в дверь, а затем протянул экземпляр «Bernsteinzimmer Report».

Мы раскрыли книгу и прочитали несколько строчек введения. «Разграбление немецкими фашистами культурного наследия Европы по своей жестокости превосходило то, что творили персы в Вавилоне, римляне в Афинах или крестоносцы в Константинополе. Самая болезненная потеря — это Янтарная комната», — писал Энке. Этот пассаж мы уже видели — в первых рапортах Энке его хозяевам из Штази. Он лишь немного отредактировал текст.

Глава 9

Через два дня Гюнтер Вермуш встретил нас на пороге своей квартиры, одетый в синюю летнюю куртку и брюки защитного цвета — он был готов к предстоящей экспедиции.

— Как поживают мои новые друзья? — его настроение явно улучшилось. — У меня для вас кое-что есть, — он протянул нам какие-то бумаги. — Вчера вечером я набросал некоторые свои теории. Всего лишь небольшое хобби. Но это неважно. Прочтете их потом. — Вермуш стал извиняться. — В нынешнее время писать стало совсем сложно. Похоже, я разучился держать ручку.

В квартире Уве Гесслера неподалеку от Аллеи космонавтов в Восточном Берлине никто не брал трубку. Но Вермуш знал, где находится загородный домик Гесслера, в котором он проводит выходные, — в двух часах езды к юго-востоку от города. Вермуш полагал, что мы застанем его там. Пока мы ехали вдоль реки Шпрее, он объяснил, что познакомился с Гесслером после смерти Энке, когда сопровождал его в поездках по ГДР, опрашивая потенциальных свидетелей, которые могли располагать информацией о Янтарной комнате. Вермуш сказал, что ему интересно посмотреть, сильно ли изменился Гесслер. Нам показалось странным, что «редактор в издательстве» сопровождал информатора Штази во время официального расследования, но мы решили пока не касаться этого вопроса.

Примерно через час мы добрались до озера Кресинзее. Неподалеку располагалась деревушка из домиков красного кирпича со стоячим прудом, в котором плавали утки. Вермуш, который явно вспотел, объяснил, что это излюбленное место отдыха офицеров Штази. Боковая дорога превратилась в песчаную колею, которая вела к группе одинаковых бетонных домиков на берегу озера.

— Уве Гесслер живет где-то здесь, — махнул рукой Вермуш, пытаясь выпутаться из ремня безопасности. Впереди был указатель с надписью «Цигенхальс».

Маленький домик прятался за разноцветной оградой из бархатцев и тигровых лилий. Рядом с пластмассовыми тюльпанами непрерывно квакали лягушки. Лужайка с изумрудного цвета травой была разделена на квадраты и полосы. Увидев нас, невысокий человек с «куриной грудью», одетый в тенниску пурпурного цвета и нейлоновые брюки, вскочил с садового кресла и подбежал к невысокому штакетнику.

— *Scheisse*, — произнес он и наморщил лоб, пытаясь вспомнить, видел ли он когда-нибудь эти лица. — *Mein Gott!* — наконец он узнал одного из гостей и протянул загорелую руку. — Вермуш? *Wilkommen. Willkommen. Und?..*

Гесслер повел Вермуша по направлению к озеру. Мы видели, как они оживленно жестикулируют, оглядываясь на нас, а затем Вермуш успокаивающим жестом сжал локоть своего знакомого, и они двинулись назад. Рассаживаясь за небольшим пластиковым столом, мы заметили выглядывающее из кустов семейство керамических гномов. Гесслер был не очень похож на отставного стукача, наслаждающегося отдыхом в собственном саду, — его глаза были налиты кровью. Он пожаловался Вермушу, что в последние дни его замучила бессонница. Затем хозяин прикурил сигарету и зашелся в приступе кашля, а Вермуш задумчиво разглядывал груды окурков в пепельнице.

Гесслер объявил определенные правила игры. Он никогда никого не предавал — понятно? Он никогда ни на кого не доносил.

— Нас всех предало «министерство правды». Я не был шпионом. Я всего лишь пытался помочь. Это был искренний порыв, — взгляд Вермуша был устремлен в пространство. — Советы очень сильно пострадали во время войны, потеряв больше, чем кто-либо другой, — сказал Гесслер. — И мы, немцы, поступали правильно, помогая вернуть то, что было у них украдено.

Гесслер перевел взгляд на хрупкую женщину с рано поседевшими волосами, которая вышла из домика позади нас.

— *Liebling*, принеси что-нибудь гостям, — приказал он. *Lieb-*

ling Гесслера, которая была примерно вдвое младше его, обменялась с нами крепким рукопожатием и удалилась в домик.

Какова была роль Гесслера в группе, занимавшейся Янтарной комнатой?

— «Дружественная организация» [КГБ] пыталась выяснить местонахождение всех старых аристократов из Восточной Пруссии, с которыми в 1944 году переписывался Альфред Роде, пытаясь найти надежное убежище для Янтарной комнаты: Кейсерлингов, Дона, Шверин. Они искали также высокопоставленных сотрудников замков и музеев: Хенкензифкена, Вилля, Фризена, Галля, Циммермана. Хотите датского печенья? Передай гостям, *Liebling*.

Все эти фамилии были нам знакомы. Они встречались в списке пропавших немцев Кучумова, в журнале «Freie Welt» и в газете «Калининградская правда». Но мы по-прежнему не знали, какую роль играл каждый из них в судьбе Янтарной комнаты.

— Значит, вы их нашли? — спросили мы Гесслера.

Но хозяин не слушал нас. Он говорил. Для человека, который большую часть жизни был вынужден хранить молчание, это было не так просто.

— Мы достигли больших успехов, — Гесслер сунул в рот целое пирожное. И Вермуш передернул плечами. — Я вам расскажу. Русские совершили ошибку, вышвырнув всех свидетелей. — К 1949 году власти Калининграда выслали всех жителей Восточной Пруссии, а их дома и фермы заняли переселенцы из Советского Союза. — Неужели Гесслер осознал недальновидность подобной политики? — Понимаете, я мог это сделать, — бессвязно бормотал он. — Но я был слишком занят. На дороге. Собирал их.

В небе над нашей головой сгустились темные тучи, а яркий полосатый навес захлопал на ветру. Мы попытались направить разговор в нужное нам русло. Какую новую информацию о Янтарной комнате получили спецслужбы?

— «Freie Welt». После публикации статей объявились более 1000 свидетелей, и мы начали проверять все показания. Солдаты, которые занимались грабежами в Ленинграде. Жители Кенигсберга, видевшие Янтарную комнату, — сказал он. Над озером Кресинзее послышались раскаты грома.

Но какова причина появления статей в «Freie Welt»? Вне всякого сомнения, это вторая стадия операции. Мы вспомнили теорию «герра Штольца», но не стали упоминать о ней. Струи дождя хлестали по домику; вода стекала с навеса.

— Там было много лжецов, — перекрикивая шум дождя, объяснял Гесслер. — Заблуждавшиеся люди, которые хотели иметь хоть какое-то отношение к тайне, быть частью чего-то необыкновенного. Некоторые даже пытались самостоятельно отыскать Янтарную комнату. Мы должны были выявить их.

Мы представили себе, как отправляем письмо редактору «The Times», а потом у нас на пороге появляется агент МИ-5.

— Похоже на дождь, — Гесслер взглянул на небо, впервые обратив внимание на потоки воды. Он прошмыгнул мимо нас в дом, где его *Liebling*, опустившись на колени, подбирала крошки с ковра. Устроившись за кофейным столиком из дымчатого стекла, он жестом пригласил нас войти. — Я был специалистом. Не то что эта шушера, которую они нанимали. Я был следователем по уголовным делам, — он снова закурил. — Я приступал к допросу «объекта» только после тщательной подготовки. Иногда требовалось несколько попыток, чтобы разоблачить обман и докопаться до правды, — он подмигнул и отхлебнул чай из чашки. — Мы должны были знать о них больше, чем они сами.

Я говорил им: «Если у вас есть украденные вещи, ничего страшного. Во время войны все так делали. Но если вы убивали людей, это совсем другое дело. Убийство нелегко простить», — Гесслер ухмыльнулся. — Это был отличный трюк. Всегда срабатывал. Все они в конечном итоге признавались в грабеже и оказывались у нас в руках. Глупцы не догадывались, что мы ищем именно грабителей, и особенно тех, кто имел какое-то отношение к Янтарной комнате, — он сжал пальцы в кулаки, и Вермуш, прикурив сигарету, выскользнул наружу. — Помню одного парня, который признался, что украл нечто действительно ценное. Признался, что не рассказывал об этом даже жене, а теперь она узнает обо всем от Штази. Пришлось вызывать неотложку, — Гесслер рассмеялся, и на глазах его выступили слезы. — У него случился сердечный приступ.

Liebling Гесслера схватила свой кошелек и выбежала из домика, резким движением отбросив занавеску из бус. Мы нача-

ли понимать, почему граждане ГДР никогда бы не откликнулись на публикацию «Freie Welt», если бы подозревали, что за ней стоит Штази.

Мы спросили хозяина, правда ли, что он сидел в тюрьме Баутзен (надежно охраняемая тюрьма Штази, получившая прозвище Желтый дом из-за цвета, в который были выкрашены ее здания)¹.

— Это было недоразумение, — Гесслер вновь потянулся за сигаретой. — Именно так выразился мой начальник, полковник Ганс Сейферт², когда в 1977 году забирал меня оттуда. Я просидел там три года. В одиночке. Послушайте, какой у меня кашель. Когда умерли мои родители, меня не отпустили даже на их похороны. Меня обвинили в продаже секретов Штази.

— А вы этого не делали?

— Никогда. Офицер Штази ухлестывал за моей женой. Хотел избавиться от меня. Мое дело было сфабриковано. Сейферт сказал мне: «Ты свое отсидел, а теперь заткнись. Будешь возникать, вернешься назад». В конечном счете все обернулось к лучшему. Я нашел себе новую жену — гораздо моложе. И меня опять взяли в группу, занимавшуюся Янтарной комнатой.

Я знаю много важных вещей, — воскликнул Гесслер, ткнув в нашу сторону пальцем, а затем махнул рукой, очерчивая воображаемое хранилище в глубине дома. — В 1993 году ко мне приходили люди из правительства. Министр внутренних дел и глава берлинского отделения ХДС. На них моя осведомленность в деле Янтарной комнаты произвела такое впечатление, что они предложили мне деньги, чтобы я все это изложил в письменном виде, — его лицо побагровело. — А также деньги за документы Штази, касающиеся Янтарной комнаты. Я сказал, чтобы они убирались.

— Что за документы? — спросили мы.

— Эти бумаги — моя пенсия. Я взял их в январе 1990 года, когда все рухнуло.

Полковник Сейферт говорил Вермушу, что группа, занимавшаяся Янтарной комнатой, произвела на свет 180 тысяч страниц документов, а от чиновницы из «министерства правды» мы знали, что она получила только 12 тысяч страниц. Кто-то до сих пор хранит остальные.

Но что в этих документах?

Гесслер не смог удержаться:

— У Штази была информация, что гаулейтеру Восточной Пруссии Эриху Коху удалось вывезти Янтарную комнату из Кенигсбергского замка в Германию. После публикации статей в «Freie Welt» эту информацию подтвердил один из корреспондентов. Этот человек писал, что его отец, штурмбаннфюрер СС, руководил эвакуацией Янтарной комнаты, выполняя распоряжение Коха.

Неужели это правда? Существование плана эвакуации Янтарной комнаты предполагал Кучумов, подтвердил Штраус и выявил Энке, но мы впервые столкнулись с информацией, что такой приказ действительно был отдан и выполнен. Мы еще не были готовы поверить в это. Откровения Гесслера открыли перед нами новые, невиданные горизонты. Мы стали сомневаться, правильно ли выбрали страну и отправную точку для расследования. Необходимо дожать Гесслера. Может ли он продемонстрировать нам доказательства?

Он улыбнулся, набрал полные легкие дыма, а затем наклонился к нам, так что его лицо оказалось в нескольких дюймах от наших. Мы видели каждую пору на его коже, его обломанные резцы.

— Правда, интересно? Но стоит денег, — Гесслер откинулся в кресле. Материальную сторону дела мы еще не обсуждали. — Но я расскажу вам кое-что. Для затравки. Бесплатно. Автор письма раскрыл тайну отца только через два года после его смерти, когда в подвале семейного дома наткнулся на кожаную папку с документами военного времени. Он никому не рассказывал об этих документах, пока не прочел статью в «Freie Welt».

Мы заинтересовались содержанием этих документов. Нельзя было давать Гесслеру умолкнуть.

— Это была расписка отца автора письма, подтверждавшая получение сорока двух ящиков и коробок, а также приказа доставить Янтарную комнату в секретное хранилище с кодовым названием «BSCH». Второй документ представлял собой запись радиосообщения, подтверждавшего выполнение приказа: «Операция «Янтарная комната» завершена. Помещена на хранение в BSCH. Подходы взорваны. Потери в результате дейст-

вий противника». Среди бумаг имелась карта. Правда, по ней нельзя было точно определить местоположение тайного хранилища. Существовала и еще одна, более серьезная проблема. Автор письма был еще ребенком, и содержание документов так напугало его — в 1949 году проводились регулярные облавы на бывших нацистов, — что он сжег все бумаги.

Во все это было трудно поверить. Мы поинтересовались, как они проверяли историю, рассказанную в этом письме.

— Юношу допросили. С ним беседовал автор статей в «Freie Welt» профессор Герхард Штраус.

Опять этот человек.

— Доктор Штраус сообщил, что, по его мнению, автор письма говорит правду. Он не получал никакой выгоды, раскрывая нацистское прошлое отца. Мы согласились скрыть его имя и он превратился в Руди Рингеля.

— А где находилось убежище BSCH?

Гесслер проигнорировал наш вопрос.

— После того как Штраус закончил с Руди Рингелем, его вызвали в Калининград, и русские тоже имели возможность проверить его рассказ. Занимался этим товарищ Лебедев, заведующий областным отделом культуры. Все данные, касающиеся Руди Рингеля, были отосланы товарищу Вениамину Кролевскому из Калининградского обкома партии.

Но ведь свидетельства Руди Рингеля касались Германии — зачем же было везти его в Калининград и передавать всю информацию КГБ?

— Я уже говорил, что понять местонахождение BSCH было затруднительно, потому что бумаги сгорели. «Дружественная организация» согласилась, что Руди Рингель, скорее всего, не лжет, но пришла к выводу, что BSCH находится в Калининграде. Разумеется, мы не осмелились противоречить им, и поэтому они делали свою работу, а мы свою — проверяли остальные письма читателей «Freie Welt». В конечном итоге Руди Рингель вернулся домой, в ГДР.

— А что дальше?

Ответом нам было молчание. Окна домика запотели, дождь барабанил по крыше из гофрированного железа. В дверях поя-

вилась промокшая до нитки жена Гесслера, держа в руках коробку с вишневым пирогом.

— *Liebling*. Давайте отдохнем от разговоров. Пора немного перекусить и выпить чаю.

Поставили чай. Потом сварили кофе. Гесслер продолжил рассказ только после того, как насытился.

— Энке допрашивал Руди Рингеля. Я занимался его сестрой и матерью. Мы набросились на них, как вирус, — слава богу, Гесслера было не остановить. — В документах нацистов мы нашли множество ссылок, удостоверявших историю семьи Рингеля, — он зажег очередную сигарету. — И все эти ссылки подтвердили то, что мы подозревали с самого начала — документы, найденные Руди Рингелем в подвале дома, были неверно интерпретированы КГБ. Тайник BSCH никак не мог находиться в Калининграде, потому что он располагался в Германии.

— А как Штази определила местонахождение BSCH? Что удалось выяснить?

— Эта информация стоит денег. Но я открою вам, что Энке удалось доказать, что отец «Руди Рингеля» вывез Янтарную комнату из Восточной Пруссии. Радиосообщение: «Операция «Янтарная комната» завершена. Помещена на хранение в BSCH. Подходы взорваны. Потери в результате действий противника», — было отправлено из Германии.

Пауль Энке пошел к полковнику Сейферту, но начальник осторожничал. Он не хотел ссориться с «дружественной организацией», которая вела расследование в Калининграде. Сейферт сказал, что если мы найдем дополнительные доказательства, то он обратится с просьбой выделить средства на поиски в Германии. Но, — Гесслер откусил огромный кусок пирога, — существовала одна проблема. Энке выявил 700 мест возможного размещения BSCH: соляные копи, угольные шахты, каменоломни, пещеры и подземные бункеры. Секретариат Штази приказал нам сократить список. Мы вернулись к Руди Рингелю, но он сказал, что знает лишь то, что видел в документах. Его отец умер через два года после войны и никогда не упоминал о BSCH. Единственный человек, который мог указать местонахождение Янтарной комнаты, — это лицо, отдававшее приказы, нацистский преступник гаулейтер Эрих Кох.

Гесслер посмотрел на часы.

— Время истекло. Больше ничего бесплатного. Я вернусь в город в понедельник. Приходите ко мне, и мы поговорим об оплате, — весело сообщил он. — У вас нет другого выхода. Из всех, кто был связан с группой поиска Янтарной комнаты, в живых остался я один.

Liebling с трудом удерживала дверь, которая с треском хлопнулась за нами. Деревушка Цигенхальс тонула в потоках воды.

28 мая 1949 года газета «Daily Telegraph» сообщила об аресте сельскохозяйственного рабочего Рольфа Бергера в деревне Хаасемор к северу от Гамбурга. О человеке, показавшемся им подозрительным, властям сообщили соседи. «В его кармане был найден стеклянный флакон с цианистым калием, которые имела при себе нацистская верхушка. Похожим флаконом воспользовался Гиммлер после ареста в 1945 году», — сообщала газета. На допросе батрак признался, что он не кто иной, как гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох и что он под чужим именем четыре года скрывался в этих малонаселенных землях на самом севере Германии, где в мае 1945 года прятался нацистский идеолог и рейхсминистр оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг.

Это был большой успех совместной операции британской и немецкой разведок под названием «Старинное кружево», целью которой был поиск скрывавшихся нацистов. Эрих Кох, одним из первых присоединившийся к национал-социалистическому движению и имевший партийный билет № 90, находился в верхней части списка разыскиваемых преступников — вместе с Борманом, Эйхманом и Менгеле. Однако к этому моменту международный трибунал в Нюрнберге уже прекратил свою работу, и в отсутствие центрального обвинительного органа британцы отправили Коха на свою базу в Билефельд, где он находился в ожидании своей судьбы.

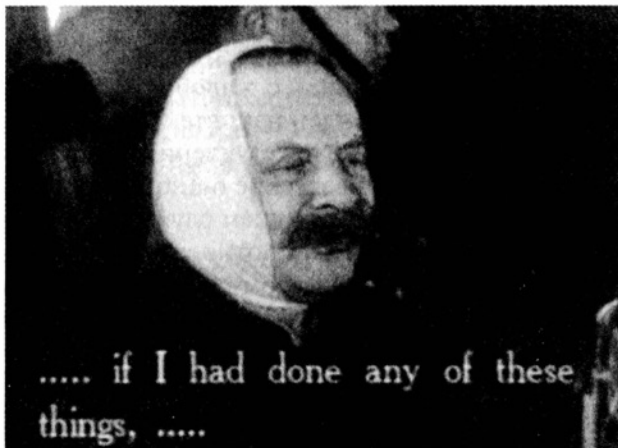
Сталин потребовал выдачи Коха, поскольку более четырех миллионов советских граждан были убиты, а еще два миллиона угнаны в Германию в бытность его рейхскомиссаром Украины (эту должность он занимал до того, как стал гаулейтером Вос-

точной Пруссии). Британцы затребовали официально оформленного запроса на экстрадицию, а в это время Кох повел собственную партию, обратившись с жалобным воззванием. Он признавал, что как бывший член нацистской партии несет всю тяжесть вины за совершенные преступления, но утверждал, что все его политические и человеческие ошибки были обусловлены благими намерениями и желанием служить своему народу³. Кох писал, что не питает иллюзий относительно судьбы, которая ждет его за «железным занавесом», и говорил, что боится не смерти, а негуманного обращения советской системы со своими противниками, когда человека используют, а потом зверски убивают. (И это говорил тот, кто отдавал приказы сжигать тела советских военнопленных в Ровно, а золу продавать немецким крестьянам как удобрение.)

Британцев не тронули мольбы Коха, но бывшего гаулейтера судили не в Советском Союзе. Вместо показаний свидетелей и фотографий советские власти прислали краткое письмо, в котором указывалось, что в Нюрнберге Кох уже был признан виновным в ужасных военных преступлениях⁴. Затем в Западный Берлин поступил еще один запрос на выдачу Коха — на этот раз это был подробный юридический документ с показаниями свидетелей по каждому конкретному обвинению. Запрос был составлен польским правительством. Британцы отправили бывшего гаулейтера Восточной Пруссии в Варшаву.

Заполучив Коха, поляки не торопились с судом над ним. Девять лет он провел в варшавской тюрьме, пока шло следствие по его делу. Эта задержка так и не получила удовлетворительного объяснения, хотя поляки заявляли, что состояние здоровья подсудимого не позволяет провести открытый процесс. Такая пассивность польских властей разительно отличалась от Нюрнбергского процесса, когда за восемнадцать месяцев большая часть верхушки Третьего рейха предстала перед судом и была осуждена, после чего преступников повесили или заключили в тюрьму.

Процесс против Коха начался в Польше только в 1958 году. Кадры телевизионных новостей запечатлели слезливого бывшего гаулейтера Восточной Пруссии, развалившегося на скамье подсудимых с подвязанной платком щекой. 19 марта 1959 года

Кадр из телевизионных новостей о суде над Кохом в Варшаве

после десяти лет заключения и судебного разбирательства продолжительностью четыре месяца и семнадцать дней, во время которого были зачитаны 1500 страниц свидетельских показаний, Коха приговорили к смерти. Он тут же подал апелляцию, ссылаясь на плохое здоровье. Исполнение приговора было отложено, чем тут же воспользовались русские.

Мы попросили нашу знакомую в Санкт-Петербурге поискать в бумагах Кучумова все упоминания о гаулейтере Восточной Пруссии Эрихе Кохе, и за четыре дня до истечения срока наших читательских билетов в берлинский отель с курьерской почтой прибыл пакет. В нем мы нашли замечательную подборку секретных советских документов. Первым лежало письмо из Екатерининского дворца, датированное 28 марта 1959 года — через девять дней после вынесения смертного приговора Коху и подачи им апелляции. Товарищ А.В. Победоносов писал в генеральную прокуратуру Советского Союза о том, что ко всем ужасным преступлениям, совершенным фашистскими войсками на территории Советского Союза, следует добавить еще одно — похищение Янтарной комнаты из Екатерининского дворца.

Товарищ Победоносов сообщал, что согласно последним данным Янтарная комната не погибла во время войны и не мог-

ла быть вывезена из Калининграда. Не подлежит сомнению, что судьбой этого самого ценного трофея интересовалось высшее руководство нацистов, и поэтому Эрих Кох вполне мог знать о ее местонахождении.

Далее Победоносцов обращает внимание на то, что на суде в Варшаве речь ни разу не заходила о судьбе Янтарной комнаты и что эту тайну нацистский преступник может унести с собой в могилу. Поэтому государственная комиссия по поиску культурных ценностей обращается с просьбой направить генеральному прокурору Польши запрос с требованием: во-первых, допросить Эриха Коха по поводу Янтарной комнаты, а во-вторых, проверить материалы судебного процесса, не содержится ли в показаниях свидетелей сведений, которые могли бы пролить свет на судьбу Янтарной комнаты.

Ответное письмо генерального прокурора товарищу Победоносцову датировано 3 июня 1959 года. В нем говорится, что по просьбе советской стороны польские власти допросили гаулейтера Эриха Коха, который заявил, что ему не только ничего не известно о судьбе Янтарной комнаты, но что он не знал ни о ее существовании, ни о ее уникальности. В материалах судебного процесса также нет упоминаний о Янтарной комнате⁵.

Такой ответ польской прокуратуры вызывал недоумение. Мы вспомнили, что еще в 1949 году доктор Герхард Штраус предоставил русским целое досье, связывающее Коха с Янтарной комнатой: его письма гаулейтеру Мучману в Дрезден, в которых он интересовался надежными хранилищами, и приказы Альфреду Роде, чтобы тот осмотрел саксонские замки, в которых можно было бы укрыть «невосполнимые сокровища», в том числе Янтарную комнату.

Неудивительно, что русские отказались принять ответ польской прокуратуры и настаивали на том, чтобы отправить своего представителя для допроса Эриха Коха. Им нужна была нейтральная фигура, которая не вызвала бы раздражения у поляков или у бывшего гаулейтера. Мы искали упоминание об этом допросе. В материалах литературного архива о нем ничего не говорилось, но в документах из «министерства правды» обнаружился рапорт, датированный 24 июня 1959 года⁶. Из него мы узнали о сверхсекретном допросе, который состоялся в этом же

месяце в посольстве ГДР в Варшаве, а также увидели список присутствовавших на нем людей. Советским представителем оказался не кто иной, как профессор Герхард Штраус из университета им. Гумбольдта. Доктор Штраус, который сначала казался нам второстепенным персонажем этой истории, просто именем из оставленного без внимания советским куратором письма, теперь появлялся буквально везде. В 1959 году он должен был пользоваться авторитетом как у Москвы, так и у немецких властей, чтобы его выбрали для таких деликатных переговоров.

В рапорте сообщается, что начало допроса — на нем присутствовали Штраус, Эрих Кох со своим адвокатом, помощник посла ГДР Рейснер и генеральный прокурор Польши — оказалось крайне неудачным. Один из тюремных охранников передал Коху статьи Штрауса о Янтарной комнате, недавно опубликованные в журнале «Freie Welt». Кох сразу же пошел в атаку на Штрауса, заявив, что оскорблен материалом статей и «обвинениями» в том, что он имеет отношение к судьбе Янтарной комнаты. Приговоренный к смерти нацистский преступник обрушился на представителя советского блока, обвиняя его в распространении лжи как репортера из «желтой прессы». Это был трудный момент для Штрауса, стремившегося убедить бывшего гаулейтера в том, что перед ним серьезный ученый из Восточной Германии, который по заданию своего правительства пытается разгадать тайну Янтарной комнаты. Мы никогда не узнаем, что именно Штраус сказал Коху о статьях в «Freie Welt», но бывший гаулейтер разговорился.

Штраус обсудил с заключенным проблему спрятанных в бункерах произведений искусства. Доктор отметил, что Кох не хуже его самого знал места хранения ценностей в Восточной Пруссии и что бывший гаулейтер признал вероятность того, что Янтарная комната могла быть спрятана в бункере или подвале. Однако Кох настаивал, что не отдавал никаких приказов, касающихся Янтарной комнаты. Штраус предупреждал, что это заявление заключенного нужно рассматривать в более широком контексте: «В целом Кох внимательно следил за тем, чтобы сообщать только ту информацию, которая минимизирует его ответственность и свидетельствует в его пользу». Бывший

гаулейтер утверждал, что ничего не знает о судьбе Янтарной комнаты, но в то же время отрицал возможность ее эвакуации в Германию.

Кох выдвинул собственную, довольно радикальную теорию. По словам Штрауса, Кох предположил, что ее вывезла Красная Армия, но затем согласился с возражением, что в этом случае ее бы восстановили в Пушкине. Когда полуторачасовая беседа подходила к концу, Кох попросил Штрауса «дать слово чести», что он не станет разглашать содержание разговора. Никто не должен был знать, что бывший гаулейтер помогает в розысках Янтарной комнаты. Штраус сообщал, что в тот момент вряд ли стоило ожидать большего от Коха, но поскольку заключенный пытался повлиять на ход апелляции, то в скором времени от него могли последовать новые заявления.

Встреча с Уве Гесслером не помогла нам понять, каким образом Штази связала Эриха Коха с Янтарной комнатой и тайником в Германии. В этом докладе бывший гаулейтер Восточной Пруссии не сообщил никаких сведений, связывающих его с Янтарной комнатой или планом ее эвакуации в Германию. Мы уже начали склоняться к мысли, что Гесслер лжет, но следующий документ, доставленный нам из Санкт-Петербурга, подтвердил версию Гесслера. Мы прочли, что летом 1959 года гражданин ГДР с кодовым именем Руди Рингель прилетел в Калининград, где подвергся перекрестному допросу со стороны партийных функционеров. Таким образом, у нас имелось подтверждение, что Руди Рингель действительно существовал и что этот человек летом 1959 года прилетал в Калининград. Советским официальным лицом, проводившим его допрос, был не кто иной, как ленинградский куратор Анатолий Кучумов.

В отпечатанном на машинке отчете с надписью: «Рингель. Совершенно секретно», — Кучумов передает свидетельские показания Руди Рингеля. Эта история очень похожа на то, что мы слышали от Гесслера.

В июле 1949 года, через два года после смерти отца, когда семья готовилась к переезду, мать попросила Руди Рингеля очистить подвал. Под грудой отсыревшего угля он нашел кожаный планшет, похожий на те, что использовали солдаты во время войны. Сверху планшет был покрыт плесенью, а его содержи-

мое отсырело и слиплось. Мальчик смог разобраться, что это были отпечатанные на машинке приказы, донесения, фрагменты карты Кенигсберга, а также различные документы СС с фотографиями его отца, на одном из которых стояла подпись Гимmlера. Руди Рингелю было всего тринадцать лет, но он был уже достаточно взрослым, чтобы понять значение находки⁷.

Таким образом, Руди Рингель видел карту Кенигсберга, а не Германии. В этом пункте версии Гесслера и Кучумова расходились.

Кучумов попросил Руди Рингеля по памяти воспроизвести содержимое планшета, и свидетель описал семь документов, каждый из которых, по его словам, был помечен как первая копия. Их подписал Кучумов, перевел товарищ Вагнерман, а завилировала сотрудница КГБ товарищ Шапошникова.

Первый из реконструированных документов представлял собой письмо, адресованное штурмбаннфюреру СС, отцу Руди Рингеля, и датированное декабрем 1944 года.

В письме сообщалось, что вскоре в Кенигсберге должна начаться операция «Грюне» и что он, как и было условлено, должен взять на себя ответственность за эвакуацию Янтарной комнаты. Границы участка определялись улицами Книпроденштрассе, Штендамм и Райе, видимые с улиц Якоб-штрассе и Гезекусплац. Закопав ценности, здание взорвут. Затем следует двигаться к условленному месту [название отсутствует] заранее разработанным маршрутом. После успешного завершения миссии следует отправить сообщение курьером.

Несмотря на то, что названия улиц были искажены, документ не оставлял сомнений, что описанное место находилось в Кенигсберге, неподалеку от Штейндамм-штрассе.

Руди Рингель вспомнил, что на следующем документе, который он прочел, стоял штамп «Совершенно секретно» и документ был адресован в штаб немецких ВВС. В нем сообщалось следующее: «Операция «Янтарная комната» завершена. Согласно приказу вход взорван. Многочисленные потери в результате действий противника. Направляюсь в условленное место [название отсутствует]». Сообщение было подписано отцом Руди Рингеля, штурмбаннфюрером СС, но даты на документе не было.

Кучумов нарисовал схему центральной части Кенигсберга. На пересечении Штейндамм-штрассе и Ланге-Раие куратор отметит церковь, пруд и памятник жертвам Первой мировой войны. Пространство между церковью и прудом было заштриховано и обозначено как бункер. Если рассказу Руди Рингеля можно верить, что эвакуация Янтарной комнаты под кодовым названием операция «Грюне» была выполнена, и вывезенное из Советского Союза сокровище переместили из Кенигсбергского замка в тайное убежище неподалеку от церкви Штейндамм. Но в таком случае непонятно, почему сотрудники Штази пришли к выводу, что Янтарная комната была эвакуирована в Германию⁸.

К нашему огорчению, пять других документов, реконструированных Руди Рингелем, в папке отсутствовали. Мы позвонили в Санкт-Петербург и попросили нашу знакомую еще раз проверить содержание архива. Вскоре раздался ответный звонок: «Ничего». Мы вновь посетили «министерство правды», чтобы выяснить, не получала ли Штази копию доклада Кучумова, описывающего беседу с Руди Рингелем. Опять ничего.

В нашем распоряжении имелись лишь газетные вырезки из архива Кучумова, и все они были связаны с Эрихом Кохом.

Как и предполагал в 1959 году Штраус, Кох вскоре вновь говорил о Янтарной комнате, причем утечка информации произошла через охранников тюрьмы. В сентябре 1961 года он дал интервью польскому журналисту Владимиру Орловскому, а в октябре того же года корреспонденту газеты «Известия». Кох заявил, что знает о двух бункерах, где прятали произведения искусства Роде и доктор Гельмут Виль⁹. Среди прочих ценностей там были экспонаты из его личной коллекции. Он не может быть на 100 процентов уверен, что там же спрятана Янтарная комната, но это представляется ему более чем вероятным¹⁰. Кох по-прежнему отрицал свою причастность к судьбе Янтарной комнаты, но был почти уверен, что ее перевезли в бункер на территории Кенигсберга. Эта версия согласовывалась с рассказом Руди Рингеля.

Три года спустя польские власти отменили смертный приговор, вынесенный Коху судом, на том основании, что заключенный смертельно болен. Вскоре после этого Коха перевели в

специально построенную тюрьму в польской провинции, где он продолжал сотрудничать с властями¹¹. В 1967 году просочились сведения, что бывший гаулейтер Восточной Пруссии (удивительно, но он был все еще жив) обвинил рейхслейтера Бормана в том, что тот хотел завладеть Янтарной комнатой, стоившей, по оценке самого Коха, более 50 миллионов долларов¹².

5 февраля 1967 года агентство ТАСС сообщило, что советские власти уверены в том, что Янтарная комната находится на территории Восточной Пруссии. В конце концов Кох признался, что отдал приказ Альфреду Роде и Гельмуту Виллю вывезти это «невосполнимое сокровище» и спрятать его в бункере под городской церковью рядом с Штейндамм-штрассе. Вне всякого сомнения, это был тот бункер, который нарисовал Кучумов за восемь лет до этого признания после допроса гражданина ГДР Руди Рингеля. В конце февраля 1967 года ТАСС сообщило, что в Калининград действительно направлялась поисковая партия с бурильным оборудованием. Однако о результатах поисков ничего не говорилось¹³.

Статьи в «Калининградской правде» и в «Freie Welt», появившиеся в 1958 и 1959 годах, привлекали внимание публики к *анонимным* нацистам, которых обвиняли в вывозе Янтарной комнаты из Кенигсбергского замка в неназванное (или неизвестное) место. Новая информация, полученная от Руди Рингеля, позволяла предположить, что этим анонимным нацистом был Эрих Кох. В 1967 году Кох наконец признался, что принимал участие в эвакуации Янтарной комнаты (хотя и настаивал, что ее перевезли в другое место на территории Кенигсберга). Как бы то ни было, КГБ и Штази двигались в разных направлениях, используя одни и те же показания Коха и Рингеля. Гесслер утверждал, что сотрудники Штази пришли к выводу об эвакуации Янтарной комнаты в Германию. КГБ придерживалось калининградской версии.

* * *

Возможно, мы упускаем самое главное. В любом случае времени оставалось мало. Что нам делать: оставаться в Берлине или ехать в Санкт-Петербург? Мы поднялись на лифте на девятый

этаж «министерства правды» в Берлине и провели все утро, просматривая проверенные цензурой протоколы допросов. В конечном итоге нам попался черновик любопытного документа: «План мероприятий по глубоко сконцентрированному поиску следов Янтарной комнаты на территории ГДР». Это был доклад, написанный неуклюжим языком Штази и пояснявший проводившуюся на территории Германии операцию. Мы надеялись, что найдем объяснение или опровержение версии Гесслера. В документе содержалось немного имен, и цензоры пощадили его¹⁴.

Подполковник Пауль Энке сообщил своему начальнику Гансу Сейфарту: «Нам известно, что в Советском Союзе поисками занимается государственная комиссия, однако эти поиски сосредоточены исключительно на Калининграде, и лишь незначительное внимание проявляется к многочисленным свидетельствам, указывающим на тайники в Саксонии и Тюрингии». Этот документ свидетельствовал, что в 1976 году, через девять лет после сообщения ТАСС о раскопках в Калининграде, основанием для которых послужили признания Эриха Коха, русские ничего не нашли.

Энке приводил рекомендации: интенсивные расследования на местах, проверка многочисленных фактов и намеков. Туманные заявления Коха о возможном местонахождении его личных коллекций могут указывать на тайники в Тюрингии, а также на западе Саксонии.

План действий был таков: необходимо тщательно допросить Эриха Коха относительно его личных коллекций. Такой допрос уже проводился в 1960 [именно так!] году профессором Герхардом Штраусом из Берлина, но он не дал результатов и был ограничен исключительно Калининградом. В настоящее время Коху можно сообщить некоторые сведения, которые освежат его память и наведут на размышления. Список рекомендуемых вопросов прилагался.

Все это в точности совпадало с рассказом Гесслера. В Штази полагали, что КГБ неверно интерпретирует информацию, полученную от Коха и Руди Рингеля.

Энке советовал «выявить истинную роль штурмбаннфюрера СС Рингеля в укрытии Янтарной комнаты». Он напоминал,

что утверждения Руди Рингеля, сделанные во время беседы с советской правительственной комиссией [Анатолием Кучумовым], основаны лишь на детских воспоминаниях (в 1949 году ему было тринадцать лет), и полагал, что следует провести повторный допрос.

Причина, заставившая Энке повторно проанализировать свидетельства Эриха Коха и Руди Рингеля, становится понятной из его отчета о поездке в Тюрингию и Саксонию в июне 1976 года.

В путешествии Энке сопровождала жена Герда (легенда супружеской пары на отдыхе использовалась Штази постоянно). Сначала они отправились в Веймар, на родину Веймарской республики. Оставив Герду бродить по вымощенным булыжником улицам, по которым когда-то ездил бронированный «мерседес» Гитлера, Энке направился в местное отделение Штази, занимавшее здание на Кранах-штрассе. Там он провел не один час, изучая нацистские архивы.

Энке докладывал Сейферту: «Все, что нацисты привезли в Тюрингию, чтобы продолжать роскошную жизнь... пришлось оставить. Дворцы и даже танцевальные залы в гостиницах были доверху заполнены предметами роскоши»¹⁵. В архивах Веймара Энке сразу же наткнулся на «любопытные следы» Эриха Коха, в том числе «огромные груды папок времен его кровавого правления на Украине, которые были вывезены в близлежащий город Бад-Сулза в 1945 году».

Энке сообщал, что весной 1945 года в Тюрингию было вывезено большое количество артефактов из Восточной Пруссии, в том числе средневековые скульптуры из Мариенбургского замка (современный город Мальборк в Польше) и железный сундук из аббатства св. Георгия в Элбинге. Через несколько дней Энке нашел опись «музейных ценностей, доставленных на хранение в Государственный музей Веймара», который составил тогдашний директор музея доктор Вальтер Шедиг. В нем упоминались ценные гобелены, живопись и большая коллекция настенных канделябров. Однако внимание Энке привлекли полотна, не имевшие большой художественной ценности — «Вид Эльберфильда» и «Гнев правителя Глена», а также несколько второсортных портретов.

Энке сообщал, что Эльберфильд, расположенный в долине Рейна, был родиной Альфреда Коха, а судя по архивным документам из Потсдама, картина «Гнев правителя Глена» была одним из многочисленных подарков Коху во время его пребывания в Кенигсберге. Энке докладывал в Берлин: «Мы нашли место, куда перевезли коллекцию Коха, — даже без его помощи!» Энке добавлял, что в одной из газет ГДР приводилось следующее высказывание Коха: «Если вы найдете мою коллекцию произведений искусства, вы найдете и Янтарную комнату». Энке был уверен, что нашел нечто важное.

Затем Энке принялся за поиски доктора Шедига, который составлял опись эвакуированной коллекции Коха. На развалинах Государственного музея Веймара (он серьезно пострадал от бомбежек во время войны и в 1976 году все еще лежал в руинах) Энке встретил старого торговца предметами искусства, который сообщил ему, что Шедига нет в живых. Но беспокоиться нечего — торговец (его имя было вымарано цензурой) тоже знает, как в Веймаре оказалась коллекция Коха.

Старик вспомнил, что 9 февраля 1945 года прибыл фургон, который сопровождал нацистский офицер, представившийся «управляющим гаулейтера Коха». Одетый в мундир ВВС и заявивший о том, что он привез «музейные ценности из Кенигсберга», офицер выглядел встревоженным. Он не был ни историком, ни музейным куратором и стремился как можно быстрее уехать, едва разгрузив свой фургон. Старик отметил, что груз представлял собой разнообразные ящики, коробки, чемоданы и сундуки. Сотрудники музея все это сложили, не распаковывая, на первом этаже здания. Энке отмечал, что эвакуация этих ценностей проводилась в спешке, без заранее подготовленного плана, и многое было оставлено воле случая¹⁶.

Через несколько недель бомбардировок Веймара, 9 апреля 1945 года (в день сдачи Кенигсберга), вновь появился управляющий гаулейтера Коха, чтобы вывезти «музейные ценности из Кенигсберга». Он погрузил часть ящиков в небольшой автомобильный фургон со швейцарскими номерами и с эмблемой Международного Красного Креста. На следующий день он вернулся за второй партией груза и сказал, что 11 апреля заберет остальное. Но он не вернулся — 11 апреля 1945 года в Веймар

вошли подразделения 3-й армии США, и прикомандированные к армии эксперты обнаружили в холле Веймарского музея бесхозные ящики. Директору музея Шедигу было приказано вскрыть ящики и составить опись. Среди семейных портретов и немецких гравюр обнаружились серебряные канделябры, а также музейные экспонаты с табличками на русском языке. Именно этот список обнаружил Энке.

Энке спросил торговца, где теперь находятся все эти предметы. Старик удивился, что собеседник ничего об этом не знает. В 1948 году в Веймар приезжала музейный работник из России и увезла с собой большую часть содержимого ящиков. Кажется, ее звали Ксения Агафонова.

Нам было знакомо это имя. Записи из дневника Кучумова, в которых рассказывалось о его миссии в Берлине в 1947 году, когда он работал под началом генерала Зорина, разбирая награбленные сокровища на складах «Дерутра», сообщали, что Ксения Агафонова числилась среди его сотрудников. Она была работником Государственного Эрмитажа, и в ее обязанности входило возвращение произведений искусства, спрятанных в сельской местности. Кроме того, она участвовала в допросе Герхарда Штрауса. В СССР вернули часть коллекции Коха, но никто даже не подумал сообщить об этом Штази. Почему?

Энке должен был проверить полученные сведения, и поэтому он отправил письмо в Ленинград. В ожидании ответа он пытался проследить путь вещей Коха, покинувших Веймар в фургоне 9 и 10 апреля 1945 года.

Сидя за письменным столом на Кранах-штрассе и потягивая свое любимое темное пиво, Энке наносил на карту продвижение войск союзников, наступавших в Тюрингии в апреле 1945 года. «В тех условиях скорость фургона не могла превышать 30 километров в час, — писал он в своем отчете. — С учетом дороги к месту хранения [музей Веймара], разгрузки и обратной дороги, блокпостов на дорогах и времени отдыха можно утверждать, что максимальное расстояние от Веймара не превышало 150—180 километров». Но в каком направлении увозили сокровища Коха?

На севере наступали части Красной Армии. Если бы фургон направился на запад, то столкнулся бы с американцами, кото-

рые 4 апреля 1945 года вышли к тюрингской деревушке Меркерс. Американские войска также наступали с юга, и 11 апреля заняли баварский Коббург, угрожая перерезать шоссе А9, соединяющее Берлин и Нюрнберг. Энке пришел к выводу, что 9 и 10 апреля единственный разумный путь лежал на восток, по шоссе А4 к Гере и дальше на Дрезден. Для упрощения Энке обозначил этот предполагаемый район как запад Саксонии.

Где же находится этот «запад Саксонии»? Энке сообщал: «В апреле 1945 года все надежды [нацистов] испарились, превратившись в убежденность в неизбежности полного поражения. В этот момент нацисты искали не замки, дворцы и монастыри, а тайные убежища, где произведения искусства могли быть спрятаны и оставаться вне досягаемости определенный промежуток времени». Шахты, а не замки. Пещеры, а не монастыри. Бункеры, а не банковские сейфы. Энке напомнил Сейферту, как в мае 1945 года американцы нашли огромное собрание из музея фюрера в соляной шахте в австрийских горах Альт-Аузее.

Энке рылся в архивах, пытаясь определить местоположение подземных убежищ на западе Саксонии. Он посетил Дрезден и среди прочих документов нашел письмо профессора Фихтнера, направленное в рейхсканцелярию в 1943 году. Профессор писал, что идеальными убежищами в период «децентрализованной аккомодации» являются хорошо замаскированные области в центре Германии. Далее называлась известняковая каменоломня в Ленгефельде на севере природного заповедника Эрцгебирге в западной Саксонии, большая часть которой находилась «в буквальном смысле в недрах горы и была надежно защищена от воздушных налетов». В тот момент рейхсканцелярия отвергла предложение профессора, и, насколько мог судить Энке, убежище оставалось незанятым¹⁷.

Энке поехал в район Эрцгебирге, полосу густого хвойного леса в горах на границе Саксонии и Чехословакии. В переводе с немецкого название Эрцгебирге означает «рудные горы», и в этом регионе еще с XII века добывали цинк, серебро и свинец. Энке нанес визит в «горный архив» Фрейберга, небольшого городка на северной оконечности Эрцгебирге, где находился центр картографирования неиспользуемых шахт региона. Он сообщал Сейферту, что поиск должен быть узконаправленным, по-

тому что длина стеллажей с документами составляет несколько тысяч метров, а число отдельных чертежей и схем шахт и штреков достигает 76 тысяч.

Из рассказов местных жителей Энке узнал, что 11 марта 1945 года в Эрцгебирге были найдены тела шурина Гитлера, а также четырех подчиненных гаулейтера Саксонии Мартина Мучмана. Он также вспомнил переписку 1944 года, в которой Кох обсуждал с Мучманом наиболее надежные места для укрытия Янтарной комнаты. Самого Мучмана арестовали в мае 1945 года в этом же районе; бойцы Красной Армии обнаружили его в деревушке Теллерхаузер, а затем он был предположительно отправлен в Советский Союз. Энке предположил, что гаулейтер бежал в самую безопасную, по его мнению, часть Саксонии. Именно там Штази следует искать Янтарную комнату. Энке требовалось лишь одобрение руководства.

Пытаясь сфокусировать свои изыскания, Энке старался выяснить личность нацистского офицера, который перевозил принадлежавшие Коху ценности через Веймар. Энке докладывал Сейферту, что на основе архивных документов и показаний свидетелей он сделал вывод, что этим офицером был Альберт Попп, бригадфюрер СС из дислоцированной в Саксонии 7-й авиационной группы и, что более важно, племянник гаулейтера Мучмана.

Энке сообщал, что Попп уже выполнял задания высшего руководства нацистов, эвакуировав в марте 1945 года сводную сестру Гитлера из Дрездена в Берхтесгартен. Чтобы доказать близость Поппа к нацистской верхушке, Энке приводит следующий факт: после войны Попп бежал на Запад, а его жена осталась в ГДР и усыновила детей бывшего гаулейтера Саксонии Мартина Мучмана¹⁸.

Энке проверил свои выводы при помощи старого торговца произведениями искусства, единственного живого свидетеля, видевшего прибытие ящиков Коха в Веймарский музей в феврале 1945 года. Энке докладывал: «Торговец сказал, что, возможно, вспомнит имя, если услышит его или увидит. Тогда мы написали два десятка имен, причем многие из них были похожими, а имя «Альберт Попп» стояло в этом списке на тринна-

дцатом месте. Старик прочел все имена... а затем сказал: «Да, водителя звали Попп»¹⁹.

Энке также попытался получить подтверждение своей теории в Советском Союзе. Наша знакомая из Санкт-Петербурга нашла в литературном архиве два письма к Кучумову, написанные в тот период, когда Энке вел поиск в Саксонии. Мы и не подозревали, что эти два человека переписывались. Первое письмо, датированное 24 июля 1976 года, начинается с «сердечного приветия боевому товарищу».

Энке пишет о своих затруднениях. Он ссылается на последнее заявление Эриха Коха о возможной связи между его личными коллекциями и Янтарной комнатой и спрашивает мнение Кучумова, не могли ли они быть спрятаны вместе. Эта теория согласуется с версией событий, над которой он в настоящее время работает и которую излагал Кучумову в апреле в Пушкине и Павловске²⁰.

Получается, что Энке и Кучумов встречались в апреле 1976 года в Ленинграде и обсуждали вероятность того, что Эрих Кох вывез Янтарную комнату из Восточной Пруссии вместе с личной коллекцией произведений искусства. До этого момента мы полагали, что немецкое и советское расследования шли каждый своим путем и что Энке никогда не покидал пределы ГДР.

Далее Энке сообщает Кучумову, что нашел опись награбленных сокровищ Коха, и что в списке имеется большое количество серебряных канделябров. Он вспомнил описание Янтарной комнаты, и особенно тот факт, что в огромных зеркалах отражался свет многочисленных свечей. Согласно подсчетам Энке (по фотографиям) в комнате насчитывалось 132 канделябра. Его насторожил тот факт, что в списке серебряных вещей из собрания Коха указано такое же количество [русских] канделябров. Возможно, именно они украшали Янтарную комнату.

Теория Энке (а вместе с ней и рассказ Гесслера) начинала обретать смысл. У него оставался последний вопрос к Кучумову.

Энке спрашивал, не попадалось ли Кучумову имя помощника Коха, которого звали Попп или Поппа. Имеющиеся факты указывают, что этот человек был доверенным лицом Коха и помогал прятать ценности из вышеупомянутого списка.

В заключение Энке выражал благодарность Кучумову и его

коллегам из Павловска и Пушкина, а также обещал приложить все силы для достижения общей цели.

Второе письмо Энке датировано 22 октября 1976 года. В нем он от себя лично и от своей жены благодарит «уважаемого Анатолия Михайловича» за поздравление с национальным праздником ГДР [7 октября]. Энке по-прежнему не терпится узнать, нет ли у Кучумова каких-либо сведений об Альберте Поппе. Он повторно спрашивает о человеке, который в 1945 году перевозил ценное имущество Коха из Кенигсберга в центральные области Германии и настолько хорошо сумел спрятать их, что часть до сих пор остается найденной, интересуясь датой его рождения и настоящим именем. По всей вероятности, Кучумов не ответил на первую просьбу Энке.

Далее Энке касается более деликатных тем. Он сообщает, что во время отпуска путешествовал с женой по Тюрингии и Саксонии и виделся с важными свидетелями, которые сообщили ценную информацию. Но у него опять возник вопрос к советскому коллеге. По всей видимости, в 1946 году Ксения Агафонова нашла часть имущества Коха, в том числе серебряные канделябры, о которых упоминалось в предыдущем письме, и вернула ценности в Советский Союз. Энке спрашивает, действительно ли Ксения Агафонова была куратором Эрмитажа и действительно ли эти канделябры принадлежали Янтарной комнате. В заключение Энке выражает уверенность, что Янтарная комната будет найдена.

В этом письме мы впервые натолкнулись на свидетельства того, что часть Янтарной комнаты (даже если это всего лишь канделябры) могла быть найдена в Германии после войны. Если то, о чем Энке сообщал Кучумову в частном письме, соответствовало действительности, то становилась понятной убежденность Штази, что Янтарную комнату следует искать на территории Германии. Однако по-прежнему оставалось загадкой, по какой причине русские не сообщили Штази о находке канделябров.

Ответов Кучумова — если он вообще отвечал на письма Энке — в «министерстве правды» не оказалось. Тем не менее среди документов мы обнаружили еще один доклад Энке полковнику Сейферту, датированный 1976 годом. В нем Энке попы-

тался свести концы с концами и опирался на свидетельства гражданина ГДР под кодовым именем Руди Рингель.

Энке рассуждал следующим образом. Кох намекал, что его ценности спрятаны вместе с Янтарной комнатой; Энке проследил путь вещей Коха до Веймара, а затем до фургона Красного Креста; если отец Руди Рингеля штурмбаннфюрер СС, участвовал в секретной операции по вывозу Янтарной комнаты, это значит, что он мог вместе с Альфредом Поппом сидеть в фургоне Красного Креста, который направлялся, по всей вероятности, на запад Саксонии, а не в центр Кенигсберга, как предполагали русские. Логика эта была примитивной и не очень убедительной, но Штази приняла ее.

Чтобы доказать свою теорию, Энке стал отдельно изучать историю семьи Руди Рингеля, проверяя сведения, рассказанные его матерью, сестрой и братом, по сохранившимся документам военного времени и упорно ища связи с Альбертом Поппом, фургоном Красного Креста и западной частью Эрцгебирге. Читая этот документ, мы поняли, что именно на этом этапе Энке обратился за помощью к Уве Гесслеру в проведении перекрестных допросов.

Согласно докладу Энке фрау Рингель утверждала, что 2 ноября 1944 года она вместе с детьми переехала из подвергавшегося бомбардировкам Кенигсберга в Саксонию, в городок Кримитшау, расположенный в шестидесяти милях к западу от Эрцгебирге. Ее муж, штурмбаннфюрер СС, остался в Кенигсберге, но 5 февраля 1945 года он появился на пороге дома в Кримитшау — в гражданском платье, с вещмешком, автоматом, пистолетом и небольшим запасом продуктов.

В местном архиве Энке и Геслер нашли запись о том, что 6 февраля 1945 года эсэсовец зарегистрировался в полицейском участке. Его жена утверждала, что затем он исчез на десять дней. Такие же отлучки повторились в марте и апреле 1945 года. В феврале 1946 года семья Рингель вновь переехала, на этот раз в Шлему (поселок на границе Эрцгебирге). В расположенной неподалеку больнице Грейца Энке обнаружил свидетельство о смерти штурмбаннфюрера, датированное 14 октября 1947 года (в качестве причины смерти было указано легочное заболевание). Именно в подвале дома в Шлеме, по утверждению «Руди Рингеля»,

был найден кожаный планшет с документами. Это произошло в июле 1949 года, когда семья вновь собралась переезжать — в Эльстерберг, к западу от Эрцгебирге. Энке выяснил, что этот город был родиной Альберта Поппа. Близость Поппа и семьи Руди Рингеля к Эрцгебирге не давали покоя Энке (хотя, по нашему мнению, это ничего не доказывает)²¹.

Мы с нетерпением читали страницы доклада Энке Сейферту:

Многие утверждали, что Руди Рингель мошенник или фантазер, и поэтому его не стоит принимать всерьез. Вначале у нас тоже были сомнения, но нам требовалась определенность, и мы внимательно изучили прошлое Руди Рингеля... Мы не считаем радиосообщение [«Операция «Янтарная комната» завершена. Помещена на хранение в ВСЧН. Подходы взорваны. Потери в результате действий противника».] ошибкой или фальшивкой, а лишь ставим под сомнение вывод некоторых исследователей, что это сообщение было отправлено из Кенигсберга»²².

Энке был настолько уверен, что совершил прорыв в деле поиска Янтарной комнаты, что через несколько месяцев после писем к Кучумову превратил свою теорию, связывающую Коха, Веймар, Поппа и Рингеля, в план книги с рабочим названием: «Следы Янтарной комнаты: историко-криминологическое расследование». Именно так появилась на свет «Bernsteinzimmer Report». Шестая глава книги обещала: «Новые следы, ведущие в западную Саксонию»²³.

Мы торопливо листали документы в папке, разыскивая доклад с результатами изысканий на западе Эрцгебирге, но вместо него нашли нечто совершенно непостижимое. Через два года Пауля Энке отстранили от расследования, связанного с судьбой Янтарной комнаты. Сидя дома, он сочинил это письмо, адресованное генерал-полковнику Бруно Битеру, первому заместителю министра государственной безопасности ГДР и правой руке Эриха Мильке.

В письме, датированном 30 января 1978 года, Энке просил

совета и практической помощи, а также спрашивал о возможности личной встречи. Он хотел иметь доступ к файлам BZW [досье Янтарной комнаты] и писал о том, что не в силах последовать рекомендации прекратить расследование²⁴.

Энке ведет поиск в Эрцгебирге. Затем он просит разрешения на доступ к документам, которые сам же составлял. Мы стали читать дальше, пытаюсь понять, что произошло с Паулем Энке. В чем он ошибся?

Энке продолжал:

«Результат десятилетних поисков теперь доступен в виде историко-криминологического исследования... в котором я представляю доказательства того, что 9 февраля 1945 года Янтарная комната была доставлена в Тюрингию, а в начале апреля 1945 года ее перевезли в Саксонию. Я опровергаю все остальные версии (Восточная Пруссия. Кенигсберг, Балтика, Бавария, Нижняя Саксония)... Дорогой товарищ Битер, пожалуйста, найдите для меня возможность продолжить расследование, чтобы я мог докладывать лично вам... С наилучшими пожеланиями, старый боец, ваш Пауль Энке».

Вероятно, ситуация была критической — Энке через голову непосредственного начальства обращается прямо к Битеру, одному из самых могущественных людей в ГДР. Битер служил в Штази с момента зарождения спецслужбы и участвовал в печально известных похищениях детей, которые в 50-х годах организовывал Мильке, чтобы вернуть перебежчиков.

Шесть дней спустя Энке пишет второе письмо:

«5 февраля 1976 года, Берлин, Грюнау. Дорогой товарищ Битер! Для начала примите мои искренние пожелания самого крепкого здоровья и успехов в работе! Возможно, закрытая работа способна прояснить некоторые аспекты проблемы BZ [Янтарной комнаты]... разница между моими рукописями и всеми другими публикациями по большей части состоит в... постоянной опоре на факты и доказательства, указывающие на конкретные источники и в отбрасывании всех гипотетических псевдофактов».

В этом письме звучали оправдательные нотки, как будто власти ставили под сомнение результаты исследований Энке.

На тот случай, если Битер все еще сомневался в интуиции и опыте Энке, в письме имелся постскрипtum.

В рамках своих служебных обязанностей как «историка» я недавно прочел изданную книгу Дэвида Ирвинга (Великобритания) «Гитлер и его генералы». Восемь лет назад Ирвинг вступил в контакт с нами... и в окрестностях Перлеберга мы вместе искали личные вещи нацистских лидеров. В вышеупомянутой книге [Ирвинг пишет] об этом... «Поиски при помощи протонного магнитометра в одном из лесов Восточной Германии заняли несколько недель... но банка для варенья, в которой якобы находились последние дневники Геббельса [не была найдена], хотя если судить по карте, мы стояли прямо над ней»²⁵.

В письме ничего не говорится о том, состоял ли Дэвид Ирвинг на службе у Штази; не нашли мы также ответов Битера. Тем не менее через месяц, 15 февраля 1978 года, Энке предложил еще один план действий: он просил разрешения допросить Коха (который все еще сидел в тюрьме в Польше), а также связаться с властями Советского Союза²⁶.

21 августа 1978 года последовала реакция Штази. Предложения Энке были отвергнуты, а все расследования, основанные на свидетельских показаниях гражданина ГДР Руди Рингеля, временно приостановили. Поступил следующий приказ: повторно допросить Руди Рингеля. Агентом Штази, которому поручили это дело, был Уве Гесслер, человек, с которым мы встречались в деревушке Цигенхальс²⁷. Но в беседе он не упоминал об этом.

ГЕССЛЕР: Не найдено никаких упоминаний о штурмбаннфюрере СС или эсэсовце такого же ранга с этой фамилией [Рингель]. Как вы это объясните?

РУДИ РИНГЕЛЬ: Мой отец был убежденным коричневым [фанатичным нацистом]. Он вступил в нацистскую партию 1 мая 1937 года. Всем известно, что именно он сжег синагогу в Кенигс-

бере. Он носил разные мундиры: коричневый, серый и черный, — но у него на эполетах точно были двойные серебряные стрелы [эмблема СС]. В семье использовали несколько имен. Возможно, отец записался в СС под одним из них.

ГЕССЛЕР: Почему после 1945 года ваш отец хранил документы, которые могли привести его в камеру смертников?

РУДИ РИНГЕЛЬ: Мой отец был тупоголовым пруссаком. Теперь мне кажется, что я унаследовал эту фамильную черту.

ГЕССЛЕР: Как вы нашли эти письма?

РУДИ РИНГЕЛЬ: Это произошло во время уборки подвала. Я нашел откидной планшет с именем своего отца. Он был заперт на замок и почти сгнил. Но внутри оказались документы, в которых говорилось о Яantarной комнате. В одном из них его называли штурмбаннфюрером. Я помню нацистского орла, а также то, что на нем стоял гриф РСХА [главное разведывательное управление рейха]. Тогда я сжег все бумаги, потому что думал, что лучше их уничтожить.

ГЕССЛЕР: При каких обстоятельствах вы контактировали с представителями властей Советского Союза?

РУДИ РИНГЕЛЬ: В журнале «Freie Welt» напечатали просьбу к читателям. Я написал в Берлин и сказал, что хочу сделать заявление. Ко мне приехали редакторы «Freie Welt» [имена закрашены]. Затем я летал в Москву и Калининград.

ГЕССЛЕР: По словам властей Советского Союза, вы заявили им, что Яantarная комната спрятана в церкви в Понарте [юго-западный пригород Кенигсберга], в здании, которое взорвали нацисты. В Понарте была всего одна церковь, и ее не взрывали в 1945 году. Что вы теперь скажете?

РУДИ РИНГЕЛЬ: Должно быть, это ошибка в переводе. Я никогда не делал подобных заявлений. Я говорил только о дороге из [Кенигсбергского] замка в церковь Штейндамм.

ГЕССЛЕР: Являются ли все сделанные вами заявления относительно Яantarной комнаты порождением вашей фантазии?

РУДИ РИНГЕЛЬ: Сейчас мне было бы легче всего сказать, что я все выдумал. Но я действительно это помню. Я готов еще раз все обдумать, и если вспомню что-нибудь еще, то свяжусь со Штази. Я прочитал протокол и подтверждаю правильность того, что здесь написано.

Под документом стояли две подписи: «Бернд» и «Руди Рингель».

Бедный Руди Рингель (в протоколе допроса указана его профессия — токарь). Наверное, он увлекся статьями в «Freie Welt» и добровольно предложил свою помощь. Должно быть, он рассчитывал получить награду от местной партийной ячейки — бесплатный бокал темного пива или поездку на выходные в курортный городок Фридрихрода. Вместо этого его таскали в Москву, а затем в Калининград, доверили государственные секретеры. Его допрашивали — сначала Кучумов, затем Энке, а теперь Бернд. Единственное, чего он не мог сделать после написания судьбоносного письма в «Freie Welt», если хотел остаться в живых, это отступить.

9 ноября 1979 года Бернд, известный нам как Уве Гесслер, составил отчет для секретариата Штази. Ему наконец удалось разыскать следы отца Руди Рингеля. Любопытно, что содержание доклада не совпадало с тем, что он рассказывал нам в своем домике в деревушке Цигенхальс.

Отец Руди Рингеля был членом нацистской партии, но с 1940 года его прикомандировали к службе почтовой охраны. Бернд писал: «После ранения [имя зачеркнуто] некоторое время служил в оккупированной Польше, но затем был комиссован».

По свидетельству дочери, после этого он зарабатывал на жизнь изготовлением сумок из лоскутов ткани». Крайне маловероятно, что инвалиду и бывшему служащему почтовой охраны Эрих Кох доверил судьбу Янтарной комнаты.

В самом конце досье Штази с надписью Руди Рингель мы нашли следующее заключение:

Заявление, сделанное [Руди Рингелем] является ложью. Он либо намеренно, либо произвольно затруднил работу по поиску Янтарной комнаты и направил расследование по ложному пути, причинив серьезный ущерб. Это значит, что его следует привлечь к суду за лжесвидетельство в соответствии со статьей 228, а также подстрекательство в соответствии со статьей 233.

Руди Рингель также был обвинен в «сообщении ложной информации советским органам». Все раскопки в Калининграде, основанные на показаниях Руди Рингеля, оказались пустой тратой времени.

Мы позвонили Гесслеру в его квартиру в Восточном Берлине, неподалеку от аллеи Космонавтов, и спросили, что случилось с Энке и его поисками BSCH, тайного хранилища Янтарной комнаты. Не его ли работа позволила выяснить, что Руди Рингель был всего лишь сыном хромого почтового охранника?

С другого конца провода доносился свист, который издавали страдавшие эмфиземой легкие Гесслера.

— Мы копали бесконечно долго, — наконец сказал он. — Мы рыли и рыли. Привезли экспертов из Швейцарии. Наняли тяжелую технику за границей. Платили за все в твердой валюте. Потратили около 6 миллионов [500 тысяч долларов] на раскопки всего одной шахты. В конечном итоге мы проникли в туннели Швальбе-V в окрестностях Геры. Там находилась подземная фабрика нацистов, где ученые пытались получить бензин из угля. Энке сообщил начальству, что мы первые, кому удалось туда войти. Но когда мы зажгли фонари... — На другом конце провода наступила тишина, а затем послышался треск — Гесслер вдохнул. — Мы не нашли ничего, кроме обугленных клочков газеты «Правда» за июль 1945 года, свернутых в трубочки. Красная Армия побывала здесь за несколько десятилетий до нас, оставив после себя только окурки от самокруток. Мы даже знали точную дату. В 1945 году не хватало буквально всего, в том числе папиросной бумаги, и бойцы Красной Армии использовали вместо нее страницы «Правды». Энке попусту тратил время.

Пока мы размышляли о том, что все внезапно закончилось в пустой шахте, которую уже обыскивали советские солдаты, а Руди Рингель попал на скамью подсудимых, в комнату вошла чиновница в жемчугах.

— Время, пожалуйста, — напомнила она, постукивая пальцем по наручным часам.

Глава 10

В последнюю неделю мая 1980 года генерал-майор Карл Кобургер и генерал-майор Иохен Бухнер, оба руководителя директоратов Штази, встретились, чтобы обсудить дальнейшую карьеру Пауля Энке¹.

Согласно личному досье Энке под номером KSII404/82 он за двадцать пять лет службы вычислил 100 возможных мест нахождения Янтарной комнаты. Используя псевдоним доктор Келлер и удостоверение «работника управления государственными архивами», Энке «вступал в контакт с гражданами Западной Германии и журналистами из ФРГ» по вопросам реституции вывезенных из Советского Союза произведений искусства². Однако его послужной список не был безупречным.

Перед двумя генералами лежала его характеристика, датированная 15 апреля 1952 года, когда Энке был молодым полицейским. «Характер: спокойствие, проявляемое Энке в общении, является чисто внешним, а за ним скрывается живая и импульсивная натура»³.

Еще одна характеристика была датирована 5 октября 1964 года, через неделю после того, как Энке согласился стать агентом Штази. В нем говорилось, что Энке предпочитает заниматься исключительно теорией и старается уклониться от практической работы. Иногда он проявляет упрямство и недостаточную восприимчивость, чтобы правильно реагировать на критику его личных качеств или принимаемых им решений⁴.

Учитывая эти сомнения, мы не могли понять, почему на протяжении стольких лет Энке доверяли такие деликатные, тайные и дорогостоящие операции, как поиск Янтарной комнаты.

30 мая 1980 года Энке вызвали в штаб-квартиру Штази на Норманенштрассе. В отчете об этой беседе сообщается следующее: «Товарищ Бухнер начал разговор с заявления, что работам

по поиску произведений искусства, похищенных в Советском Союзе, необходимо придать государственный статус, и поэтому результаты расследования товарища Энке должны быть собраны в одном официальном досье». Далее делался вывод о том, что работа должна вестись «на более высоком политическом уровне», и Энке должен предоставить все имеющиеся у него материалы⁵. Ему было приказано сдать все материалы своих исследований вместе с пояснениями и рекомендациями к 13.30 4 июня 1980 года. В распоряжении Энке оставались четыре с половиной дня, чтобы завершить свою карьеру.

На этом Бухнер закончил разговор. Учитывая ухудшившееся здоровье Энке, ему предоставляли «отпуск по болезни», а затем отправляли на пенсию. Когда Энке находился уже в дверях, Бухнер пожелал ему «успеха в выполнении нового задания»⁶. Официально Энке вышел на пенсию с 1 января 1981 года, но в оставшиеся месяцы он практически не был загружен работой.

Таким образом, от Энке избавились, а хранившиеся в «министерстве правды» материалы подтверждали, что приказ о начале нового, «систематического расследования» судьбы Янтарной комнаты исходил с самого верха — от Эриха Мильке. В документах Штази мы не нашли объяснения, почему министр государственной безопасности приказал начать новое расследование, но такое решение могло быть связано с унижительным фактом, что Штази потратила миллионы, но не нашла ничего достойного внимания.

Работа, которой занимался Энке, получила название операция «Пушкин», и ей полагался другой уровень финансирования и кадрового обеспечения. Была организована особая группа, которая подчинялась непосредственно первому заместителю Мильке генерал-майору Нейберу. Бывший начальник Энке полковник Сейферт оказался единственным членом старой команды, который вошел в эту группу. Ему помогали новый заместитель подполковник Бауэр и офицеры связи капитан Рудольф и старший лейтенант Кюн⁷.

Карьера Энке завершилась, и его отправили домой, в Берлин-Грюнау. Ему было приказано оставаться на связи, а в его доме установили сейф, хотя руководство спецслужб скорее опасалось утечки конфиденциальных материалов из этого дома,

чем рассчитывало на возврат тех времен, когда Пауля Энке составляли наедине с кипой документов, список которых существовал только в его голове.

От Энке потребовали подписать бумагу, в которой говорилось, что «сегодня, больше чем когда бы то ни было, наша деятельность и ее результаты должны храниться в строжайшей тайне, чтобы не давать аргументов врагам, что может привести к враждебным политическим акциям, направленным против ГДР и Советского Союза». Мы начинали подозревать, что Энке не только был склонен давать волю своей фантазии, но и был невосдержан на язык.

В будущем к документам, связанным с Янтарной комнатой, имели доступ только полковник Сейферт и полковник Штольц, начальник архива документов времен нацизма. Более того, Сейферт должен был получать разрешение на контакты с гражданами других государств, если в таковых возникнет необходимость⁸.

Еще одна важная фигура старого расследования тоже была отстранена от дел. Рукописная заметка капитана Рудольфа сообщает: «Профессор Герхард Штраус должен быть отстранен от дальнейшего участия в операции «Пушкин». В следующем документе мы нашли подтверждение того, что Штраус сотрудничал со Штази: «Профессор Штраус был исключен из процесса, связанного с Янтарной комнатой, после вмешательства товарища министра»⁹. (После объединения Германии университет им. Гумбольдта, в котором работал Штраус, немецкие журналисты называли рассадником шпионов — каждый шестой профессор и каждый десятый сотрудник этого учреждения имел связи с ведомством Мильке.)

Энке получил небольшую компенсацию за свои труды. По представлению Сейферта его наградили боевым орденом и премией в размере 1500 восточных марок (месячное жалованье)¹⁰. Но Энке, оторванный от дела всей своей жизни, был безутешен.

После того как Энке передал дела, ему было приказано закончить давно начатую книгу. Судя по документам, хранившимся в «министерстве правды», эта работа «имела важное значение для успеха новой операции «Пушкин». Руководство заставило сменить труднопроизносимое название книги на более

лаконичное: «Bernsteinzimmer Report». Энке дали несколько месяцев для редактирования рукописи, и для ускорения работы к нему приставили двух одобренных Штази редакторов: профессора криминологии из университета им. Гумбольдта Вольфганга Нея и директора Центра документации управления государственными архивами доктора Манфреда Кримзе¹¹. Ни слова о Гюнтере Вермуше или издательстве «Die Wirtschaft», которое в конечном итоге выпустило книгу.

Судя по документам из «министерства правды», последние главы «Bernsteinzimmer Report» содержали описание новых следов Янтарной комнаты, которые были найдены в Тюрингии. Приводились доказательства, что Янтарная комната была вывезена из Кенигсберга вместе с уникальным собранием произведений искусства Эриха Коха и хранилась в Государственном музее Веймара, а 9 или 10 апреля 1945 года эти коллекции были перемещены в безопасное место, подальше от наступающих подразделений американской армии. Отвечал за укрытие ценностей человек по имени Альберт Попп. Книга убедительно доказывала, что гражданин ГДР, предоставивший информацию правительству Советского Союза (то есть Руди Рингель), сообщил о том, что его отцу было поручено спрятать Янтарную комнату и что в результате проведенного автором расследования... новые следы [на основе рассказа Руди Рингеля] указывают на западную Саксонию. Эта версия подтверждается информацией из Советского Союза, которая была передана автору на условиях конфиденциальности¹².

С учетом внутреннего расследования показаний Руди Рингеля, неудачных раскопок в Саксонии и увольнения на пенсию Пауля Энке книга «Bernsteinzimmer Report», которая до сих пор считалась одной из самых известных работ о загадке Янтарной комнаты, предстает в виде классического примера дезинформации. В докладе генерал-майору Нейберу полковник Сейферт подтверждает этот вывод: «Книга должна быть опубликована для того, чтобы придать новый импульс поискам»¹³.

Пока Энке корпел над рукописью, Сейферт внимательно ознакомился с бумагами своего подчиненного и обнаружил в них серьезные пробелы. Энке никогда не видел протоколы допроса Альфреда Роде, который проводил профессор Брюсов в

1945 году, а также комментарии Кучумова, написанные в 1946 году. Энке не ознакомили ни с результатами работы Кучумова в 1946 году, ни с переводом протокола допроса доктора Герхарда Штрауса в калининградской гостинице «Москва» в 1949 году. На самом деле Энке потерял все досье Штази на Герхарда Штрауса, и этот факт привел к внутреннему расследованию. Руководитель одного из директоратов Штази обращался к своему коллеге: «Этот файл может сыграть важную роль в наших расследованиях, но мы не в состоянии найти его. Мы уже запрашивали его в управлении государственными архивами и в Центральном государственном архиве в Потсдаме, но безрезультатно. У вас его нет?»¹⁴

Основой исследований Энке служила теория, что гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох приказал эвакуировать Янтарную комнату, и она была вывезена из Восточной Пруссии вместе с его личной коллекцией произведений искусства. Однако Сейферт сообщал, что Энке никогда не видел протокола допроса Эриха Коха в Варшаве в 1959 году (во время которого Кох заявил Штраусу, что Янтарная комната не могла быть вывезена в Германию). Все сведения о бывшем гаулейтере Энке черпал из сообщений польских и советских газет¹⁵.

Гаулейтер Саксонии Мартин Мучман визировал прибытие в свой регион всех транспортов с произведениями искусства, но Энке не нашел документов, связывающих Мучмана с Янтарной комнатой. Ни для кого не было тайной, что в мае 1945 года Мучман был схвачен Красной Армией в районе Эрцгебирге и отправлен в Москву, но Энке не направил официального запроса в КГБ, чтобы выяснить его дальнейшую судьбу. В деле не имелось никаких доказательств (за исключением показаний старого торговца произведениями искусства) того, что Альберт Попп, эвакуировавший сводную сестру Гитлера, был тем человеком, который сидел за рулем фургона Красного Креста, вывозившего коллекцию Коха в Эрцгебирге. Не существовало ни показаний свидетелей, ни других фактов, подтверждающих, что на пассажирском сиденье фургона находился отец Руди Рингеля. Энгель не только построил все свое расследование на основании сведений из одного источника (Руди Рингель), но также приспособил показания свидетеля к собственной теории.

В протоколе беседы Кучумова с Руди Рингелем мы читаем о том, что BSCH (предположительно это кодовое название тайника, где спрятали Янтарную комнату), располагался в Кенигсберге, тогда как Пауль Энке помещает его в Восточную Германию.

Полковник Штольц в своем докладе генералу Нейберу обращал внимание на другое, еще более тревожное обстоятельство. Просматривая протоколы бесед Энке с бывшими жителями Восточной Пруссии, Штольц обнаружил, что практически все немецкие граждане, которых допрашивала Штази, пытаясь выйти на след Янтарной комнаты, в конце войны уже были допрошены русскими. Штольц писал: «Не подлежит сомнению, что в послевоенные годы Советский Союз... проводил на территории ГДР масштабные мероприятия по поиску Янтарной комнаты. Многие детали расследования, предпринятого в тот период, вновь появляются в нашем деле». Если Штази и КГБ имели одинаковые мотивы для поиска Янтарной комнаты, задавался вопросом Штольц, почему советская спецслужба не поделилась информацией, что позволило бы Штази не тратить зря время и деньги?

28 октября 1980 года в Москву был отправлен официальный запрос Штази. В нем излагалась просьба помочь в расследовании и предоставить имеющуюся в советских архивах информацию¹⁶. К запросу прилагался тринадцатистраничный перечень документов, которые могли представлять интерес: сведения о нацистских организациях, о свидетелях и подозреваемых. Запрос был отправлен председателю КГБ и на узел связи КГБ в Карлсхорсте.

В ожидании ответа из Советского Союза Штази привлекла дополнительных сотрудников, разбиравших документы, оставшиеся от предыдущего расследования. Заместителю министра Нейберу непрерывным потоком шли документы, в числе которых был доклад на двадцати трех страницах, датированный 11 января 1982 года и содержащий новые географические названия, наименования транспортных фирм, места раскопок, фамилии свидетелей и бывших нацистов. В нем были хронологические таблицы газетных публикаций, списки нацистских хранилищ произведений искусства, карты — огромное количе-

ство уже отсортированных и классифицированных — и фотографии. Все теории Энке об исчезновении Янтарной комнаты были тщательно проанализированы. В конце одного из таких отчетов мы натолкнулись на важное признание: вполне возможно, что Янтарная комната все же спрятана в Калининграде¹⁷.

21 января 1982 года секретариат Штази утвердил пятнадцатистраничный план сотрудничества с иностранными разведывательными службами в деле проведения операции «Пушкин». Это был призыв к дружественным разведкам поделиться информацией. В КГБ была вновь направлена просьба открыть свои архивы, а в польские спецслужбы обратились с запросом разрешить побеседовать с Эрихом Кохом, который был еще жив¹⁸.

В феврале 1982 года генерал-майор Нейбер уже приступил к активным действиям. Он предложил отправить в служебную командировку в КГБ пятерых членов группы. «Продолжительность — четыре дня. Время: май 1982 года... для дальнейшей гармонизации, осуществления связи и сотрудничества при реализации запланированных политических и оперативных мероприятий, необходимых для секретной операции «Пушкин» № 3241/80 под управлением канцелярии товарища заместителя министра». В переводе с языка Штази это означает следующее: давайте работать вместе. Но даже в делах, имеющих международное значение, проявилась обычная приземленность Штази. Свой доклад Нейбер заканчивает следующей фразой: «Согласовано, что делегация полетит на самолете до Москвы и обратно»¹⁹.

В приложенном к докладу письме — «Берлин, 02/82, только для информации, генерал-майору Карлу Кобургеру» — объяснялся деликатный характер поездки.

«Документы, касающиеся личностей и объектов, которые мы получили в ответ на наш запрос в отдел расследований КГБ, отправленный в октябре 1980 года, позволили лишь частично прояснить некоторые аспекты расследований... Переданная информация ограничена узкими рамками и не позволяет прояснить основные моменты данного процесса».

Другими словами, просьба о помощи, с которой Штази обратилась к КГБ шестнадцать месяцев назад, практически ничего не дала²⁰.

Нейбер был полон решимости разрешить эту проблему. Он составил список советских граждан, с которыми бы хотела побеседовать делегация: «Товарищ А.М. Кучумов, товарищ Ксения Агафонова, товарищ Елена Стороженко (геолого-археологическая экспедиция, Калининград), товарищ В.Д. Кролевский (поисковая комиссия, Калининград), товарищ Юлиан Семенов (долгое время был корреспондентом советских газет в ФРГ, теперь проживает в Москве)».

Из письма в районное отделение Штази в Магдебурге мы узнали о судьбе миссии в Москву, которую с воодушевлением готовил заместитель министра Нейбер²¹. Ее отменили в последнюю минуту — советское руководство. Из Магдебурга в Восточный Берлин сообщали, что им удалось найти потенциальный источник информации, «товарища М., который способен прояснить некоторые детали, касающиеся Янтарной комнаты». Сотрудники из Магдебурга расценивали это как успех и хотели знать, следует ли им допросить М. на месте или отправить его в штаб-квартиру Штази. Берлин посоветовал ничего не предпринимать: «Предложение [Нейбера] о поездке в Москву... было отклонено. Заместитель министра генерал-майор Нейбер принял решение, что общее политическое и оперативное руководство всем вышеуказанным комплексом должно оставаться в руках «дружественных организаций»...» Перевод: Штази отступило перед КГБ. Из Восточного Берлина в Магдебург сообщали, что «с большой долей вероятности основная часть Янтарной комнаты была спрятана в 1945 году в Кенигсберге», и настоятельно советовали прекратить поиски в Восточной Германии. Все попытки Штази найти Янтарную комнату на территории ГДР оказались пустой тратой времени и сил.

Тем не менее в документах из «министерства правды» обнаружилось свидетельство о другом визите в Москву, который состоялся весной 1982 года и тоже был связан с Янтарной комнатой. Записка, датированная 22 февраля 1982 года, сообщала о звонке Энке, который передал сенсационную новость: «Комиссия из десяти человек во главе с гражданином ФРГ Георгом

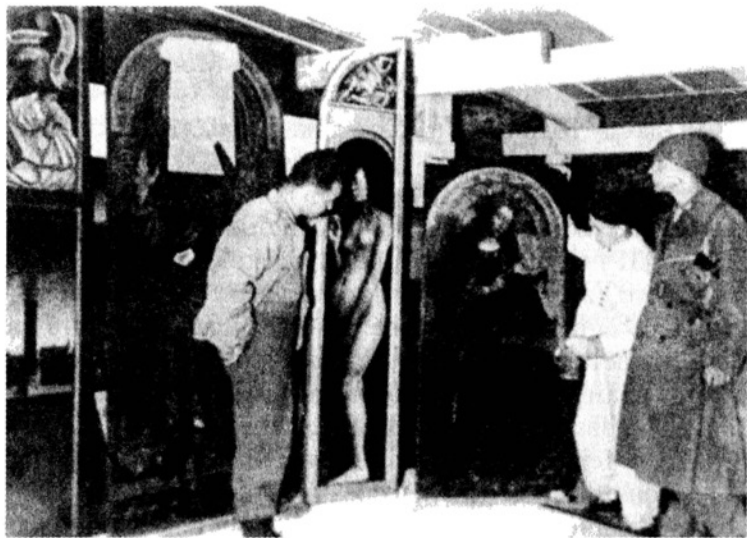
Штейном прибыла в Советский Союз для переговоров по поводу Янтарной комнаты»²².

Москва явно заигрывала с Западной Германией.

Нам уже встречалось имя Штейна²³. Сын Герхарда Штрауса Штефан говорил нам, что «Георг Штейн» был частым гостем отца в его доме на Генрих-Манн-плац. Это же имя мы видели в жутковатом досье смертей (якобы связанных с Янтарной комнатой), которое показали нам сотрудники Екатерининского дворца в Санкт-Петербурге (правда, мы видели это досье лишь мельком и не поняли его смысла). Штейн также упоминался в документах «министерства правды», свидетельствовавших, что Штази знал о Георге Штейне. Его личность привлекла внимание восточногерманской спецслужбы в обстоятельствах, которые Эрих Мильке определил бы как «благоприятная политико-оперативная ситуация» — во время возвращения в Москву вывезенных нацистами сокровищ.

В 1966 году фермер Георг Штейн, живший в деревушке Штелле на юго-западе от Гамбурга и занимавшийся выращиванием клубники, начал проводить свободное время в архивах Западной Германии, пытаясь отыскать информацию об Янтарной комнате. Это занятие увлекло человека, выросшего в бывшей Восточной Пруссии.

Он начал свои поиски с войны. В государственных архивах Бонна Штейн прочел о том, как, несмотря на соглашения Ялтинской конференции, состоявшейся в феврале 1945 года и поделившей Германию на оккупационные зоны, союзники устроили гонку за тайными сокровищами нацистов. В апреле 1945 года американцы опередили Красную Армию в Тюрингии (она находилась в советской зоне оккупации) и захватили резервы рейхсбанка, «100 тонн золота и серебра в слитках»²⁴. Из советской зоны американские войска также вывезли бесценные собрания немецкого искусства и ценности, награбленные нацистами в Советском Союзе. Штейн не исключал возможности, что Янтарная комната была найдена американскими войсками, а затем вывезена в Америку.

Награбленные нацистами произведения искусства, которые были спрятаны в шахтах и найдены американскими войсками в апреле 1945 года

Он узнал о том, как в 1945 году американцы пытались успокоить Сталина, заверив его, что все произведения искусства будут возвращены в Советский Союз, и в период с 1946 по 1948 годы из США в СССР были отправлены десятки тысяч ящиков. Тем не менее американцы не извинились за то, что забрали золото и немецкие коллекции произведений искусства из советской зоны оккупации. В марте 1949 года блокада Берлина, спор по поводу репараций и горечь от неудач, которую испытывал Советский Союз, внесли свой вклад в охлаждение отношений между Востоком и Западом.

В архивах Бонна Штейн прочел о том, как маршал Василий Соколовский, командующий советскими оккупационными силами в Германии, обвинил своего коллегу генерала Лусиуса Клея в «намеренной порче или воровстве»²⁵. Американцы отвергли эти обвинения, назвав их сталинской пропагандой; они утверждали, что удерживают лишь политически важные документы, такие как смоленский партийный актив, который «служил учебным пособием для американской советологии»²⁶. Если мы за-

хватали вывезенные из Советского Союза произведения искусства, отвечали американцы на требования Москвы, представьте доказательства.

В 1972 году Штейн нашел эти доказательства. В «министерстве правды» мы наткнулись на доклад об исследованиях Штейна, составленный Паулем Энке. В докладе сообщалось, что Штейн обнаружил в архиве Бонна (он был закрыт для граждан СССР и ГДР) письмо директора городского музея из западногерманского города Висбадена доктора Клеменса Вейлера, датированное 27 апреля 1955 года. Вейлер писал о том, что на его попечении остались многочисленные произведения искусства, брошенные американцами после того, как в 1951 году они закрыли базировавшийся в Висбадене центральный накопительный пункт. Четыре года спустя доктор Вейлер предлагал часть этих экспонатов, в частности, собрание старинных русских икон, другому западногерманскому музею, «Кунстхалле» в Реклингхаузене²⁷.

Штейн продолжил поиски и нашел другие письма, где шла речь о старинных русских иконах; это были письма Клеменса Вейлера Арделии Холл, руководителю программы реституций из Госдепартамента США. Вейлер сообщал о своем намерении передать иконы, и Холл отвечала, что он может распоряжаться ими по своему усмотрению, но при условии, что они будут «максимально доступны для публики». Вопрос о возвращении икон в Советский Союз даже не поднимался²⁸.

В 1972 году Штейн поехал в Реклингхаузен и обнаружил, что передача икон состоялась. Русские иконы были по-прежнему здесь, заперты в трехэтажном хранилище. Штейн связался со старым другом семьи Марион Донхофф, которая во время войны была участницей антифашистского сопротивления в Кенигсберге, знаменитой «Красной графиней Восточной Пруссии», а после войны стала редактором газеты «Die Zeit». Статья в газете заставила музей Реклингхаузена оправдываться; его представитель заявил, что деревянные иконы были заперты исключительно для того, чтобы «предохранить от моли» — не очень убедительный аргумент, — но не смог ответить на вопрос, что делают принадлежащие Советскому Союзу иконы в западногерманском музее. Правительство Западной Германии и не поду-

мало извиниться. Представитель министерства иностранных дел Хельмут Рампф заявил буквально следующее: «Вы знаете, как это бывает. Ответственные лица сменились, документы были переданы в архив и забыты». Рампф также выступил с нападениями на Георга Штейна, назвав его «завистливым нытиком, желающим подзаработать»²⁹. Западногерманские газеты вторили ему, называя Штейна предателем, лжецом и фантазером.

Но на этом история не закончилась. Оказывается, Штейн обнаружил одну из самых ценных коллекций даров, вывезенных из Советского Союза, — собрание византийских икон из Псково-Печерской лавры. Они были украдены нацистами осенью 1941 года, затем упакованы в ящики — вместе с украшенными рубинами крестами, головными уборами архиепископов с драгоценными камнями, а также золотыми и серебряными потирами — и в 1944 году доставлены в баварский замок Колмберг. Здесь иконы обнаружили американцы, которые в 1945 году перевезли их в Висбаден.

Вскоре после того, как эта история попала в газеты, советское правительство обратилось с просьбой вернуть ценности, и министерство иностранных дел ФРГ было вынуждено отступить. 14 мая 1973 года, когда под шум негативных публикаций в западногерманской прессе в Москву приехали немецкие музейные кураторы для того, чтобы забрать произведения искусства, якобы вывезенные Красной Армией в 1945 году (в том числе Библию Гутенберга, витражи из церкви св. Девы Марии во Франкфурте-на-Одере, «Золото Трои», рисунки Дюрера и полную коллекцию бременского «Кунстхалле»), псковские иконы вернулись в Советский Союз. В Москве генеральный консул ФРГ передал их главе Русской православной церкви патриарху Пимену, который наградил Георга Штейна орденом Св. Владимира второй степени. Грудь немецкого фермера украсил наградной крест»³⁰.

Прославившийся в России Георг Штейн вернулся в Западную Германию в июне 1973 года, и язвительная немецкая пресса назвала его историком-любителем. Но, судя по документам из «министерства правды», ситуация, которую Штази называло «благоприятной политико-оперативной ситуацией» (ГДР и СССР представлялись жертвами алчного Запада, который в ре-

зультате действий одного из своих граждан был вынужден вернуть украденные произведения искусства), быстро превратилась в «политически враждебную» (ГДР и СССР демонизировались тем же самым гражданином — Георгом Штейном).

От разгневанных музейных кураторов Западной Германии Штейн узнал, что в ГДР и СССР была собрана обширная информация, касающаяся нацистских тайников с произведениями искусства и судьбы Янтарной комнаты, и стал требовать доступа к этой информации. В частности, Штейн неоднократно писал и звонил в Управление государственными архивами в Восточном Берлине (именно там под именем доктора Келера работал специализировавшийся на Янтарной комнате сотрудник Штази, подполковник Пауль Энке).

В «министерстве правды» мы нашли составленный Энке рапорт:

«[День и месяц зачернены] 1975. В связи с проблемами обмена произведениями искусства мой департамент неофициально выяснил, что Георг Штейн... пытается заставить СССР и ГДР открыть доступ к секретной информации о местонахождении тайников с художественными ценностями, и особенно Янтарной комнаты из Пушкина. В 1974 году и 3 июля 1975 года Георг Штейн обращался в Центр документации Управления государственными архивами за помощью в поиске Янтарной комнаты. 18 августа 1975 года он получил ответ, что тщательные поиски не выявили в архивах ГДР никакой информации о Янтарной комнате»³¹.

Однако Штази недооценил настойчивости Георга Штейна. Получив отрицательный ответ из Управления государственных архивов, датированный 18 августа 1975 года, Штейн отложил его в сторону и вновь использовал свои связи с прессой, установленные после обнаружения икон из Пскова. Он позвонил Марион Донхофф из «Die Zeit», Энтони Терри из лондонской «Sunday Times» и корреспондентам «Washington Post». Штейн обвинил правительства ГДР и Советского Союза в том, что они скрывают важную информацию о Янтарной комнате, препятствуя тем, кто искренне стремится найти ее. Обвинения Штейна

нашли широкий отклик, и на Западе появились переводы статей из «Калининградской правды» и «Freie Welt», подогревая интерес к Янтарной комнате.

В документах, хранившихся в «министерстве правды», явно ощущается тревога Штази. Непосредственный начальник Энке генерал-полковник Бухнер и заместитель министра генерал-полковник Битер немедленно затребовали подробную информацию о деятельности Штейна. Они получили от Энке следующую докладную записку:

«Западногерманский историк-любитель Георг Штейн дает интервью английской и американской прессе, утверждая, что ГДР и СССР препятствуют попыткам найти произведения искусства, такие как Янтарная комната, и что у ГДР и СССР имеется информация о тайниках с культурными ценностями, которую они не желают обнаруживать. Мы не можем позволить, чтобы эта опасная кампания в прессе, затеянная Штейном, повлияла на соглашения в области культуры, которые готовятся между ГДР и ФРГ»³².

Западногерманский гражданин Георг Штейн спутал всю «восточную политику» своей страны. Западная Германия протягивала руку Москве, выступая с мирными инициативами, в результате чего позиция Москвы и Восточного Берлина выглядела как несговорчивость. Георга Штейна следовало отвлечь и нейтрализовать.

Для выполнения этой деликатной миссии был призван профессор Герхард Штраус. Он позвонил Георгу Штейну и сообщил, что ГДР и СССР с радостью поделятся информацией о поисках Янтарной комнаты. Штраус пригласил Штейна победать у него дома на Генрих-Манн-плац (вероятно, именно тогда его видел Штефан Штраус, сын Герхарда) и во время беседы объяснил, что ГДР не чинит ему препятствий, а всего лишь придерживается установленной процедуры. Все будущие запросы следует отправлять через него и адресовать доктору Паулю Келеру, главному специалисту Центра документации Управления государственных архивов. Доктор Келер предоставит соответствующие документы в обмен на информацию о том, что

Штейну удалось найти в западногерманских архивах. Ему даже заплатят за предоставленный материал.

Вероятно, Штейн был польщен, что его принимает такой уважаемый ученый из Восточной Германии, и что ему предлагают деньги за исследования, которые он оплачивал из собственного кармана. Он с готовностью согласился сотрудничать, не подозревая, что Пауль Келер из Управления государственных архивов был сотрудником Штази Паулем Энке.

Теперь восточногерманская спецслужба получила возможность манипулировать Штейном. В одном из рапортов Штази отмечалось: «Благодаря запросам Штейна в Государственные архивы Потсдама мы получили возможность установить с ним контакт через товарища Энке, который был очень полезен, подсказывая Штейну объекты и личности в [Западной Германии], изучить которые у Штейна больше возможностей, чем у нас»³³. Связь работала в двух направлениях. Штейну передавалась информация, которую на Востоке хотели бы обнародовать, а от него получали сведения, которые сами добыть не могли.

Через два года появились доказательства успеха избранной стратегии. 23 апреля 1977 года западногерманская газета «Der Taggespiegel» поместила эксклюзивный материал: «Одна из самых известных коллекций янтаря, принадлежавшая Кенигсбергскому университету, считавшаяся утраченной в последние дни войны, найдена в Геттингенском университете». Во время весенней уборки на факультете геологии сотрудники западногерманского университета вскрыли два деревянных ящика, в которых обнаружилось 1100 превосходных образцов янтаря. На них были рукописные бирки с готическим шрифтом: «Институт палеонтологии и геологии, университет Альберта, Кенигсберг, Восточная Пруссия». Часть этой коллекции была найдена советским ученым профессором Брюсовым в Кенигсберге в 1945 году. В то время Брюсов информировал в Москву, что самые ценные экспонаты коллекции нацисты успели вывезти из города. Теперь они обнаружались в Западной Германии, и, похоже, Геттингенский университет хранил их на протяжении тридцати двух лет³⁴.

Георг Штейн предъявил обвинение Геттингенскому университету, подтвердив свои слова документально. Один из доку-

ментов, датированный 1 ноября 1944 года, был подписан куратором Кенигсбергского университета герром Хоффманом. В письме капитану Петерсу из департамента военной промышленности Нижней Саксонии, базировавшемуся в Вольприхаузене (шахтерском поселке всего в двенадцати милях к востоку от Геттингенского университета). Хоффман сообщает: «Подаватель сего письма привезет с собой два деревянных ящика с наиболее ценными образцами янтаря из прусской коллекции. Просьба поместить их под особую охрану». Далее куратор пишет, что один фургон с ценностями уже отправлен, а второй, «содержащий невосполнимые сокровища искусства, принадлежащие университету, будет отправлен на следующей неделе на имя бургомистра»³⁵.

«Невосполнимые сокровища» — эти же слова использовал Альфред Роде в 1944 году, когда писал об эвакуации Янтарной комнаты. В письме Хоффмана имелась приписка: «Есть смысл перевозить эти ящики под видом «боеприпасов», чтобы не привлекать к ним излишнего внимания, поскольку их содержимое не имеет цены». На обратной стороне письма мы нашли две рукописные пометки. Одна из них датирована 7 ноября 1944 года и содержит сообщение о звонке капитана Петерса, который сообщил, что «все прошло гладко». Во второй заметке, от 4 января 1945 года, говорилось, что «размещение спасенных из Кенигсберга предметов завершено». Штейн нашел доказательства, что ценности из Восточной Пруссии эвакуировались на запад³⁶. Может быть, Штейну повезет, и он обнаружит следы Янтарной комнаты?

От жителей Вольприхаузена (шахтерского поселка, упоминавшегося в письме Хоффмана) корреспонденты «Der Tagesspiegel» узнали, что в ноябре 1944 и январе 1945 года — что соответствовало дате отправки грузов из Кенигсберга — к шахте подъезжали доверху нагруженные грузовики. В сентябре 1945 года вход в шахту был взорван союзниками, когда они уходили из этих мест. На следующий год один из профессоров Геттингенского университета набрал из студентов группу добровольцев для непрофессиональной спасательной операции. Они спустились на веревках в главный ствол шахты на глубину 1625 футов, где обнаружили 360 тысяч частично сгоревших книг. Продол-

жить поиски помешало обрушение кровли в конце главного ствола шахты. Когда в 1977 году корреспондентам «Der Tagesspiegel» показали спасенные книги, они заметили на них штамп Кенигсбергского университета. Штейн объявил, что Янтарная комната находится в этой шахте и что он возглавит группу специалистов, которая проникнет в туннели и спасет сокровище.

Но у Георга Штейна не было денег, и в 1978 году он начал шумную кампанию, чтобы бундестаг согласился финансировать проведение работ. Штази внимательно следило за каждым этапом этого «эпизода Вольприхаузен». В одном из рапортов Энке писал: «Профессор Дитрих из социал-демократической партии по просьбе Георга Штейна инициировал несколько запросов в бундестаге, в том числе о нацистских тайниках в Вольприхаузене»³⁷. Энке сообщал, что дом в Штелле, где живет Штейн со своей женой Элизабет, осаждают репортеры, а корреспонденты правых газет задают вопрос, почему западные немцы должны беспокоиться о русских музеях, когда их собственные музеи до сих пор остаются пустыми»³⁸.

Правительство в Бонне не поддалось на развернутую Штейном кампанию. Канцлер Гельмут Шмидт отказался выдать разрешение на раскопки. Существующих свидетельств было недостаточно, чтобы оправдать расходы. И какой прок от этого ФРГ, за исключением заглаживания вины?

1 декабря 1978 года «Der Tagesspiegel» печатает очередное заявление Штейна, который утверждает, что обнаружил связь между Янтарной комнатой и шахтой в Вольприхаузене. Среди новых свидетельств было письмо от 6 марта 1944 года от районного комитета нацистской партии, в котором шахта в Вольприхаузене называлась важным убежищем с полезной площадью 7000 квадратных футов. Еще один документ, датированный 29 декабря 1944 года, сообщал о благополучном прибытии на шахту двадцати четырех железнодорожных вагонов с книгами и ценностями. Газета «Die Zeit» сообщала читателям, что источником информации Штейна был «доктор Пауль Келер из ГДР», которого Штейн называл своим добрым другом. Штейн утверждал, что самый убедительный документ — это копия телекса времен войны, в котором говорилось о том, что Янтарная комната успешно эвакуирована из Кенигсберга весной 1945 года.

Штейн рассказал корреспонденту «Die Zeit», что в телексе общается, что Янтарная комната в конечном итоге была спрятана в месте под кодовым названием BSCHW, и один из возможных вариантов расшифровки этого названия — «туннель В» [в Вольприхаузене]. Телекс подписан руководителем секретной операции штурмбаннфюрером СС Рингелем³⁹.

И тут мы поняли, что вся история с Вольприхаузенем была не чем иным, как удачно проведенной диверсионной операцией. Втайне избавляясь от собственных сотрудников, имевших отношение к Руди Рингелю, Штази использовала ложные свидетельства для другой цели — через Георга Штейна. BSCHN, предполагаемый тайник с Янтарной комнатой, кочевал с места на место: из Калининграда в Восточную Германию, а теперь и на запад — вместе с отцом Руди Рингеля, хромым почтовым охранником, который во время войны якобы подписал телекс, используя псевдоним, придуманный Штази в 1959 году. Все это выглядело явной фальшивкой.

Теперь мы понимали, что все эти публикации были на руку Штази. К удовольствию властей на Востоке, Бонн снова был вынужден отбиваться от обвинений в неговорчивости и шовинизме, тогда как судьба Янтарной комнаты вновь привлекала внимание к потерям Советского Союза во время войны.

Русские обратились к Штази за дополнительной информацией о Георге Штейне. В своем ответе Пауль Энке постарался продемонстрировать, что он не введен в заблуждение агентом иностранной разведки.

«Я не думаю, что стоит ожидать чего-либо сенсационного от этого источника... Методы работы Штейна, и особенно с иностранцами, сомнительны. Мотивы его действий для нас не совсем ясны. Возможно, это всего лишь погоня за сенсацией или стремление сорвать большой куш, характерные для капитализма. Недавно Штейн опубликовал в гамбургском еженедельнике «Die Zeit» четыре статьи о том, что Янтарная комната спрятана в шахте в окрестностях Геттингена. По заявлению Штейна... он располагает копией телекса времен войны, в котором говорится о завершении операции «Янтарная комната» и который якобы подписан именем «Рингель». Однако нам хорошо известно, что это псевдо-

ним, данный нашему «объекту» в 1959 году, и им вряд ли могло быть подписано сообщение, датированное 1945 годом. Это очередной пример склонности Штейна к измышлениям»⁴⁰.

Это смелое заявление сотрудника Штази, который уже знал, что его ждет расследование в связи с тем, что он опирался на ненадежные свидетельства Руди Рингеля. Однако нелестный отзыв Энке о Штейне не смог сбить русских со следа.

Пять месяцев спустя лестные статьи о Георге Штейне появились в «Литературной газете», интеллектуальном советском издании; автором статей был корреспондент в Бонне Юлиан Семенов. Вероятно, это был тот самый «товарищ Юлиан Семенов», с которым хотел встретиться заместитель директора Штази Нейбер во время планируемого визита в Москву в 1982 году.

В мае 1979 года Семенов опубликовал статью «Западногерманский гражданин из деревни Штелле»⁴¹. Автор описывал свой визит к супругам Штейн в небольшую деревушку Штелле неподалеку от Гамбурга. Сидя в настоящем ганзейском домике с почерневшими от морских ветров деревянными балками и белыми стенами, он слушал историю, которую рассказывал хозяин. Как и у многих увлеченных людей, речь Георга Штейна была быстрой и не очень внятной, и он часто перескакивал с одной темы на другую. Георг Штейн был убежден, что поиски Янтарной комнаты должны быть продолжены...

Далее статья рассказывала о том, как Штейн стал самым успешным в Европе охотником за сокровищами, утерянными во время Второй мировой войны. Семенов поведал о том, что интерес к награбленным нацистами богатствам возник у Штейна в 1966 году во время пребывания в санатории, расположенном у подножия горы Маттернхорн. Восстанавливаясь после автомобильной аварии, он прочел серию статей Энтони Терри в «The Sunday Times», в которых рассказывалось о признаниях сидевшего в тюрьме Эриха Коха, связанных с Янтарной комнатой.

Семенов писал, что уроженец Восточной Пруссии Штейн дал себе слово найти Янтарную комнату — в память о своей семье. Его отец, кенигсбергский промышленник, во время войны был членом антифашистского сопротивления, а сестра, Доротея-Луиза, работала в Кенигсбергском замке в должности по-

мощника Альфреда Роде. Неужели это правда? Слишком уж все сходится. Георга Штейна мобилизовали на защиту города, рассказывал Семенов, но в мае 1944 года он попал в плен. Только после освобождения из лагерей в Узбекистане и Ленинграде Штейн узнал, что вся его семья была расстреляна эсэсовцами за связь с антифашистским подпольем и «Красной графиней» Марион Донхофф. Перешагнув через трагическое прошлое, Штейн переехал в Штелле, женился на Элизабет, дочери местного фермера, и начал выращивать клубнику, пока его автомобиль не врезался в машину дорожной полиции, в результате чего он оказался в швейцарском санатории, где от скуки занялся чтением газет.

С фотографии на нас смотрит крупный жизнерадостный мужчина с залысиной и в очках с массивной оправой. В руках у него зажженная сигарета, а на обеденном столе бокал вина. Бонвиван, обедающий в свое удовольствие и рассказывающий занятные истории.

Юлиан Семенов открывает читателям, что жизнь Георга Штейна, убеждавшего западногерманское правительство начать раскопки в Вольприхаузене, находится в опасности. В его дом в

Георг Штейн

Штелле приходят письма с угрозами. Семенов писал, что бесчисленные письма с угрозами и ненависть продемонстрировали Георгу Штейну, насколько тесно в Федеративной Республике Германии преступное прошлое связано с настоящим.

Энке вырезал все статьи, написанные Семеновым о Штейне и Янтарной комнате, и поместил в свое досье. На некоторых экземплярах перевода в правом верхнем углу имеются пометки, что эти статьи передавались вверх по инстанциям, вплоть до заместителя министра и самого Мильке. Ключевые фразы были подчеркнуты — все они содержали упоминания о «добром друге докторе Пауле Келере из ГДР». Существовала опасность, что Пауль Келер будет раскрыт как агент Штази.

Пауль Энке должен был находиться рядом с Семеновым. Экстравагантный, любящий выпить журналист был хорошо известен министерству национальной безопасности ГДР. Выпускник Московского университета, Семенов стал публиковаться еще в 1958 году. Начинал он в приключенческом жанре, но в начале 70-х, когда его назначили корреспондентом в Бонне, его уже знали как автора пользовавшихся огромной популярностью шпионских романов о Максиме Максимовиче Исаеве — Штирлице, высокообразованном советском разведчике, который говорил почти на всех европейских языках, «за исключением ирландского и албанского». Читатели на Западе с увлечением следили за приключениями Джеймса Бонда в «Живешь только дважды» и «Бриллианты навсегда» Яна Флеминга, а публика на Востоке запоем читала «Бриллианты для диктатуры пролетариата» и «Он убил меня под Луанг-Прабангом». Однако в отличие от произведений о Джеймсе Бонде романы о Штирлице содержали искусное сплетение исторических фактов и пропаганды, например в истории о том, как советский разведчик раскрыл планы Британии и США заключить сепаратное соглашение с Гитлером и объединенным фронтом выступить против Советского Союза (согласно документам из архивов КГБ, в это верил Сталин, готовя договор о ненападении с Германией в 1939 году). Не имея проблем с визами и финансированием, Семенов разъезжал по миру, собирая материал для своих книг. В момент написания статей о Георге Штейне он был президентом Международной ассоциации детективного и политическо-

го романа. Семенов утверждал, что именно успех его романов о Штирлице стал залогом свободы и широких связей, однако в те времена лишь немногим советским писателям выдавался такой карт-бланш⁴².

Секретариат Штази рассматривал интерес Семенова к Георгу Штейну как потенциальную угрозу. Штейн был источником Штази, полезным инструментом, который немецкая спецслужба не хотела уступать русским. Операция «Янтарная комната» проводилась под руководством Штази с Востока, а не Георга Штейна с Запада. Штази требовалось наладить сотрудничество с Семеновым. Они рассчитывали сделать это при посредничестве женщины (ее имя в документах закрашено).

Мы не знаем, что на самом деле произошло между Семеновым и этой женщиной, но 31 октября 1979 года домой Энке несколько раз звонили — с настоятельной просьбой в 10 часов вечера встретиться в советском посольстве с Юлианом Семеновым. В докладе заместителю министра государственной безопасности генерал-майору Нейберу Энке описывал последовавшие за этим события так: «В 22.00 после возвращения из служебной поездки я встретился [с Семеновым] в советском посольстве, а затем проводил его до железнодорожного вокзала, откуда около полуночи отходил его поезд в Москву. Семенов сообщил мне следующее. Он закончил работу в Бонне, Вене, Женеве и Гааге и теперь намерен заняться своими литературными проектами».

Энке и Семенов обсудили тот факт, что они оба собираются выпустить книгу о Янтарной комнате и, по словам Энке, договорились о совместной работе над двухтомником. Энке писал: «Первый том будет посвящен истории Янтарной комнаты, а также деятельности империалистических спецслужб и противодействию наших контрразведок их махинациям». Прямо-таки сюжетная линия про Штирлица. Судя по сведениям, содержащимся в личном деле Энке, он в молодости мечтал стать журналистом, и ему явно льстило внимание нового знакомого. Известный советский писатель даже пригласил его к себе: «Юлиан Семенов пригласил меня в Москву на премьеру его новой пьесы»⁴³. К великому сожалению, мы не знаем, что сообщал КГБ о Пауле Энке Юлиан Семенов.

Удостоверившись в наличии хороших отношений с Юлианом Семеновым, Штази почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы вновь активизировать Штейна, и вскоре ему была подброшена еще одна история. В письме Энке от 10 сентября 1981 года сообщалось, что в октябре в «Die Zeit» должна появиться статья с письменными свидетельствами Альфреда Роде, доказывающими, что Янтарная комната не была уничтожена во время воздушных налетов авиации союзников в сентябре 1944 года. В связи с этим он вспомнил, что 14 октября исполнялось сорок лет с того дня, когда Янтарная комната вместе с другими произведениями искусства была вывезена из Пушкина — всего восемнадцать грузовиков. Далее он обещает оказывать Герогу Штейну максимальную поддержку⁴⁴.

Однако в феврале 1982 года Георга Штейна пригласили в Москву, не поставив в известность Штази, причем в это же время КГБ отвергло предложение заместителя министра госбезопасности ГДР о визите рабочей группы. Западногерманского историка-любителя пригласили в Советский Союз в качестве главы комиссии по поиску Янтарной комнаты, в то время как операция Штази буксовала в Восточном Берлине⁴⁵.

Теперь у Штази появилось еще больше побудительных мотивов найти Янтарную комнату и вернуть ее в Россию.

«Все эти товарищи — пример для подражания и наши учителя», — писал Эрих Мильке о руководстве Советской России. Он сам и все его министерство до самого конца проявляли безоговорочную лояльность Москве — по крайней мере внешне.

КГБ позаботилось об этом. Москва прикомандировала по полковнику КГБ к каждому из директоратов Штази, а все разведанные отправлялись в Москву и заносились в суперкомпьютер, который относил вражеских агентов к одной из пятнадцати категорий. Штази это не нравилось⁴⁶.

Через четыре месяца после визита Штейна в Москву в Советский Союз прилетел Мильке — для переговоров со своим коллегой председателем КГБ Виталием Федорчуком. Население Восточной Германии уже оплатило квартиры, детские сады, машины, мебель и все остальное для 2500-тысячного штата сотрудников КГБ в Карлсхорсте. 10 сентября 1982 года Мильке

подписал 38-страничный протокол, провозглашавший абсолютную лояльность и расширение финансовой поддержки со стороны его министерства. О размере выделяемых сумм говорит тот факт, что на косметический ремонт всего лишь одной квартиры КГБ в Восточном Берлине выделялось 19 тысяч долларов — и это при том, что средняя заработная плата в ГДР была эквивалентна 33 долларам в месяц⁴⁷.

Связи между КГБ и Штази были такими тесными, что в ноябре 1989 года после падения Берлинской стены десятки групп, укомплектованных сотрудниками КГБ, вылетели в Берлин, чтобы уничтожить хранившиеся в штаб-квартире Штази документы и не допустить раскрытия действующих агентов, а также связей между Москвой и руководством немецкой тайной полиции.

Тем не менее «чистильщики» из КГБ кое-что пропустили. Среди тысяч страниц в папках, хранившихся в «министерстве правды», мы нашли исключительно редкий документ — письмо, написанное рукой Эриха Мильке, который, как известно, не любил что-либо доверять бумаге. В письме шла речь о Янтарной комнате, и адресовано оно было товарищу Виктору Михайловичу Чебрикову, который в декабре 1982 года занял пост председателя КГБ.

Письмо прояснило, каким образом Мильке использовал свой плановый визит в Москву в сентябре 1982 года для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в операцию «Пушкин». Несмотря на обиду Штази на то, что Георг Штейн попал в Москву раньше них, Мильке решил не вспоминать об этом и обратился к Чебрикову, который в то время был заместителем председателя КГБ.

«Дорогой товарищ Чебриков! — писал Мильке. — Во время своего визита осенью 1982 года я передал вам отчет о состоянии операции по поискам [Янтарной комнаты] в ГДР. Совершенно очевидно, что поиск на территории ГДР был и остается оправданным. Хочу заверить вас, что ГДР и министерство государственной безопасности будут с прежней интенсивностью продолжать поиск Янтарной комнаты и других сокровищ мировой культуры».

Министр писал, что убежден, что в Восточной Германии можно обнаружить документы, свидетелей и карты, которые

Председатель КГБ Виктор Чебриков с главой восточно-германской Штази Эрихом Мильке (справа), штаб-квартира Штази, Восточный Берлин, 1987

помогут в разгадке тайны. В то же время он прилагал усилия, чтобы заверить КГБ, что теперь он признает «вероятность» того, что Янтарная комната могла остаться в бывшем Кенигсберге или в его окрестностях⁴⁸. Мильке дистанцировался от немецкой версии, которой многие годы придерживалась Штази — вероятно, он осознавал урон, нанесенный эпизодом с Руди Рингелем.

В феврале 1983 года Штази получила ответ на отчет Мильке о состоянии операции по поиску Янтарной комнаты, но пришел он не от КГБ. Полковник Сейферт докладывал, что с ним связался профессор Владимир Андреевич Боярский из Российской академии наук и сообщил, что он руководит комиссией по изучению природных ресурсов и что академии недавно было поручено заняться дальнейшими поисками Янтарной комнаты. В заключение Сейферт пишет: «Боярский заявил, что, по его убеждению, было бы полезно организовать в Москве рабочие консультации с Паулем Энке»⁴⁹.

Именно так. Никаких тостов в здании КГБ на Лубянке. Никакого обеда в Кремле. Скрыть характер взаимоотношений между спецслужбами было уже невозможно. Однако Штази хваталась за любую ниточку, которая могла привести к советским материалам, касающимся Янтарной комнаты. Поэтому Энке получил приказ ответить на предложение.

Тем не менее даже таким научным контактам на самом низком уровне не суждено было осуществиться. Год спустя Сейферт докладывал, что Энке все еще ждет приглашения. За двенадцать месяцев от профессора Боярского (то есть из СССР) пришли лишь ничего не значащие открытки с поздравлениями с теми или иными государственными праздниками, без каких бы то ни было обязательств⁵⁰.

Но Штази не сдавалась. В «министерстве правды» среди документов генерал-майора Нейберта хранились письма, свидетельствующие о том, что в то время, как заместитель министра был «отвергнут» Москвой, Пауль Энке (теперь отправленный на пенсию по состоянию здоровья) поддерживал контакты между ГДР и СССР через Юлиана Семенова. Большая часть обсуждаемых ими вопросов касалась деятельности Георга Штейна.

«[день зачеркнут] апреля 1984. Мой дорогой Юлиан! Никаких сенсационных открытий, связанных с Янтарной комнатой, не было, но я уверен, что вы видели статью Штейна в еженедельнике «Die Zeit». В ней много чепухи. Похоже, Штейн становится опасным — из-за отрыва от реальности, результатом чего становится самообман, жертвой которого он, по всей видимости, стал. Если он будет продолжать в том же духе, то ему, вне всякого сомнения, потребуется помощь врачей»⁵¹.

Поиск в архиве «Die Zeit» позволил выяснить, что в 1984 году Георг Штейн оживил свою дискредитированную теорию Вольприхаузена, согласно которой Янтарная комната была спрятана в шахте в окрестностях западногерманского города Геттингена.

В этом же году он попытался получить финансирование от западногерманской коалиции консерваторов во главе с канцлером Колем. Ему отказали, но правительство, помня о том, что их предшественников обвинили в национализме, сделало следующее заявление: «Федеральное правительство предпринимает усилия, чтобы выяснить местонахождение пропавшей Янтарной комнаты, и работы по ее поиску будут продолжены»⁵².

Далее Энке писал Семенову:

«После перерыва в несколько месяцев мы возобновили работы по освобождению входа в старую шахту, которую, по имеющимся у нас сведениям, в 1944—1945 годах нацисты могли использовать для хранения произведений искусства. По просьбе моих коллег мы решили опубликовать предварительные результаты исследований. Это будут две публикации, относительно которых я в настоящее время веду переговоры с издателями. Из-за нехватки бумаги выход их в печать может задержаться. Обнимаю и шлю самые сердечные поздравления с праздником победы над гитлеровским фашизмом».

Документы из «министерства правды» подтверждают, что в 1984 году группа Сейферта, занятая в операции «Пушкин», сфокусировала внимание на Лангенштейне, деревушке у подножия горы Брокен, известной своими запасами свинца, меди и цинка⁵³. Это место находилось всего в нескольких милях от Эрцгебирге (что вызывало ассоциации с предыдущей гипотезой Энке), рядом со сверхсекретной советской военной базой и электронной станцией подслушивания Штази, державшей под контролем границу с Западной Германией. За раскопками, которые проводила Штази, могли наблюдать и русские, и западные немцы. Нас очень удивила лексика Энке. «Мы работаем». «Наши исследования». На самом деле Энке сидел дома с неоконченной рукописью, пытаясь спасти «Bernsteinzimmer Report» от бюджетных сокращений. По всей видимости, именно в этот период Энке пригласил Гюнтера Вермуша из издательства «Die Wirtschaft».

Еще одно письмо от Пауля Энке.

«15 мая 1984 года. Мой дорогой Юлиан, я слышал, что вы вернулись из Южной Америки на родину. Надеюсь, это большое путешествие было успешным. Ваших читателей и меня лично особенно интересует, удалось ли вам отыскать следы Мартина Бормана. Вслед за фальшивыми «Дневниками Гитлера» гамбургский журнал «Der Stern» оживил легенду о том, что Мартин Борман все еще жив. Поскольку Борман явно участвовал в сокрытии Янтарной комнаты, эта история может вызвать интерес. Я только что вновь просмотрел переписку Бормана с женой. Очень полезно для изучения характера этого преступника. Автор публикации, с которым у меня завязались дружеские отношения, утверждает, что разыскал Герду Борман в Швейцарии и лично разговаривал с ней. Он клянется всеми святыми, что эта женщина действительно жена Бормана. Вы знаете мое отношение к таким «сенсациям». Комментарии излишни»⁵⁴.

В следующем месяце еще одно письмо Юлиану Семенову и еще один тайный заговор для Энке, который пытался добиться уважения своего коллеги писателя. Его собственные проблемы, связанные с фальшивками и крахом теории Руди Рингеля, казалось, были забыты.

В прошлом месяце Георг Штейн позвонил в Управление государственных архивов в Потсдаме. Он также попытался связаться с доктором Келером. Но Келер уехал в длительную командировку на Кубу. Поэтому мне пришлось заменить Келера и заняться Штейном, что заняло четыре дня. Он подробно рассказал о своей работе и о том, какими путеводными нитями он руководствуется. Боюсь, правда, что в отношении Янтарной комнаты эти нити лежат скорее в области фантазий, чем реальности. Тем не менее он жалеет, что так называемый германо-российский диалог и обмен опытом в вопросах, связанных с Янтарной комнатой, материализовался только в Берлине, но не в Москве.

Представляясь главным специалистом архивов министерства внутренних дел, офицер Штази Энке создал образ реального человека, с которым разговаривал по телефону Георг Штейн и

которого он даже цитировал в своих статьях, не подозревая, что имеет дело с агентом спецслужб. Теперь Штейн приехал для личной встречи с Келером, и в отсутствии реального архивиста вновь вспомнили о пенсионере Энке, чтобы поддержать обман. Очевидно, между Энке и Семеновым сложились достаточно доверительные отношения, чтобы оплакивать состоящие игры, которая понизила диалог между Штази и КГБ до намеков в письмах и в которой Штейн играл роль ни о чем не подозревающего посредника.

Следующим документом был перевод с русского — письмо без даты от Юлиана Семенова.

Семенов отвечал Паулю Энке, что рад его письму. Поездка по Латинской Америке — с января по апрель он посетил Аргентину, Парагвай, Перу, Коста-Рику, Панаму и Никарагуа — заставила его сделать вывод, что Борман жил в этом регионе. Семенову даже называли дату его смерти в Асунсьоне. Он умер семь лет назад от [зачеркнуто]. Он был очень стар (хотя и не заслуживал такой долгой жизни). Вопрос о Георге Штейне гораздо сложнее: у него умерла жена, и это тяжело повлияло на него, а затем — такое у Семенова сложилось ощущение — кто-то начал настраивать его против СССР и ГДР, поскольку он слишком много знал о нацистах, что является большой редкостью на Западе. В заключение Семенов писал, что не будет развивать эту тему в письме — ее лучше обсудить при личной встрече⁵⁵.

Что заставило Семенова прибегнуть к заговорщическому тону? Мы обратились к газетным архивам Гамбурга и обнаружили нечто неожиданное. За два года до этого письма Георг Штейн обратился в полицию с заявлением, что в Великую пятницу на него напали двое людей в масках. Они ворвались в его дом в Штелле, накачали наркотиками и пытали, расспрашивая об Янтарной комнате. Когда окровавленный Штейн очнулся, рядом с ним на полу лежала записка с загадочной фразой на латыни: «Если твой бесчестный слуга Белый, Христос прольет его кровь. Если он Красный, Христос уничтожит его. Если он Черный, Христос оставит его умирать»⁵⁶. В другой газетной заметке сообщалось, что следующим летом Элизабет Штейн была найдена повешенной в подвале собственного дома. Семенов утверждал, что Штейн «слишком много знал» и что «кто-то начал работать против нас». Предположив, что нападение на Штей-

на и смерть его жены связаны с Янтарной комнатой, Семенов тем не менее не стал обвинять конкретных лиц — вероятно, он боялся, что письмо может быть перехвачено.

Мы не приняли всерьез утверждение «Калининградской правды» о том, что Альфреда Роде убили, чтобы он не открыл местонахождение Янтарной комнаты. В 1960-х годах выяснилось, что дети Роде, Лотти и Вольфганг, спаслись и живут в Западной Германии. Однако Семенов намекал на возможность еще одного убийства. Неужели кто-то не останавливался даже перед убийством, лишь бы сохранить тайну местонахождения Янтарной комнаты? Мы стали читать дальше и обнаружили, что последнее письмо Юлиану Семенову подписано другим лицом, проживавшим на Западе. Мы терялись в догадках, каким образом это письмо оказалось в архивах Штази.

«8 декабря 1984. Мой дорогой Юлиан, долго не получал от вас писем. Надеюсь, ваше здоровье пошло на поправку. Крепкое здоровье — это самое главное в жизни... Янтарная комната: Я часто переписываюсь и перезваниваю с Штейном. У него действительно больше нет денег на продолжение исследований, и я единственный, кто оказывает ему финансовую помощь. Я уже вложил в это дело значительные суммы. Надеюсь, что вскоре мы добьемся положительных результатов, потому что в противном случае для нас было бы большим разочарованием впустую потратить столько сил. Желаю вам и вашей семье счастливого Нового года. Передайте, пожалуйста, своему кузену Сергею, что лекарство от желудка я привезу весной (я только что получил его заказ через ТАСС). Эдуард».

Фирменный бланк был украшен двумя поднявшимися на дыбы лошадьми, а ниже стояли имя и адрес: барон Эдуард фон Фальц-Фейн, вилла Аскания-Нова, Вадуц, Лихтенштейн. Мы никогда не слышали об этом человеке, но нам показалось странным, что он, близко знакомый со Штейном, не упоминает ни о нападении на Штейна, ни о смерти его жены. Нас также удивил тот факт, что Георг Штейн получал деньги на поиски Янтарной комнаты с противоположных концов политического спектра — от Штази и от барона, назвавшего свою виллу в честь местности

на юге Украины, что заставляло предположить о его принадлежности к белой эмиграции. Возможно, Штейн вел двойную игру, и одна из сторон решила положить этому конец. Может быть, именно в этом заключалась причина нападения на Штейна и смерти его жены.

Среди материалов из «министерства правды» мы обнаружили еще один документ, официальное сообщение КГБ, направленное в секретариат Штази⁵⁷.

КГБ доводило до сведения своих коллег, что поиски Янтарной комнаты на территории Советского Союза прекращены. Это решение было принято в соответствии с постановлением Совета министров РСФСР, принятого в октябре 1983 года. Все организации и структуры, принимавшие участие в разного рода мероприятиях и расследованиях, больше не будут заниматься этим делом⁵⁸.

Всего через год после нападения на Штейна и через несколько месяцев после гибели его жены Совет министров, высший исполнительный орган Российской Федерации, издает распоряжение прекратить поиски Янтарной комнаты, одним-единственным абзацем подводя черту под тайными расследованиями, продолжавшимися тридцать семь лет. Однако по каким-то причинам Штази проинформировали об этом лишь через два года — коммюнике КГБ датировано 15 апреля 1986 года.

Глава 11

В телефонном справочнике Гамбурга огромное количество абонентов с фамилией Штейн. Тем не менее мы не нашли ни одного Штейна с инициалом Г., проживающего в деревне Штелле. Может быть, семья покинула этот ужасный дом, в подвале которого нашли повешенную Элизабет, а в гостиной Георга Штейна пытали люди, охотившиеся за информацией о Янтарной комнате?

Нам ничего не оставалось, как обзвонить всех.

Набрав номер, мы повторяли один и тот же вопрос: «Вы не знаете Георга Штейна?» В конце концов мужской голос ответил: «А кто его спрашивает?» Мы сказали, что это связано с Янтарной комнатой. *Das Bernsteinzimmer*. «Отец не может с вами поговорить», — сказал мужчина.

Его отец? Неужели мы нашли номер Георга Штейна.

— Ну, я... я... думаю, да... Я его сын. Лучше нам встретиться. Не дома, это невозможно. Я... я буду ждать вас рядом с вокзалом в Гамбурге завтра вечером. Днем я продаю клубнику. Как меня зовут? Я Роберт, Роберт Штейн, — на ломаном английском произнес мужчина и повесил трубку.

Сын Георга Штейна не оставил описания своей внешности, а следующим вечером тысячи жителей пригородов толклись на платформах гамбургского вокзала. Однако в 20.10, когда мимо нас мчалась вереница молодежи на роликовых коньках, из их гущи появился кривобокий человек с растрепанными волосами и бородой, в черных джинсах и кожаных подтяжках. Его взгляд был прикован к книге «*Bernsteinzimmer Report*», которую он сжимал в руках.

— *Ja, ja*, Роберт Штейн. Простите, я... я опоздал на поезд, — пробормотал он. Мы устроились в привокзальном кафе, и он оглянулся через плечо, прежде чем начать разговор. — *Das Bern-*

steinzimmer погубила мою семью. Мать говорила отцу: «Ты фермер, и твое дело ягоды». Четверо детей и 4000 кустов. Но отец не обращал на нас внимания, и теперь я работаю на ферме у другого хозяина. Люди говорят, что я... я похож на него и что я не в своем уме. Это неправда. Я покончил с историей *das Bernsteinzimmer*. Я... я не хочу быть охотником за пропавшими сокровищами. Полиция приходила в наш дом в Штелле и забрала тысячи страниц из архива отца. Они заявили, что он их украл. Хорошо, сказал я, забирайте все.

Полиция приходила в дом в связи со смертью Элизабет Штейн? После этого семья продала дом?

— Я никогда не вернусь в Штелле. Там слишком многое напоминает мне о том, что случилось, — Роберт совсем расстроился.

— Что произошло? — спросили мы, пытаясь успокоить его.

— В дом приходили люди, — в глазах Роберта Штейна появился страх. — Я... я не знаю их имен. Отец все время отсутствовал. Я не видел его, — он печально заглянул в опустевшую пивную кружку. — Барон — он нашел людей, которые говорили, что знают, где находится *das Bernsteinzimmer*. Он попросил моего отца проверить всю Германию. Отец потратил все наши деньги. Он продал наши кусты, нашу землю, нашу ферму, наш дом.

Он имеет в виду барона Фальц-Фейна, человека, который писал советскому автору детективов Юлиану Семенову о Янтарной комнате в декабре 1984 года?

— Я не могу говорить о бароне. Спросите у него сами, — ответил Роберт и вновь пустился в бессвязные воспоминания. Значит, барон еще жив. — Отец всегда боялся. Не знаю, чего именно, но это началось в Кенигсберге, во время Второй мировой войны, — он намотал на палец завитки волос, опалив их сигаретой. — Он разбил сердце моей матери. Она покончила жизнь самоубийством. Слишком много крови.

Мы напрямую спросили, была ли смерть матери Роберта Штейна самоубийством. И связана ли ее смерть с Янтарной комнатой.

— Конечно, смерть матери имела отношение к *das Bernsteinzimmer*. К отцовским поискам, — подтвердил Роберт. — Все

связано с *das Bernsteinzimmer*. За три дня до того, как отец истекал кровью, к нам в дом приходил один человек. Потом я позвонил ему, но он отрицал, что был у нас. Почему? От многих людей я слышал, что мой отец был связан с Паулем Энке. Возможно, вы слышали об этом человеке из Штази. Отец ездил к нему в ГДР. В 1987 году он опять собирался встретиться с ним.

Что значит, «отец истекал кровью»? Георг Штейн мертв? Роберт считает, что его отца убили агенты Штази? Роберт достал из кармана джинсов потрепанный белый конверт из-под банковской выписки.

— Я научился говорить: «Хватит», — он бросил конверт на стол.

Не произнеся больше ни слова, Роберт Штейн встал из-за стола и удалился, оставив нам конверт. Мы увидели, что на конверте нарисованы ряды крестов с буквами RIP («да упокоится в мире») под каждым. В углу мы прочли слова: «Обман. Ложь. Страх».

Роберт Штейн не хотел или не мог ответить ни на один из наших вопросов. Мы терялись в догадках, зачем он согласился встретиться с нами. Единственное, что мы поняли, его преследовали навязчивые мысли о Янтарной комнате и о ее губительном влиянии на их семью. Слабый и растерянный, похожий на мерцающую электрическую лампочку, которая вот-вот взорвется, Роберт Штейн так и не сказал нам, что случилось с его родителями.

Согласно справочникам, барон Фальц-Фейн жил на вилле Аскания-Нова в Лихтенштейне. Прежде чем набрать его номер, мы просмотрели материалы «министерства правды», чтобы удостовериться, что Штази тоже проявляло к нему интерес.

Так и оказалось. Мы обнаружили рапорт, адресованный заместителю министра Нейберу¹ и датированный 1987 годом. Барон Эдуард фон Фальц-Фейн был важной фигурой. Агент Штази называл его потомком царя Николая II, двоюродным братом Владимира Набокова и последним в роду бывших владельцев местности Аскания-Нова на юге Украины.

В рапорте сообщалось следующее.

«Барон Эдуард фон Фальц-Фейн использует все свое влияние для возвращения похищенных произведений русского искусства в Советский Союз... Известно, что он поддерживает связь с высшим советским руководством. Так, например, он сопровождал Горбачева в поездке по Прибалтийским республикам весной этого года [1987]. [Фальц-Фейн] выступал на советском телевидении и принимал участие в многочасовых дискуссиях с советским министром культуры, посвященных поиску украденных произведений искусства».

Это объясняет связь барона с Янтарной комнатой. Мы набрали номер.

— Как вы сказали, кто вы? — раздался в трубке пронзительный голос. Барон Эдуард фон Фальц-Фейн сообщил, что он занят сборами в дорогу. — Прощу прощения, мои дорогие, но в четверг у меня в Киеве важная встреча с премьер-министром Ющенко. Ю-щен-ко. Именно так.

Мы спросили, можно ли поговорить о Георге Штейне.

— О, — голос в трубке умолк. — Георг Штейн, — длинная пауза. — Это было так давно. Если вы сможете приехать сюда завтра утром, я постараюсь найти для вас время. Но в час дня мне нужно проводить юную леди в Швейцарию, и поэтому я не вернусь раньше половины второго, — он жил в крошечном государстве площадью шестьдесят две квадратные мили, зажатом между Швейцарией и Австрией. — Лучше позавтракайте, прежде чем приходить ко мне. Я девяностооднолетний холостяк и не устраиваю приемы. Вы найдете мое маленькое гнездышко на Шлосс-штрассе, последний дом перед замком. Ищите название «Аскания-Нова» — моя любимая родина.

В столице Лихтенштейна Вадуце, где воздух наполнен ароматом теплого молока и негромким мурлыканьем банкоматов, мы разыскали украшенную лепниной и увитую глицинией белоснежную виллу барона, которая возвышалась над виллой соседа, князя Ганса-Адама II, правителя этого налогового рая.

Барону Эдуарду фон Фальц-Фейну, возможно, и исполнился девяносто один год, но в своих кожаных мокасинах и слаксах он выглядел моложавым плейбоем.

— Вы журналисты — я правильно понял? Надеюсь, вы захватили с собой диктофон?

Подойдя ближе, мы увидели, что пышная шевелюра барона имеет рыжеватый оттенок и что он не очень чисто выбрит. От него исходил аромат фруктового пирога с пряностями.

— Я придаю огромное значение своей родословной, мои дорогие, и я горжусь, что все еще жив.

— Можно войти?

— Нет, — он загородил вход и изящным почти женским мизинцем указал на несколько гербов, прибитых у двери. — Сначала вы должны понять, что я представляю собой легенду Украины и России. Справа один из старейших гербов во всей России, и он достался семье моей матери непосредственно от Петра Великого. А это герб Фальц-Фейнов. Отцовский. Он умер с разбитым сердцем после того, как нам пришлось бежать от большевиков.

Барон впустил нас в дверь.

— Теперь, немного просветившись, вы можете войти в мою скромную обитель эмигранта, — он вновь остановился в холле. Стены были увешаны портретами, лица на которых нам показались знакомыми. — Это последний русский царь. Это его жена, — барон указал на темный портрет, оригинал которого висит в Русском музее в Петербурге. — Прекрасная женщина. Какая трагедия. Убита в грязном подвале в Екатеринбурге, — барон обхватил себя руками. — Я предоставил ДНК для идентификации останков Романовых. Я был единственным иностранцем, приглашенным на «погребение», когда их прах наконец упокоился в Петербурге. Это высокая честь. А это мой дед Николай Алексеевич Епанчин, генерал от инфантерии и директор Императорского пажеского корпуса, — палец барона скользил вдоль темных портретов на стенах. Мы обратили внимание, что часы переведены на час вперед — они показывали время на Украине.

Примерно через час мы добрались до поколения самого барона. Он провел нас в гостиную. В одном углу стоял огромный письменный стол XIX века, а рядом довольно потрепанный велотренажер.

— Все хотят наградить меня орденом, — с притворным со-

жалением сказал барон, открывая дверцу стеклянного шкафа, забитого благодарностями и наградами — сверкающая груда молоточков, лент, серпов и красных звезд, среди которых мы заметили даже черный железный крест. — Они хотят, чтобы я это носил, — он не уточнил, о ком идет речь. — Боже упаси! Я буду похож на Брежнева.

Барон усадил нас на обитый малиновой кожей диван, с которого открывался чудесный вид на зеленую долину Лихтенштейна. Мы спросили хозяина, как он познакомился с Георгом Штейном.

— Я прожил на земле девяносто один год, и вы не поймете побудительных мотивов, заставивших меня заняться поисками Янтарной комнаты, если не узнаете о моем прошлом. Позвольте короткий рассказ, — он взглянул на наш диктофон, чтобы удостовериться, что мы записываем. — «L'Equipe» нашла меня в Париже и отправила освещать Олимпийские игры 1936 года. Я видел, в какую ярость пришел Гитлер, когда Джесси Оуэнс

*Барон Эдуард фон
Фальц-Фейн
ведет репортаж
с Олимпиады
в Берлине,
1936 год*

выиграл стометровку. Фюрер находился всего в двадцати ярдах от ложи прессы.

Попробовав себя в журналистике, барон завоевал чемпионские титулы в велоспорте и в санном спорте, а затем увлекся автогонками.

— Как-то мой друг Порфирий Рубироза сказал мне: «Эдуард, в жизни каждого мужчины наступает время, когда уже неприлично флиртовать с маленькими девочками». С Казановой было покончено. Я поехал к своему кузену Владимиру Набокову в Нью-Йорк и там познакомился со своей первой женой. — В 1950 году барон женился на Вирджинии Куртис-Беннет, дочери сэра Ноэла, президента Международного олимпийского комитета и английского лорда. — Я испросил разрешение архиепископа Кентерберийского на православную церемонию с русским хором. Мы венчались в Савойской часовне. Это была сенсация, мои дорогие. Присутствовала вся королевская семья. Но потом мы ссорились, как кошки. Она пыталась убедить меня, что все самое лучшее — это английское. Например, шоколад или автомобили. Я говорил ей: «Моя дорогая, не глупи. Лучший в мире шоколад — швейцарский. А ваши автомобили просто жестянки». В конце концов меня спас очень хороший американский писатель Пол Гэллик. Он увел ее от меня. Потом они поженились, переехали в Монте-Карло и стали окочиваться рядом с принцессой Грейс. После смерти Гэллика князь Рене взял мою бывшую женушку в качестве *Dame d'Honneur du Château*. После смерти принцессы Грейс моя бывшая женушка присматривала за детьми князя. *Quelle tragedie*. Она еще жива, и мы с ней добрые друзья. Когда я приезжаю в Монте-Карло, меня очень мило принимают. Князь приглашает меня на ленч.

История его жизни была такой необычной, что если бы не рояль, заставленный фотографиями, подтверждавшими рассказ хозяина, барон Эдуард фон Фальц-Фейн мог бы сойти за обманщика. Но вот он — молодой журналист в ложе для прессы на берлинской Олимпиаде, над головой которого развеваются знамена со свастикой; обед с принцессой Грейс в Монте-Карло; прогулка с британскими королевскими особами, прин-

цем Филиппом и принцем Чарлзом; объятие с Джоан Кроуфорд.

Из мобильного телефона хозяина полилась мелодия «Лебединого озера». Это был офис мистера Ющенко, премьер-министра Украины. Барон ответил на не очень беглом русском языке и только после этого вернулся к интересующей нас теме похищенных произведений искусства.

— Я занялся поисками вывезенных из России ценностей в 1950-х годах. Мне попались гобелены, принадлежавшие царской семье и украденные из Ливадийского дворца. На аукционе в Бонне я отбил их у какого-то японца. *Mon dieu, mon dieu*, какой прием мне устроили русские, когда я возвращал похищенное, — глаза барона наполнились слезами. — Такой был трамтарарам. Тысячи людей пришли посмотреть на меня, когда я отдавал гобелены. На меня, ничтожного эмигранта из Лихтенштейна!

— А что насчет Георга Штейна?

— Да, да, я как раз подхожу к нему. После того как я нашел гобелены, мне позвонил советский писатель, который жил в Бонне. Он работал для «Литературной газеты». *Mon dieu*, Юлиан Семенов, — барон в ужасе хлопнул себя ладонью по лбу. Он говорил о советском авторе детективных романов, письма и статьи о Георге Штейне которого мы читали в архивах Штази. — Первый раз Юлиан Семенов гостил у меня пятнадцать дней. Сидел на этом малиновом диване, на том же самом месте, что и вы, выпил за завтраком полбутылки водки, а потом проспал до ленча. Юлиан обошелся мне в кругленькую сумму; он постоянно слонялся по дому и искал, чего бы выпить. Я за всю жизнь не выпил ни глотка спиртного и не выкурил ни одной сигареты. Когда Юлиан просыпался, мы говорили только о Янтарной комнате. В 1975 году он познакомил меня с Георгом Штейном, который вернул в Россию псковские иконы. Мне показалось, что Штейн немного не в своем уме, но у нас были общие интересы. У него была теория насчет шахты в Вольприхаузене, неподалеку от Геттингена. Он утверждал, что бесценный янтарь похоронен в шахте. Увлекательная история. Георг Штейн сказал: «Я знаю, где находится Янтарная комната. Дайте мне немного денег, и я найду ее для вас».

Юлиан Семенов

Таким образом, после того, как западногерманское правительство отказало Штейну, он стал искать частных инвесторов, которые были бы готовы финансировать проект, придуманный Штази.

— Стоило ли тратить на это деньги?

Барон подошел к огромному старинному дубовому сундуку, фамильной ценности из Украины, доверху набитому документами.

— Наш архив, — объяснил он. — Мы с Юлианом и Георгом решили образовать своего рода комитет. По розыску Янтарной комнаты. У Георга имелись документы военного времени, позволявшие предположить, что Янтарная комната могла быть спрятана в Вольприхаузене на территории Западной Германии, и мы были очень взволнованы, потому что до этого момента все поиски велись в недоступных для нас местах — в России и ГДР. Теперь, мои дорогие, у нас появилась возможность искать спрятанное сокровище на Западе, и мы работали не покладая рук, — барон протянул нам фотографию Семенова, плотного мужчины с бычьей шеей и темными курчавыми волосами. — Хотелось бы думать, что я сыграл небольшую роль в его карьере.

Мы спросили, был ли Семенов агентом КГБ.

— Мои дорогие, я не был настолько груб, чтобы спросить его об этом, а сам он не признавался. Скажем, у него было много заграничных поездок.

Лихорадка, связанная с поисками Янтарной комнаты, захлестнула Запад в 1970-х годах, и к нашему комитету жаждали присоединиться толпы журналистов, детективов и писателей. Среди них был и Жорж Сименон, живущий в Париже бельгиец, который прославился своим персонажем комиссаром Мегрэ. С нами была и «Красная графиня» Марион Донхофф, первая леди антифашистского сопротивления Восточной Пруссии. Георгу Штейну удалось каким-то образом убедить ее, что их отцы были приятелями в Кенигсберге.

Таким образом, с помощью Марион мы привлекли на свою сторону влиятельный еженедельник «Die Zeit». Были и более мелкие фигуры. Маленький англичанин из разведслужб, кажется, из М16. Его звали Элдридж. Или Олдридж? Не помню, — глаза барона блестели, как у ребенка рождественским утром. — Все делалось на наши деньги — много денег, сумасшедшие деньги. На некоторое время Янтарная комната захватила нас. Это было как наркотик. И я спускал на нее все деньги.

Барон извлек из сундука газетные вырезки. К началу 80-х годов «комитет по розыску Янтарной комнаты» получил хорошую прессу, и его деятельность освещалась западногермански-

Марион Донхофф

ми, британскими и американскими журналистами, рассчитывавшими, что он найдет сокровище раньше коммунистов. «Комсомольская правда», 1983 год: «Лицом к лицу — интервью с Георгом Штейном». «The Sunday Times», 20 октября 1985 года: «Похищение Янтарной комнаты». Раскопки в Каринтии. Поиски в Оденвальде, к востоку от Мангейма. Тайны, похороненные в архивах армии США в Вашингтоне. Юлиан Семенов и барон Фальц-Фейн обсуждают загадку Янтарной комнаты за бокалом вина в парижском «Максиме». Барон склонился над своим кузеном Владимиром Набоковым, изучающим документы последних месяцев войны. Созданный бароном комитет заражал других «вирусом» Янтарной комнаты, который распространяли безумные предположения о том, где могло быть спрятано сокровище. Журналы. Книги. Документальные телефильмы.

Знал ли барон, что информация Штейна исходит от Штази, а возможно, и из Москвы? Мы показали ему некоторые документы, обнаруженные нами в «министерстве правды».

— Пауль Энке, — он пожал плечами, — говорил, что он из министерства внутренних дел. Я не был уверен, что он из Штази. Но у нас имелись подозрения, потому что Энке никогда не покидал Восточного Берлина. Мы всегда сами навещали его, проходя под видом туристов через «Чекпойнт Чарли».

А что он думает по поводу истории с Вольприхаузенем, когда Георг Штейн использовал фальшивый телекс от отца Руди Рингеля, чтобы доказать, что Янтарная комната спрятана в шахте? Мы показали барону протокол допроса Руди Рингеля в 1979 году, во время которого выяснилось, что его отец был инвалидом и служил в почтовой охране.

— Я старый человек. Поговорите с теми, кто продолжает наши поиски, — барон отстранил бумаги. Его глаза наполнились слезами, и он поведал нам историю, которая выглядела тщательно отрепетированным рассказом: — Я должен был заняться этим делом. Когда я был пятилетним мальчиком, мой отец, генерал, повел меня посмотреть на Янтарную комнату и сказал: «Когда ты вырастешь, то будешь помнить, что я показывал тебе одно из чудес света». Я никогда не забывал об этом. А когда оказалось, что я могу помочь в возвращении Янтарной комнаты, я

воспринял это как свой долг. Вернуть Янтарную комнату, — он встал. — А теперь мне пора на встречу.

Мы показали барону документы Штази, обвинявшие Штейна в искажении фактов, которые он подгонял под свои теории.

— Никто не заплатил такую ужасную цену за поиски Янтарной комнаты, как старина Георг Штейн, — вскипел барон.

Он имеет в виду письма с угрозами, нападение и смерть Элизабет Штейн?

— Вам известно и это, — барон снова сел. — Проблемы Георга начались в 1983 году, после того как при ужасных обстоятельствах умерла его жена. Через год внезапно умер его ментор на Востоке, берлинский историк искусства Герхард Штраус. Без Герхарда Штрауса Штейну пришлось иметь дело непосредственно с Энке, но они не могли договориться. Каждый защищал собственную версию, и они дрались, как дикие коты. В те дни у каждого была собственная версия. Как бы то ни было, я должен вас покинуть, — он снова встал.

Но почему Советский Союз прекратил поиски Янтарной комнаты, причем не поставив в известность остальных? Мы пытались любыми средствами продолжить беседу. Барон помрачнел.

— Все рухнуло летом 1987 года. Штейн позвонил мне и сказал: «Я не знаю, как мне быть. Могу я повидаться с вами? Я продал все». Он прожил у меня одну, две или три недели — точно не помню. Все время писал. Однажды я сказал ему: «Завтра мне нужно уезжать». Это был старт велогонки «Тур де Франс», и я получил персональное приглашение. Штейн сказал, что у него приятель в Мюнхене. Я отвез его на вокзал. Дал денег. Мне было так неловко его отправлять. Я сказал ему, чтобы он был осторожен. Если бы я мог только знать, что произойдет здесь, в Вадуце. Какой ужас.

— А что тут случилось?

Барон сунул нам в руки сверток с документами и повел в холл.

— Здесь все, что вам нужно. Было приятно познакомиться с вами, — он лучезарно улыбнулся и распахнул входную дверь. Когда дверь захлопнулась за нами, мы увидели на документах

печать полиции Баварии. «Отдел криминальных расследований, Ингольштадт. Дело: Георг Штейн: 20 августа 1987 г.»²

«Вилла «Аскания-Нова». Шлосс-штрассе, Вадуц». Письмо барона Юлиану Семенову. Первый документ из свертка, который нам вручил барон.

«8 апреля 1985 года. Дорогой Юлиан, вчера я разговаривал с вашей дочерью и выяснил, что вы в Аргентине. Пожалуйста, позвоните мне в течение десяти дней после возвращения. Поездка, о которой я так мечтал, приближается, и я прилетаю [в Россию] 27 мая в 17.05 рейсом «Swissair» из Цюриха. Мне выдали визу на три недели, и поэтому у меня будет время слетать с вами в Ялту. Пожалуйста, организуйте мое пребывание, и также запланированное посещение Ленинграда для освящения могилы адмирала Епанчина. Шлю вам привет в надежде освежить старую дружбу и с нетерпением жду новой встречи с вами. Эдуард».

Барон и Юлиан Семенов, когда-то бывшие близкими друзьями, планировали большое турне по Советскому Союзу.

«Ашхаузенер-штрассе, Штелле, Гамбург». Письмо от Георга Штейна Юлиану Семенову.

«10 ноября 1985 года. Мой дорогой Юлиан! Я был очень удивлен вашим внезапным появлением, но все равно неплохо провел время в Женеве. Прилагаю статью из «The Sunday Times» под названием «Похищение Янтарной комнаты». Также прилагаю контракт на съемки «Янтарной комнаты». Баварская телерадиовещательная корпорация назначила съемки на начало 1987 года. Запланированы съемки документальной программы, а затем и художественного фильма. Основой для фильма станет мой архив, в котором около 2300 документов. В результате моих переговоров с Центральным архивом ГДР в Потсдаме обнаружили нити, которые ведут в ФРГ... Нам нужно тщательно обсудить все это... первый удобный случай для этого представится в пятницу, в 7.45 утра. С наилучшими пожеланиями, ваш друг Георг!!!»

Узнав от барона, что с Семеновым вновь можно связаться, Штейн тут же принялся бомбардировать письмами советского автора детективов, который сделал его знаменитым, рассказав в 1973 году о его сумасбродных идеях относительно Янтарной комнаты, основанных на полученных от Штази документах.

«Ашхаузенер-штрассе, Штелле, Гамбург». Еще одно письмо от Георга Штейна, датированное тем же днем.

«10 ноября 1985 года. Дорогой барон фон Фальц-Фен, пожалуйста, покажите Юлиану... копию статьи Энтони Терри [«The Sunday Times»]... Пришлите, пожалуйста, оригинал контракта с «Active Film Company»... Я не уверен, захочет ли Юлиан помочь. Он пытался снимать фильмы на эту тему [о Янтарной комнате] самостоятельно. Вы можете прощупать его?.. Нам нужно подробно обсудить этот вопрос до того, как вы встретитесь с Юлианом... Он отличный парень, но он не очень надежен. Я был бы благодарен также за увеличение финансирования. С наилучшими пожеланиями, всегда искренне ваш Георг Штейн».

Штейн всегда стремился привлечь к себе внимание, и поэтому он больше всего боялся утратить контроль за расследованием тайны Янтарной комнаты. Больше всего он опасался известного советского автора детективов Семенова. Но, как выяснилось, бояться нужно было вовсе не Семенова.

Далее в документах обнаружился пробел — вероятно, в это время снимался документальный фильм Штейна о Янтарной комнате. Потом шла подборка газетных сообщений, датированная 1987 годом.

«Немецкая ассоциация прессы. Канал ARD и NDR. 16 апреля 1987 года. Заголовок: Янтарная комната вывезена в США в мае 1945 года. Георг Штейн утверждает, что комната была вывезена следующим маршрутом: Граслебен [шахта в Гельмштадте, в восьмидесяти милях на северо-восток от Вольприхаузена] — Висбаден [центральный сборный пункт произведений искусства] — Антверпен [морской порт] — США [секретное хранилище]».

3-й канал ТВ, Бавария: 16 апреля 1987 года. 90-минутный документальный фильм сегодня вечером расскажет о том, как поиск Янтарной комнаты, проводившийся историком-любителем Георгом Штейном, привел его к выводу, что Янтарная комната была вывезена в США.

«Die Zeit», Гамбург: 18 апреля 1987 года. Тайна Янтарной комнаты разгадана?

Через Штейна Штази передала документы, якобы доказывающие, что Янтарная комната была захвачена американскими войсками и тайно увезена в США. Эта версия вызвала большой резонанс в прессе, хотя и представляла собой явную фальшивку.

«Психиатрическая лечебница, Гамбург-Эппендорф». Письмо от Георга Штейна, 13 мая 1987 года. Меньше чем через месяц после того, как немецкая пресса озвучила сомнительную «американскую» теорию Штейна, он оказался в психиатрической больнице.

«Мой дорогой барон! Я лежу здесь уже три с половиной недели. Сегодня вы узнаете, почему. 15 апреля [за день до выхода в эфир телевизионного документального фильма Штейна] я получил из налогового управления ультимативное требование о выплате 400 тысяч марок. Моим детям было предписано освободить дом в Штелле. Теперь он стоит пустой, и в ближайшее время его продадут с аукциона. Поиски Янтарной комнаты закончились — вероятно, это и было основной целью государства. Развязка близка. Здесь также имел место мотив мести за ту небольшую историю с монастырскими ценностями [из Пскова]. У меня не осталось ничего, кроме той одежды, которая на мне.

Досье Янтарной комнаты заперто в пустом доме. Друзья пытаются спасти его и вывезти в безопасное место... У меня совсем нет денег. Незнакомые люди дали мне марки для этого письма. Но, несмотря на все это, я не теряю мужества и надежды. Пожалуйста, проинформируйте о моем положении всех наших друзей — вы знаете, кого я имею в виду. Я часто думаю о вас... Дети

*презирают меня и больше не приходят... С сердечным приветом.
Георг Штейн.*

P.S. Как мне отсюда выбраться? Ваши друзья могут помочь?»

Штейн находился в маниакальном состоянии, на грани банкротства, и мы сомневались в обоснованности его страхов относительно того, что западногерманское правительство пытается заткнуть ему рот, прежде чем он выступит со своим сомнительным заявлением. Однако мы начинали понимать причины психического состояния. Мы старались читать как можно быстрее.

«Отдел криминальных расследований, Ингольштадт». Выдержка из отчета профессора Гетце, главного психиатра психиатрической лечебницы Гамбург-Эппендорф, май 1987 года.

«Пациент всегда реагирует одинаково, когда его напрямую спрашивают о загадочных или иррациональных фактах; он подчеркивает значение собственной персоны, намекая на свою роль как доверенного лица, призванного хранить тайны, как исследователя сложных вопросов и знатока запутанной международной политики, а также говорит о подстерегающих его в связи с этим опасностях».

Профессор Гетце с подозрением относился к его теориям тайного заговора.

«Вилла «Аскания-Нова», Шлосс-штрассе, Вадуц». Письмо от барона.

«1 июня 1987 года. Дорогой мистер Штейн! Прилагаю письмо от мистера Попова, заместителя директора советской телевизионной корпорации, и телеграмму от Юлиана Семенова. Вы можете видеть, что вас не забыли. Естественно, я ответил, что вы и [Роберт Штейн] не можете принять приглашение посетить Советский Союз 3 июня, особенно с учетом того обстоятельства, что об оплате перелета речь не шла. Посылаю вам купюру в 100 марок — на расходы. От всего сердца желаю скорейшего выздоровления. Эдуард фон Фальц-Фейн».

Очевидно, что Георг Штейн и его сын собирались привезти свою сомнительную «американскую» теорию в Москву, где ее опубликование дало бы максимальный эффект. Барон, похоже, предпочел держаться на расстоянии.

«Отдел криминальных расследований, Ингольштадт». Выдержка из записей профессора Гетце в истории болезни, 16 июня 1987 года.

«Мистер Георг Штейн проходил лечение в нашем отделении с 23 апреля по 16 июня 1987 года после пребывания в 5-м хирургическом отделении по поводу ранения в живот... в процессе операции была выполнена частичная резекция кишки, после чего была проведена интенсивная терапия. Нам удалось стабилизировать послеоперационное состояние пациента, и через несколько дней мы рекомендовали перевести его в палату... Мистер Штейн покинул наше отделение 15 июня 1987 года с намерением уехать в Швейцарию».

Таким образом, через неделю после показа документального фильма о Янтарной комнате Штейн был госпитализирован с серьезным ранением в живот. Но мы не нашли описания обстоятельств, при которых было получено это ранение, и не могли понять, почему Штейн не упоминает об этом в письме к барону. Может быть, человек, который пытал его в 1982 году, вернулся, чтобы завершить начатое. Может быть, страхи Штейна были обоснованными?

«Отдел криминальных расследований, Ингольштадт». Выдержка из отчета доктора Бенно Сплита, ассистента районной больницы в Штарнберге, Бавария. Еще одна история болезни, на этот раз из Южной Германии, была написана через двенадцать дней после выписки Штейна из больницы на севере страны.

29 июня 1987 года... Сообщаем о пациенте, найденном вчера в лесу Штанберга с ранением в живот и доставленном в нашу клинику врачом «скорой помощи». Исследовательская лапаротомия выявила диагональную открытую рану длиной 5—10 см в центре верхней части брюшной полости с проникновением в брюшину, ко-

торая была загрязнена травой... были обнаружены две поврежденные вены вблизи брыжейки поперечной ободочной кишки, в результате чего пациент потерял около двух литров крови».

Всего лишь через два месяца после загадочного ножевого ранения в Гамбурге Георг Штейн вновь серьезно ранен. Создавалось впечатление, что его преследовали по всей Германии. Мы подсчитали, что второй инцидент случился вскоре после того, как Штейн покинул дом барона Фальц-Фейна в Вадуце. Барон сказал нам, что в конце июня 1987 года он посадил Штейна на поезд в Мюнхен, когда был вынужден выгнать его со своей виллы «Аскания-Нова». Но почему барон не сообщил нам, что Штейн два раза был ранен — один раз до приезда в Лихтенштейн, а второй раз сразу же после отъезда?

«Крискранкенхаус, Штарнберг, Бавария». Письмо от Георга Штейна. «7 июля 1987 года. Дорогой барон, я здесь уже неделю. О Берлине придется забыть. Доктор Энке не смог получить для меня визу. Куда я поеду?.. Я не в состоянии оплатить счет. С уважением. Г. Штейн». Мы не могли понять, почему ни в одном из писем Штейна не упоминается о том, что он дважды был ранен и чуть не умер. Вместо этого он сокрушался о том, что не удалось получить визу от Пауля Энке, истинную роль которого он, наконец, узнал.

«Крискранкенхаус, Штарнберг, Бавария». Еще одно письмо от Георга Штейна, которому пришлось пробыть в больнице дольше, чем он предполагал.

«13 августа 1987 года. Дорогой и глубокоуважаемый барон! После шести недель пребывания в больнице к концу недели меня, наконец, выписывают; у моего хирурга есть загородный дом, и для начала я могу найти там временное пристанище. Я не могу вернуться домой, потому что мои дети все продали... Я остался без гроша в кармане. Следующие три недели обещают быть очень трудными... Мне надо будет прожить всего на 120 марок... Наверное, придется питаться черствыми булочками. Но поиск Янтарной комнаты продолжается!!! И только это имеет значение. Пожалуйста, пришлите мне какие-нибудь сигареты. Когда вы едете в Рос-

сию? С сердечным приветом, Георг Штейн. Мой адрес: Георг Штейн, для передачи, 8079 Альтдорф, почтовое отделение, Титтинг, Бавария. Телефона нет».

Несмотря на слабость, мысли Штейна по-прежнему были заняты Янтарной комнатой. Он опять пытается надавить на барона.

«Отдел криминальных расследований, Ингольштадт». Выписка из истории болезни, отправленной из Штарнберга в Гамбург. Больничный персонал был убежден, что Штейн возвращается домой.

«15 августа 1987 года. Дорогой [доктор Арльт, регистратор психиатрической лечебницы в Гамбург-Эппендорфе], в приложенных к письму документах вы найдете дополнительную информацию о Георге Штейне, который прибудет к вам в клинику 25 августа 1987 года... Штейн характеризуется острым умом и сложным характером и находится в здравом уме... Цель жизни Штейна — добиться известности, даже ценой приобретения многочисленных врагов... С сердечным приветом, Бенно Сплит, ассистент».

Таким образом, баварский врач Штейна был оптимистично настроен относительно выздоровления пациента, но тревожился из-за противостоящих ему сил. Непонятно, правда, существовали ли эти враги в действительности или они жили лишь в голове Штейна.

«8079 Альтдорф, почтовое отделение, Титтинг, Бавария». Почтовая открытка от Георга Штейна, который восстанавливал здоровье в сельской местности.

«18 августа 1987 года. Дорогой доктор Сплит! Со мной все хорошо, я много гуляю, пишу и составляю планы на будущее. Вчера здесь были ваши родители, и мы развесили белье, которое стало очень жестким на солнце. Теперь я собираюсь пойти в Эйхштадт, чтобы отправить почту. В приложении вы можете посмотреть, как планируется публикация одной из моих книг. С уважением, ваш Георг Штейн».

Приложение отсутствовало, и мы могли только догадываться, что книга, о которой шла речь, была посвящена Янтарной комнате и излагала «американскую» версию Штейна. Примечательно, что Штейн не утратил свойственной ему бравады и собирался совершить путешествие на почту, до которой, по нашим подсчетам, было около сорока миль.

По утверждению газеты «Bild», Георга Штейна заметил местный фермер, когда он выходил из гостиницы в небольшой баварской деревушке Альтдорф. Было это рано утром 20 августа 1987 года, вскоре после того, как Штейн отправил почтовую открытку доктору Сплиту. Владелец гостиницы рассказал полиции, что Штейн прожил у него несколько дней, что он был очень возбужден, мало ел и большую часть времени гулял.

Мы проехали по югу Германии вдоль гряды Австрийских Альп, а затем повернули на север, через Баварию. Мы миновали Мюнхен и по шоссе А9 направились в средневековый город Ингольштадт (именно там Мэри Шелли поселила своего Франкенштейна), в отделе криминальных расследований которого начиналось дело Штейна. Боковая дорога петляла между посадок хмеля и белеными фермами с покатыми крышами. В двенадцати милях от шоссе находилась деревня Альтдорф, состоящая из нескольких домиков и со всех сторон окруженная лесом.

В газете «Bild» мы прочитали, как 20 августа 1987 года житель Альтдорфа по имени Алоиз Дирх нашел тело среди развалин замка XIV века, который располагался на холме рядом с деревней. Комиссар полиции из Ингольштадта писал в своем рапорте, что жертва получила несколько ударов ножом в живот³. Патологоанатом из больницы в Ингольштадте, проводивший вскрытие, отметил, что большая часть ран нанесена «анатомическим скальпелем». Он также обнаружил свидетельства других недавних порезов на брюшной стенке жертвы.

На двух полицейских фотографиях изображено тело в том виде, как оно было найдено, под опавшими листьями бука. Относительно мирная картина для такой насильственной смерти. На первом снимке не заметно следов борьбы — только пятна засохшей крови на пальцах жертвы и грязь под ногтями. На лице, легко узнаваемом, застыло несколько растерянное выраже-

*Полицейская фотография тела Георга Штейна,
20 августа 1987 года*

ние, как будто человек выпил слишком много вина и упал со стула. Очки в массивной оправе слегка сбиты набок, пуговицы рубашки расстегнуты. На втором снимке кто-то убрал опавшие листья и приподнял рубашку жертвы, так что стали видны глубокие раны в верхней части живота. Рядом с телом лежали двое ножниц и скальпель. Тут же валялась пустая пачка от сигарет «Мальборо» и стеклянная бутылка, содержимое которой было либо выпито, либо вылито. Создавалось впечатление, что Штейн или следил за кем-то, или назначил здесь встречу.

Когда мы приехали в Альтдорф, шел мелкий дождь. Мы не нашли ни владельца гостиницы, ни кого-либо, кто знал родителей доктора Бенно Сплита, у которых здесь был загородный дом. Мы стучались во многие двери, но никто не хотел отвечать на наши вопросы. Заметив небольшой указатель у подножия холма «Ruine Brunneck, 1.5 km», мы решили подняться на холм и осмотреть развалины замка. Тропинка вела мимо фермы с мычащими коровами; работавшая в саду молодая женщина при нашем приближении скрылась. Мы углубились в рощу из молодых буковых деревьев. Под ногами шуршали сухие листья. Кроны деревьев образовывали непроницаемый покров, и в лесу было темно. Затем мы услышали медленный и низкий стук. Звук, сначала тихий, постепенно приближался. Наконец, мы разли-

чили тяжелое дыхание и треск ломающихся веток. Тропинку пересек олень, заставив нас испуганно отпрянуть.

Поднявшись по скользкой от грязи тропинке, петлявшей среди деревьев, мы увидели башню и ворота замка. Внутри развалин полукругом расположились старые деревья. Следы недавнего костра. Несколько обугленных веток. Старые надписи готическим шрифтом на стволах: «SCH 1», «1964/66», «LOEN 76/77». Буквы «В», «Z» и «СН». Слово «Goppingen». Все это вызвало смутные ассоциации и казалось знакомым. Издалека донесся визг цепной пилы.

Мы представили, как на заре здесь лежал Георг Штейн, покинувший гостиницу в предрассветной тьме. Внизу раскинулась долина Альтдорфа, и зеленый трактор вспахивал красную землю. Когда солнце поднялось высоко, Штейн уже истек кровью.

Известие о том, что в Баварии обнаружен труп Георга Штейна со вспоротым животом, попало на первые полосы западногерманских и советских газет. Многие репортажи обращали внимание на ритуальный характер его смерти, а также на его склонность беспокоить западногерманское правительство откровениями по поводу награбленных во время войны ценностей. Корреспонденты хлынули в тихую деревушку Альтдорф и на обанкротившуюся ферму по выращиванию клубники в Штелле. Поползли слухи, что немецкого историка-любителя убили, чтобы помешать ему найти Янтарную комнату.

«Известия» писали о том, что Штейн на протяжении 20 лет занимался поисками Янтарной комнаты и что он помог нескольким владельцам вернуть утраченную собственность, в том числе Советскому Союзу. Неизвестные убийцы уже несколько раз пытались расправиться со Штейном, а обстоятельства и мотивы его смерти так до конца и не выяснены⁴.

Официальный доклад Штази, касающийся смерти Штейна, тоже полон намеков. В записке, составленной для заместителя министра госбезопасности Нейбера, говорится:

«Отправной точкой многих наших контактов, связанных с Янтарной комнатой, был Георг Штейн, который умер при загадочных обстоятельствах... За период сотрудничества Штейн пере-

дал нам более 150 документов и усердно исследовал полученные данные... Георг Штейн регулярно сотрудничал с нами и был важной фигурой для наших расследований в Западной Германии».

Тем не менее у Штази не было времени оплакивать его смерть: «Теперь [Штейн] мертв и желательно попытаться наладить активную связь с... бароном Фальц-Фейном»⁵.

Независимо от того, была ли смерть Штейна убийством или самоубийством, она сыграла на руку тем, с кем он постоянно соперничал за право первенства в поисках Янтарной комнаты. Предыдущим летом 30 июня 1986 года на полках книжных магазинов Восточной Германии появилась тоненькая книжка в дешевой мягкой обложке, обещавшая раскрыть захватывающую тайну Янтарной комнаты и доказать, что вопреки многим заявлениям и подозрениям Янтарная комната не погибла. Издательство «Die Wirtschaft» наконец выпустило главный труд Пауля Энке «Bernsteinzimmer Report», отредактированный Гюнтером Вермушем. Тем, кто желал узнать биографические данные Энке, сообщалось, что он был работником министерства внутренних дел ГДР. Естественно, никаких упоминаний о Штази не было и в помине.

Георг Штейн был мертв (не исключено, что его убили, чтобы не допустить раскрытия тайны Янтарной комнаты), и книга «Bernsteinzimmer Report» стала бестселлером. Берлинский корреспондент «Известий» Влад Лапский писал о том, что 20-тысячный тираж первого издания разошелся очень быстро, и уже через несколько месяцев книга была переиздана, причем практически ни один экземпляр не попал на полки книжных магазинов⁶.

Воображение публики, разбухшее статьями 1958 года в «Калининградской правде» и 1959 года в «Freie Welt», теперь подпитывалось леденящей душу трагедией смерти Штейна и убедительными подробностями из книги «Bernsteinzimmer Report»: интервью со свидетелями, оригинальными документами нацистов, спасенными из огня, взрывоопасными заявлениями, в которых западногерманские, британские и американские власти обвинялись в заговоре с целью похищения одного из величайших сокровищ мировой культуры.

Основное внимание в «Bernsteinzimmer Report» уделялось весне 1945 года: фургону Красного Креста с Альбертом Поппом и, возможно, Рингелем, груз которого состоял из личной коллекции произведений искусства Эриха Коха и Янтарной комнаты. Прячась от бомбардировщиков союзников, Попп и Рингель выехали из еще находившегося в руках нацистов Веймара и направились к тайной шахте на западе Эрцгебирге, в Саксонии. На странице 227 делается следующий вывод: «[Гаулейтер Саксонии] Мучман, Альберт Попп и штурмбаннфюрер СС Рингель унесли с собой в могилу тайну местонахождения величайших достижений мировой культуры, которые были спрятаны, чтобы обеспечить мерзкие планы фашистов на будущее».

На этот раз Штази осталась довольно впадшим в немилость Энке, и в оценке книги «Bernsteinzimmer Report» полковник Сейферт откровенно писал, что ее главной целью было «оживить интерес публики в Западной Германии» в надежде, что письма читателей позволят обнаружить новые зацепки. Сейферт заверял руководство, что книга Энке не является «дневником поисков» и что приведенные в ней документы и факты не содержат никаких секретов и доступны практически любому⁷.

Уже через несколько месяцев после выхода книги выяснилось, что одно из ее ключевых положений — о связи Эриха Коха с Янтарной комнатой — является фальшивкой. В интервью, которое бывший гаулейтер Восточной Пруссии дал в польской тюрьме незадолго до своей смерти 15 ноября 1986 года (через тридцать семь лет после того, как у него диагностировали смертельную болезнь), Кох рассказал журналисту Мечиславу Позинскому, что не имеет представления о судьбе Янтарной комнаты. «Неужели вы думаете, что весной 1945 года, когда Красная Армия наступала по всем направлениям, у меня было время тревожиться из-за этих ящиков?» — заявил он⁸.

Однако читатели «Bernsteinzimmer Report» не хотели ничего слушать. Тысячи людей писали в издательство, пересказывая старые истории. «После внимательного прочтения вашей книги о Янтарной комнате я вдруг вспомнил все», — сообщал некий Герберт из Целенроде, небольшого городка к северо-востоку от Эрцгебирге⁹. В 1953 году Герберт обучался профессии пожарного в замке неподалеку от Веймара, где обнаружил в

приоткрытом ящике буфета и на лежавшем на полу неглубоком блюде мелкие желтые камешки янтаря.

Другие авторы обладали более богатым воображением. Герхард из Удера, западногерманской деревушки, расположенной в двенадцати милях к юго-востоку от Геттингена, писал: «Моя жизнь трагически переплелась с этими событиями. Я стал свидетелем удивительных вещей». Самым невероятным было заявление Герхарда, что 22 января 1945 года он видел специальный конвой гаулейтера Восточной Пруссии, перевозивший панели Янтарной комнаты. Командовал конвоем штурмбаннфюрер СС Рингель. Герхард утверждал, что даже слышал, как Рингель разговаривал по телефону сначала с Эрихом Кохом, а затем с Германом Герингом¹⁰. Операция Штази еще не была завершена, и поэтому для отсеивания фантазеров был призван Энке.

7 декабря 1987 года Пауль Энке был найден мертвым. Ему было всего шестьдесят три года. Еще одна смерть, связанная с Янтарной комнатой. Однако эта смерть не попала на страницы газет, поскольку жизнь Пауля Энке была тайной для всех. На похороны на кладбище Восточного Берлина были приглашены лишь немногие, и под морозящим дождем гроб молча опустили в могилу. В последний путь Энке провожали случайные знакомые, среди которых был его редактор, Гюнтер Вермуш. Личное дело Пауля Энке под номером KSII404/82 было закрыто и отправлено на одну из полок строго охраняемого семиэтажного архива Штази.

Однако охота за Янтарной комнатой продолжалась. Несмотря на полученные в 1986 году из Москвы указания прекратить поиски, на смерть своего главного специалиста, а также основного источника информации в Западной Германии, Штази не отказалась от операции «Пушкин». Мы с удивлением читали рапорт, адресованный заместителю министра Нейберу: «Что мы можем предпринять после смерти Энке? Возможно ли использование контактов Энке и расширение их с целью осуществления дальнейших мероприятий по розыску Янтарной комнаты?» Штази не давала покоя мысль о русском сокровище — даже несмотря на то, что ничего нового выяснить не удалось, а теории, связанные с Эрцгебирге, были серьезно дискредитированы. У Штази не было никаких оперативных оснований про-

должать поиски (в одиночку, без советских коллег), и поэтому импульс должен был исходить от самого верха, возможно, от всемогущего министра госбезопасности. Не исключено, что Эрих Мильке не мог избавиться от своей мечты заслужить похвалу Москвы, преподнеся им бесценный подарок — Янтарную комнату.

В документах из «министерства правды» мы прочли, что через несколько дней после похорон Штази взялась за Гюнтера Вермуша: «После внезапной смерти товарища Энке важно найти человека, который мог бы продолжить его работу и в то же время быть доступным для публики. Товарищ Вермуш, который в полной мере подходит для выполнения этой задачи, согласился сотрудничать после беседы с Сейфертом»¹¹. Таким образом, Вермуш был не просто редактором — ему предназначалась важная роль в операции Штази.

Его первым заданием стал разбор писем от читателей «Bernsteinzimmer Report» и составление ответов. В этом ему помогал агент Бернд, или Уве Гесслер, с которым мы беседовали в его домике в деревне Цигенхальс. Теперь понятно, как они познакомились. Мы вспомнили, как Вермуш рассказывал нам, что после смерти Энке он вместе с Гесслером совершил поездку по ГДР, не упоминая, правда, что это было задание Штази (хотя в архивных документах нигде не говорилось о том, что Вермуш получал деньги от министерства госбезопасности).

Через семь месяцев после смерти Энке с Вермушем связался еще один наш знакомый. Среди документов из «министерства правды» мы обнаружили любопытное письмо. «Вилла «Аскания-Нова», Шлосс-штрассе, Вадуц. Барон Фальц-Фейн».

«18 июля 1987 года. Дорогой мистер Вермуш! Мой немецкий секретарь в отпуске, а я думаю по-французски и по-русски. Надеюсь, что мои немецкие фразы будут вам понятны. Георг Штейн. Не знаю, известно ли вам о моем тесном сотрудничестве со Штейном. Нас познакомил Юлиан Семенов десять лет назад в Бонне. В пятилетнем возрасте я видел Янтарную комнату и был поражен ее красотой. Будучи русским, я поставил перед собой цель помогать им обоим всем, чем смогу. Уверен, вам известно, что я потратил значительные суммы денег на поездки и исследования Штейна».

Та же старая история, которую барон рассказывал и нам. Все, кто был связан с Янтарной комнатой, производили пере-группировку. Барон продолжал:

«Архив Штейна. Я помогал детям Штейна преодолевать материальные трудности, с которыми они столкнулись, и поэтому получил [архив Штейна] после его смерти. В настоящее время он находится в советском Фонде культуры. Последняя дошедшая до меня информация заключается в том, что люди, занимающиеся его переводом, обнаружили много позитивных и интересных материалов, имеющих важное значение для их исследований. Юлиан Семенов отказался от продолжения работы и уехал в Ялту».

В отсутствие Энке, Семенова и Штейна барон выдвигал следующее предложение:

«Международная комиссия: будучи любителями, не обладающими опытом Штейна и Энке, мы не в состоянии добиться успеха. Для завершения работ необходима помощь официальных властей. Мой дорогой мистер Вермуш, как русский человек я благодарю вас, немца, за желание восстановить то, что разрушили ваши соотечественники, запятнав позором вашу культуру. Ваш коллега по увлечению, Эдуард»¹².

У Штази практически не было времени обдумать предложение барона, поскольку через две недели его внимание отвлекли другие события. Пришла новость о том, что русские возобновили поиск Янтарной комнаты в Калининграде — несмотря на то, что еще два года назад проинформировали Штази о закрытии расследования. «След ведет в Понарт», — писала газета «Известия»¹³.

Берлинский корреспондент газеты Влад Лапский писал о появлении новой версии местонахождения Янтарной комнаты и о том, что скоро будет найдено ее подтверждение. Заголовок сообщения ТАСС от 2 августа 1988 года гласил: «Янтарная комната найдена в Калининграде?» Двенадцать дней спустя госу-

дарственная программа теленовостей ГДР сообщала: «19 часов 30 минут. Калининград. Население 400 тысяч человек. Советский город на Балтийском побережье. В эти выходные началась необычная поисковая операция в пивоварне Понарта, заставившая нас мысленно вернуться в последние месяцы войны. Группа экспертов, студентов и рабочих под руководством руководителя работ полковника Авенира Овсянова надеется найти знаменитую Янтарную комнату»¹⁴.

К середине августа вокруг новых раскопок русских поднялся такой шум, что Эрих Мильке, министр государственной безопасности ГДР, посчитал себя обязанным направить письмо председателю КГБ Виктору Чебрикову.

«Дорогой товарищ Чебриков! Причиной моего письма послужило сообщение ТАСС о местонахождении Янтарной комнаты. Сведения об этом были получены от гражданки ГДР. Вам известно, что ГДР и особенно [Штази] ищут следы Янтарной комнаты начиная с 1945 года, чтобы вернуть это произведение искусства законному владельцу, Советскому Союзу».

«Эта деятельность отражает наш неугасающий интерес к судьбе данного произведения искусства. В связи с этим я был бы благодарен, если бы вы поставили меня в известность о результатах поисков в Калининграде. В том случае, если вы добьетесь успеха, мы прекратим все наши работы»¹⁵.

Другими словами: испытания и беды, выпавшие на долю Янтарной комнаты, касаются не только СССР, но и ГДР. Однако самый могущественный человек в ГДР, поднявшийся к вершинам власти благодаря самым тесным связям с Москвой, боялся, что русские ему не доверяют и что он узнает о находке Янтарной комнаты из газет.

У Мильке были и другие основания для беспокойства:

«Я также убежден, что ради достижения наших общих целей мы должны получить доступ к собранному гражданином ФРГ историком-любителем Георгом Штейном архиву, который был пе-

редан советскому Фонду культуры. То же самое относится к некоторым документам нацистов, хранящихся в советских архивах. Полезным может оказаться и обмен опытом между специалистами, после того как будет определен перечень пропавших произведений искусства.

Хочу заверить вас, что ГДР и министерство государственной безопасности и впредь будут вести неустанный поиск Янтарной комнаты и других сокровищ мировой культуры».

Эрих Мильке был готов отдать русским все, что имел, хотя теперь он, вне всякого сомнения, понимал, что все немецкие версии местонахождения Янтарной комнаты исчерпали себя, и ответы, если они вообще существуют, находятся в Советском Союзе, причем русские не собираются делиться информацией с кем бы то ни было.

Больше в «министерстве правды» для нас документов не было, чего мы и боялись. Вероятно, Мильке увлекла история Янтарной комнаты, или его ввели в заблуждение русские. Не исключено также, что КГБ использовало немецких товарищей для того, чтобы отвлечь внимание от нитей, которые вели к разгадке тайны.

У нас тоже складывалось ощущение, что немецкая версия — это ловушка, предназначенная для того, чтобы мы увязли в ней и отвлеклись от реальной работы в России.

Глава 12

Стюардесса «Пулковских авиалиний» с ярко накрашенными губами уже не один год работала на рейсах Санкт-Петербург — Калининград, и не успел наш «Ту» оторваться от взлетной полосы, как она появилась в дверях кухни с подносом, уставленным банками с водкой и пивом.

— Ваша баночка. А это вам.

Позади нас бушевали восемь рыбаков, возвращавшихся на родной флот, проржавевшие суда которого ловили треску на просторах Балтики. Салон наполнился кислым запахом пива «Балтика».

Сквозь мутные пластиковые иллюминаторы мы смотрели на бушевавшую вокруг нашего самолета метель. В начале марта 2003 года, через десять месяцев после нашего последнего визита в Россию, мы направлялись к источнику загадки Янтарной комнаты, бывшему прусскому городу Кенигсбергу, который пал под ударами Красной Армии 9 апреля 1945 года.

Профессор Брюсов приезжал сюда в мае 1945 года, но лишь затем, чтобы сделать вывод о гибели Янтарной комнаты. Анатолий Кучумов вместе со Станиславом Трончинским посетили город в 1946 году и пришли к заключению, что Брюсов ошибся. Кучумов возвращался сюда в 1949 году, чтобы допросить доктора Герхарда Штрауса, который заявлял, что знал о местонахождении Янтарной комнаты, но потом все забыл. Через десять лет именно местная газета «Калининградская правда» поведала историю о том, что Янтарная комната спрятана в секретном бункере и что за ней охотятся, взбудоражив Европу напоминанием о пропавшем сокровище. Через несколько недель объявился гражданин ГДР Руди Рингель. Его доставили в Калининград на допрос к Анатолию Кучумову — русские пытались опреде-

лить местоположение тайника штурмбаннфюрера СС Рингеля под кодовым названием BSCN.

После 1959 года неизвестные члены секретной советской группы поиска вели расследование в окрестностях Калининграда, но результаты их работы не были опубликованы. Если то, что говорят о Калининграде, соответствует действительности, то после войны в город были насильно привезены десятки тысяч людей, и все они никуда не уехали. В таком случае часть из них принимала участие в поисках Янтарной комнаты, и они все еще живы.

Когда самолет поднялся в воздух, рыбаки позади нас задымили сигаретами, откинули спинки сидений и начали развлекать друг друга рассказами о девушках, которые разбили им сердца на берегах Финского залива. «На борту не курят», — раздался в динамиках резкий голос стюардессы. Несколько человек встали и, покачиваясь, побрели в туалетные кабинки.

К тому времени, как мы долетели до международного аэропорта Калининграда, водка и пиво закончились, и рыбаки пришли в возбужденное состояние. Когда наш «Ту» заходил на посадку, один из рыбаков подхватил свой рюкзак и, спотыкаясь, побрел по проходу. Затем самолет коснулся посадочной полосы, двигатели включились на реверс, и рыбак врезался в бортовую кухню. Под одобрительные возгласы стюардесса переступила через его распростертое тело и открыла дверь.

Кованая эмблема из серпа и молота, подобно метеорологическому флюгеру, возвышалась над крышей ангара с единственной металлической стойкой. Калининград был открыт в 1991 году, но сюда почти никто не приезжал. Пограничник лениво проштамповал наши паспорта, и мы вышли на улицу, натолкнувшись на стену затянутых в кожу таксистов.

Мы выбрали водителя, сиденья машины которого были обтянуты искусственным мехом, раскрашенным под амурского тигра.

— Я тоже был шокирован, когда впервые попал сюда, — сказал таксист Валерий, улыбаясь нам в зеркало. — Меня направили сюда из Минска в 60-х годах. Это было как лотерея. Я проиграл. Пришлось бросить все ради нашей новой границы.

В послевоенной кинохронике можно увидеть, как увешан-

ные гирляндами цветов советские колхозники вместе со своими семьями въезжают в Калининград на подаренных партией тракторах. А затем область отгородилась от внешнего мира. Древние янтарные шахты Палмниекена превратились в комбинат по добыче янтаря № 9, а тевтонский город Пиллау стал Балтийском, новой стоянкой советского Балтийского флота. Численность войск, базировавшихся в Калининграде, достигала нескольких сотен тысяч, и город превратился в одну из самых секретных военных баз Советского Союза. Приезжать сюда имели право только партийные руководители, проводившие отпуск в шикарнх санаториях, которые были построены вдоль всего побережья.

— Теперь все пытаются уехать отсюда, — сообщил Валерий. Янтарная столица мира, которую отделяло от Москвы более 1000 километров, страдала от нищеты и жестокой мафии, превратившись в один из крупнейших в Европе центров по торговле оружием и наркотиками, а также в рассадник СПИДа.

Наша машина подпрыгивала на извилистой дороге, ведущей к окраине города; редкие пятна асфальта советских времен

Довоенный Кенигсберг

чередовались с булыжным покрытием. Восточная Пруссия отказывалась умирать. На старой фотографии Кенигсберг предстает перед нами оживленным средневековым городом, изрезанным каналами и реками. В нем доминировали Бог и сила закона — угрюмая громада собора и мрачные башни крепости.

Сегодня из признаков тевтонского прошлого Калининграда остались лишь разбитые трамвайные рельсы, украшенные прусским орлом крышки люков, улицы с рядами лип, антикварные магазины с фаянсовой посудой с темно-красной свастикой и эмблемой нацистского ресторана «Blutgericht», который когда-то располагался в подвалах Кенигсбергского замка.

На пересечении Ленинского проспекта (бывшая Штейндамм-штрассе) и улицы Шевченко таксист Валерий указал на гигантское, похожее на башню бетонное здание с выбитыми окнами. Это сооружение настолько уродливо, что угрюмые жители Калининграда всякий раз, проезжая мимо него, не могут удержаться от шутки. «Монстр», — объяснил Валерий и рассказал, как городской совет на протяжении нескольких лет строил его на развалинах Кенигсбергского замка, не позаботившись об ис-

«Монстр»

следовании его затопленных водой подвалов, куда «Монстр» стал сразу же погружаться. Именно на этом месте сделана одна из фотографий 1946 года, на которой изображены Кучумов и Трончинский — заправленные в носки брюки, шляпа с мягкими полями и черный берет.

У нас была назначена встреча в отделе по поиску культурных ценностей при администрации Калининградской области — название этой организации давало надежду, что там мы можем что-нибудь узнать о поисках утраченных произведений искусства. Мы подъехали к особняку в стиле 30-х годов, стены которого покрывала штукатурка с каменной крошкой. Поднявшись на крыльцо, мы позвонили и вскоре услышали скрежет поворачивающегося в замке ключа. Молчаливая женщина провела нас наверх.

— Полковника нет на месте, — объявила она, когда мы вошли в темный кабинет с картами на стенах и запертыми шкафами. — Но он знает о вашем приезде.

О ком она говорит, спросили мы.

— О полковнике Овсянове, начальнике отдела. Он вернется завтра.

В последний раз мы встречались с фамилией «Овсянов» в сводке новостей, датированной августом 1988 года и сообщавшей, что он руководит поисками Янтарной комнаты в пригородах Калининграда (именно это сообщение побудило Эриха Мильке срочно направить письмо председателю КГБ).

В гостинице «Калининград» портье предложил нам за дополнительную плату номер с видом на город. Поднявшись на третий этаж, мы вошли в номер и раздвинули шторы — перед нами раскинулось море бетона, из которого поднимался «Монстр».

Шторы вернулись на место. Мы пробыли в аэропорту Санкт-Петербурга достаточно долго и успели повидаться с нашей знакомой. При прощании она сунула нам в руки большой бумажный конверт, пояснив, что это документы из литературного архива, имеющие отношение к Калининграду. Срок действия наших читательских билетов истек, но она законспектировала документы из архива Кучумова и перешлет нам остальные бумаги, когда будет готов перевод.

Мы открыли папку. На первой странице стоял штамп «Для служебного пользования». В верхнем левом углу имелась надпись: «Одобрено председателем комитета по поиску музейных ценностей, заместителем министра культуры Российской Федерации товарищем Василием Михайловичем Стригановым, 1969»¹.

Как и в случае со всеми остальными документами из архива Кучумова, читательский формуляр свидетельствовал, что мы были первыми, кто изучал эту папку. Мы с надеждой перевернули страницу и обнаружили материал, так и оставшийся недоступным для Штази: перечень лиц, занимавшихся поисками Янтарной комнаты в Калининграде в период с 1949 по 1984 годы. Эти документы оставались закрытыми и для наших предшественников, занимавшихся судьбой Янтарной комнаты, потому что вся документация, связанная с калининградским поисковым комитетом, была засекреченной и хранилась в Государственном архиве Российской Федерации в Москве².

Доклад Василия Стриганова содержал двадцать страниц. В нем были перечислены места поисков, охватывавших всю территорию области. В финансировании экспедиций принимали участие почти все органы власти советского государства, а широкомасштабные секретные операции носили маниакальный характер (обыскано церквей — тридцать пять, допрошено бывших нацистов — сорок семь, произведено крупных раскопок — шестнадцать).

Доклад Стриганова подтверждает то, что давно подозревала Штази, — миссия Анатолия Кучумова и Герхарда Штрауса в 1949 году в Калининграде была началом, а не концом поисковой операции русских.

Обладающий широкими полномочиями поисковый комитет из местного руководства формировался в то самое время, когда Кучумов допрашивал Герхарда Штрауса в промерзшем номере гостиницы «Москва». Его возглавлял секретарь Калининградского обкома партии товарищ Вениамин Кролевский, а в состав, помимо специалистов, вошли агенты и работники спецслужб, в том числе председатель местного управления КГБ и начальник Калининградского управления внутренних дел.

Присутствие агентов спецслужб во всех гражданских орга-

низациях было обычным делом, но присутствие в комитете Кролевского высокопоставленных офицеров свидетельствовало, что за его деятельностью будут внимательно следить.

Напротив фамилии Кролевского мы заметили сделанную рукой Кучумова карандашную пометку: «Известный также как Владимир Дмитриев». Это была очень важная информация³. Мы вспомнили статьи Владимира Дмитриева в номерах «Калининградской правды» за июль 1958 года. Тогда Дмитриев писал, что был очень взволнован: ему еще не приходилось участвовать в таком интересном предприятии. Каждый день они докладывали результаты поисков в замке в обком, а вечерами анализировали всю информацию, как будто это был сложный кроссворд. Эта работа представлялась ему очень важной.

Мы не смогли найти никаких следов журналиста по имени Владимир Дмитриев и предположили (как выяснилось, ошибочно), что под этим псевдонимом скрывался Анатолий Кучумов. Теперь же выяснилось, что Владимир Дмитриев — это псевдоним секретаря Калининградского обкома партии Вениамина Кролевского, одного из самых влиятельных людей области. Это означает, что статьи в «Калининградской правде» и в «Freie Welt» были инспирированы Коммунистической партией Советского Союза. В связи с этим прозвучавшие в них утверждения предстают совсем в другом свете.

Именно коммунисты объявили о том, что Янтарная комната не погибла и за ней идет охота. Именно партия публично опозорила и развенчала профессора Брюсова, который якобы пришел к неверному выводу, что Янтарная комната была уничтожена. И именно партия решила не раскрывать имя Кучумова, по какой-то причине скрывая его роль в деле Янтарной комнаты.

Похоже, Брюсова принесли в жертву ради некоей более важной цели. Такое страстное желание доказать, что Янтарная комната цела, а также наказание человека, чье мнение не совпадало с этой теорией, наводят на мысль, что власти Советского Союза пытались что-то скрыть.

Мы стали читать доклад Стриганова дальше. В нем сообщалось, что 9 сентября 1959 года комитет Кролевского был распущен, а вместо него создан новый, с более широкими полномо-

чиями, под руководством заместителя председателя Калининградского облисполкома товарища Г.И. Хорькова.

В состав комиссии Хорькова вошли 12 человек практически из всех спецслужб, партийных и советских организаций: заместитель начальника областного отдела культуры, два заместителя начальника калининградского УВД, заместитель командующего Балтийским флотом и председатель местного управления КГБ. В колонке, обозначенной как «находки», имеется следующая запись: «Архивные документы недоступны». Возможно, они ничего не нашли и хотели скрыть это, или они обнаружили нечто важное, что следовало держать в секрете.

11 марта 1967 года комиссия товарища Хорькова тоже была распущена. Указом совета министров Российской Федерации, высшего исполнительного органа республики, была образована новая группа⁴. Перед нами лежал протокол ее первого заседания, состоявшегося 25 марта 1967 года.

Заседание новой рабочей группы открыл товарищ Ермолаев [председатель Центрального совета музеев Российской Федерации].

ТОВАРИЩ ЕРМОЛАЕВ: Позвольте мне начать с того, что было уже много попыток поиска Янтарной комнаты и власти Калининграда принимали в них активное участие. Тем не менее сделано было недостаточно; работы велись несистематично, не хватало научного анализа.

Серьезный выпад в сторону калининградских властей и свидетельство того, что Москва была намерена взять дело в свои руки.

ТОВАРИЩ ЯКУБОВИЧ [командующий ПВО Калининграда]: Сколько у нас времени на поиски Янтарной комнаты? Должны ли мы завершить работу к пятидесятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции [до этой даты оставалось чуть боле полугода]?

ТОВАРИЩ ЕРМОЛАЕВ: Да, было бы очень хорошо сделать подарок Родине к юбилею. Однако определить временные рамки будет очень трудно.

ТОВАРИЩ ГЛУШКОВ [начальник калининградского отдела культуры]: Один из самых главных вопросов, которые мы должны поставить перед советом министров Российской Федерации, — это финансирование.

МАЙОР В.В. БОГДАНЧИКОВ [второй секретарь калининградского обкома партии]: Нашей группе нужна машина, и у нас будет много документов. Поэтому нужен человек, который мог бы это все печатать.

ТОВАРИЩ ВАСИНА [высокопоставленный чиновник из Москвы]: Я хочу задать вопрос товарищу Максиму. Что мешало предыдущим поискам, и были ли сделаны какие-либо открытия, заслуживающие нашего внимания? И если были найдены какие-то вещи, то где они теперь?

ТОВАРИЩ МАКСИМОВ [инженер-строитель, член комиссии Крелевского]: Ничего ценного найдено не было.

ТОВАРИЩ ЯКУБОВИЧ: Ну, все ценное отправлялось в КГБ.

Максимов и Якубович стали спорить, перебивая друг друга. Внезапно дискуссия перешла в другое русло — начали обсуждать недостаток оборудования у предыдущей комиссии. Мы терялись в догадках, что именно было найдено и конфисковано КГБ.

ТОВАРИЩ МАКСИМОВ: Например, мы спускались в темные подвалы без фонарей, и поэтому ничего не могли рассмотреть.

Невозможно поверить, что калининградские управления КГБ и МВД, курировавшие поиски, были не в состоянии обеспечить группы хотя бы основным оборудованием, таким как фонари. Если, конечно, там было что освещать.

Затем последовало неожиданное предложение с места. Почему бы не выявить всех жителей области, которые находились здесь с 1945 года, и не побеседовать с ними о Янтарной комнате?

Товарищ Ермолаев ответил, что это неудачная идея. Чем больше людей будет в курсе дела, тем больше проблем. Он напомнил о необходимости соблюдать секретность и в заверше-

ние сказал, что заседание было очень полезным — все получили возможность высказать свои соображения и предложения. Напоминание о секретности выглядело очень странно — после того, как еще девять лет назад миллионы читателей «Калининградской правды» и «Freie Welt» узнали о тайных поисках Янтарной комнаты в Калининграде.

В марте 1969 года, через семнадцать месяцев после юбилея Великой Октябрьской социалистической революции Москва окончательно взяла в свои руки руководство поисками Янтарной комнаты. 15 апреля 1969 года на имя нового председателя комиссии товарища Якубовича поступила телеграмма⁵. Заместитель министра культуры Российской Федерации товарищ Стриганов инструктировал его, какой линии следует придерживаться.

Предлагалась следующая схема. После окончания войны похищенные произведения искусства, которые были спрятаны на территории Восточной Пруссии, так и не объявились. Возможно, кто-то все еще прячет их. Это кажется маловероятным, поскольку за пятнадцать лет не наблюдалось никакой утечки информации. Если немцы вывезли ценности, то они должны были появиться на территории Германии, но и этого не произошло. Таким образом, можно прийти к заключению, что Янтарная комната находится в Калининграде. По всей видимости, немцы не могли представить, что Восточная Пруссия останется в составе СССР. Они надеялись, что мы уйдем оттуда, а они вернуться⁶.

Это опровержение теории Штази, согласно которой Янтарную комнату вывезли в Германию, было написано в то самое время, когда Пауль Энке начинал тщательное просеивание архивов в Потсдаме. Странно, что КГБ позволило Штази на протяжении многих лет разрабатывать свою теорию, когда уже на самой ранней стадии в Советском Союзе в нее никто не верил. Если, конечно, вся операция Штази по розыску Янтарной комнаты не была приманкой, призванной отвлечь внимание публики от Калининграда. Или хитрой уловкой, чтобы выявить бывших нацистов.

Для Стриганова вопрос секретности был самым важным. Он писал о том, что четыре дня назад в Западной Германии наблюдался новый всплеск интереса к Янтарной комнате, когда множество людей пытались узнать в посольстве, как продвига-

ются поиски и что нового удалось узнать. Дать им прямой ответ не представляется возможным. Поскольку именно Германия несет всю ответственность за похищение Янтарной комнаты, интерес к этому делу сохранится. Вопрос заключается в следующем: как обеспечить секретность и какие меры нужно для этого предпринять.

В телеграмме содержался и практический совет: можно придумать красивую историю, например о геологических изысканиях, и предложить ее прессе, а истинные выводы расследования будут храниться в строжайшей тайне.

Над воплощением в жизнь идеи Стриганова работал председатель комиссии Якубович. Он предложил сделать вид, что поисковая партия ведет разведку нефти и назвать ее Калининградской геолого-археологической экспедицией Государственного исторического музея министерства культуры Российской Федерации (КГА).

Название понравилось Стриганову, но он указал на явный промах — в Калининграде не было нефти.

Через три месяца Якубовича сменил его заместитель, и комиссия начала работу. Среди переданных нам документов не было никаких свидетельств о находках комиссии, сделанных в первые годы работы, но мы обнаружили кое-что совершенно неожиданное, что вновь вывело на сцену ленинградского музейного куратора Анатолия Кучумова.

Это 20-страничный документ, датированный 19 июля 1986 года и составленный Еленой Стороженко, ученым-лингвистом, фамилия которой нам уже встречалась раньше. Пролистав наши записи, мы выяснили, что Стороженко была одной из тех, кто присылал поздравительные открытки Кучумову. Теперь мы узнали, что Стороженко заняла пост руководителя КГА в 1974 году и возглавляла экспедицию в течение десяти лет, до самого ее расформирования. К докладу Стороженко было приложено сопроводительное письмо, адресованное Анатолию Кучумову, человеку, которого она хорошо знала и которому доверяла.

Стороженко писала, что посылает эти заметки Кучумову в надежде, что они будут опубликованы — в память о тех, кто всю свою жизнь посвятил поискам Янтарной комнаты⁷.

Удивительное дело. Стороженко пыталась обнародовать за-

секреченные результаты своей работы, какими бы они ни были. В 1984 году власти расформировали КГА, и никаких официальных заявлений по результатам работы экспедиции сделано не было. Мы уже знали, что даже Штази держали в неведении на протяжении двух лет. Находки КГА были засекречены КГБ и помещены в Государственный архив Российской Федерации в Москве, где они находятся по сей день. Тем не менее высокопоставленная чиновница хотела открыть широкой публике все, что было известно ей самой⁸.

Она объяснила свою мотивацию Кучумову: 1 января 1984 года КГА была расформирована, и им приказали передать все имеющиеся материалы. Следующее заявление нас глубоко разочаровало. Янтарную комнату не нашли.

Выяснив, что немецкая версия была лишь отвлекающим маневром, мы вернулись в Россию, но обнаружили, что и здесь расследование не дало существенных результатов.

Однако Стороженко была недовольна. В сопроводительном письме Кучумову она настаивала на продолжении работы, заявляя, что у них есть конкретные предложения. Правда, для успеха поисков требовалось содействие на самом высоком уровне — в противном случае все действия были бы бессмысленными. В заключение Стороженко писала, что розыск и возвращение Янтарной комнаты послужило бы на благо советского народа, передавала привет жене Кучумова и выражала надежду на скорую встречу.

В письме использовались очень осторожные формулировки, но смысл послания был ясен. Работа Стороженко закончилась неудачей, поскольку она не смогла получить поддержку на самом высоком уровне, но она не видела причин сворачивать деятельность КГА. Интересно, кто мог мешать ей? Мы обратились к самому 20-страничному отчету, в котором Стороженко открыто и подробно излагала причины неудачи ее десятилетнего расследования.

Она подтвердила, что работа финансировалась Москвой и что они должны были отсылать квартальные отчеты заместителю министра культуры Стриганову. Однако оперативный контроль за работой экспедиции осуществлял представитель КГБ в министерстве культуры Г.С. Форс.

Стороженко писала, что в ее обязанности входило повторное изучение всего материала, прямо или косвенно связанного с загадкой Янтарной комнаты, поскольку она обнаружила, что предыдущие поиски были плохо скоординированными и лишены научной основы, а глубина раскопок не превышала трех метров. Это очень важное заявление. На протяжении пятнадцати лет все советские специалисты, занимавшиеся поисками Янтарной комнаты, ограничивались лишь верхним слоем почвы. Если предшественники Стороженко действительно пытались найти потайные подвалы и бункеры, им следовало копать гораздо глубже. Однако руководитель КГА не высказала своего мнения, было ли такое решение умышленным или это простая некомпетентность.

Стороженко объясняла, как важно иметь научное обоснование работ. Ее комиссии было приказано проанализировать все имеющиеся заявления граждан СССР, Восточной и Западной Германии, а также Польши. Из этих свидетельских показаний были отобраны те, которые заслуживали дальнейшего исследования, и их копии были отправлены в Москву. Весь материал предоставлялся КГБ и оценивался Форсом.

Показания свидетелей сверялись со старыми картами и материалами прессы времен войны, а также с показаниями других свидетелей и архивными документами. В файлах «министерства правды» в Берлине мы прочли о том, что Штази многократно отказывали в доступе к архивным материалам в Советском Союзе, а Стороженко перечисляла более двадцати архивов, документы которых изучались ее комиссией — в Москве, Ленинграде, Киеве и многих провинциальных городах, от Украины до Эстонии.

Но истинная история КГА раскрылась перед нами в разделе «Находки». Стороженко открывала Кучумову, что нашла ее группа за десять лет работы.

Сорок пушек, ядра, снаряды и авиационные бомбы в бывшем тевтонском замке Лохштадт, частная коллекция янтаря (весом пять килограммов) в засыпанном подвале. Под полом частного дома в центре города были обнаружены мертвые тела, гроб и красный флаг с серпом и молотом. Возможно, эта наход-

ка относится к 1918 году, когда рабочие подняли восстание в Восточной Пруссии, и этот флаг развевался над городом.

Пушечные ядра и скелеты — это не слишком много для научной экспедиции, и Стороженко обращает внимание Кучумова на некоторые критические факторы. Комиссии приходилось работать в период интенсивной реконструкции города, и в отсутствие документов было трудно попасть в интересующие исследователей места. Кроме того, у них не было возможности организовать приглашения для свидетелей. Комиссия также страдала от недостатка необходимого оборудования.

Кучумову было позволено привозить свидетелей в Калининград и вести поиск там, где он пожелает. В его распоряжении даже имелся экскаватор. Стороженко сообщала ему, что в 1969 году в поддержку КГА была выпущена специальная директива обкома партии, согласно которой все гражданские организации, воинские части и органы власти были обязаны оказывать содействие экспедиции⁹. Самой директивы, однако, к письму приложено не было. Что-то здесь было не так. Стороженко считала, что ей мешают заниматься поисками Янтарной комнаты. Вероятно, власти боялись того, что она может найти.

Елена Стороженко отсылала эти заметки своему другу Анатолию Кучумову в надежде, что они будут опубликованы и станут известны широкой публике. Она обращалась к знаменитому куратору, полагая, что рассказ о ее трудностях даст старт новому расследованию, и Янтарная комната будет наконец найдена. Интересно, мог ли что-то сделать Кучумов, которому в момент получения письма исполнилось семьдесят четыре года.

«238340. г. Светлый Калининградской обл., улица Советская, дом 11. кв. 6, тел. 2-22-80». Мы переписали адрес и номер телефона Елены Стороженко с конверта, но телефон не отвечал.

Таксист Валерий согласился отвезти нас окружной дорогой в Светлый.

— Я хочу, чтобы вы сначала посмотрели янтарный берег, прежде чем занялись своим делом, — сказал он.

Город закончился внезапно, и мы оказались среди заболоченной, продуваемой ветрами равнины, которую соленые брызги Балтики делали пустой и безжизненной. Мы проехали мимо

Янтарный берег Самландского полуострова

военной станции слежения и пустых самолетных ангаров в поселке Янтарном, янтарной столице мира. Мальчишки съезжали на джутовых мешках по глинистому склону холма. Апатичные мужчины молча выпивали на полуразрушенных верандах, построенных еще во времена Пруссии. По огромным, проложенным над землей трубам текла морская вода, которая использовалась для вымывания янтаря из почвы на знаменитом Янтарном комбинате № 9.

— Красиво, правда? — произнес Валерий.

Мы ехали вдоль берега Самландского полуострова на юг, по направлению к закрытому городу Балтийску (для того чтобы попасть в него, все еще требуется специальное разрешение), а затем повернули к Светлому. Дом номер 11 по улице Советской был заколочен досками, но из соседнего здания, которое тоже выглядело нежилым, появилась старушка.

— Стороженко? — спросили мы. — Елена.

— Умерла, — отрывисто бросила старушка. — В 1994 году. Странная смерть. У нее был пасынок. Женя. Он пропал. — Она повернулась и заковыляла назад, к развалинам.

Валерий торопился вернуться домой до темноты, и мы поехали назад через мрачные деревни, медленно сползающие в Балтийское море.

Следующим утром полковник Авенир Овсянов, начальник отдела по поиску культурных ценностей при администрации Калининградской области, ждал нас на своей обветшавшей вилле постройки 30-х годов.

— Добрый день, — сказал он, протягивая нам ладонь, такую широкую и жесткую, как будто он всю жизнь не расставался с лопатой, которая была прислонена к его письменному столу. — Рады видеть вас в Калининграде.

Он торжественно высыпал в наши подставленные ладони лимонные камешки янтаря, выловленные на побережье у поселка Янтарный. Мы заметили на стене фотографию, на которой был изображен хозяин кабинета рядом со своими армейскими товарищами — в военной форме и с металлоискателями в руках.

Сегодня полковник выглядел как старый советский комиссар: густые волны седых волос, золотые зубы, не улыбочивое обветренное лицо, пронзительные глаза за стеклами очков, как у членов политбюро.

Почему в 1984 году была расформирована экспедиция Стороженко?

— Здесь все было засекречено, — полковник тяжело вздохнул. — Закрытая зона. Вы тут лишь с разрешения правительства. Я должен буду сообщить в ФСБ.

Неужели полковник нам угрожает?

— У нас здесь государственные зарплаты. Вы согласны заплатить? — спросил полковник, подходя к шкафу и показывая на аккуратные ряды сотен папок. — Мне удалось достать вот это. Благодаря моим связям среди военных.

— Что это? — спросили мы.

— У меня здесь часть бумаг Елены Стороженко.

Мы полагали, что все хранится под замком в Москве.

— Всегда найдется способ добыть информацию, — сказал полковник. Его было так же сложно поймать на крючок, как старую хитрую щуку, но когда мы передали ему доллары, он разоткровенничался.

Полковник рассказал нам, что, как военный инженер, он обладал специальными знаниями о подземных коммуникациях Калининграда, и в 1971 году его пригласили помочь в поисках Янтарной комнаты. Именно тогда он познакомился с Еленой Стороженко и «заразился» этой болезнью — охотой за сокровищами. Стороженко предупредила его, чтобы он никому не говорил о своем участии в КГА и о том, что им удалось узнать, — экспедиция была секретной. Овсянов ответил ей, что он солдат, а не журналист.

Мы попытались ускорить события. Нам нужно было знать, почему расследование Елены Стороженко было приостановлено. Мы показали полковнику ее письмо Кучумову и доклад от 1986 года. Возможно, это освежит его память. Неужели Елена Стороженко была права, подозревая, что ей мешают?

Полковник надел очки в толстой оправе и провел пальцем по корешку 20-страничного доклада.

— Интересно, интересно, — одобрительно пробормотал он. — Но вы не знаете всей истории.

Он отпер шкаф и достал маленькую черно-белую фотогра-

Фотография сотрудников Калининградской археолого-геологической экспедиции; в центре — Елена Стороженко

фию, на которой были изображены десять человек, стоящие в каком-то зале. Шестеро мужчин в черных ботинках на шнурках. Четыре женщины в кожаных сапогах на высоких каблуках. меховые шапки и плотно застегнутые пальто с меховыми воротниками, спасавшие от калининградских холодов. Стоящая в центре группы женщина держит полиэтиленовый пакет с бумагами и букетом цветов.

— Стороженко, — пояснил полковник.

Мы присмотрелись повнимательнее. Казалось, Елена Стороженко улыбается, обмениваясь шутками с фотографом. Сотрудники КГА выглядели абсолютно невинно, как учителя на профсоюзной конференции, а не члены сверхсекретной комиссии, созданной по указанию Кремля.

— Они базировались в соборе Святого Семейства, рядом с вокзалом, — полковник наклонился над столом. — Называли себя «хоровым обществом», чтобы избежать лишних вопросов.

— После того как в 1984-м КГА была закрыта, государство тоже стремилось избежать лишних вопросов и на протяжении нескольких лет отрицало существование каких-либо докумен-

Сотрудники Калининградской археолого-геологической экспедиции. Елена Стороженко в центре обменивается шутками с фотографом

тов о деятельности экспедиции. Но я знал, что Елена собрала огромный архив, и сообщил властям, что видел бумаги в ее кабинете. В конечном итоге мне передали некоторые ее вещи, в том числе ее личный дневник, с которым она не расставалась. Хотите взглянуть?

Мы едва удержались, чтобы не выхватить у него из рук маленькую тетрадь в твердой обложке, которую полковник извлек из своего серого портфеля. На ней была бирка с надписью: «Государственный архив Российской Федерации, Москва».

Мы пролистали тетрадь. Список мест и свидетелей. Переводы заявлений Эрнста Шауманна (приятеля Роде), Пауля Фейерабенда (владельца ресторана в Кенигсбергском замке) и Отто Смакки (еще один современник Роде). Ничего нового. Все это мы уже видели в личном архиве Кучумова.

Затем шла краткая история предыдущих поисков Янтарной комнаты и очерк «Охота за культурными ценностями» товарища Якубовича, первого руководителя КГА. Там же мы нашли перевод статьи Роде в журнале «Pantheon», в которой он рассказывал об открытии Янтарной комнаты в Кенигсбергском замке в 1942 году, а также обзор поисковых работ за период 1945—1947 годов и план дальнейших мероприятий.

Мы увидели, что у Стороженко имелась копия заключения Кучумова 1946 года, где куратор утверждал, что комната не погибла во время войны и спрятана где-то на территории города. Совершенно очевидно, что Стороженко придавала большое значение этому документу. И наконец, среди записей Стороженко мы нашли три заявления профессора Александра Брюсова: оригинальный доклад от 12 июня 1945 года и два заявления, датированные декабрем 1949 года и 29 июля 1954 года. Это интересно. До сих пор мы знали о заявлениях Брюсова, сделанных им в 1945 году после поездки в Кенигсберг и в 1946 году в Москве, во время беседы с Кучумовым и Трончинским. Мы перевернули страницу, чтобы ознакомиться с двумя последними документами, но обнаружили, что они вырезаны.

— Государственная цензура. Они прошли по тетради еще до того, как я увидел ее, — пояснил полковник, наблюдавший за нами. Затем он надолго умолк, перебирая нацистские личные жетоны, найденные им среди местных развалин. — В те време-

на была строгая централизация, и ничего не делалось без разрешения из Москвы. Ответа на запрос КГА приходилось ждать месяцами. Можно ли здесь копать? Можно ли приобрести лопаты? Однако проблема, с которой столкнулась Елена Стороженко, не имела отношения к бюрократии и неэффективности. Думаю, экспедиции Стороженко намеренно чинили препятствия. Тут не обошлось без Министерства обороны, — он пролистал доклад Стороженко и постучал пальцем по абзацу, где она жаловалась, что ей мешает реконструкция города. — Здесь она пытается смягчить ситуацию. Все было гораздо хуже. В 1947 году Совет министров издал указ, согласно которому все объекты области, имеющие отношение к добыче янтаря, передавались Министерству обороны¹⁰. Янтарь приносил большую прибыль. Пляжи, деревни, болота и фабрики — все перешло под контроль армии. Везде, где Елена хотела вести раскопки, нужно было получать разрешение от военных. А они редко давали такое разрешение. Почему они так себя вели, если их обязали всячески содействовать поискам Янтарной комнаты?

Мы не могли предложить никакого разумного объяснения. Возможно, Министерство обороны пыталось сохранить секретность. Ведь Балтика — это стратегически важный регион.

— Вы не понимаете Советского Союза. — Полковник отхлебнул воды из стакана. — Елене мешали. Позвольте привести вам еще один пример. В вашем документе Елена пишет о том, что посетила двадцать архивов, но не упоминает о других, куда ее не пустили. Брежнев как-то сказал: «Мы должны еще больше ограничить доступ к особым военным архивам, чтобы недобросовестные люди не использовали их в своих грязных целях». И они сделали это¹¹, — полковник осушил стакан.

— Но почему? Что они хотели скрыть?

— У Елены была собственная теория, сходная с тем, на что намекал профессор Брюсов в 1945 году. Красная Армия проявила героизм и стойкость, но это не вся правда. Были и воровство, и уничтожение ценностей.

Неужели полковник хочет сказать, что Янтарная комната была похищена или уничтожена Красной Армией, с замиранием сердца спросили мы. Он не ответил на наш вопрос и продолжил рассказ.

— Елена наткнулась на несколько документов Министерства обороны, которые не попали в архив. Один из них, датированный 15 июня 1945 года, сообщал о том, как трофейная бригада вскрыла и сейф кенигсбергского «Фольксбанка» и конфисковала его содержимое. У меня есть этот документ, — Овсянов принялся зачитывать выдержки. — «Найдено: восемьдесят килограммов культурных ценностей, в том числе большое количество платины, золота и серебра, среди которого один килограмм золотых цепочек, колец, медальонов и наручных часов, серебряные монеты, медали и 353 серебряные суповые ложки, 244 вилки, 107 ножей». Рапорт был составлен представителями трофейных бригад, Госбанка и штаба кенигсбергской группировки войск¹².

Полковник оторвал взгляд от бумаг.

— Позже эти трофеи из «Фольксбанка» бесследно исчезли. И это всего лишь один пример. Когда Елена попыталась проследить, что случилось с этими ценностями и обнаружившими их людьми, из Москвы ей ответили, что никаких архивных материалов не сохранилось. Почему они так поступили? Зачем скрывать пропажи и деятельность так называемых трофейных бригад? Если только это не желание сохранить образ героической Красной Армии, сражавшейся в Великой Отечественной войне.

Полковник прочел нам краткий курс советской военной истории.

В 1942 году сообщения о разграблении нацистами ленинградских дворцов заставили власти в Москве выдвинуть требования о причитающейся Советскому Союзу компенсации. В ноябре была образована чрезвычайная комиссия по расследованию военных преступлений немцев, и тогда же была одобрена идея о «перемещенных ценностях» — произведениях искусства, собранных на немецкой территории и призванных компенсировать то, что было вывезено из Советского Союза.

25 февраля 1945 года, через две недели после возвращения Сталина с Ялтинской конференции (где союзникам была названа сумма советских потерь — 10 миллиардов долларов), в Москве сформировали новый орган, призванный реализовать идею компенсации. В специальный комитет вошли заместитель ми-

нистра обороны Николай Булганин, член сталинского правительства Георгий Маленков и Николай Вознесенский, глава могущественного Госплана. Полковник рассказал, что этот специальный комитет санкционировал изъятие 1745 произведений искусства, отобранных по каталогам немецких музеев¹³.

Обычные солдаты были не в состоянии справиться с такой задачей, и поэтому пришлось мобилизовать художников, музейных работников и ученых. Им присвоили воинские звания и выдали обмундирование, чтобы они пользовались уважением в войсках. Затем эти так называемые трофейные бригады, вооруженные списками и путеводителями «Baedeker», были отправлены на фронт.

Полковник взглянул на нас поверх очков.

— Я начал расследовать деятельность этих бригад и регулярных частей в Восточной Пруссии. Среди соединений Красной Армии, штурмовавших Кенигсберг в апреле 1945 года, была 11-я гвардейская армия, 50-я армия и 43-я армия. К каждой из них были прикомандированы трофейные бригады, и 9 апреля после падения города их специалисты сразу же взялись за дело. Затем 50-я и 43-я армии были отправлены на Дальний Восток, а 11-я армия под командованием генерала Галицкого осталась в городе, и ее трофейные бригады продолжили свою работу.

Нам было известно, что профессор Александр Брюсов, возглавлявший первые поиски Янтарной комнаты, попал в Кенигсберг лишь через шестьдесят один день после взятия города. По словам полковника Овсянова, все это время город обыскивали регулярные войска и трофейные бригады, действия которых не всегда были скоординированными или подотчетными.

— Даже после приезда Брюсова его группа была не единственной, — сказал полковник. — Несколько трофейных бригад продолжали свою работу. Полковник Иваненко, который нашел дарственную книгу Кенигсбергского замка, содержащую записи о прибытии Янтарной комнаты в декабре 1941 года, не был армейским офицером. Его призвали в армию из Московского университета, и его трофейная бригада оставалась в городе до августа; вместе с ним был политработник майор Кролик и переводчик лейтенант Малахов.

В июне 1945 года в Кенигсберг приехала группа из комитета

по культуре во главе с секретарем московского закупочного комитета комиссии по культуре Н.Ю. Сергеевской и заместителем директора музея им. Пушкина И.И. Цырлиным. В том же месяце прибыла еще одна группа из Академии наук, возглавляемая товарищем С. Д. Сказкиным и товарищем Туроком. Затем появилась четвертая группа — из воронежского музея во главе с профессором И.А. Петрусовым. Все они имели полномочия по поиску вывезенных ценностей, и все их находки поступали в распоряжение Министерства обороны.

Никто не должен был знать о существовании этих бригад. И особенно союзники. В те времена секретность была вполне понятной. А во время «холодной войны» мы с вами были врагами. Но теперь, когда мы помирились, я не могу понять поведение наших властей, которые отказываются открывать архивы трофейных бригад.

Неужели полковник хочет сказать, что гаулейтер Восточной Пруссии Кох был прав? В 1959 году на допросе в немецком посольстве в Варшаве он заявил Герхарду Штраусу, что Янтарную комнату похитила Красная Армия.

— Нет, — ответил Овсянов. — Я хочу лишь сказать, что Министерство обороны, отказываясь открыть архивы трофейных бригад, препятствует расследованию и дает основания для подозрений. Невозможно санкционировать поиски Янтарной комнаты, а затем закрывать доступ к одному из самых важных источников информации, — он стукнул кулаком по столу. — Я тридцать лет прослужил в армии, и даже мне не удалось добыть из архива Министерства обороны некоторые документы, связанные с трофейными бригадами. Я натолкнулся на непробиваемую стену советской бюрократии.

В июне 1996 года полковник Овсянов узнал от одного из московских коллег, что документы, связанные с деятельностью трофейных бригад 11-й, 50-й и 43-й армий 3-го Белорусского фронта (именно они действовали на территории Восточной Пруссии), существуют и хранятся в закрытом отделе Центрального архива Министерства обороны. Он обратился за разрешением посетить главное хранилище, которое расположено в Подольске, шумном промышленном городе к юго-западу от Москвы.

— 17 июля 1996 года я получил ответ за подписью полковника Вимушкина. В нем сообщалось, что в архиве отсутствуют упоминаемые в моем письме документы и что продолжать поиск не имеет смысла. Я направил еще один запрос, приведя названия и номера документов, — на этот раз на имя начальника отдела¹⁴, — полковник достал из серого портфеля еще одно письмо. — А потом я получил вот это. «В настоящее время в Центральном архиве Министерства обороны проводятся исследования, связанные с новым законом о реставрации произведений искусства, и по этой причине доступ к данным документам ограничен».

В мае 1997 года закон был принят, и 16 октября полковник Овсянов повторил свой запрос.

— На этот раз под письмом стояла подпись полковника Дорофеева, — из серого портфеля на свет было извлечено еще одно письмо. — «Мы получили вашу просьбу... и пытаемся разыскать требуемые документы, о чем будем сообщать вам».

— Я все еще жду ответа из архива, — сказал полковник. — Неужели правда так страшна, что ее никому не позволено знать?

Глава 13

Полковнику Овсянову не откажешь в наблюдательности. Он убежден, что советские власти скрывают какую-то информацию, связанную с Янтарной комнатой. Но от него больше ничего не добьешься, пока он не получит доступ к военному архиву в Подольске.

На это у него может уйти много времени. Тем не менее у нас были серьезные основания подозревать, что именно пытаются скрыть военные. В последние дни битвы за Восточную Пруссию Красная Армия совершила нечто немыслимое — уничтожила или похитила принадлежавшее Советскому Союзу бесценное сокровище. Начиная наше расследование, мы меньше всего ожидали такого результата. Но теперь, когда об этом заговорил полковник Овсянов, вся история впервые начала обретать смысл.

Профессор Александр Брюсов озвучил эти же подозрения в 1945 году, похоронив все надежды найти Янтарную комнату всего через несколько недель пребывания в Кенигсберге, куда его отправили для поисков шедевра. Он пришел к выводу, что комната сгорела в Рыцарском зале замка во время боев за город.

Поворотным пунктом в истории Янтарной комнаты стало повторное расследование, которое распорядились произвести власти Советского Союза в 1946 году. Тогда на место преступления вернулся Анатолий Кучумов и произвел тщательное исследование развалин замка, обнаружив новые свидетельства, убедившие его, что Брюсов в спешке ошибся. С тех пор многие исследователи, занимавшиеся поисками Янтарной комнаты — в ГДР и в СССР, — брали за основу теорию Кучумова. Огромные деньги были потрачены на то, чтобы извлечь пропавшее сокровище из тайника нацистов. Политики и руководители спецслужб

обоих государств настаивали на продолжении поисков. Тем не менее комнату найти не удалось, а версия о том, что виновными могут быть советские солдаты, даже не рассматривалась.

* * *

У стойки гостиницы «Калининград», зажатой между прилавками с безвкусными украшениями из янтаря и немецкими плакатами, рекламирующими ностальгические путешествия для бывших жителей Восточной Пруссии, нас ждал конверт. Прощальный подарок из литературного архива Санкт-Петербурга — сборник биографических и научных сведений, имеющих отношение к Анатолию Кучумову. Это наш прощальный взгляд на личные бумаги Кучумова.

Анатолий Михайлович Кучумов, человек, который в 1941 году поддался панике и оставил Янтарную комнату в Екатерининском дворце, в 1946 году в Кенигсберге ухватился за возможность выяснить ее судьбу. Отбросив свидетельства Брюсова, он выдвинул собственную теорию — сначала в Берлине в 1947 году, а затем и в Калининграде, в 1949 и 1959 годах.

Мы поднялись на третий этаж и задернули занавески на окне нашего номера. Смотреть на «Монстра» у нас больше не было сил. В пакете лежала небольшая книжка в твердой обложке серого цвета. «Янтарная комната» Анатолия Кучумова и М.Г. Воронова.

Книга вышла в 1989 году, когда дни Советского Союза были уже сочтены, через сорок девять лет после того, как Кучумов начал расследование в заснеженном Новосибирске. В момент публикации «Янтарной комнаты» Кучумову было семьдесят семь лет, и он уже двенадцать лет как не работал в дворцах-музеях Ленинграда — вышел на пенсию, жалуясь на серьезную болезнь сердца.

Книга начинается с неспешных размышлений автора о прошлом: царский двор и мечты Петра Великого о Янтарной комнате, разочарование Петра, когда его мастерам не удалось собрать комнату в Летнем домике; триумф императриц Екатерины и Елизаветы, возродивших шедевры в покоях Екатерининского дворца, слава о комнате, как о «восьмом чуде света».

Но когда речь заходит о судьбе Янтарной комнаты, тон повествования меняется. Кучумов пишет, что неудача поисков шедевра не должна стать разочарованием для советского народа, и особенно для музейных работников. Янтарная комната не погибла. Этот шедевр не мог быть намеренно уничтожен. На территории Германии, Австрии и других стран нацисты оставили множество тайников, часть которых до сих пор не найдена. Обнаружение комнаты — лишь вопрос времени, причем произойти это может как случайно, так и в результате продолжения поисков. Тот, кто предан искусству, не должен терять надежду.

Нас удивило, что Кучумов упоминает о гибели Янтарной комнаты или о ее намеренном уничтожении. Создавалось впечатление, что он пытается защитить себя, хотя в 1989 году против него не выдвигалось никаких обвинений.

Странно также, что в книге не отразилось мнение Елены Стороженко, изложенное в ее 20-страничном послании Кучумову в 1986 году. В «Янтарной комнате» нет никаких сведений о пустяковых находках Стороженко, а также о ее опасениях, что власти намеренно затрудняют работу экспедиции. По какой-то причине Кучумов решил, что предположения Стороженко не стоит опубликовывать — даже несмотря на «перестройку» и «гласность»¹.

Мы закрыли книгу и вернулись к документам из литературного архива с растущей уверенностью, что к концу жизни Кучумов боролся с последствиями своих действий в 1941 году. Возможно, он пытался поддержать жизнь в том, что уже давно умерло, — и он об этом знал.

Документы были сложены в обратном хронологическом порядке, самые последние сверху. Сначала мы взяли в руки пачку газетных вырезок. В номере от 22 апреля 1986 года «Ленинградская правда» сообщала о том, что генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев и председатель Совета министров Николай Рыжков объявили имена лауреатов Ленинской премии².

Среди тех немногих, кто удостоился этой высшей советской награды, мы нашли фамилию Кучумова — «историк искусства» был награжден за «выдающиеся» достижения и «решение важных государственных задач».

В телеграмме, подписанной министром культуры Советского Союза товарищем Демичевым, мы прочитали: «Уважаемый Анатолий Михайлович! Сердечно поздравляю вас... долгие годы творческой деятельности позволили возродить то, что было уничтожено гитлеровскими оккупантами...»

Мы вспоминаем человека на фотографиях: тучный Кучумов в своем потрепанном костюме, провинциальный музейный работник, который занялся поисками и возвращением похищенных нацистами произведений искусства. Слепой, как крот, самоучка Кучумов жил жизнью обычного гражданина вместе с женой Анной Михайловной в обшарпанной квартире в Павловске. Но затем неожиданно для всех Центральный комитет КПСС и Совет министров объявляют Кучумова примером для подражания. Многие музейные работники, с которыми мы встречались в Доме ученых Санкт-Петербурга, точно так же при полном отсутствии средств восстанавливали культурное наследие России. Но кто из них заслужил подобное признание? Должно быть, Кучумов сделал нечто очень важное. Тем не менее в его

*Анатолий Кучумов
читает в розовом
будуаре
императрицы
Александры,
Александровский
дворец, Пушкин,
1940*

книге, которая стала итогом всей его жизни, определенно проступают нотки сожаления и отчаяния.

После присуждения премии на имя Кучумова пришли десятки телеграмм. От первого секретаря Ленинградского обкома партии товарища Соловьева. От главного архитектора Ленинграда товарища Булдакова («мы гордимся»). Из столицы Таджикистана Душанбе («ваш старый друг Всеволод... я услышал по радио!»).

И, наконец, из невзрачного города Светлый Калининградской области: «Дорогой Анатолий Михайлович, примите сердечные поздравления. Очень рада узнать о вашем успехе. Целую. Елена Стороженко».

«Очень рада». Однако из следующих документов мы узнали, что человек, которого Стороженко считала своим другом и слугой народа, был агентом спецслужб.

Материал возвращал нас в 70-е годы. Связка писем на домашний адрес Кучумова, подписанных товарищем Г.С. Форсом. Мы узнали это имя: Форс был представителем КГБ в Министерстве культуры, которому Стороженко была обязана докладывать о находках, связанных с Янтарной комнатой.

Первое письмо было датировано 5 июля 1970 года, через год после образования Калининградской геолого-археологической экспедиции.

В письме Форс сообщал, что дел в Калининграде становится все больше. У экспедиции появилась собственная техника, и они ведут раскопки без посторонней помощи. Форс спрашивал, когда Кучумов приезжает в Калининград, и указывал, что дело требует его присутствия, и было бы хорошо, чтобы он прибыл дней на десять в августе³.

КГБ информировало Кучумова о новом расследовании в Калининграде, хотя было непонятно, кто им руководил.

Следующее письмо, сохраненное Кучумовым, отправлено 18 месяцев спустя, 27 декабря 1971 года.

Форс поздравлял Кучумова и его супругу с Новым годом, желал долгих лет жизни и успехов в работе, а также просил в начале следующего года приехать в Калининград на 8—10 дней. Ему нужно было обсудить состояние дел и проинструктировать работников. Цель — уменьшить масштаб работ.

Поиск велся всего два года, а КГБ уже не терпелось свернуть работы. Возможно, Москву беспокоило, что в Калининграде тратится слишком много денег. Или Калининградская геолого-археологическая экспедиция слишком близко подобралась к тому, что хотело скрыть Министерство обороны. Поскольку ответов Кучумова в связке писем не было, мы не знаем, согласился ли он приехать в Калининград.

До следующего письма перерыв в три с половиной года. 2 мая 1975 года Форс присылает Кучумову документы, которые могут помочь ему в работе, и напоминает об их конфиденциальном характере. Эти документы зарегистрированы КГБ, и разглашать их содержание запрещается. Все письма следует вернуть до 1 июля — лично или через доверенное лицо.

Присланных Форсом документов в пачке не было, но содержание самого письма свидетельствует о том, что Кучумову в достаточной степени доверяли, чтобы делиться секретной информацией. Возможно, в этих материалах шла речь о деятельности трофейных бригад или о показаниях свидетелей, которые Кучумова просили проверить.

Последнее письмо Кучумову датировано 29 августа 1978 года.

Форс сообщает, что получил письмо «дорогого Анатолия Михайловича» и немедленно отвечает. Работа продолжается — идет опрос свидетелей. Тем не менее Форс чувствует себя неудобно из-за чрезмерного расходования государственных средств. Он сообщает, что до 4 октября находится в отпуске, а после выхода на работу им нужно придумать убедительный предлог для вызова Кучумова в Москву.

Какие бы работы ни велись в провинции, КГБ осознавало, что они не оправдывают затрат. Единственное объяснение, которое мы смогли придумать для такого неэффективного расходования средств, — это бессмысленный поиск того, что заведомо не существовало. Однако письма не подтверждают это предположение.

В нашем распоряжении оказалась лишь небольшая часть переписки, но тон и лексика писем к Кучумову свидетельствуют о его близких отношениях с ведомством, которое в те времена у большинства граждан вызывало лишь страх. Каждое письмо начинается с обращения: «Дорогой Анатолий Михайлович!»

Наша знакомая из Санкт-Петербурга пометила на полях, что очень удивлена встречающимся в письмах обращением «ты», тогда как КГБ всегда предпочитало официальное «вы».

До этого момента нам и в голову не приходило, что Кучумов мог быть связан с КГБ, за исключением обязательных для каждого музейного куратора официальных отношений с местными сотрудниками КГБ в Павловске и Екатерининском дворце. Вероятно, поиски Янтарной комнаты имели большое политическое значение, если КГБ принимало в них такое активное участие, и Кучумов увяз в этих отношениях по самую шею.

Под письмами из КГБ мы обнаружили несколько командировочных удостоверений, которые обычно выдавались работнику, направляемому по делам службы в другой город⁴. Они свидетельствуют о том, что в 70-е годы Кучумов постоянно курсировал между Москвой, Санкт-Петербургом и Калининградом, причем всегда говорил коллегам в Павловске, что уезжает в отпуск. Он постоянно сообщал Форсу о неудачах калининградской поисковой группы и делился информацией о Янтарной комнате, которую, по всей видимости, скрывали от руководителя экспедиции Елены Стороженко. Похоже, Кучумов больше помогал КГБ, чем своим коллегам из Калининградской геолого-археологической экспедиции. Если операция прикрытия, связанная с поисками Янтарной комнаты, действительно существовала, Кучумов был важной ее частью, в то время как люди, занимавшиеся расследованием на месте, держались в неведении.

Вырванная из обычной тетради страница перенесла нас еще дальше, в 60-е годы. Это был дневник Кучумова, в котором описывались события трех дней, с 26 по 28 мая 1969 года.

Кучумов пишет, что он прилетел в Калининград в 9.40 утра, поселился в гостинице в комфортабельном номере № 182, а затем встретился с Г.С. Форсом (высокопоставленным сотрудником КГБ) и людьми из Государственного исторического музея. Они готовили документы для заседания государственной комиссии, которое должно было состояться завтра.

На следующий день в 10.00 состоялась встреча с майором Богданчиковым, на которой присутствовали военные, геофизики, сотрудники местных и московских музеев. Вечером Кучумов отметил свой день рождения.

Следующим утром Кучумов вместе со специалистами поехал осматривать бункер, район Штейндамм-штрассе, сад у бывшего дома Альфреда Роде, а также бывшее поместье Эриха Коха⁵.

Мы вспомнили документ за подписью заместителя министра культуры Василия Стриганова, согласно которому руководство поисками Янтарной комнаты в провинции брала на себя Москва. Именно в этот период в Калининграде находился Кучумов, знакомя важных чиновников и представителей спецслужб с местами, имевшими отношение к последним дням Янтарной комнаты.

К великому сожалению, наша информация была отрывочной, выхватывавшей отдельные фрагменты из разных периодов времени. Следующий материал относился к 1967 году. Приказы и телеграммы давали представление о том, как за два года до описанных выше событий Стриганов вышел на Кучумова⁶. 11 марта 1967 года Стриганов пригласил Кучумова выступить перед московской комиссией, в состав которой входили высокопоставленные военные и представители спецслужб: заместитель председателя КГБ товарищ Нордман, заместитель начальника МВД товарищ Шукаев, командующий инженерными войсками М.Г. Кокорников, а также майор Богданчиков из Калининграда. Комиссия попросила Кучумова подготовить доклад для исполкома Совета министров, высшего исполнительного органа страны⁷.

Кучумов выступил с докладом 21 марта 1967 года. Его попросили приехать еще раз через две недели, 5 апреля. Протоколов этих заседаний в папке не было, но повестка дня говорит сама за себя: «План практических мероприятий по организации поисков [Янтарной комнаты]». Таким образом, власти Советского Союза со всей серьезностью относились к проблеме Янтарной комнаты, и Кучумов, сын простого плотника, стал движущей силой национальной политики в этом вопросе.

Мы продолжали просматривать документы. Обнаружилось письмо, объяснявшее, каким образом план Кучумова стал известен властям в Москве. В октябре 1963 года он направил письмо заместителю начальника отдела культуры исполкома Ленинградского горсовета Л.С. Карпекиной, в котором заявлял, что поиски Янтарной комнаты в 1946 и 1949 годах, в которых

он принимал участие, имели подготовительный характер, и что необходима ширококомасштабная операция с привлечением современных методов. Он признавался, что специальное финансирование отсутствовало, а расследование, которое он провел вместе с Трончинским, было поверхностным.

Это звучало очень странно. Поверхностное расследование? Подготовительные работы? Миссия 1946 года была поворотным пунктом, опровергнувшим выводы Брюсова. Оставалось лишь предположить, что Кучумов преуменьшал свой успех 1946 и 1949 годов для того, чтобы обратиться за дополнительным финансированием работ.

Далее Кучумов сообщает, что анализ документов и показаний свидетелей позволяет предположить, что Янтарная комната не была вывезена из Калининграда, а спрятана в специальном бункере⁸.

Похоже, у Кучумова имелись новые данные. Он утверждал, что идентифицировал конкретный бункер, в котором может находиться Янтарная комната, и это является основанием для возобновления поисков.

Следующие документы перенесли нас в зиму 1949 года. Мы уже знали, что в 1949 году Кучумов допрашивал немецкого историка Герхарда Штрауса в номере калининградской гостиницы «Москва», пытаясь выяснить местонахождение бункера. Но мы не понимали, сколь важную роль сыграет этот бункер. Кучумов пишет, что, не добившись ничего от Штрауса, он вызвал из Москвы профессора Брюсова — человека, который, как мы полагали, сошел со сцены еще в 1946 году.

Согласно лежавшим перед нами документам, в 1949 году профессору Брюсову было шестьдесят четыре года, и он уже расстался с должностью в Государственном историческом музее, уйдя на пенсию. Он дал новые показания Кучумову — те самые, которые были вырезаны из тетрадки Елены Стороженко. Этот документ содержался в присланной из Санкт-Петербурга папке, и его содержание вызвало у нас неподдельное удивление. Показания Брюсова полностью противоречили его же выводам 1945 года. Тогда профессор настаивал на том, что Янтарная комната погибла. В 1949 году он заявлял, что Янтарная комната, скорее всего, уцелела, поскольку в Рыцарском зале, куда, по

свидетельству Роде, поставили ящики, обнаружались лишь остатки сгоревших дверей. Они не нашли ни бронзы, ни других нестораемых фрагментов [стекло, зеркала, каменная мозаика]⁹.

Это был удивительный разворот на сто восемьдесят градусов, и Кучумов, по всей видимости, представил Брюсову убедительные доказательства, освежившие память профессора. Однако никаких подробностей в документах не было. Отмечалось лишь, что при пересмотре своих выводов Брюсов посетил все места, где он побывал в 1945 году.

В декабре 1949 года Брюсов вспоминал о том, что в 1945 году Роде предложил ему осмотреть подвал на Штейндамм-штрассе. У Роде имелся ключ от бункера, и они спустились на три этажа вниз, обнаружив несколько музейных экспонатов. Брюсов в тот момент не искал Янтарную комнату, поскольку думал, что она сгорела. Он осмотрел лишь те помещения, которые показал ему Роде, и не обратил внимание на другие комнаты этого обширного бункера.

Вот, оказывается, где кроются корни теории Кучумова. В бункере имелись помещения, которые никто никогда не осматривал. Это был тот самый бункер, о котором Брюсов рассказывал Кучумову в 1946 году. Старая история. Однако когда в 1949 году Кучумов попросил профессора показать ему бункер, тот не смог найти подземелье. Брюсов жаловался на плохую память и говорил, что помнит лишь название улицы, Штейндамм-штрассе, но не может указать конкретное здание, под которым находится бункер.

В 1949 году после того, как Брюсова отослали обратно в Москву, Кучумов занял должность специального консультанта в группе, которая занималась поисками бункера вплоть до 1960 года. Ничего найти не удалось, и вскоре Кучумов обращается к Л.С. Карпекиной за дополнительной поддержкой.

После того как мы познакомились с составом группы, занимавшейся поиском бункера в период с 1949 по 1960 годы, фрагменты головоломки встали на свои места. Председателем комиссии был секретарь калининградского обкома партии товарищ Вениамин Кролевский, автор (он писал под псевдонимом) статей в «Калининградской правде» за 1958 год¹⁰. Именно в этих статьях широкой публике впервые объяснялось, что выводы

профессора Брюсова ошибочны, рассуждения неверны, а Янтарная комната на самом деле пережила войну и спрятана в секретном бункере.

Таким образом, консультант Кролевского, ленинградский музейный работник Кучумов продолжал опровергать заключение Брюсова. В 1949 году он привез профессора в Калининград и заставил отречься от своего первоначального мнения. Затем, в 1958 году, коллега Кучумова повел наступление на Брюсова со страниц «Калининградской правды», высмеяв выводы и поставив под сомнение память профессора. Вывод однозначен — к этим статьям приложил руку Кучумов. Убрав с дороги профессора Брюсова, Кучумов мог без помех продвигать свою теорию в Ленинграде, проталкивая ее все выше и выше, пока его предложения не достигли Совета министров. Но как ему удалось убедить всех, что в 1945 году Брюсов ошибся?

Папка из литературного архива позволила нам заглянуть еще дальше, в 1940-е годы. За год до поездки в Калининград Кучумов вступил в Коммунистическую партию Советского Союза. Ему вручили партийный билет с номером 08740331¹¹. Теперь он относился к тем 7 процентам населения, которые решили стать частью системы¹². Он начал писать пропагандистские статьи. Среди присланных из Санкт-Петербурга бумаг мы обнаружили набросок статьи, озаглавленной: «Великолепные дворцы Пушкина и Павловска восстают из руин и пепла»¹³. В статье Кучумов восхвалял действия Красной Армии в Кенигсберге летом 1945 года.

Он писал о том, что армия бережно относилась к культурным ценностям — даже к тем, что принадлежали врагу. Узнав, что под руинами спрятана знаменитая Янтарная комната, бойцы расквартированных в Кенигсберге подразделений приняли участие в поисках, с неослабевающим энтузиазмом осматривая развалины, подвалы и бункеры¹⁴. Некоторые солдаты проявили такую смекалку, что Кучумов посчитал своим долгом назвать их. Он пишет, что гвардии майор Ракитин нашел среди развалин Кенигсберга мебель, вывезенную из Екатерининского дворца. С помощью майора Кучумов перенес сорок предметов в пустую квартиру, которую он занимал. Мебель была сильно повреждена: шелк обивки порван, ножки поломаны. По вечерам по-

сле службы майор помогал склеивать разбитые части. Кучумов также приводит письмо бывшего бойца Красной Армии из Полтавы, датированное 1947 годом. Среди развалин Кенигсберга он нашел 100-граммовый кусок янтаря, с которым с тех пор не расставался. Автор письма даже брал его с собой на Сахалин, а теперь привез домой. Кучумов подчеркивал, что простой советский солдат бережно хранил кусок янтаря, считая его частью Янтарной комнаты, а теперь хотел вернуть его — разительный контраст с поведением фашистов на советской земле. В заключение Кучумов писал, что возвращение похищенных музейных ценностей стало делом всего народа, и приведенные примеры ярко демонстрируют высокую коммунистическую мораль и культуру советских солдат и офицеров, бережно хранивших культурные ценности.

Начальник отдела по поиску культурных ценностей при администрации Калининградской области полковник Овсянов рассказывал нам совсем другую версию событий, которая ставила под сомнение дисциплину Красной Армии и мотивацию ее действий в Кенигсберге. Если Овсянов прав, это значит, что Кучумов был ослеплен своим патриотизмом. Мы почувствовали, что нужно ознакомиться с другими статьями Кучумова на эту тему.

Последний документ в папке представлял собой доклад, написанный рукой Кучумова и возвращавший нас в 1946 год. Доклад был озаглавлен «Судьба Янтарной комнаты». Никаких официальных печатей. Очень много вычеркнутых фраз. Начав читать, мы поняли, что Кучумов готовил этот доклад для Москвы, и его выводы должны были окончательно опровергнуть версию профессора Брюсова, что помогло бы возобновлению поисков Янтарной комнаты. Это очень важный документ. В нем указывались собранные Кучумовым новые факты и доказательства, которые в конечном итоге заставили самого Брюсова изменить точку зрения.

Кучумов начал этот черновик (как и окончательный вариант доклада в Москву) с самого главного открытия, которое он сделал в 1946 году, — остатков трех каменных мозаик в рыцарском зале Кенигсбергского замка.

22 марта 1946 года под лестницей рядом с входом в Рыцар-

ский зал были найдены три полностью сгоревшие мозаичные картины из Янтарной комнаты, которые при прикосновении рассыпались в пыль. Эти каменные мозаики когда-то висели на больших крюках на панелях Янтарной комнаты и были изготовлены в XVIII веке по заказу Екатерины Великой.

В окончательном варианте доклада для Москвы Кучумов подчеркивает, что обнаружение мозаик не может быть доказательством того, что Янтарная комната погибла при пожаре. Он обращает внимание, что в Рыцарском зале обнаружены три из четырех мозаик, и высказывает предположение, что Янтарная комната была разобрана, а в том месте, где хранится четвертая мозаика, могут находиться и сами янтарные панели.

Кучумов сообщал Москве, что не сомневается в правильности своих выводов, потому что в Рыцарском зале не обнаружено других обугленных фрагментов Янтарной комнаты (самого янтаря и деревянных досок, на которых крепились панели). Он также указывал на то обстоятельство, что пространство, где лежали остатки каменных мозаик, под лестницей у двери, слишком мало, чтобы туда могли поместиться основные части Янтарной комнаты — 12 больших янтарных панелей высотой двенадцать футов, 10 панелей высотой три фута и 24 фрагмента карнизов. На основании этого Кучумов делал вывод, что сами янтарные панели не были уничтожены огнем в Рыцарском зале.

Впервые столкнувшись с этой теорией в документах из литературного архива, мы не могли понять логику рассуждений Кучумова. Почему находка каменных мозаик не подтверждает свидетельства, найденные Брюсовым в Рыцарском зале в 1945 году? Именно таким должен был быть вывод — ведь в обоих случаях обнаружались обгоревшие остатки Янтарной комнаты. Однако Кучумов заявлял абсолютно противоположное, и Москва приняла его аргументацию. До этого момента мы трактовали сомнения в пользу Кучумова, предполагая, что он мог собрать дополнительные доказательства, но решил не перегружать техническими подробностями московское начальство. Но где же эти подробности? В докладе они отсутствуют.

В докладе не приводится никаких новых фактов. Из него мы узнали лишь о том, как Кучумов не смог исследовать самые очевидные варианты. Кроме того, он изо всех сил старался доказать, что пространство, где были обнаружены каменные мо-

заики, слишком мало для хранения янтарных панелей, но даже не подумал о том, что большие ящики могли быть сложены в другом углу Рыцарского зала (огромного и в апреле 1945 года полупустого).

Кучумов подчеркивал, что ему удалось найти одну-единственную сгоревшую часть Янтарной комнаты, но в своем анализе игнорировал факт, который не может не знать любой специалист по янтарию: температура плавления янтаря (от 200°C до 380°C) гораздо ниже той, что требуется для уничтожения камня, который использовал для своих мозаик Дзюкки. Если три мозаики из стекла и камня превратились в тончайший порошок (в том числе кусочки малахита, который горит при температуре 1084°C, а также стекла, температура горения которого составляет 1400°C), то от самих янтарных панелей не должно было остаться и следа.

Кучумов подчеркивал, что ему не удалось найти в Рыцарском зале другие детали Янтарной комнаты (бронзовые канделябры, стеклянные зеркала, стеклянные и хрустальные пилястры). Однако он не упомянул о том, что в 1945 году к моменту приезда Брюсова в Кенигсберг советские войска и трофейные бригады находились в городе на протяжении 61 дня. «Место преступления» никак не охранялось. До появления в Рыцарском зале Кучумова прошел еще почти год — вполне достаточно, чтобы все ценное было разобрано на сувениры бойцами Красной Армии.

В 1948 году в пропагандистских статьях Кучумов писал о том, что к нему обращались солдаты, которые в качестве трофеев привезли из Кенигсберга куски янтаря, но он ни разу не упомянул о том, что именно могло быть украдено. Его доклад все больше напоминал нам «шпаргалку», в которой куратор собирал аргументы в пользу версии о сохранности Янтарной комнаты.

Кучумов убеждал Москву, что провел тщательное расследование. Но мы теперь знаем, что он не нашел никаких новых свидетельств. Ни одной крупной находки. Ничего. Никаких технических подробностей. Правда состояла в том, что расследование Кучумова было поверхностным и предвзятым.

В этом докладе мы не нашли ничего, что могло бы убедить профессора Брюсова в его ошибке. Вероятно, его заставили изменить свою точку зрения другими средствами.

Перевернув следующую страницу, мы обнаружили целую подшивку протоколов допросов. Сверху рукой Кучумова было написано: «Показания жителей Калининграда, собранные мной лично. 1946 год. Оригиналы на немецком».

Первым лежал протокол допроса Пауля Фейерабенда, владельца ресторана в подвале под Рыцарским залом Кенигсбергского замка. Мы уже знали, что Кучумов допрашивал Фейерабенда 2 апреля 1946 года, но протокол этого допроса видели впервые. Владелец ресторана сообщил Кучумову следующее:

«В начале апреля 1945 года упакованная Янтарная комната находилась в Рыцарском зале. Через несколько дней началась осада города. Я был в гардеробной и Рыцарском зале, и во время наступления [начиная с 7 апреля] Альфреда Роде нигде не было видно. Вечером 9 апреля... я спрятался в винном погребе вместе с несколькими слугами. Спустя некоторое время мы решили вывесить белый флаг на северном крыле замка в знак капитуляции.

В тот же день [9 апреля] в 11.30 вечера пришел советский полковник. Я рассказал ему обо всем, и он приказал покинуть замок. В 12.30 утра [10 апреля] я ушел, и мой ресторан был занят артиллерийскими частями Красной Армии. Подвал и Рыцарский зал были совершенно целыми. После того, как я вернулся из Элбинга, где лежал в больнице, то узнал от Альфреда Роде, что Рыцарский зал и ресторан [под ним] сгорели».

Просто невероятно. По словам Пауля Фейерабенда пожар, уничтоживший Рыцарский зал, начался уже после того, как Красная Армия заняла Кенигсбергский замок. По свидетельству Фейерабенда ящики с разобранной Янтарной комнатой стояли в зале в тот момент, когда он сдавался русскому полковнику. Это означает, что Янтарная комната была либо вывезена советскими войсками из Рыцарского зала, либо она сгорела во время пожара, устроенного бойцами Красной Армии.

Кучумов отмахнулся от показаний Пауля Фейерабенда, назвав его ненадежным свидетелем, путающим факты и даты. Он предпочел не придавать значения заявлению владельца ресторана. Более того, он вообще проигнорировал показания этого

свидетеля — в прочитанных нами докладах для Москвы о нем нет ни слова. Известный куратор настаивал на одной версии этой истории. Наше отношение к нему начало меняться.

Если Фейерабенд говорил правду, то Кучумов еще в 1946 году знал, что Янтарная комната либо украдена, либо сожжена Красной Армией. Тем не менее он предпочел обнародовать версию, которая привела к развертыванию поисков на территории Советского Союза и Германии, направленных на то, чтобы найти нацистских грабителей и их тайник.

Если Фейерабенда не подвела память, то западногерманский историк-любитель Георг Штейн был близок к истине, когда в 1975 году заявил, что государственные архивы СССР и ГДР сидят на документах, способных разрешить загадку Янтарной комнаты.

Если Фейерабенд был прав, то не ошибался и полковник Авенир Овсянов. Более чем вероятно, что в архиве Министерства обороны в Подольске хранятся документы, подтверждающие, что подразделения Красной Армии или трофейные бригады по неосторожности уничтожили Янтарную комнату и разграбили все, что уцелело в огне.

К докладу Кучумова «Судьба Янтарной комнаты» были приколоты несколько разрозненных документов, написанных от руки на миллиметровке и возвращавших нас к самому началу истории, в лето 1945 года.

Перед нами лежали выдержки доклада профессора Брюсова. В примечании мы прочитали, что доклад касается судьбы Янтарной комнаты, которая была подарена Петру I и располагалась в Царском Селе, откуда была вывезена немцами¹⁵.

До этого мы видели лишь выдержки из дневника профессора Брюсова, касающиеся его миссии в 1945 году и присланные нам из Ленинской библиотеки в Москве.

Возможно, именно в этом документе кроется ключ к разгадке.

Брюсов пишет, что ему повезло, и он выяснил следующее. Янтарная комната была упакована в ящики и размещена в Рыцарском зале Кенигсбергского замка рядом с другой коллекцией, мебелью графини Кейсерлинг. Весной 1945 года было при-

нято решение эвакуировать Янтарную комнату, и Альфред Роде совершил поездку в Саксонию.

Брюсов сообщает, что после возвращения Роде начал готовить комнату к эвакуации, но заболел. По свидетельству владельца ресторана Пауля Фейерабенда, он несколько недель не появлялся в музее. К тому времени, как Роде выздоровел, оказалось невозможно найти железнодорожные вагоны для перевозки Янтарной комнаты в Саксонию. Эти сведения Брюсов проверил у местных жителей, которые подтвердили, что последняя возможность вывезти что-либо в Германию по железной дороге была в конце января.

Брюсов информировал, что тот же самый Фейерабенд, который находился в замке до того момента, когда его заняли части Красной Армии, утверждает, что в момент капитуляции Янтарная комната находилась в ящиках, а затем сгорела в результате пожара, уничтожившего северное крыло здания. При обследовании этого места Брюсов обнаружил слой золы, покрывающий весь пол, а также небольшие обугленные фрагменты деревянных планок, части карниза и бронзовые петли дверей, которые немцы сняли в Царском Селе и перевезли в Кенигсберг вместе с Янтарной комнатой. Собранные свидетельства привели Брюсова к однозначному выводу: Янтарная комната погибла в период с 9 по 11 апреля 1945 года. Офицеры Красной Армии, инспектировавшие замок 11 апреля, не нашли никаких ящиков в Рыцарском зале.

У Кучумова хранился этот важный документ, в котором повторялись показания Фейерабенда. Тем не менее, когда год спустя Фейерабенд рассказал Кучумову ту же историю, куратор предпочел не заметить ее. На листах миллиметровки Кучумов также записал выдержки из дневника Брюсова, гораздо более подробные, чем фотокопии, которые мы получили из Ленинской библиотеки.

25 июня 1945 года Брюсов жаловался, что ничего не может добиться от Альфреда Роде, который практически отказывается говорить. Профессор предпочел бы, чтобы Роде допросило НКВД. Немец ничего не скажет, если с ним будут обращаться по-доброму — он убежденный фашист¹⁶. Поэтому когда в 1946 году Кучумов обвинял Брюсова в том, что профессор лег-

ко поверил Альфреду Роде, забыв о том, что имеет дело с фанатичным нацистом, он уже читал этот отрывок из дневника Брюсова и знал, что такое обвинение несправедливо.

Еще одна выдержка из дневника датирована 2 июля 1945 года. Брюсов рассказывает о том, что он обратился к коменданту Кенигсберга генералу Пронину с просьбой выделить машину для вывоза архива из замка Винденхоф. Генерал отказал, ссылаясь на нехватку бензина. Все вокруг ездили на машинах, а архив должен был погибнуть из-за того, что на него пожалели каких-то двадцать пять литров топлива. Замок Винденхоф использовался 1-й Московской дивизией в качестве казарм. Хранилища не запирались. Брюсов пишет, что в его распоряжении есть лишь одно средство — попробовать убедить военных вывезти архив. Правда, он не был уверен, что это удастся сделать.

Еще в 1945 году Брюсова беспокоило поведение военных, и он считал, что ценности подвергаются опасности.

Судя по выдержкам из дневника Брюсова, не он один волновался по поводу возможных грабежей. В записи от 8 июля Брюсов рассказывал о том, что командующий 11-й гвардейской армией генерал Галицкий собрал все трофейные бригады, охотников за ценностями и командированных. В своей довольно жесткой и грубой речи он назвал их «пиратами» и заявил, что не позволит ничего вывозить из города. У всех складов и хранилищ будет выставлена охрана.

Трофейные бригады, командированные и охотники за сокровищами, профессионалы и любители — точно такую же картину нарисовал перед нами полковник Авенир Овсянов. Даже генерал Галицкий был обеспокоен масштабом грабежей и угрожал вышвырнуть всех воров из Кенигсберга.

Далее Брюсов писал в дневнике, что при раскопках в замке они нашли очень интересный китайский, мейсенский и берлинский фарфор, а также два мраморных бюста, подаренных Муссолини. Что будет со всеми этими вещами? У него испортилось настроение. Нужно ли продолжать работу? Или вернуться в Москву?

Этот Кенигсберг был совсем не похож на город, который описывал в своих пропагандистских статьях Кучумов в 1948 году. Город Брюсова был наводнен грабителями, и опасности подвергалось буквально все, потому что грабители были одеты в

форму Красной Армии. Кенигсберг Кучумова представлял собой свободную от криминала зону, где советские войска прилагали все усилия, чтобы собрать похищенное наследие царей.

Последняя запись в дневнике Брюсова датирована 13 июля 1945 года. Профессор писал, что нашел четыре ящика очень ценного уцелевшего фарфора, которые провалились с третьего этажа на второй. Многие предметы разбились, но сорок штук остались неповрежденными. Он упаковал их в пять ящиков, чтобы отправить в Москву. Брюсов сообщает, что закончил поисковые работы и упаковал все найденное в шестьдесят ящиков. Все это он собирался передать в архив, где ценности будут под надежной охраной.

Из прочитанных ранее отрывков из дневника Брюсова мы знали, что в этих ящиках, помимо всего прочего, находилась часть коллекции янтаря из университетского собрания. Брюсов рассказал Кучумову, что передал эти шестьдесят ящиков военным, но впоследствии они исчезли. Этот эпизод также был искажен товарищем Кролевским (или Дмитриевым) в статьях, опубликованных в 1958 году в «Калининградской правде», где в воровстве обвинялся «Барсов».

Кучумов хранил еще один документ, о котором мы до сих пор не слышали. Это 14-страничная «оправдательная речь» Брюсова, написанная после публикации обвинений в «Калининградской правде». Профессор Брюсов был в ярости. Он писал, что история поисков Янтарной комнаты изложена самым невероятным образом. Многие факты искажены, и поскольку сам профессор неоднозначно появляется в этой истории под весьма прозрачным псевдонимом Барсов, то он просто не может не протестовать против этого вздора¹⁷. Брюсов повторяет свои опасения относительно стихийных грабежей, в которых участвовали бойцы Красной Армии. Кроме того, он указывал, что хотя в 1945 году и не обследовал со всей тщательностью бункер (который стал основой теории Кучумова в 60-х и 70-х годах), но заметил, что какие-то люди побывали в нем до него и забрали все ценные вещи.

Скорее всего, это были люди из трофейных бригад, документы о деятельности которых, вероятно, хранятся в закрытом архиве в Подольске.

Кучумов окружил искаженными фактами свою теорию 1946 года, чтобы сделать ее жизнеспособной. В 1948 году он вступил в коммунистическую партию и писал пропагандистские статьи о Красной Армии, прекрасно понимая, что это неправда. В 1949 году он надавил на Брюсова, заставив отказаться от сделанных им ранее выводов, а также имел отношение к статьям в «Калининградской правде» 1958 года, оскорбительным для Брюсова и опровергавшим его заключения. Кучумов подчинил своей теории все последующие поиски Янтарной комнаты. В начале 1970-х годов он завязал тайные отношения с КГБ, гораздо более доверительные, чем с коллегами в Калининграде. Брюсова забыли, а Кучумов был обласкан Родиной, и в конечном итоге Горбачев наградил его Ленинской премией. А затем к пожилому человеку пришли раскаяние и стыд, что нашло отражение в его книге «Янтарная комната».

Анатолий Кучумов лгал. Его судьба определилась 30 июня 1941 года, когда 17 железнодорожных вагонов выехали из Ленинграда в Сибирь — без панелей Янтарной комнаты. В этот день жизнь неопытного советского музейного работника, который спрятал уникальное сокровище вместо того, чтобы эвакуировать его, изменилась навсегда. Из книги Анатолия Кучумова мы узнали, что ему не давала покоя мысль о том, что если бы панели Янтарной комнаты были вывезены в Сибирь, то они вернулись бы в Ленинград в 1944 году вместе с остальными ценностями и после восстановления Екатерининского дворца вновь бы заняли свое место.

К тому моменту, когда в 1946 году Кучумова отправили в Кенигсберг для повторного выяснения судьбы Янтарной комнаты, у него уже были все основания тревожиться из-за своей ошибки. Документы из литературного архива свидетельствуют, что Кучумов следил за судьбой своего коллеги Ивана Микрюкова, бывшего директора Павловского дворца, которого сослали в Казахстан, обвинив в «пораженчестве» за то, что он слишком рано стал готовить к эвакуации вверенные ему ценности. Вскоре в Советском Союзе стало известно, что нацистам потребовалось всего 36 часов, чтобы демонтировать и вывезти Янтарную комнату. В атмосфере подозрительности и доносов Кучумов должен был чувствовать себя очень уязвимым.

У него просто не было выбора, кроме как посвятить жизнь возвращению того, что он потерял. Он 39 лет занимался поисками и 47 лет писал книгу, которая заканчивается словами о том, что Янтарная комната не погибла и что она не могла быть намеренно уничтожена.

Тем не менее причины, по которым власти Советского Союза с такой готовностью отвергли выводы Брюсова и сделали выбор в пользу шаткой теории Кучумова, не столь очевидны, и при их анализе следует принимать во внимание обстановку «холодной войны».

Известно, что в апреле 1945 года американская армия нарушила заключенное с Советским Союзом соглашение и вошла в советскую зону оккупации, чтобы захватить золото национального банка Германии и бесценные сокровища немецкого искусства. Однако в Национальном архиве США в Вашингтоне и в документах военного времени из архива «Public Records Office» в Лондоне мы прочитали о том, что после падения Берлина в мае 1945 года в разведку союзников стали поступать донесения, что в качестве компенсации советские войска вторглись в британский, французский и американский сектора.

К 18 октября 1945 года, когда начал свою работу Международный трибунал в Нюрнберге, страсти накалились до предела. Среди британских и американских обвинителей гуляла следующая шутка: Советский Союз строит заборы вокруг своих военных лагерей, чтобы защитить животных в лесу. Русские в ответ тоже выдвигали обвинения, напоминая, что США первыми нарушили международные соглашения. «Пока мы брали Рейхстаг, — говорили они, — некоторые брали рейхсбанк»¹⁸.

Однако вскоре в районах, перешедших под контроль Красной Армии, пропало такое количество бесценных предметов из немецких коллекций, что недостойное поведение трофейных бригад и регулярных частей уже было невозможно скрыть. Где Пергамский алтарь (древний алтарь Зевса, который экспонировался в Берлинском музее, а затем был эвакуирован в бомбоубежище)? — спрашивали американские журналисты. Где «Золото Трои», найденное Генрихом Шлиманом и в 1881 году подаренное Музею Древней истории в Берлине, «дар немецкому

народу, который должен быть выставлен в столице Германии»¹⁹. Последний раз его видели 1 мая 1945 года, упакованное в три ящика и спрятанное в одном из бомбоубежищ. Где коллекция берлинского «Кунстхалле»? 1715 картин, 3000 гравюр Дюрера, Гойи, Тициана, Рембрандта были эвакуированы в замок Карнцов к северу от Берлина. Этот список можно продолжить: Библия Гуттенберга (один из сорока сохранившихся экземпляров), витражи из церкви Св. Девы Марии во Франкфурте-на-Одере, все собрание Дрезденской галереи (в том числе работы Рембрандта, Веермеера, Веласкеса и «Сикстинская мадонна» Рафаэля). В исчезновении всех этих сокровищ была замешана Красная Армия.

В 1946 году директор дрезденских государственных музеев сообщил американским следователям, готовившим материал для Нюрнбергского процесса: «Сразу же после оккупации Дрездена русскими появилась трофейная комиссия, чтобы отобрать лучшие произведения искусства, принадлежащие Саксонии... Почти все... были отобраны и исчезли».

Русские все отрицали, но для успокоения союзников Сталин приказал начать расследование деятельности трофейных бригад, назначив главой комиссии члена ЦК коммунистической партии Александра Порываева²⁰.

В феврале 1946 года СССР поднял вопрос о культурных ценностях в Нюрнберге, пригласив на трибуну директора Государственного Эрмитажа в Ленинграде Иосифа Орбели, который привлек внимание к разграблению и разрушению немцами культурных ценностей Ленинграда, представив их как яркий пример потерь, понесенных советским народом. Орбели рассказывал о преднамеренно разгромленных и сожженных залах, вывезенном паркете и сорванных со стен бесценных произведениях искусства. Эти дворцы не были военными объектами. Они являлись послами великой русской культуры и попадали под действие международных законов.

Через месяц после выступления Орбели Анатолий Кучумов сел в поезд до Кенигсберга, получив указание опровергнуть еще одно обвинение о преднамеренном уничтожении культурных ценностей Красной Армией. Только на этот раз обвинение было еще более опасным, потому что касалось богатств, при-

надлежавших Советскому Союзу. Профессор Брюсов уже дал интервью ТАСС, рассказав о том, что Янтарная комната либо украдена, либо уничтожена и что в этом замешаны советские войска. Москва должна была пресечь распространение этой взрывоопасной новости, прежде чем ею успеют воспользоваться союзники. Кучумов должен был быстро перевернуть историю с Янтарной комнатой с ног на голову, представив диаметрально противоположные (и более полезные) выводы, которые позволили бы властям в Москве использовать «до сих пор не найденную» Янтарную комнату в качестве свидетельства потерь Советского Союза, понесенных в результате нападения нацистов.

Расследование деятельности трофейных бригад, начатое по приказу Сталина, держалось втайне, но требовало жертв из числа высокопоставленных военных. Маршал Жуков, который возглавлял сопротивление нацистскому вторжению и руководил берлинской операцией, был сослан в Одессу — его обвинили в том, что он заполнил свою московскую дачу трофейными произведениями немецкого искусства. Глава МВД Виктор Абакумов обвинил командующего войсками НКВД в Германии генерала Ивана Серова в грабежах. Серов оплатил своему противнику той же монетой, и в 1951 году глава МВД был арестован, а три года спустя признан виновным в измене и казнен. Рассказы о печальной судьбе Абакумова посеяли панику в рядах Красной Армии и спецслужб. Советские граждане, прихватившие в качестве трофеев произведения искусства, уже никогда не признаются в этом. Шансы найти фрагменты Янтарной комнаты, которые могли быть украдены или сохраниться после пожара в Рыцарском зале Кенигсбергского замка, были призрачными²¹.

Историю в очередной раз отредактировали.

* * *

31 марта 1955 года Совет министров СССР объявил, что во время Великой Отечественной войны в ходе боев на территории Германии Красная Армия спасла и вывезла в Советский Союз шедевры живописи из собрания Дрезденской галереи²². Это была настоящая сенсация. Сокровища Дрездена никто не видел с 1945 года, когда нацисты спрятали их в соляной шахте в

12 милях от города. Было объявлено не только о том, что советские войска «спасли» шедевры мирового искусства из шахты, но и об их возвращении в ГДР — «с целью дальнейшего укрепления и развития дружеских отношений между советским и немецким народами». Эта новость служила художественным обрамлением важных переговоров о создании Восточного блока — о возвращении коллекций объявили за шесть недель до подписания Варшавского договора.

В столице СССР миллионы граждан выстаивали в очередях у входа в Музей им. Пушкина, чтобы взглянуть на «спасенные» немецкие сокровища, выставленные на всеобщее обозрение перед возвращением на родину. Повсеместно продавались каталоги выставки и открытки с репродукцией «Сикстинской мадонны». Советские журналы печатали интервью с членами трофейных бригад, которые представлялись в образе героев Красной Армии, спасавших немецкое искусство в разгар ожесточенных боев.

В январе 1957 года был предложен еще один обмен. В ноябре прошедшего года советские танки ворвались в Будапешт, чтобы подавить восстание националистов. В Польше тоже было неспокойно. 8 января 1957 года газета «Правда» сообщила, что генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев и председатель правительства ГДР Отто Гротеволь подписали протокол, скреплявший братские узы между двумя странами. В документ было включено обещание, что стороны выражают готовность обсуждать вопросы, связанные с возвращением культурных ценностей на основе обмена²³.

Были составлены два списка, один из произведений искусства, находившихся в Советском Союзе на «временном хранении», а второй из советских ценностей, оказавшихся на территории Восточной Германии. 30 июля 1958 года советский список был официально утвержден, и в него вошли 1 990 000 произведений искусства, «спасенных» в Германии, в том числе алтарь Зевса из Пергама и многие другие ценности, которые исчезли в конце войны и тайно хранились в Советском Союзе. Советские трофейные бригады оказались более усердными, чем предполагали союзники.

Немецкий список был готов только 19 октября 1958 года, и

когда он пришел, Москва поняла причину задержки. «В ГДР не найдено никаких культурных ценностей из СССР». Ничего. В Москву не могли вернуть даже одного поломанного стула — в конце войны американцы передали Советскому Союзу более полумиллиона предметов.

Москва столкнулась с серьезной проблемой. О предстоящем обмене объявили всему миру. Но теперь получалось, что Советский Союз должен вернуть почти 2 миллиона произведений искусства из Германии, не получив ничего взамен. Русские представляли перед миром как алчные грабители, тогда как немцы, обвиненные на Нюрнбергском процессе в уничтожении советской культуры, оказывались невинными жертвами.

Советский Союз предпринял срочные меры для минимизации ущерба. В июле 1958 года московский Музей изобразительных искусств им. Пушкина и Государственный Эрмитаж в Ленинграде объявили об организации совместных выставок «спасенных сокровищ»²⁴.

Редакторы газет получили инструкции относительно того, как следует освещать данный вопрос. Именно в этот момент появились сомнительные статьи о Янтарной комнате в «Калининградской правде» (которые затем перепечатали почти все советские газеты). В них утверждалось, что один из самых ценных военных трофеев за всю историю войн не погиб при пожаре в апреле 1945 года, а был спрятан нацистами в тайнике, местоположение которого известно лишь горстке немцев. История Янтарной комнаты помогала отвлечь внимание от неприятных вопросов, которые задавали западные средства массовой информации, интересовавшиеся, почему Москва так долго гнала относительно похищенных немецких ценностей, и что еще спрятано в советских архивах и хранилищах.

Анатолий Кучумов вдохнул новую жизнь в историю Янтарной комнаты ради спасения своей карьеры. Москва ухватила за его доклад, чтобы отвергнуть обвинения американцев в недостойном поведении. В 1958 году откровения о тайных поисках одного из величайших мировых шедевров должны были снова выйти на первые полосы газет, спасая репутацию Советского Союза.

Шесть месяцев спустя Восточная Германия внесла свою леп-

ту в шумиху вокруг Янтарной комнаты — сенсационными публикациями в «Freie Welt». Статьи в «Freie Welt» появились как раз в тот момент, когда будущий агент Штази Пауль Энке закончил академию им. Вальтера Ульбрихта в Потсдаме, и это была судьба. Статьи послужили толчком к началу поисков Янтарной комнаты на территории ГДР, формированию зачатков исследовательской группы, которая будет лить воду на мельницу Москвы, порождая слухи о «все еще не найденной» Янтарной комнате (и в то же время подтверждая то, что уже знали немцы о ее судьбе).

После того как Москва обнародовала удобную для нее версию, пришлось брать под контроль и поиски Янтарной комнаты в Советском Союзе. По мере того как история о тайнике нацистов раскручивалась все сильнее, в эту патриотическую миссию вовлекались все более высокопоставленные лица. Возможно, со временем советские граждане поверили в миф, забыв об истинном положении дел, и в 1984 году Москве надоело имитировать поиски несуществующего сокровища — после 38 лет кропотливой работы секретная операция по поиску Янтарной комнаты была свернута.

Тем не менее начальник отдела по поиску культурных ценностей при администрации Калининградской области полковник Авенир Овсянов рассказал нам, что на этом история Янтарной комнаты не заканчивается. В конце 1980-х годов, на закате эры коммунизма в Советском Союзе появились несколько уникальных коллекций произведений искусства, похищенных во время Второй мировой войны. Все эти долго скрывавшиеся сокровища материализовались в результате посреднических усилий скромного ученого из Бременского университета, человека, способного договариваться со всеми заинтересованными сторонами: ему доверяли советские партийные деятели, его терпели бывшие нацисты, принимавшие участие в вывозе культурных ценностей, его обхаживали политики в Бонне.

После того как в Москве всплыли эти коллекции, в Германии начали появляться фрагменты Янтарной комнаты.

Глава 14

— Итак, вы хотите, чтобы я рассказал вам о найденных фрагментах Янтарной комнаты? — переспросил профессор Вольфганг Эйхведе, вскидывая брови. Наша встреча состоялась в апреле 2003 года в его кабинете в Бременском университете. Он подвинул к нам коробку русских шоколадных конфет, и мы увидели, что на крышке коробки изображен Екатерининский дворец. — Возьмите, — произнес профессор, с удовольствием отправляя в рот конфету. — Они действительно очень вкусные. За несколько месяцев до падения Берлинской стены, — вспоминая, он откинулся на спинку кресла, — мне позвонили из Москвы. Этого человека звали Виктор Балдин, и он был директором Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева. Он сообщил мне, что хочет поделиться своим секретом.

Балдин признался директору Бременского института Восточной Европы, что в его музее хранится 364 картины и рисунка из коллекции бременской «Кунстхалле».

— Но среди них не было фрагментов Янтарной комнаты? — спросили мы.

— Нет, они всплыли потом. Виктор Балдин рассказал мне, что знал об этой коллекции еще с июля 1945 года, когда он в чине капитана служил в 38-й инженерной бригаде. Все эти картины он нашел в подвалах замка Карнцов в сорока милях к северу от Берлина, и на них были таблички бременской «Кунстхалле». Несколько человек, в том числе и Балдин, привезли эти произведения искусства с собой в Москву.

После войны, когда по приказу Сталина начали преследовать тех, кто привез трофеи, Виктор Балдин испугался и подарил все 364 картины и рисунка Музею архитектуры им. А.В. Щусева, в котором он работал. В 1989 году, когда «холодная война»

подходила к концу, Балдин, ставший к этому моменту директором музея, захотел вернуть рисунки городу Бремену — в знак дружбы. Однако московские власти узнали о его намерении и пытались помешать ему¹.

— Его телефонный звонок вызвал цепную реакцию, — продолжал свой рассказ Эйхведе. — Через несколько дней после звонка министр культуры России Николай Губенко и представители КГБ совершили набег на музей и конфисковали 364 работы из бременской «Кунстхалле», отправив их в закрытые хранилища Государственного Эрмитажа в Ленинграде, — он перевел взгляд на висевший на стене плакат с изображением Государственного Эрмитажа. — Я начал звонить заместителю Губенко. Я ничего не требовал. Я просто хотел посмотреть на эти экспонаты.

Участник радикальных студенческих выступлений 1968 года, Эйхведе имел представление о советском образе мышления, и у него имелись связи в Москве. В начале 1970-х годов он помогал организовывать первую послевоенную дискуссию о советско-западногерманских отношениях. В 1992 году профессор наконец добился разрешения осмотреть рисунки из Бремена.

— Когда я приехал в Эрмитаж, директор музея Михаил Пятровский разложил рисунки на столе в своем кабинете, окна которого выходили на заснеженную Неву. Мы вместе рассматривали их. Я был первым немцем, который за 47 лет видел рисунки из Бремена. В тот день я не увез их с собой, но начало было положено.

1 марта 1993 года после переговоров, организованных Эйхведе, Россия согласилась вернуть экспонаты бременской «Кунстхалле» в обмен на коллекцию рисунков из Германии, а также на финансовую помощь в восстановлении церковей Великого Новгорода и Пскова, разрушенных нацистами.

— Согласившись на обмен, мое правительство затем струсило и отказалось от сделки, заявив, что Германия не может поощрять грабежи, — рассказывал Эйхведе. — Нелепый аргумент, если учитывать, что мы разграбили Советский Союз. Но наши политики уперлись: «Что еще есть у русских? Мы хотим вернуть все, а не только бременские рисунки». Пришлось мне снова ехать в Москву и говорить им, что сделка не состоится.

Через несколько недель в Москве объявилась еще одна часть пропавшей коллекции. О ней сообщил ветеран Красной Армии, прочитавший в газетах о Викторе Балдине. У него хранился 101 рисунок, которые, как он утверждал, в 1945 году нашел его друг в замке Кранцов. Ветеран принес их в чемоданчике в немецкое посольство. Когда власти узнали об этом, то немедленно наложили запрет на их вывоз. Теперь в непонятном положении оказались две части пропавшей бременской коллекции: одна в Санкт-Петербурге, другая в Москве.

— Но какая связь между рисунками из Бремена и Янтарной комнатой?

— Терпение, — ответил Эйхведе. — Переговоры были очень сложными. Затем в России объявились другие исчезнувшие произведения искусства из Германии. Григорий Козлов, куратор Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве, помогавший организовать передачу 101 рисунка в немецкое посольство, обнаружил в музее кипу документов, которые собирались уничтожить. В этих документах упоминались немецкие произведения искусства, вывезенные в Россию в конце войны. Несколько страниц со списками бесценных экспонатов, которые немцы считали утраченными навсегда. Среди них значилось и «Золото Трои». Поразительное открытие!

«Золото Трои» — коллекция древних диадем, ожерелий и серег, считавшаяся жемчужиной довоенной берлинской экспозиции, — числилась среди тех предметов, в присвоении которых союзники по антигитлеровской коалиции обвиняли Советский Союз. Русские категорически это отрицали, но документы, обнаруженные Козловым, доказывали, что золото было доставлено в Москву и 28 июня 1945 года тайно помещено в хранилище музея.

Козлов сделал эту историю достоянием гласности. Немецкое правительство было в ярости — как и Ирина Антонова, директор Музея изобразительных искусств им. Пушкина. Она начинала свою карьеру с составления описи золотых украшений и хранила этот секрет на протяжении 50 лет.

Антонова вызвала Козлова к себе в кабинет. Впоследствии он вспоминал, что директор была очень раздражена. Козлов сказал, что хотел открыть правду, на что ему было заявлено, что

правда бывает разной, умной и глупой, а его правда глупа. Кроме того, существует такое понятие, как справедливость. Он молот и не видел разрушенного Петергофа, а Антонова видела². Обман советских властей относительно «Золота Трои» прости-телен, утверждала она.

Эйхведе закатил глаза.

— В октябре 1994 года в Москву прибыла немецкая делегация, чтобы увидеть «Золото Трои»³. После того, как немцы уехали, Ирина Антонова заявила, что русские не отдадут сокровища, но вскоре выставят их в экспозиции музея. Однако через год она написала статью для «Независимой газеты» под заголовком: «У нас больше ничего нет»⁴. Теперь в России застряли три немецких сокровища: 364 бременских рисунка в Санкт-Петербурге, еще 101 рисунок в немецком посольстве в Москве и «Золото Трои», запечатое в секретном хранилище Музея изобразительных искусств им. Пушкина.

— Я должен был найти выход из тупика, — сказал Эйхведе. — Свести разные стороны. В 1994 году я организовал конференцию «Военные трофеи», пригласив немцев и русских к разговору. Я предложил им организовать необычный обмен, который не предполагал возвращения чего-либо.

Мы озадаченно переглянулись. Эйхведе жестом призвал нас к терпению и продолжил:

— Почему бы не помочь в восстановлении Янтарной комнаты, спросил я немцев. Прусский король Фридрих Вильгельм I преподнес Янтарную комнату русскому царю Петру Великому в качестве дипломатического подарка. Почему канцлер новой Германии не может построить для президента новой России другую Янтарную комнату, чтобы залечить нанесенные войной раны?⁵

Поначалу никто не принял идею Эйхведе всерьез, и критика России усилилась, когда в январе 1996 года ее приняли в Совет Европы. Эта акция должна была разрешить все споры относительно похищенных произведений искусства, поскольку международный закон о реституции обязывал Россию сотрудничать с Германией в вопросе возвращения ценностей. Все вывезенные архивы и художественные ценности, принадлежащие членам Совета Европы, подлежали возвращению.

Однако министр культуры Губенко, который в 1989 году помешал вернуть 364 рисунка в Бремен, по-прежнему настаивал, что Россия ничего не должна отдавать народу, который принес столько несчастья Советскому Союзу. Он убедил Государственную Думу принять закон о национализации культурных ценностей, захваченных Красной Армией во время войны, и считать их «репарациями за принесенный ущерб».

— Настоящий кошмар, — Эйхведе отправил в рот еще одну русскую конфету. — Но затем летом 1997 года мне снова позвонили. Посреди ночи. Через полчаса я уже сидел в каком-то сомнительном ресторане на задворках Бремена с человеком, который был явно не в своем уме. Теперь я подхожу к нашей теме. Этот человек сообщил мне, что его отец, ветеран вермахта, в 1941 году воевавший под Ленинградом, украл фрагмент Янтарной комнаты, который до сих пор хранится в доме.

Мы не могли поверить своим ушам.

— Это выглядит невероятно, но это правда, — Эйхведе предупредил наш следующий вопрос. — У этого человека, Ганса Ахтермана, в спальне висела флорентийская мозаика «Осязание и Обоняние».

Каменная мозаика из Янтарной комнаты. В 1946 году Анатолий Кучумов нашел в Кенигсберге три мозаичных панно из четырех. Одно из них исчезло, и Кучумов предположил, что рядом с ним могут находиться и янтарные панели.

Тем временем Эйхведе продолжил свой рассказ.

— Ахтерман сообщил мне, что в 1978 году при просмотре телевизионного документального фильма о Янтарной комнате историка-любителя Георга Штейна он узнал изображение каменной мозаики, мелькнувшее на экране. Она как две капли воды была похожа на ту, что лежала на чердаке дома его родителей. Но в то время он не стал ничего предпринимать. Он испугался. Тем не менее через восемь лет, когда его отец уже умер, а в местных газетах появились истории о немецких ценностях, застрявших в России, Ахтерман решил, что может заработать. К четырем часам утра речь зашла о цене за мозаику⁶.

— Ахтерман колебался. В конце концов, когда уже взошло солнце, к нам подошел управляющий рестораном и сказал: «Ганс, ты имеешь дело с профессором, который разбирается в

этих вещах. Это твой единственный шанс. Ради бога, скажи ему, сколько ты хочешь за каменную мозаику». Мы начали с 400 тысяч марок и дошли до 250 тысяч. Я написал договор на обороте подставки под пивную кружку. Ганс Ахтерман уже взял авто-ручку, чтобы поставить подпись, но вдруг передумал и ушел, оставив меня одного. С грудой сигаретных окурков.

Ганс Ахтерман скрылся, но после того, как немецкая полиция объявила, что арестует его за воровство, весть о появлении мозаики из Янтарной комнаты распространилась очень быстро. «Daily Telegraph» писала: «Одна из величайших загадок нашего века, связанная с местонахождением изумительной Янтарной комнаты, вчера получила дальнейшее развитие — после обнаружения в Германии мозаики, которая, как полагают, была частью этого бесценного сокровища»⁷.

Заголовок «US News»: «Разыскивается: бесценная комната, которую последний раз видели во время войны. Загадочное появление фрагментов царского сокровища».

Пережив восемь лет обвинений из-за бременских картин и «Золота Трои», Россия ухватилась за возможность представить себя в выгодном свете. Российский премьер-министр Виктор Черномырдин обратился с призывом вернуть мозаику. Было очевидно, что немцы изо всех сил держатся за одно из величайших сокровищ его Родины. В российской прессе развернулась истерическая кампания по поводу того, что Янтарная комната будет вот-вот найдена. Вновь ожили все старые истории о ее исчезновении — о том, как элитное подразделение нацистов вывезло комнату из Кенигсберга в тайник под кодовым названием BSCH.

— Именно в этом нуждалась Россия, — пояснил Эйхведе. — Все взгляды были прикованы к Янтарной комнате, и ожили воспоминания о потерях Советского Союза. Германия теперь была вынуждена защищаться.

Немецкое министерство иностранных дел призвало к сдержанности, а тем временем было предпринято расследование происхождения каменной мозаики. Затем объявилась домохозяйка из Западного Берлина, объявившая о том, что у нее хранится ко-мод из Янтарной комнаты.

Домохозяйка увидела статью о каменной мозаике Ганса Ах-

термана, проиллюстрированную изображением Янтарной комнаты. Среди прочей мебели она заметила изящный комод XVIII века с искусной инкрустацией — точно такой же стоял в ее гостиной, со стопками скатертей и салфеток.

Затем газеты вспомнили об аукционе «Christie's» в Лондоне. За два года до этого на нем за 15 тысяч долларов была продана янтарная голова центуриона величиной с ладонь. Эйхведе сказал, что это была старая вещица. Зрелая работа. Высказывались предположения, что она имеет отношение к Янтарной комнате.

Однако во всей этой шумихе русские не обратили внимание на то, что ни каменная мозаика, ни голова центуриона, ни комод не могли навести на след самой Янтарной комнаты. Все эти предметы были отделены от комнаты еще до того, как она была доставлена в Кенигсберг в декабре 1941 года, и не могли быть эвакуированы в предполагаемый тайник нацистов.

Мы проследили путь головы центуриона в Мюнхен, где торговец произведениями искусства, купивший ее для одного коллекционера (немца, страстно увлекавшегося старинными изделиями из янтаря), рассказал, что к тыльной стороне головы была приклеена аукционная бирка, датированная 1920-ми годами. Вероятно, янтарную голову вывезли из России после революции.

Теперь комод. Он не значился в дарственной книге Кенигсбергского замка, куда были аккуратно занесены все предметы, полученные Альфредом Роде в декабре 1941 года. По всей видимости, комод украли из Екатерининского дворца еще до того, как Янтарную комнату вывезли в Кенигсберг.

И наконец, каменная мозаика. Ганс Ахтерман до самой смерти утверждал, что его отец взял мозаику в качестве сувенира, когда вместе с пятью другими солдатами демонтировал Янтарную комнату в Екатерининском дворце. Если это правда, то он был членом бригады, которая за 36 часов сделала то, что не удалось Кучумову. Тот факт, что четвертая мозаика никогда не была в Кенигсберге, подтверждается фотографиями, иллюстрировавшими статью в «Pantheon», написанную Альфредом Роде в 1942 году. На одном из снимков Янтарной комнаты, собранной в Кенигсбергском замке, видно отраженное в зеркале пустое

пространство на противоположной стене, где должна была висеть четвертая мозаика.

Вместо того чтобы доказать, что немцы все еще прячут Янтарную комнату, находка четвертой мозаики подрывала саму основу советской версии, заключавшейся в том, что Янтарная комната не погибла во время боев за Кенигсберг. Анатолий Кучумов утверждал в своих записках, что отсутствие четвертой мозаики в груди золы, найденной им в Рыцарском зале, служит свидетельством того, что она спрятана где-то еще вместе с янтарными панелями. Однако мозаика была обнаружена уже после смерти Кучумова, и он не застал крушения своей теории.

Все эти детали не имели никакого значения в России, где бывший министр культуры, а теперь депутат Государственной Думы Николай Губенко заявлял, что величайшее из национальных сокровищ России спрятано в Германии. Янтарная комната растаскивается по частям, вслед за Губенко твердила российская пресса. Судьба Янтарной комнаты снова стала предметом спекуляций — на этот раз для того, чтобы оправдать решение России не возвращать Германии ценностей, захваченных Красной Армией во время войны. В апреле 1998 года Конституционный суд обязал президента Ельцина подписать закон о национализации военных трофеев.

В Германии некоторые тоже извлекли прибыль из вновь вспыхнувшего интереса к Янтарной комнате. Германский энергетический концерн «Рургаз», имеющий значительные активы в России, подхватил идею Эйхведе и вызвался спонсировать работы по созданию копии Янтарной комнаты.

Русские уже начали осуществление этого грандиозного проекта, но у них закончились деньги. 6 сентября 1999 года представители «Рургаза» встретились с директором Екатерининского дворца Иваном Саутовым и министром культуры России, чтобы янтарными авторучками подписать соглашение, согласно которому немецкий концерн оказывал спонсорскую помощь в размере 3,5 миллиона долларов. У немецкого правительства это вызвало раздражение, и на церемонию приехал посол Германии из Москвы, а не министр культуры из Берлина.

— «Рургазу» масштабный проект в сфере культуры был нужен для рекламы, — улыбнулся Эйхведе. — У них чисто ком-

Директор Екатерининского дворца Иван Саутов (слева) подписывает соглашение с руководителями немецкого энергетического концерна «Рургаз» о спонсировании воссоздания Янтарной комнаты

мерческий интерес. Янтарная комната дорого обошлась русским политикам и немецким бизнесменам, — он подавил зевоу. — Это было утомительно. А затем все запуталось еще больше. Вновь появился Ахтерман со своей каменной мозаикой. Он хотел пересмотреть соглашение, которое мы написали на подставке под пивную кружку, и соглашался продать мне мозаику за 210 тысяч марок. Это была страшная тайна. Никто ничего не должен был знать, пока мозаика не вернется в Россию. Деньги дал бизнесмен из Бремена. Немецкое правительство не могло в этом участвовать.

Эйхведе позвонил в Москву заместителю министра культуры.

— У меня есть ваша пропавшая мозаика, — сказал я П.В. Хорошилову. — Он был потрясен и ответил, что, возможно, нам удастся договориться. Хорошилов тайно прилетал в Бремен, и мы заключили соглашение: каменная мозаика Ганса Ахтермана будет возвращена в Петербург, а 101 рисунок из бременской коллекции, находящейся в посольстве Германии в Москве, получат разрешение на вывоз в Берлин. Мы сказали, что сначала

хотим получить рисунки, а уж потом передадим каменную мозаику. Хорошилов подписал соглашение.

Эйхведе оставалось получить одобрение Берлина. Но власти сказали: «Нет». Эйхведе развел руками. Пообещав вернуть каменную мозаику России, немецкое правительство затем призналось, что внесло изменения в закон о репарациях. Мозаичная панель из Янтарной комнаты попала в перечень предметов, запрещенных к вывозу. Эйхведе сказал, что он уже был готов опустить руки, когда ему позвонил мэр Бремена. «Послушайте, это смешно, — сказал он. — Я в любом случае вылетаю завтра в Москву — вместе с мозаикой». Опасаясь скандала, немецкое правительство капитулировало, и 30 апреля 2000 года мэр Бремена, председатель торговой палаты города и министр культуры Германии вручили президенту Путину каменную мозаику, после чего вернулся домой 101 рисунок из бременской коллекции. (Тем не менее 364 рисунка Виктора Балдина остались в Эрмитаже, а «Золото Трои» — в хранилищах Музея им. Пушкина.)

После того, как история Янтарной комнаты вновь привлекла всеобщее внимание, забыть о ней было уже невозможно. Охотники за сокровищами, вооруженные лопатами и металлоискателями, вернулись в заповедник Эрцгебирге в Западной Саксонии. Журнал «Der Spiegel» сообщал о раскопках в Калининграде, под «Монстром», а также на пересечении Штейндамм-штрассе и Ланге-Райе. Барон Фальц-Фейн обратился с письмами к старым друзьям, уговаривая их возобновить поиски комнаты. Ветеран Второй мировой войны из Веймара утверждал, что у него есть доказательства того, что Янтарная комната спрятана в туннелях под городом. Торговец книгами из Геттингена заявлял о том, что нашел документы, доказывающие, что Янтарная комната спрятана в шахте Вольприхаузена (там, где историк-любитель Георг Штейн пытался доказать правильность немецкой версии, вооружившись документами, которыми его снабжала Штази).

В Санкт-Петербурге директор Екатерининского дворца Иван Саутов объявил, что новая Янтарная комната откроется 31 мая 2003 года, в период празднования 300-летия города.

В кабинете Вольфганга Эйхведе зазвонил телефон. Он минут десять что-то быстро говорил в трубку, а затем повернулся к нам.

— История не закончилась. Это наш министр культуры. Недавно он был в Санкт-Петербурге, чтобы забрать витражи церкви Св. Девы Марии из Франкфурта-на-Одере. Витражи исчезли во время войны, но теперь, когда Германия предложила отреставрировать орган ленинградской филармонии и помочь в восстановлении церкви Великого Новгорода, они неожиданно объявились. Министр вез их в аэропорт Санкт-Петербурга на заднем сиденье такси, — Эйхведе сиял.

Мы спросили, что Эйхведе думает о появлении все новых версий исчезновения Янтарной комнаты. Верит ли он, что ее действительно спрятали нацисты?

Профессор вздохнул, набросил на плечи свою охотничью куртку в черную и зеленую клетку и посмотрел нам прямо в глаза.

— Что я могу сказать? Одни верят в эльфов и фей. Другие в Янтарную комнату.

В январе 2003 года печатные станки Санкт-Петербурга работали в две смены. Прежде чем новую Янтарную комнату продемонстрируют высокопоставленным гостям, нужно было отпечатать сотни копий специального каталога.

Каждый гость, прибывавший на торжества, посвященные 300-летней годовщине основания города, получал возможность познакомиться с изданием «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Том I. Государственный музей-заповедник «Царское Село». Екатерининский дворец. Кн. 1»⁸. Из указанных в каталоге 100 тысяч предметов русское правительство выбрало для обложки большую раскрашенную фотографию Янтарной комнаты.

В предисловии заместитель министра культуры П.В. Хорошилов пишет о том, что Запад, и особенно Германия, предпочитает хранить молчание об утраченных Россией культурных ценностях. Однако очень многие хотели бы знать, сколько немецких картин, рисунков, скульптур и произведений декоративно-прикладного искусства, археологических находок и книжных собраний все еще находится в России, и в каких именно музеях они хранятся.

Янтарная комната еще раз была объявлена пропавшей, за-

няв центральное место в 300-страничном перечне предметов, украденных нацистами из Екатерининского дворца.

Заместитель министра культуры удостоил похвалы единственного немца. Он заявил об огромной пользе архива, собранного немецким ученым Георгом Штейном, который посвятил поискам Янтарной комнаты много лет и работу которого оборвала трагическая смерть. Несомненно, Штейн был бы рад узнать, что именно он окончательно отредактировал советскую версию судьбы Янтарной комнаты.

Введение к каталогу написал директор Екатерининского дворца Иван Саутов. Он назвал Янтарную комнату символом утраченных Россией культурных и художественных ценностей, а также выразил убеждение в том, что комната не погибла, и что она будет найдена в результате должным образом организованных поисков.

Саутов указывал, что в издании воплотилось желание опубликовать список уникальных произведений искусства, утраченных в период оккупации, среди которых есть и Янтарная комната. И ни слова о пожаре, устроенном бойцами Красной Армии в Кенигсбергском замке, когда в огне погибло все, что находилось в Рыцарском зале.

Затем на 10 страницах излагалась история Янтарной комнаты, написанная Ларисой Бардовской, которая использовала материал из книги Пауля Энке и сомнительные документы Георга Штейна. В заключение Бардовская пишет, что сокровища Екатерининского дворца все еще ждут возвращения на родину и что проблема трофейных ценностей требует пристального внимания представителей мирового сообщества. Именно эти представители должны были прибыть в Санкт-Петербург 31 мая 2003 года на празднование 300-летия города.

Однако в феврале 2003 года разразился еще один скандал, угрожавший омрачить приближающуюся торжественную церемонию. Министр культуры Михаил Швыдкой объявил, что Россия наконец вернет 364 рисунка бременской «Кунстхалле», вывезенные ветераном Красной Армии Виктором Балдиным. Однако Николай Губенко, теперь занимавший пост председателя Комитета Государственной Думы по культуре и туризму, обратился непосредственно к президенту Путину, чтобы помешать

вывозу коллекции. Первый заместитель генерального прокурора России Юрий Бирюков вызвал к себе Швыдкого и предупредил, что попытка возвращения коллекции будет рассматриваться как уголовное преступление⁹.

17 марта в скандал была вовлечена Валентина Матвиенко, представитель президента России в Санкт-Петербурге. Она выступила с критикой немецких газет, которые называли вывоз бременской коллекции в 1945 году аморальным деянием. Она возразила, что аморальным было похищение Янтарной комнаты, блокада Ленинграда, разрушение тысяч советских городов и убийство миллионов советских граждан и что Россия, понесшая самые большие потери в войне, имеет полное право определять условия компенсации. В заключение Матвиенко обвинила частных коллекционеров Германии в том, что они прячут принадлежащие России шедевры на чердаках и в подвалах¹⁰.

8 апреля 2003 года накануне своего визита в Германию этой темы коснулся и президент Путин. Когда его спросили о долгах России, сделанных еще во времена существования ГДР (этот вопрос был включен в повестку предстоящих переговоров в Берлине), Путин ответил, что это болезненная тема как для России, так и для Германии, причем не только потому, что российская культура понесла серьезные потери во время Второй мировой войны. Проблема также заключается в том, что часть произведений искусства, вывезенных из России во время войны, находится в частных коллекциях¹¹.

8 мая того же года для осмотра восстановленной Янтарной комнаты были приглашены более 400 ветеранов Великой Отечественной войны. Это мероприятие было приурочено к празднованию Дня Победы, который большинство граждан по-прежнему в России считает главным праздником. Мы не забудем и не простим, сказали ветераны журналистам, вспоминая о том, как оригинал Янтарной комнаты был вывезен из страны и как зимой 1941 года вокруг Ленинграда затягивалась петля блокады¹².

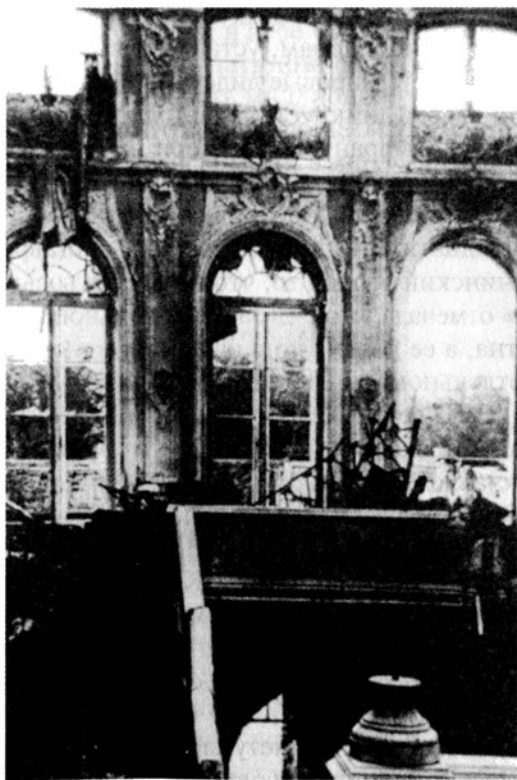
Наконец, наступило 31 мая. Официально главы государств прибыли на саммит Россия — ЕС (проходивший на фоне празднования 300-летия со дня основания города), однако первым из основных событий саммита стало открытие новой Янтарной комнаты.

О том, что происходило в Санкт-Петербурге в этот день, подробно писала газета «Правда».

15.30. Российский президент Владимир Путин и канцлер Германии Герхард Шредер поднимаются по лестнице Монигетти, изготовленной из итальянского мрамора. Над их головами сияет свежими красками недавно восстановленный плафон (по свидетельству сводного каталога утраченных ценностей лестница была разрушена во время войны, а большая часть росписи потолка утрачена).

За главами государств следовали первые леди, Дорис Шредер и Людмила Путина. Далее шли Тони Блэр, Сильвио Берлускони, Жак Ширак, Кофи Аннан, Романо Проди, Атала Бихари Ваджпай, Ху Цзиньтао и еще тридцать глав государств и

*Разрушенная
лестница
Монигетти,
Екатерининский
дворец, 1945*

правительств разных стран, в том числе бывших советских республик и союзников СССР.

Пройдя мимо «Спящего ангела» Бродского, процессия вступила в Белую столовую, а затем через золоченые двустворчатые двери попала в Малиновую и Зеленую столовые (по свидетельству сводного каталога утраченных ценностей во время войны они были полностью разрушены, а их второе рождение состоялось в 1980-х годах).

Высоких гостей провели мимо витрин с разбитыми ангелами, осколками хрусталя и севрского фарфора, мимо фотографий советских реставраторов в рабочих халатах, трудившихся над восстановлением ленинградских дворцов. Затем процессия попала в Портретный зал (тот же сводный каталог сообщает, что мебель этого зала была восстановлена в 1970-х годах по образцам, которые удалось эвакуировать во время войны).

Пройдя по коридорам, уставленным свидетельствами варварства нацистов, мировые лидеры и первые леди наконец добрались до дверей, инкрустированных редкими породами дерева, розовым и амарантовым. Двери вели к кульминации всего путешествия, к закрытым полотнами стенам «комнаты света».

15.35. Знаменитая российская Янтарная комната засияла вновь. Двадцатилетний труд русских реставраторов вернул в Екатерининский дворец то, что называли восьмым чудом света. «Правда» отмечала, что судьба оригинальной комнаты до сих пор неизвестна, а ее долгие поиски закончились безрезультатно.

На отдельном стенде была выставлена изящная каменная мозаика XVIII века («Осызание и Обоняние», та самая, которую Вольфганг Эйхведе купил у Ганса Ахтермана в результате договора, составленного на обратной стороне подставки под пивную кружку). У стены располагался комод, когда-то принадлежавший домохозяйке из Западного Берлина.

15.40. Телеоператоры ВГТРК «Россия» показывают крупного мужчину с пышными седыми усами в блестящем итальянском костюме, приветствующего гостей. Это директор музея Иван Саутов, который берет на себя обязанности личного гида Владимира Путина.

День, начавшийся с выступления Лучано Паваротти, Дэмиуса Руссиса и «знаменитой немецкой хард-рок группы «Scorpions»

(которые спели «Гимн великому городу»), закончился вечером среди свечей, фонтанов и музыки. Весь Санкт-Петербург, от бывшего заместителя директора дворца в Пушкине Валерии Биляниной до экономного журналиста Владимира Телемакова в Озерках, от эксперта по мебели Альбины Маленькой в Павловске до «нашей петербургской знакомой» на северной окраине города, собрался за столом, смотрел на грандиозный фейерверк, полыхавший в небе путинского «окна в Европу» (отреставрированного за 1,5 миллиарда долларов).

Ничто не должно было омрачать этот великий день. Министр культуры Михаил Швыдкой, депутат Государственной Думы Николай Губенко и представитель президента Валентина Матвиенко — все они присутствовали на торжествах и радостно улыбались (как, впрочем, и профессор Вольфганг Эйхведе из Бременского университета). Даже солнце заставили светить. Российские самолеты распыляли в небе Санкт-Петербурга специальные реагенты, чтобы разогнать дождевые облака (эта операция обошлась в двадцать девять миллионов рублей)¹³.

Что касается истории Янтарной комнаты, то она была законсервирована, подобно насекомому в капле янтаря. Копия оригинальной комнаты теперь служила постоянным напоминанием о величайшей потере России.

Летом 2003 года мы получили выдержки из письма, направленного из психиатрической лечебницы в Гамбург-Эппендорфе коронеру Ингольдштадта. В письме, датированном 25 августа 1987 года, говорится о «взаимной ненависти в семье Георга Штейна». Оказывается, жена Штейна Элизабет не была убита в 1983 году. Она покончила с собой из страха перед мужем.

В письме сообщалось: «Ровно пятнадцать лет назад в Великую пятницу [1972] [Георг Штейн] убедил жену сделать ритуальные надрезы у него на животе при помощи анатомического скальпеля. В Великую пятницу 1982 года он вновь попросил ее об этом». В обоих случаях Георг Штейн вызывал полицию и заявлял, что на него напали вооруженные ножом люди в масках, требовавшие раскрыть тайну Янтарной комнаты. Он сочинял все эти истории — после того, как заставлял жену исполнять садомазохистский ритуал.

В 1987 году, когда Штейн впервые попал в больницу с ножевыми ранениями (его нашли в лесу в окрестностях Гамбурга), была Великая пятница. Три месяца спустя его нашли в лесу под Штарнбергом — истекающим кровью и с аналогичными повреждениями. Раны на трупe Георга Штейна, умершего от потери крови 20 августа 1987 года, располагались точно таким же образом. Все это были мазохистские манипуляции.

Штейн был склонен к навязчивым состояниям, легко поддавался внушению, и им было легко манипулировать. Поначалу Штейн добился успеха, обнаружив иконы из Пскова. Но затем он стал проявлять небрежность. Даже агент Штази Пауль Энке предупреждал о ненадежности Штейна, о его склонности подделывать документы нацистов. Один из лечивших Штейна врачей осознал эти качества личности пациента слишком поздно. Всего за пять дней до смерти Штейна он признавался сво-

ему коллеге, что в данном случае он действовал недостаточно профессионально»¹.

Георг Штейн превратил свою жизнь в настоящую драму и, умерев от потери крови посреди буковой рощи, он навеки связал свое имя с загадкой Янтарной комнаты, которую ему так и не удалось разрешить. Выбрав ритуальное самоубийство посредством испарывания живота (древние японские воины называли этот акт «сепуку»), Штейн нашел достойную альтернативу поражению и позору.

Однако эта правда, — как и многое другое, что окружало Янтарную комнату, — намеренно замалчивалась, и возникший вакуум заполнился ложью. Российское правительство и музейные работники продолжают представлять Георга Штейна как «немецкого ученого», чьи достойные похвалы поиски Янтарной комнаты были «прерваны трагической гибелью». Русские и немецкие газеты продолжают распространять версию о том, что Штейн был убит, и рассуждают о наемных убийцах, которым заплатили либо фашисты, либо фанатики «холодной войны». Все это способствует сохранению необоснованного, но тем не менее широко распространенного мнения, что Янтарная комната была украдена и спрятана членами нацистского подполья, которые уничтожают всех, кто пытается разыскать ее.

Некоторые газеты, печатающие подобные теории, продолжают финансировать дорогостоящие поиски Янтарной комнаты. Летом 2003 года поисковые группы из Гамбурга пробовали найти подтверждение истории Руди Рингеля в Калининграде, пытаясь определить тайник, известный под кодовым названием BSCN. Другие вели раскопки в фортификационных сооружениях Кенигсберга и подвалах замка под «Монстром». В Саксонии две соперничающие экспедиции одновременно, но с разных концов, проникли в заброшенную серебряную копи. Мэр Дойчендорфа Хайнц-Петер Хаустейн копал с немецкой стороны, а предприниматель из Майами Гельмут Ганзель двигался от чешской деревни Штеховице. В виртуальных туннелях и замках Интернета создатели сайтов продолжают раскручивать историю Янтарной комнаты. Недавно мы получили электронное послание с вебсайта, который спонсирует поиски Янтарной комнаты в Тюрингии. В письме содержался призыв делать пожерт-

вования, а также утверждения о важных находках, которые позволяют через месяц или два определить местонахождение Янтарной комнаты.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении доказательства не оставляют никаких сомнений относительно судьбы Янтарной комнаты. На кадрах советской кинохроники, снятой внутри Кенигсбергского замка сразу же после взятия города 9 апреля 1945 года, прекрасно видно, что некоторые помещения замка остались неповрежденными. Немцы, прятавшиеся внутри замка, рассказали допрашивавшим их советским следователям, что в момент капитуляции вечером 9 апреля, а также утром 10 апреля 1945 года замок еще не был сожжен дотла. Когда 31 мая в Кенигсберг прибыли первые официальные следователи, они сообщили, что замок превратился в обугленные руины, а городские склады разорены. В июне 1945 года профессор Александр Брюсов писал в своем дневнике, что многие тайники и хранилища, тщательно отобранные директором музея Кенигсбергского замка, были затоплены, сожжены или опустошены. Пожары и грабежи начались уже после того, как немцы сдали город.

Нам известно, что официальным властям было доложено об этом факте, а также о мнении профессора Брюсова, который полагал, что Янтарная комната и многие другие ценности были уничтожены в период с 9 по 11 апреля 1945 года. Выводы Брюсова были засекречены и замалчивались более пятидесяти лет, а вместо них ленинградский музейный работник Анатолий Кучумов, возглавлявший кампанию по дискредитации Брюсова, выдвинул довольно шаткую версию, успех которой объясняется тем, что никто не стал ее тщательно анализировать.

Известный куратор боялся, что его неспособность демонтировать комнату летом 1941 года будет расценена как небрежность. Его защитная реакция как нельзя лучше соответствовала интересам Родины: союзники по антигитлеровской коалиции обвиняли Красную Армию в вандализме, а музеи оказались переполненными похищенными в Германии ценностями. Так родилась великая ложь, поддерживавшая убеждение советских людей, а также их сторонников в Европе и Америке, что Восток стал жертвой клеветы со стороны Запада.

Версия о том, что нацисты спрятали Янтарную комнату, получила поддержку Совета министров, высшего органа исполнительной власти Советского Союза. Люди были не настолько глупы, чтобы противоречить властям. Янтарная комната превратилась в символ страданий советского народа.

Мир всегда будет помнить битву под Сталинградом, 900 дней блокады Ленинграда, уничтожение советских городов, поселков и деревень, а также невиданные потери Красной Армии во время Второй мировой войны. Но история не бывает однозначной, и советское государство было не только жертвой агрессии со стороны Германии, но и победителем. Советские солдаты, видевшие свою страну разоренной, униженной и разграбленной, жаждали мщения.

В истории об исчезновении Янтарной комнаты не так много крупниц правды, и их символом могут служить 28 небольших кусочков янтаря, отколовшихся от панелей задолго до Второй мировой войны. Сегодня эти фрагменты хранятся в запасниках Екатерининского дворца, наклеенные на лист картона. Это все, что осталось от российской мечты.

Последние сохранившиеся фрагменты Янтарной комнаты

Примечания

Введение

- ¹ Документы об эвакуации дворцов Ленинграда исследовала Сюзанна Масси. См. Susanne Massie, «Pavlovsk», Holder and Stoughton, London, 1990.
- ² См. Theophile Gautier, «Voyage en Russie», Paris, 1866.
- ³ Часть комнат Екатерининского дворца была преобразована в музей еще в 1918 году.
- ⁴ Свидетельства Ганса Хундсдорфера, служившего в 6-й танковой дивизии, представлены в книге Пауля Энке «Bernsteinzimmer Report», Восточный Берлин, 1986, стр. 15—16.
- ⁵ См. примечания к главе 2, список файлов в Национальном архиве Великобритании, Кью, Суррей.

Глава 1

- ¹ Вера Лемус, «Дворцы и парки Пушкина», Аврора. Ленинград, 1984.
- ² Там же.
- ³ Алексей Толстой начал трилогию «Хождение по мукам» в 1922 году, а английский перевод появился в 1946 году в издательстве Альфреда Кнопфа, Нью-Йорк.
- ⁴ Впоследствии мы нашли доклад с критикой плана эвакуации 1936 года, составленный Станиславом Трончинским. См. архив Кучумова, Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), 468, часть 1, папка 108.
- ⁵ Анна Ахматова, «Подорожник», Петрополис, Петроград, 1921. В этом году был арестован и расстрелян муж Ахматовой Николай Гумилев.
- ⁶ Geraldine Norman, «The Hermitage», Jonathan Cape, London, 1977.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Оригинальную версию этого документа мы нашли в архиве Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 108.
- ⁹ Впоследствии мы нашли вариант этого доклада, составленный Станиславом Трончинским. См. архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 108.
- ¹⁰ О семье Шлютера и его детских годах известно очень мало; самые подробные сведения содержатся в работе Хайнца Ладендорфа, «Der Bildhauer und Blaumeister Andreas Schluter», Deitcher Verein fur Kunstwissenschaft, Berlin, 1935.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Уинфрид и Ильзе Байер, «Charlottenburg Palace, Berlin», Foundation Paribus, Paris, 1995. Письмо написано 12 ноября 1701 года.
- ¹³ Дж. М. де Наварро, «Prehistoric Routes Between Northern Europe and Italy

- Defined by the Amber Trade», *Geographical Journal*, том LXVI, № 6, Лондон, декабрь 1925.
- ¹⁴ А. М. Кучумов и М. Г. Воронов, «Янтарная комната». Художник РСФСР, Ленинград, 1989.
- ¹⁵ Арнольд Шпекке, «The Ancient Amber Routes and the Geographical Discovery of the Baltic», M. Goppers, Stockholm, 1957.
- ¹⁶ Хелен Франке, «Amber», Butterworth, London, 1987.
- ¹⁷ Байер, «Charlottenburg Palace».
- ¹⁸ Франке, «Amber». См. также Джордж и Роберта Пойнар, «The Quest for Life in the Amber», Addison & Wesley Publishing, New York, 1994.
- ¹⁹ А. М. Кучумов и М. Г. Воронов, «Янтарная комната».
- ²⁰ Бенсон Мейтс, «The Philosophy of Leibniz», OUP, New York, 1986, стр. 26—27.
- ²¹ Хайнц Ладендорф, «Der Bildhauer und Blaumeister Andreas Schluter».
- ²² А. М. Кучумов и М. Г. Воронов, «Янтарная комната».
- ²³ Там же.
- ²⁴ Дневник Петра Великого, часть вторая, Библиотека Эрмитажа, Санкт-Петербург, 1772.
- ²⁵ А. М. Кучумов и М. Г. Воронов, «Янтарная комната». Один талер эквивалентен примерно унции (23—24 г) серебра.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ «Янтарная комната дворца в Царском Селе», *Русский вестник*, ноябрь 1877, том 132, стр. 391.
- ²⁸ «Письма русских царей», Библиотека Эрмитажа, Москва, 1861, стр. 5.
- ²⁹ М. П. Пуцилло, «Начало дружбы между Россией и Пруссией: русские великаны на прусской службе, 1711—1746», *Русский вестник*, март 1878, том 134, стр. 376—392.
- ³⁰ Там же, стр. 391.
- ³¹ Там же.
- ³² Российский государственный архив древних актов (РГАДА), собрание 11, каталог 53, файл 1, стр. 9.
- ³³ РГАДА, собрание 9, каталог 33, файл 103.
- ³⁴ РГАДА, собрание 2, каталог 34, файл 417, стр. 404.
- ³⁵ О. Н. Кузнецова «Летний сад и Летний домик Петра I», Ленинград, 1988, стр. 22—24.
- ³⁶ Каламбур, основанный на значении слов «правда» и «известия».

Глава 2

- ¹ Интервью авторов с профессором Ленинградского университета.
- ² Личности Петербурга, www.ceo.spb.ru.
- ³ В. Телемаков, «Тайны спасения музейных ценностей», неопубликованная рукопись, 1986.
- ⁴ Национальный архив Великобритании: HW/5/29, Commander Saunders, 9 September, 1941.
- ⁵ PRO: CX/MSS/237, Commander Saunders, 13 September, 1941.
- ⁶ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 108, содержит аналогичное свидетельство куратора Поповой.
- ⁷ Энтони Бивор, «Berlin: The Downfall 1945», Viking, London, 2002.
- ⁸ У. Брюс Линкольн, «Sunlight at Midnight», Basic Books, New York, 2000.
- ⁹ Анна Ахматова, «Подорожник», Петроград, 1921.
- ¹⁰ В. Телемаков «Тайны спасения музейных ценностей».
- ¹¹ Хелен Данмор, «The Siege», London, 2001.

- ¹² Линкольн, «Sunlight at Midnight».
- ¹³ РГАДА, собрание 467, каталог 2 (73/87), файл 87b, стр. 523—4.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Примерно 100 унций серебра.
- ¹⁶ РГАДА, собрание 470, каталог 6, файл 30, стр. 18, 19 и 32.
- ¹⁷ РГАДА, собрание 470, каталог 1 (82/516), файл 9, стр. 1 (1746).
- ¹⁸ Анри Труайя, «Грозная императрица», Phoenix Press, London, 2000.
- ¹⁹ Там же. См. также Лоуренс Келли «St Petersburg: a Travellers' Companion», Constable, London, 1998.
- ²⁰ А.М. Кучумов и М.Г. Воронов, «Янтарная комната». Художник РСФСР, Ленинград, 1989.
- ²¹ Теофиль Готье, «Путешествие в Россию», Paris, 1866.
- ²² Показания доктора Нормана Пауля Форстера в Нюрнберге, 14 февраля 1946.
- ²³ Архив автора.
- ²⁴ Неопубликованные письма Анатолия Кучумова, архив автора. Другие письма см. Susanne Massie, «Pavlovsk», Holder and Stoughton, London, 1990.

Глава 3

- ¹ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 108.
- ² Собрание писем Горького, в том числе несколько писем Сталину, находится в советском архиве Библиотеки Конгресса. Факсимиле данного письма можно также найти на сайте www.ibiblio.org/pjones/russian/outline.html
- ³ У. Дерхем, «The Philosophical Experiments and Observations of the late Eminent Dr Robert Hooke», London, 1726, стр. 315.
- ⁴ Адам Бременский, цит. по А. Шнекке «The Ancient Amber Routes and the Geographical Discovery of the Baltic», M. Goppers, Stockholm, 1957.
- ⁵ Дж. М. де Наварро, «Prehistoric Routes Between Northern Europe and Italy Defined by the Amber Trade», Geographical Journal, том LXVI, № 6, Лондон, декабрь 1925.
- ⁶ Олаус Магнус, «Carta Marina», Venice, 1539. См. также Олаус Магнус «De Centibus Septentrionalibus», Rome, 1555.
- ⁷ Ф.Я. Хартманн, «Succini Prussici, physica et civilis historia», Frankfurt, 1677, приложение 1, перевод на немецкий рассказа Симони Грюнови (*Simonis Grunovii*), озаглавленного «Янтарь и его источники».
- ⁸ Готгард Трейчке, «Origins of Prussianism: The Teutonic Knights», G. Allen and Unwin, London, 1942.
- ⁹ Центральный государственный архив в Москве, собрание 8, том 639, файл 2.
- ¹⁰ Энтони Бивор, «Berlin: The Downfall 1945», Viking, London, 2002.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Пауль Энке, «Bernsteinzimmer Report», Die Wirtschaft, East Berlin, 1986.
- ¹⁵ Файлы Национального архива в Вашингтоне: OSS Art, US Assets. XX 8775—6.

Глава 4

- ¹ Анри Труайя, «Грозная императрица», Phoenix Press, London, 2000.
- ² Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 119.
- ³ Там же.

- 4 Там же.
- 5 Перевод на русский язык писем Альфреда Роде хранится в архиве Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 119, стр. 39—47.
- 6 В письме имеется ссылка: «323 I-5».
- 7 В. Телемаков, «Тайны спасения музейных ценностей», неопубликованная рукопись, 1986.
- 8 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 122.
- 9 В. Телемаков, «Тайны спасения музейных ценностей».
- 10 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 48.
- 11 Там же.
- 12 В. Телемаков, «Тайны спасения музейных ценностей».
- 13 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 48.
- 14 Генрих Гиммлер планировал создать армию «оборотней», которые бы вели партизанскую войну с секретных баз в Баварии и Австрийских Альпах.
- 15 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 48.
- 16 Альфред Роде, «Bernstein ein Deutscher Werkstoff», Denkmaler Deutscher Kunst, Berlin, 1937.
- 17 Альфред Роде, «Monatsschrift für Freunde und Summler der Kunst», Pantheon, том XXIX, F. Bruckmann, Munich, июль—декабрь 1942.
- 18 В. Телемаков, «Тайны спасения музейных ценностей».
- 19 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 48.

Глава 5

- 1 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 253.
- 2 Эдвард Радзинский, «Сталин», Anchor Books, New York, 1996.
- 3 Там же.
- 4 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 108.
- 5 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 119.
- 6 Там же.
- 7 В. Телемаков, «Тайны спасения музейных ценностей», неопубликованная рукопись, 1986.
- 8 Константин Акинша и Григорий Козлов, «Украденные сокровища», Wiedenfeld & Nicolson, London, 1995.
- 9 Там же.
- 10 В. Телемаков, «Тайны спасения музейных ценностей».
- 11 Там же.
- 12 Эдвард Радзинский, «Сталин».
- 13 Эта история рассказана авторам профессором Санкт-Петербургского университета.
- 14 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 121.
- 15 Архив авторов.

Глава 6

- 1 Цитируется по Дж. О. Келер, Штази, Westview Press, Colorado, 1999.
- 2 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 119, стр. 15—23.
- 3 Эдвард Радзинский, «Сталин», Anchor Books, New York, 1996.
- 4 См. также Гельмут Мюллер-Энбергс, «Wer war Wer in der DDR?», Christopher Links Verlag, Berlin, 2000.
- 5 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 119, стр. 15—23.
- 6 Там же.

- 7 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 48.
- 8 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 48, стр. 1.
- 9 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 120, стр. 22—23.

Глава 7

- 1 Александра Хилдебрандт, «The Wall» Verlag Haus am Checkpoint Charlie, Berlin, 2002.
- 2 Материалы предоставлены Forschungs und Gedenkstätte Normannenstrasse, Berlin.
- 3 Дополнительную информацию об истории и структуре Штази можно найти в Дж. О. Келер, Штази, Westview Press, Colorado, 1999 и Тимоти Гартон Эш, «The File», Flamingo, London, 1997.
- 4 Новости ВВС, март 2002.
- 5 Центральный архив при Федеральном уполномоченном по документам Министерства госбезопасности ГДР (BStU), AV14/79.
- 6 Гельмут Мюллер-Энбергс, «Wer war Wer in der DDR?», Christopher Links Verlag, Berlin, 2000.
- 7 Там же. Дополнительную информацию об архивных исследованиях Штрауса и поисках в Саксонии можно найти в книге Пауля Энке, «Bernsteinzimmer Report», Die Wirtschaft, East Berlin, 1986.
- 8 Интервью Графе, «Спасенные шедевры», Советский Художник, Москва, 1977.
- 9 Также цитируется в книге Пауля Энке, «Bernsteinzimmer Report».
- 10 Там же.
- 11 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 45.
- 12 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 123.
- 13 Сефтон Делмар, «Trial Sinister and Black Boomerang», Viking, New York, 1961 и 1962.

Глава 8

- 1 BStU, KSII404/82, стр. 1—17, датировано 1 октября 1964.
- 2 Шмальфус был директором 2-го департамента Штази.
- 3 BStU, KSII404/82, стр. 1—17.
- 4 BStU, KSII404/82, стр. 23, рапорт от 23 октября 1950.
- 5 BStU, KSII404/82, стр. 26—7, рапорт от полковника Густина.
- 6 Там же.
- 7 BStU, AV14/79, а также цитируется в книге Пауля Энке, «Bernsteinzimmer Report», Die Wirtschaft, East Berlin, 1986.
- 8 BStU, 915 MfS Sekretariat d. Ministers.
- 9 Датировано 24 июня 1941.
- 10 Энке, «Bernsteinzimmer Report».
- 11 См. BStU, AV14/79; Энке, «Bernsteinzimmer Report» и Дж. Петропулос «Art as Politics in the Third Reich», University of North Carolina Press, 1996.
- 12 Энке, «Bernsteinzimmer Report», стр. 55—7.
- 13 Там же.
- 14 BStU, 915 MfS Sekretariat d. Ministers.
- 15 Подробнее об отношении Розенберга к искусству можно прочитать в книге Дж. Петропулоса «Art as Politics in the Third Reich», а также в файлах Национального архива «Досье Альфреда Розенберга», WO 208/44 94.
- 16 Октябрь, 1946.

- 17 Там же.
- 18 BStU, 915 MfS Sekretariat d. Ministers и Энке, «Bernsteinzimmer Report», стр. 139.
- 19 Письмо датировано 22 сентября 1962 года.
- 20 BStU, KSII404/82, стр. 146—9. Шлип служил в департаменте HA VII.
- 21 BStU, KSII404/82, стр. 35—6.
- 22 Более подробно см. Forschungs und Gedenkstätte Normannenstrasse, Berlin.
- 23 Затем Энке служил в департаменте HA VII.
- 24 BStU, KSII404/82, стр. 285.
- 25 Там же, стр. 66—70.
- 26 Альфред Роде, «Monatsschrift für Freunde und Summler der Kunst», Pantheon, том XXIX, F. Bruckmann, Munich, июль—декабрь 1942.
- 27 Энке, «Bernsteinzimmer Report», стр. 55—7.
- 28 Подробности эвакуации Кенигсберга представлены в книге Пауля Энке, «Bernsteinzimmer Report» и Энтони Бивора, «Berlin: The Downfall 1945», Viking, London, 2002.
- 29 Более подробная информация о движении войск и гражданского населения, а также эвакуации тел Гинденбургов представлена в книге Пауля Энке, «Bernsteinzimmer Report», стр. 109—115.
- 30 BStU, AV14/79.
- 31 Дж. О. Келер, Штази, Westview Press, Colorado, 1999.
- 32 Д. Льюис «The Lexicon of the Stasi: Language in the Service of the State», University of the Exeter, Europa Magazine, том III, · 1, 1999.
- 33 BStU, файл Нейбера 381, стр. 1—18.

Глава 9

- 1 Дж. О. Келер, Штази, Westview Press, Colorado, 1999.
- 2 Сейферт рассказал об этом Гюнтеру Вермушу, когда они работали вместе.
- 3 Жалоба была направлена сэру Брайану Робертсону, главнокомандующему британским сектором Берлина. Этот документ, а также информации об аресте и заключении в тюрьму Коха содержатся в Национальном архиве Великобритании, FO 341.
- 4 Краткое письмо властей Советского Союза датировано 11 июня 1949 года.
- 5 Победоносов был председателем Ленинградского комитета государственной инспекции землепользования. См. архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, а также архив Авенира Овсянова, Калининград.
- 6 BStU, AV14/79, том 28.
- 7 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 119.
- 8 Там же, стр. 4—9.
- 9 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 123, интервью Владимира Орловского для «Zsyzsze Warszawy».
- 10 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 123, вырезка датирована 20 октября 1961.
- 11 Тюрьма, в которой содержался Кох, находилась в окрестностях деревни Барчиково, неподалеку от северного польского города Ольштын.
- 12 Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 123.
- 13 Там же.
- 14 BStU, AV14/79, том 1, стр. 365—70.
- 15 Результаты этой поездки представлены в книге Пауля Энке, «Bernsteinzimmer Report», Die Wirtschaft, East Berlin, 1986.
- 16 Там же.
- 17 Там же. См. также BStU, AV14/79, том 1.

- ¹⁸ BStU, AV14/79, том 1, стр. 362—3.
¹⁹ Энке, «Bernsteinzimmer Report».
²⁰ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 121, стр. 6—7.
²¹ BStU, AV14/79, том 29, стр. 322—89.
²² Энке, «Bernsteinzimmer Report» и BStU, AV14/79, том 1, стр. 365—70.
²³ Там же, стр. 360—4.
²⁴ Там же, стр. 356.
²⁵ Там же, стр. 357—8.
²⁶ Там же, стр. 360—4.
²⁷ Там же, стр. 322—89.

Глава 10

- ¹ Кобургер был директором департамента НА VIII (наблюдений и расследований), а Бухнер — директором департамента НА VII (безопасности в министерстве внутренних дел, или народной полиции).
² Документы, связанные с карьерой Энке, хранятся в BStU, KSII 404/82 и AV14/79, том 1, стр. 7—11.
³ Составлено полицейским полковником Густином — см. BStU, KSII 404/82, стр. 26—7.
⁴ Составлено майором Шмальфусом — см. BStU, KSII 404/82, стр. 1—17.
⁵ BStU, AV14/79, том 1, стр. 7—8.
⁶ Там же, стр. 7.
⁷ Там же, стр. 5—12.
⁸ Там же.
⁹ BStU, AV14/79, том 28, стр. 92.
¹⁰ BStU, KSII 404/82, стр. 285 и файл Нейбера 386, стр. 180.
¹¹ BStU, файл Нейбера 386, стр. 40—7.
¹² BStU, AV14/79, том 1, стр. 360—4.
¹³ BStU, файл Нейбера 386, стр. 40—7.
¹⁴ Генерал-майор Фистер, директор департамента НА IX (расследований) писал директору департамента НА XX (борьба с диссидентами, культура, церковь, андеграунд) — см. BStU, AV14/79, том 1, стр. 335—6.
¹⁵ Там же, стр. 132—4.
¹⁶ Заместитель директора Главного департамента расследований писал товарищу Волкову, начальнику отдела расследований КГБ — см. BStU, AV14/79, том 1, стр. 90—113.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же, стр. 114—29.
¹⁹ Там же, стр. 132—4.
²⁰ Там же, стр. 130—31.
²¹ Подполковник писал в Магдебург в 1983 — см. там же, стр. 183—6.
²² BStU, AV14/79, том 28, стр. 34, составлено капитаном Рудольфом.
²³ Информация о Штейне получена из интервью с Робертом Штейном, книги Пауля Энке «Bernsteinzimmer Report» и BStU, AV14/79.
²⁴ Дж. А. Бастерд, «The Treasure in the salt Mine», Army Magazine, USA, март 1997.
²⁵ Письмо датировано 5 марта 1949, цитируется по «Spoils of War Returned» Патрисии Кристед, Prologue, том 34, · 3, Вашингтон, осень 2002.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. Получателем письма был директор, Томас Грошовняк. См. также архив Гюнтера Вермуша, Берлин.

- 28 Там же. Письмо датировано 2 мая 1955.
 29 См. Энке, «Bernsteinzimmer Report».
 30 Там же.
 31 BStU, AV14/79, том 28, стр. 37.
 32 Там же.
 33 Там же.
 34 См. Энке, «Bernsteinzimmer Report».
 35 Архив тете Бодгер, Геттинген.
 36 Там же.
 37 BStU, файл Нейбера 386, стр. 40—7.
 38 См. Энке, «Bernsteinzimmer Report».
 39 Там же.
 40 BStU, файл Нейбера 386, стр. 56—9.
 41 BStU, AV14/79, том 3, стр. 281—9.
 42 С краткой биографией Семенова можно ознакомиться на сайте www.sovlit.com
 43 BStU, файл Нейбера 386, стр. 10—12.
 44 Там же, стр. 100—104.
 45 Мильке указывал это в анкете при вступлении в коммунистическую партию в 1945. См. Дж. О. Келер, Штази, Westview Press, Colorado, 1999.
 46 Там же.
 47 Там же, стр. 75.
 48 Письмо было написано в 1988 году: BStU, файл Нейбера 381, стр. 49—51.
 49 Там же, стр. 45—8.
 50 Там же.
 51 BStU, файл Нейбера 409, стр. 129—30.
 52 См. Энке, «Bernsteinzimmer Report».
 53 BStU, AV14/79, том 30.
 54 BStU, файл Нейбера 409, стр. 120—1.
 55 BStU, файл Нейбера 381, стр. 61.
 56 Э. Видеманн, «New traces in the Search for the Amber Room», Der Spiegel, 2001.
 57 BStU, файл Нейбера 409.
 58 Советское коммюнике было озаглавлено: «Мероприятия по поиску Янтарной комнаты», см. BStU, файл Нейбера 381, стр. 72.

Глава 11

- 1 BStU, файл Нейбера 386, стр. 40—7.
 2 Все следующие документы из архива барона Эдуарда фон Фальц-Фейна или из личного архива Гюнтера Вермуша.
 3 См. рапорт комиссара полиции из Ингольштадта, K1-1380-1230-7/ 8.
 4 BStU, файл Нейбера 381, стр. 65—9.
 5 BStU, файл Нейбера 386, стр. 142—52.
 6 «Известия». 15 мая 1988 г. См. также BStU, файл Нейбера 381, стр. 65—9.
 7 BStU, файл Нейбера 386, стр. 40—7.
 8 См. документальный фильм «Bernsteinzimmer», MPR Film and Fernseh Produktion, продюсер и режиссер Морис Филипп Реми, Мюнхен, 1987.
 9 Письмо от Герберта Мюллера к Энке через «Wochenpost», 2 января 1988 — личный архив Вермуша.
 10 Герхард Шротер, письмо Вольфгангу Мертину и Гюнтеру Вермушу, 1 ноября 1988. См. личный архив Вермуша.

- ¹¹ BStU, файл Нейбера 381, стр. 45—8.
- ¹² BStU, файл Нейбера 381. Копии писем находятся также в личном архиве Вермуша.
- ¹³ 12 мая 1988. См. BStU, файл Нейбера 381, стр. 74.
- ¹⁴ BStU, файл Нейбера 381, стр. 73.
- ¹⁵ BStU, файл Нейбера 381, стр. 49—51.

Глава 12

- ¹ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 121.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
- ³ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 123.
- ⁴ Директива 526-R. См. архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1; личный архив Авенира Овсянова, Калининград и Авенир Овсянов, «В лабиринтах шахты «Анна», Янтарный сказ, Калининград, 2001.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 123.
- ⁸ ГАРФ.
- ⁹ Директива 181-R от 13 мая 1969.
- ¹⁰ Приказ № 2599.
- ¹¹ Д.А. Волкогонов, «Семь вождей», том II, Новости, Москва, 1977.
- ¹² Личный архив Авенира Овсянова, Калининград.
- ¹³ Самое подробное описание принципов формирования деятельности трофейных бригад мы нашли в книге Константина Акинши и Григория Козлова «Украденные сокровища», Wiedenfeld & Nicolson, London, 1995.
- ¹⁴ См. также Овсянов, «В лабиринтах шахты «Анна».

Глава 13

- ¹ А.М. Кучумов и М.Г. Воронов, «Янтарная комната». Художник РСФСР, Ленинград, 1989.
- ² Номер газеты и поздравительные телеграммы хранятся в архиве Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 257.
- ³ Все письма Форса можно найти в архиве Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 121, стр. 13, 24, 29 и 34.
- ⁴ Все эти удостоверения можно найти в архиве Кучумова, ЦГАЛИ, 468, часть 1, файл 120, стр. 3, 6, 9, 10, 13, и 14.
- ⁵ Там же, стр. 11.
- ⁶ Согласно командировочному удостоверению номер 145-К от 2 марта, подписанному Стригановым, Кучумов направлялся из Москвы в Калининград сроком на 10 дней. В его задачу входило формирование комиссии по поиску Янтарной комнаты в соответствии с распоряжением Совета Министров Российской Федерации номер 526-R и приказом № 161 Министерства культуры.
- ⁷ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 120, стр. 14—19.
- ⁸ Там же, стр. 20.
- ⁹ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 119, стр. 37.
- ¹⁰ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 121, стр. 7—11.
- ¹¹ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 248.
- ¹² В Библиотеке Конгресса имеется информация о структуре партийных и государственных органов Советского Союза, а также данные переписи населения. См. <http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/sutoc.html>

- ¹³ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 61.
¹⁴ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 48, стр. 1—38.
¹⁵ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 119, стр. 35.
¹⁶ Архив Кучумова, ЦГАЛИ, 468, файл 119. См. также Авенир Овсянов, «В лабиринтах шахты «Анна», Янтарный сказ, Калининград, 2001.
¹⁷ Там же. См. также Авенир Овсянов, «В лабиринтах шахты «Анна».
¹⁸ «Spoils of War Returned» Патрисии Кристед, Prologue, том 34, № 3, Вашингтон, осень 2002.
¹⁹ Клаус Гольдман «The Treasure of the Berlin State Museums and its Allied Capture», International Journal of Cultural Property, том VII, № 2, 1988.
²⁰ Константин Акинша и Григорий Козлов, «Украденные сокровища», Wiedenfeld & Nicolson, London, 1995.
²¹ Там же, стр. 172—80.
²² «Ленинградская правда», 31 марта 1955.
²³ Акинша и Козлов, «Украденные сокровища», стр. 189—215.
²⁴ Выставка официально открылась 7 августа 1958 года.

Глава 14

- ¹ Историю Балдина можно найти в книге Константина Акинши и Григория Козлова «Украденные сокровища», Wiedenfeld & Nicolson, London, 1995.
² Там же, стр. 233—5.
³ См. Клаус Гольдман, «The Trojan Treasures in Berlin» в издании «The Spoils of War» под ред. Элизабет Симпсон, Harry N. Abrams, New York, 1997.
⁴ Статья была опубликована 5 марта 1995.
⁵ Полную версию см. Вольфганг Эйхведе, «Models of Restitution» в издании «The Spoils of War» под ред. Элизабет Симпсон.
⁶ Подробности переговоров см. в «Spoils of War Returned» Патрисии Кристед, Prologue, том 34, № 3, Вашингтон, осень 2002.
⁷ Статья была опубликована 7 мая 1997.
⁸ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Том I. Государственный музей-заповедник «Царское село». Екатерининский дворец. Кн. 1, Министерство культуры Российской Федерации, департамент культурного наследия, ИКАР инк., Санкт-Петербург, Россия, 199.
⁹ См. статью на сайте www.gazeta.ru от 14 марта 2003, а также статью Андрея Золотова в «St Petersburg Times» от 14 марта 2003.
¹⁰ См. статью в газете «Правда» от 17 марта 2003.
¹¹ См. «Никогда не читал написанную обо мне книгу», «Правда» от 8 апреля 2003.
¹² См. «Реконструкция Янтарной комнаты в Екатерининском дворце Царского Села завершена», «Правда», 13 мая 2003.
¹³ См. «Правда», 31 мая 2003.

Эпилог

- ¹ Письмо датировано 15 августа 1987 года и отправлено регистратору больницы в Гамбурге, который должен был наблюдать за Штейном после того, как он выпишется и вернется домой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Выражение признательности	5
Персоналии	8
Карты	13
Введение	19
Глава 1	26
Глава 2	54
Глава 3	88
Глава 4	113
Глава 5	143
Глава 6	165
Глава 7	191
Глава 8	218
Глава 9	244
Глава 10	276
Глава 11	307
Глава 12	336
Глава 13	360
Глава 14	386
Эпилог	402
Примечания	406

Кэтрин Скотт-Кларк, Эдриан Леви

ЯНТАРНАЯ КОМНАТА

Тайная история величайшей мистификации XX века

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.02.2006.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 7 000 экз. Заказ № 1700

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ПОЛНАЯ ДРАМАТИЗМА И ТАИНСТВЕННОСТИ ИСТОРИЯ
ЗНАМЕНИТОГО КАБИНЕТА ПЕТРА I — ВНОВЬ В ЦЕНТРЕ
ВНИМАНИЯ МИРОВОЙ ПРЕССЫ. АНГЛИЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛИ, ОПИРАЯСЬ НА НЕИЗВЕСТНЫЕ РАННЕ
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ,
УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО К ИСЧЕЗНОВЕНИЮ ЗНАМЕНИТОЙ
ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ МОГУТ БЫТЬ ПРИЧАСТНЫ СОВЕТСКИЕ
СОЛДАТЫ.

«ЭТО ОПАСНЕЙШЕЕ ЗАЯВЛЕНИЕ, НАПРАВЛЕННОЕ НА
ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ. ОНО НАПРАВЛЕННО НА
ДИСКРЕДИТАЦИЮ РОЛИ РОССИИ И КРАСНОЙ АРМИИ В
ПОБЕДЕ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ТАК МОЖНО
ДОГОВОРИТЬСЯ ДО ТОГО, ЧТО ГИТЛЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ БЫЛА
ЖЕРТВОЙ СОЮЗНИЧЕСКИХ ВОЙСК, В КОТОРЫЕ ВМЕСТЕ С
РОССИЕЙ ВХОДИЛИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ».

Михаил Швыдкой,

глава Федерального агентства по культуре и кинематографии

«ВОКРУГ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ СУЩЕСТВУЕТ МНОГО РАЗНЫХ
ТЕОРИЙ, И ЭТО ОДНА ИЗ НИХ. КАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ В
ПЕКЛЕ КЁНИГСБЕРГА, Я НЕ ЗНАЮ И ДУМАЮ, ЧТО
ПОКА В ЭТОМ НЕ РАЗОБРАТЬСЯ. МОГУ СКАЗАТЬ ТОЛЬКО ОДНО,
И ЭТО ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ: ВСЕ УНИЧТОЖЕНИЯ,
КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ, ЯВЛЯЮТСЯ ВИННОЙ
ТОГО, КТО ЭТУ ВОЙНУ НАЧАЛ. ЭТО КАСАЕТСЯ ВСЕГО: КТО
НАЧАЛ ВОЙНУ, ТОТ И ОТВЕЧАЕТ МОРАЛЬНО И ЮРИДИЧЕСКИ
ЗА ВСЕ ПОСЛЕДОВАВШИЕ РАЗРУШЕНИЯ. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О
ТОМ, КТО ВИНОВАТ В ДАННОМ СЛУЧАЕ, ТО СЛЕДУЕТ
ВСПОМНИТЬ, ЧТО ЯНТАРНУЮ КОМНАТУ ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА
УВЕЗЛИ НЕМЦЫ».

Михаил Пиотровский,

директор Государственного Эрмитажа

«ПОКА НЕ СУЩЕСТВУЕТ НИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, НИ
ОПРОВЕРЖЕНИЙ ЭТОЙ ВЕРСИИ, ПОЭТОМУ ВСЕ ОСТАЕТСЯ
ТОЛЬКО НА УРОВНЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ. ОДНАКО
ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ИСТОРИИ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ ЕЩЕ
ОДНОЙ ВЕРСИИ ЛИШЬ ПОДТВЕРЖДАЕТ ИНТЕРЕС К НЕЙ».

Татьяна Жаркова,

пресс-секретарь Государственного музея-заповедника «Царское Село»

ISBN 5-699-15609-7

9 785699 156092 >